ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТОМЪ I

2007051382

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ

А. Г. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

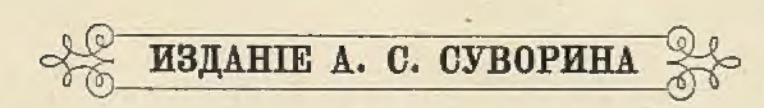
ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и МАТТЕ въ Парижѣ; КЕЗЕБЕРГА и ЭРТЕЛЯ въ Лейпцигѣ; КЛОССА и ХЕЛЬМА въ Штуттгартѣ; ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА и ВИНКЛЕРА въ Петербургѣ.

Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА**

ТОМЪ I

ЧАСТИ I, II и III



ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1882

ПАМЯТИ

Сергѣя Михайловича

СОЛОВЬЕВА

посвящаетъ

А. БРИКНЕРЪ

Отъ издателя.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ Россіи при Петрѣ Великомъ составляетъ, безспорно, одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашего отечества, а между тѣмъ въ нашей исторіографіи до сихъ поръ нѣтъ популярнаго, основаннаго на новѣйшихъ данныхъ и изслѣдованіяхъ сочиненія о царѣ-преобразователѣ.

Научная разработка исторіи Петра Великаго началась весьма недавно. Первымъ трудомъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ признать «Исторію царствованія Петра Великаго» Н. Г. Устрялова, появившуюся въ 1858 году. Къ сожалѣнію, сочиненіе Устрялова, важное по обилію находящагося въ немъ архивнаго матерьяла, осталось далеко не конченнымъ. Вскорѣ затѣмъ, съ 1863 года, начали выходить тѣ томы «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, въ которыхъ заключается царствованіе Петра Великаго. Монументальный трудъ Соловьева, во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнный, по своей обширности и документальности мало доступенъ обыкновенному читателю. Въ 1875 году было издано изслѣдованіе М. П. Погодина подъ заглавіемъ «Первыя семнадцать лѣтъ жизни Петра

Великаго». *Въ этомъ изслѣдованіи, отличающемся литературными достоинствами и критическими пріемами, разработана только часть исторіи Петра; продолженіе труда* Погодина *было прервано его кончиной.* «Біографія Петра Великаго», *написанная, въ 1876 году,* Н. И. Костомаровымъ *и вошедшая въ издаваемую имъ* «Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», *достойна вниманія, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера нашего даровитаго историка; но, предназначенная для сборника, издаваемаго по опредѣленному плану, она слишкомъ сжато очерчиваетъ предметъ.*

Въ 1879 году, за границей, въ изданіи берлинскаго книгопродавца Гроте «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen», *редактируемомъ профессоромъ* Онкеномъ *(въ Гиссенѣ), появилась обширная* монографія о Петрѣ Великомъ, *составленная профессоромъ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ* А. Г. Брикнеромъ, *труды котораго въ области русской исторіографіи XVIII столѣтія достаточно извѣстны по многимъ изслѣдованіямъ и статьямъ его, напечатаннымъ въ нашихъ журналахъ. Въ теченіи 1880 и 1881 годовъ, въ журналѣ* «Scribner's Monthly», *выходящемъ въ Нью-Іоркѣ, печаталась написанная* г. Скайлеромъ *и украшенная множествомъ рисунковъ* біографія Петра Великаго. *Сочиненіе* Скайлера, *весьма добросовѣстное и удовлетворительное для иностранцевъ, разумѣется, не представляетъ особеннаго значенія для русской публики. Рисунки въ немъ очень хороши, хотя и имѣютъ мало отношенія къ Петровской эпохѣ, касаясь болѣе новѣйшей Россіи и русскаго быта вообще.*

Такимъ образомъ, оказывается, что иностранцы опередили насъ въ популяризаціи исторіи величайшаго изъ русскихъ государей. Въ то время, какъ въ Россіи нѣтъ научно-популярной исторіи Петра Великаго, подобныя сочиненія не только появляются, но и выдерживаютъ нѣсколько изданій въ Англіи, Америкѣ и Германіи.

Въ виду столь существеннаго пробѣла въ нашей исторической литературѣ, я рѣшился предпринять такое изданіе исторіи Петра Великаго, *которое, при общедоступности изложенія, удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ и вмѣстѣ съ*

тѣмъ заключало въ себѣ, по возможности, всѣ достовѣрные рисунки, относящіеся къ Петровской эпохѣ.

Для осуществленія этой мысли, я обратился къ содѣйствію С. Н. Шубинскаго, *который любезно согласился принять въ свое завѣдываніе литературный и художественный отдѣлы.*

По нашей просьбѣ, профессоръ Брикнеръ *перевелъ на русскій языкъ и вновь проредактировалъ свое сочиненіе о Петрѣ Великомъ. Согласно намѣченному плану, авторъ, не придерживаясь строго хронологическаго порядка, раздѣлилъ свой трудъ на нѣсколько частей, или книгъ. Первыя двѣ посвящены исторіи развитія Петра до 1700 года, т. е. времени, такъ сказать, подготовленія его къ широкой дѣятельности преобразователя; въ третьей книгѣ изложена упорная борьба его съ сторонниками старины; предметомъ четвертой служитъ исторія внѣшней политики въ эпоху Петра; въ пятой помѣщена характеристика преобразованій въ области законодательства и администраціи; въ шестой очерчена личность Петра и указано значеніе нѣкоторыхъ его сотрудниковъ.*

Что касается рисунковъ, то изъ нихъ выбраны для настоящаго изданія только имѣющіе прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго и притомъ преимущественно сдѣланные въ его время. Портреты сподвижниковъ Петра воспроизведены съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ; виды городовъ, зданій, мѣстностей, костюмовъ, бытовыя сцены и проч., большею частью, съ оригиналовъ, современныхъ Петру. Изъ картинъ и рисунковъ новѣйшихъ художниковъ вошли лишь тѣ, которые исторически вѣрны эпохѣ. Сверхъ того, приложено нѣсколько факсимиле и два портрета Петра (Кнеллера и Моора), *воспроизведенные фото-литографскимъ способомъ въ художественномъ заведеніи* Ремлера и Іонаса *въ Дрезденѣ.*

Всѣ гравюры на деревѣ исполнены, по нашему заказу, Паннемакеромъ и Маттэ *въ Парижѣ;* Кезебергомъ и Эртелемъ, *въ Лейпцигѣ;* Клоссомъ и Хельмомъ, *въ Штутгартѣ;* Зубчаниновымъ, Рашевскимъ, Шлиперомъ и Винклеромъ, *въ Петербургѣ.*

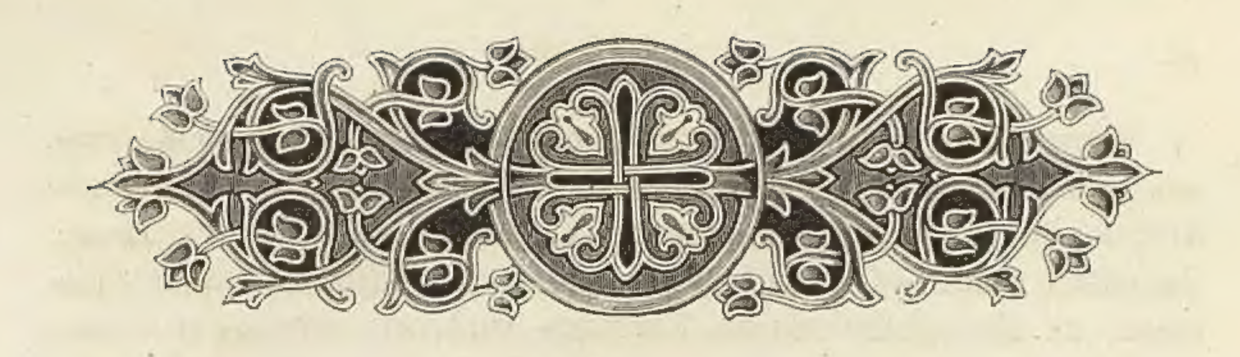
Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія рисованы художникомъ Пановымъ.

*

При выборѣ рисунковъ мы руководились указаніями и совѣтами нашихъ извѣстныхъ собирателей русскихъ гравюръ, П. Я. Дашкова и Д. А. Ровинскаго, *предоставившихъ въ наше распоряженіе свои богатыя собранія. Кромѣ того, намъ оказали въ этомъ отношеніи содѣйствіе:* А. Ѳ. Бычковъ, Н. П. Собко, Д. Ѳ. Кобеко *и профессоръ Оксфордскаго университета* Морфиль. *Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ выразить имъ нашу искреннюю признательность.*

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ оговорить, что, воспроизводя старинныя гравюры, мы ставили граверамъ въ непремѣнное условіе придерживаться, по возможности, факсимиле, сохраняя даже кажущіеся, при современномъ состояніи граверната искусства, недостатки подлинниковъ.

Всѣхъ гравюръ и другихъ рисунковъ въ настоящемъ изданіи около 250. Стараясь распредѣлять ихъ, насколько это было возможно, сообразно съ содержаніемъ текста, мы, разумѣется, въ иныхъ главахъ должны были помѣстить ихъ больше, а въ другихъ меньше.



Введеніе.

Историческое развитіе Россіи впродолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго.

Изученіе начала русской исторіи, наравнѣ съ изслѣдованіемъ происхожденія другихъ государствъ, представляетъ цѣлый рядъ этнографическихъ вопросовъ. Не легко опредѣлить точно происхожденіе и характеръ разнородныхъ элементовъ, встрѣчающихся на порогѣ русской исторіи. Зачатки государственной жизни, сперва въ Ладогѣ, затѣмъ въ Новгородѣ, немного позже въ Кіевѣ, относятся къ появленію и взаимодѣйствію различныхъ племенъ славянъ и варяговъ, финскихъ и тюрко-татарскихъ народовъ. Многія явленія этого самаго ранняго времени, несмотря на всѣ усилія ученыхъ, остаются неразгаданными; сюда должно отнести и вопросъ о варягахъ. Мы не беремся рѣшить: славянамъ или неславянамъ должно приписывать ту силу и смѣлость, ту воинственность и предпріимчивость, которыя обнаруживаются въ первое время исторіи Россіи въ большихъ походахъ къ берегамъ Волги и Каспійскаго моря и на Византію.

Какъ бы то ни было, но съ перваго мгновенія появленія славянъ на исторической сценѣ въ Россіи замѣтно болѣе или менѣе важное вліяніе на нихъ иностранныхъ, иноплеменныхъ элементовъ. Съ одной стороны, славяне смѣшиваются съ представителями Востока, съ находившимися въ близкомъ сосѣдствѣ степными варва-

Царица Евдокія Өеодоровна.

Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову. *(Образецъ гравюръ).*

рами, съ другой — они находятся подъ вліяніемъ западно-европейской культуры.

Особенно же сильнымъ было византійское вліяніе на развитіе Россіи. Византія стояла въ культурномъ отношеніи гораздо выше другихъ сосѣдей Россіи. Отъ Византіи Россія заимствовала религію и церковь. Однако не во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи было полезнымъ и плодотворнымъ. Византійскому вліянію должно приписать преобладаніе въ міросозерцаніи русскаго народа, въпродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, чрезмѣрно консервативныхъ воз-

зрѣній въ области вѣры, нравственности, умственнаго развитія. И о свѣтлыхъ и о мрачныхъ чертахъ византійскаго вліянія свидѣтельствуетъ «Домострой». Приходилось впослѣдствіи освобождаться отъ домостроевскихъ понятій, воззрѣній и пріемовъ общежитія. Византійскаго же происхожденія были и монашество въ Россіи, и аскетизмъ, находящійся въ самой тѣсной связи съ развитіемъ раскола.

Московская улица въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“, Олеарія. *(Образецъ гравюръ).*

Одновременно съ этимъ вліяніемъ Византіи на Россію, замѣтно стараніе римской церкви покорить Россію латинству. Попытки, сдѣланныя въ этомъ отношеніи при Даніилѣ Романовичѣ Галицкомъ, Александрѣ Невскомъ, Лжедимитріѣ, остались безуспѣшными; всѣ усилія, направленныя къ соединенію церквей, оказались тщетными. Съ одной стороны, въ этомъ заключалась выгода, съ другой въ такомъ уклоненіи отъ сближенія съ западною Европою представлялась опасность нѣкотораго застоя, китаизма. Отвергая преимущества западно-европейской цивилизаціи, изъ-за непріязни къ латинству, и пребывая неуклонно въ заимствованныхъ у средневѣковой Визан-

тіи пріемахъ общежитія, Россія легко могла лишиться участія въ результатахъ общечеловѣческаго развитія.

Къ этому злу присоединилось татарское иго. Россія сдѣлалась вассальнымъ государствомъ татарскаго Востока. Вліяніе татаръ оказалось сильнымъ, продолжительнымъ. Оно обнаруживалось въ области администраціи и государственнаго хозяйства, въ ратномъ дѣлѣ и въ судоустройствѣ, въ отношеніи къ разнымъ пріемамъ общежитія и домашняго быта. О мѣрѣ этого вліянія можно спорить, но самый фактъ и существенный вредъ его не подлежатъ сомнѣнію. Зато въ духовномъ отношеніи сохранилась полная независимость отъ татаръ, между тѣмъ какъ въ нравахъ и обычаяхъ обыденной жизни, въ усиленной склонности къ хищничеству, въ казачествѣ, въ ослабленіи чувства права, долга и обязанности, въ нравственной порчѣ чиновнаго люда, въ порабощеніи и униженіи женщины— нельзя не видѣть доказательствъ сильнаго и, главнымъ образомъ, неблагопріятнаго татарскаго вліянія.

Результатомъ совмѣстнаго вліянія Византіи и татаръ на Россію было отчужденіе ея отъ Запада впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, а между тѣмъ важнѣйшее условіе болѣе успѣшнаго историческаго развитія Россіи заключалось въ поворотѣ къ Западу, въ сближеніи съ Европою, въ солидарности съ народами, находящимися на болѣе высокой степени культуры и пользовавшимися болѣе благопріятными условіями для своего дальнѣйшаго развитія.

Первымъ и главнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было соединеніе Россіи въ одно цѣлое. Освобожденіе отъ татарскаго ига обусловливалось образованіемъ сильнаго политическаго центра — Московскаго государства. Представители послѣдняго приступили почти одновременно къ рѣшенію задачи возстановленія политической самостоятельности Россіи и къ принятію мѣръ для доставленія ей возможности участвовать въ общечеловѣческомъ прогрессѣ. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, успѣхи «собирателей русской земли» замѣчательны. Обозрѣвая цѣлый рядъ сѣверо-восточныхъ государей, начиная съ Андрея Боголюбскаго и до Ивана III, нельзя не замѣтить во всѣхъ необычайной стойкости воли, трезвости политическаго взгляда, сознанія нуждъ государства. Въ ихъ подвигахъ, въ стремленіи къ политическому единству, къ независимости, къ развитію монархическаго начала, имъ помогалъ народъ, собравшійся въ плотную силу вокругъ Москвы.

Послѣдовательность и цѣлесообразность дѣйствій московскихъ государей обнаруживались наиболѣе въ борьбѣ съ татарами на Волгѣ. Во что бы то ни стало нужно было взять Казань. Неда-

ромъ окончательный успѣхъ 1552 года произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Наравнѣ съ Мамаевымъ побоищемъ, взятіе Казани сдѣлалось любимымъ предметомъ народной поэзіи. Личность Ивана IV, не выказавшаго, впрочемъ, при этомъ случаѣ особеннаго мужества, благодаря этому событію и несмотря на слѣдующую затѣмъ эпоху террора, долго пользовалась нѣкоторою популярностью. Лѣтописцы говорятъ о его подвигѣ съ жаромъ стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ великому зрѣлищу Казани, обновляемой во имя Христа. Борьба между исламомъ и христіанскою вѣрою была въ полномъ разгарѣ. «Исчезла прелесть Магометова», говорилъ Иванъ народу, — «на ея мѣстѣ водруженъ святый крестъ». Послѣ многихъ вѣковъ униженія и страданія, возвратилось, наконецъ, счастливое время первыхъ князей-завоевателей. Недаромъ митрополитъ сравнивалъ Ивана съ Константиномъ Великимъ, съ Владиміромъ Святымъ, съ Александромъ Невскимъ, съ Димитріемъ Донскимъ; недаромъ жители степей и кибитокъ защищали Казань съ такимъ ожесточеніемъ; здѣсь средняя Азія подъ знаменемъ Магомета билась за послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя московскаго. До тѣхъ поръ, пока существовала Казань, дальнѣйшее движеніе славянской колонизаціи на востокъ не имѣло простора; со времени взятія Казани, европеизація Азіи могла считаться обезпеченною. Болѣе рѣзко, чѣмъ когда либо до этого, пробудилось чувство антагонизма между Россіею и исламомъ.

Тѣмъ важнѣе было именно въ то время, когда Россія, благодаря побѣдѣ, одержанной надъ Азіею, сдѣлалась болѣе доступною вліянію западной цивилизаціи, другое событіе, случившееся годъ спустя послѣ взятія Казани, — открытіе англичанами морскаго пути въ Бѣлое море. Пробираясь дальше и дальше по берегамъ Сѣвернаго океана, англійскіе мореплаватели, Уиллоуби и Ченселоръ, надѣялись доѣхать до Китая и Индіи. Первый погибъ жертвою этой полярной экспедиціи; второй очутился около устья Сѣверной Двины.

Этотъ фактъ составляетъ эпоху въ исторіи торговыхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ. Для Россіи такое географическое открытіе было самымъ важнымъ условіемъ сближенія съ Европою. Однако при этомъ случаѣ оказалось, что народы Запада гораздо болѣе стремились къ востоку, нежели русскіе къ западу. Русскимъ за нѣсколько десятилѣтій до Ченселорова путешествія была извѣстна дорога моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи. Этимъ путемъ ѣхали въ западную Европу русскіе дипломаты — Григорій Истома, въ 1496 г., а немного позже Василій Власьевъ и Дмит-

рій Герасимовъ. Несмотря на это, не ранѣе какъ послѣ прибытія англичанъ съ запада къ устью Двины, означенный путь сдѣлался весьма важнымъ для торговли. Англійскіе моряки, купцы, промышленники, пріѣзжавшіе въ большомъ числѣ въ Россію и отправлявшіеся черезъ Россію дальше въ направленіи къ Китаю, Индіи, Персіи и проч., сдѣлались полезными наставниками русскихъ. Впродолженіе полутора столѣтій, мѣсто около Двины, гдѣ англичане устроили свою главную контору, имѣло для сближенія Россіи

Графъ Ѳедоръ Матвеевичъ Апраксинъ.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей. *(Образецъ гравюръ).*

съ Западомъ то самое значеніе, какое впослѣдствіи получилъ Петербургъ.

Открытіемъ сѣвернаго пути въ Россію было главнымъ образомъ обезпечено дальнѣйшее сближеніе съ западною цивилизаціею. Пока, однако, сообщеніе съ Европою было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній другъ къ другу Польши и Московскаго государства.

Польша весьма долгое время на Западѣ считалась оплотомъ противъ враждебнаго Европѣ Востока. Къ послѣднему обыкновенно относили и Московское государство, о которомъ существовали такія же понятія, какія были распространены о Персіи или Абиссиніи, Китаѣ или Японіи. Польша, въ области цивилизаціи вообще

и ратнаго искусства въ особенности, стояла выше Россіи; къ тому же Польша, черезъ свои сношенія съ Римомъ и іезуитскимъ орденомъ на востокѣ, въ отношеніи къ Россіи занимала такое же мѣсто, какое на крайнемъ западѣ Европы занимала Испанія въ

Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“, Олеарія. *(Образецъ гравюръ).*

отношеніи къ Англіи. Одновременно съ сближеніемъ между Англіею и Россіею, Польша, располагая довольно значительными средствами по всему протяженію западной границы Московскаго государства, заслоняла Европу отъ Россіи.

Мало того, Россіи, только что вышедшей побѣдительницею изъ борьбы съ Азіею, грозила опасность лишиться вновь недавно пріобрѣтенной самостоятельности и превратиться въ польскую провинцію. Эту цѣль имѣли въ виду и фанатическіе представители католицизма въ Польшѣ, и нѣкоторые изъ польскихъ королей и вель-

можъ. Перевѣсъ Польши надъ Москвою обнаружился во время войны Стефана Баторія съ Иваномъ Грознымъ, а еще болѣе въ Смутное время. Впрочемъ, ожиданіе, что первый Лжедимитрій сдѣлается орудіемъ польскихъ интересовъ, оказалось лишеннымъ основанія. Тушинскій воръ былъ доступнѣе польскому вліянію; когда затѣмъ, послѣ сверженія съ престола царя Василія, полякамъ удалось принудить бояръ къ избранію въ московскіе цари королевича Владислава, можно было опасаться совершеннаго уничтоженія независимости Московскаго государства.

Тѣмъ не менѣе, Россія не сдѣлалась польскою провинціею. Спасеніе ея заключалось въ пробужденіи національнаго чувства и сознанія собственнаго достоинства, въ ненависти къ латинству, въ ожесточеніи противъ враговъ, безжалостно опустошавшихъ даже центральныя области Московскаго государства, въ преобладаніи здоровыхъ элементовъ въ народѣ, одержавшихъ верхъ надъ противо-общественными и противо-государственными элементами на югѣ и на юго-востокѣ Россіи.

Изгнаніе поляковъ изъ столицы, протестъ противъ всякихъ притязаній Польши на русскій престолъ, избраніе царя Михаила Θеодоровича, возстановленіе порядка послѣ долгаго времени неурядицы и безначалія — все это было геройскимъ подвигомъ народа, было не только спасеніемъ, но обновленіемъ государства, обезпеченіемъ его будущности.

Многаго, однако, еще недоставало для установленія мирныхъ и благопріятныхъ отношеній между Польшею и Россіею. Не ранѣе, какъ въ 1667 году, заключеніемъ мира въ Андрусовѣ, кончилась ожесточенная борьба, въ которой больше города — Смоленскъ, Кіевъ, наконецъ Малороссія, являлись яблокомъ раздора. Впродолженіе этого времени вполнѣ измѣнилось отношеніе силъ и средствъ обѣихъ державъ. Все болѣе и болѣе обнаруживался упадокъ Польши. Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству могло нѣкоторымъ образомъ считаться началомъ раздѣловъ Польши.

Во время этой ожесточенной и упорной борьбы, Россія оставалась отрѣзанною отъ западной Европы; по крайней мѣрѣ сообщеніе съ Западомъ прямымъ путемъ встрѣчало препятствія. Путь изъ Москвы въ западную Европу шелъ чрезъ Архангельскъ и вокругъ Норвегіи. Нельзя удивляться тому, что русскіе дипломаты, путешествовавшіе, напримѣръ, въ Италію, по нѣсколько мѣсяцевъ находились въ дорогѣ, подвергаясь страшнымъ опасностямъ.

Благодаря перевѣсу Швеціи, Россія оставалась долго отрѣзанною отъ береговъ Балтійскаго моря. Старанія Ивана IV, около по-

ловины XVI вѣка, и царя Алексѣя Михайловича, столѣтіемъ позже, завладѣть Прибалтійскимъ краемъ не имѣли успѣха. Недаромъ Густавъ Адольфъ, по случаю заключенія Столбовскаго договора, въ 1617 году, съ радостью говорилъ: «великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ безпокоили. Русскіе — опасные сосѣди; границы ихъ земли простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могутъ выставлять въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера— Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

Изъ всего этого видно, какое значеніе имѣли для Россіи возстановившіяся, наконецъ, мирныя сношенія съ Польшею. Обезпеченная со стороны Польши, Россія могла думать о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ набѣговъ татаръ, о наступательномъ движеніи къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Польша и Россія рѣшились вмѣстѣ дѣйствовать противъ татаръ и турокъ; Польша и Россія соединились немного позже и для борьбы противъ Швеціи. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ въ началѣ XVII вѣка положеніе Россіи было крайне опаснымъ, чуть не отчаяннымъ, во второй половинѣ того же столѣтія для нея открывались въ разныхъ направленіяхъ новые пути торговли, возбуждались богатыя надежды, рождалась новая политическая дѣятельность.

И не только въ политическомъ отношеніи миръ съ Польшею принесъ богатые результаты. Польша болѣе чѣмъ прежде могла сдѣлаться школою для Россіи. Отсюда можно было заимствовать вкусъ къ занятіямъ науками; изъ Польши и изъ Малороссіи, гдѣ академія служила разсадникомъ молодыхъ ученыхъ, русскіе вельможи выписывали для воспитанія своихъ дѣтей домашнихъ учителей и наставниковъ. Польскіе нравы, знаніе польскаго языка, знакомство съ латинскимъ языкомъ стали входить въ обычай въ нѣкоторыхъ кругахъ высшаго общества въ Московскомъ государствѣ; малороссійскіе богословы, учившіеся въ западной Европѣ, начали пріѣзжать въ Россію, гдѣ успѣшно соперничали съ греческими монахами и учеными, пріѣзжавшими изъ турецкихъ владѣній. Въ обла-

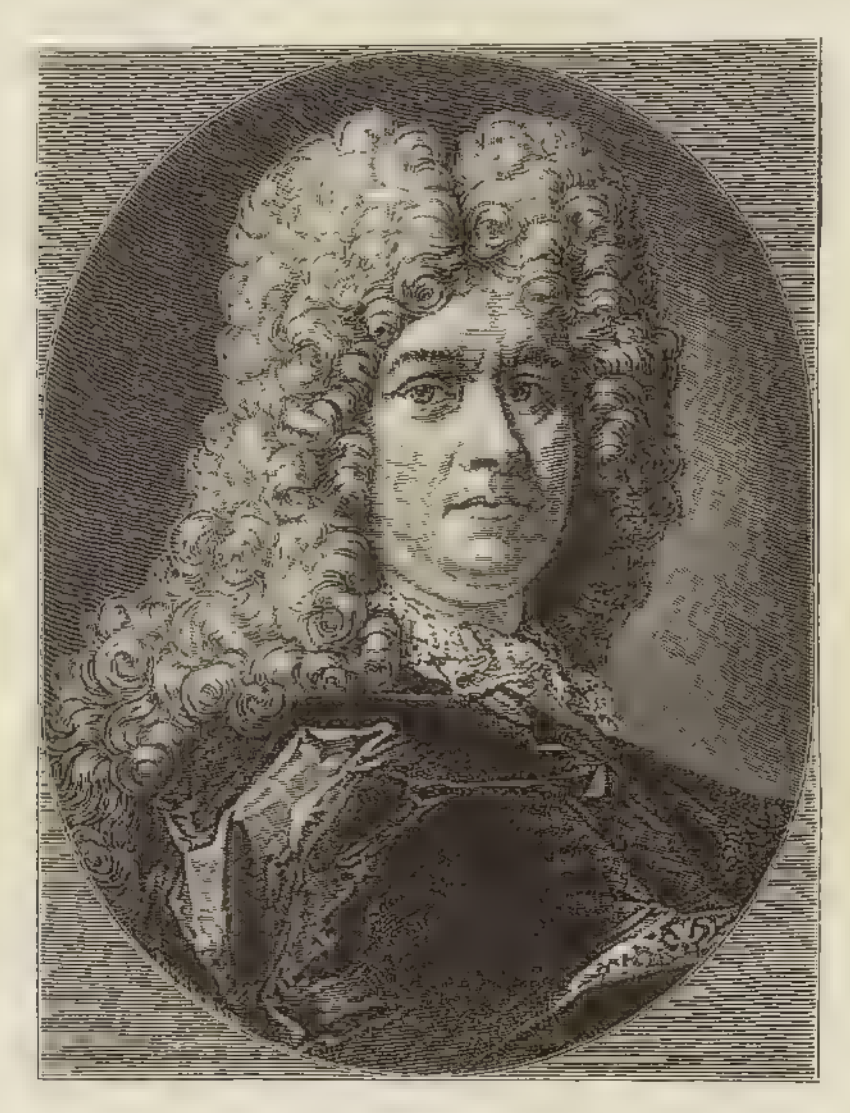
сти драматическаго искусства, музыки, литературы, дѣлалось замѣтнымъ польское вліяніе. Первые приверженцы западно-европейской цивилизаціи — Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ, А. С. Матвѣевъ, кн. В. В. Голицынъ — весьма многимъ были обязаны польскому вліянію. И первые государи царствующаго дома Романовыхъ находились подъ вліяніемъ польской культуры. Отецъ Михаила Θеодоровича, Филаретъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Польшѣ; Алексѣй Михайловичъ принималъ личное участіе въ войнахъ съ Польшею въ то

Видъ Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры. *(Образецъ гравюръ).*

время, когда русскія войска пребывали въ непріятельской странѣ; при дворѣ Θеодора Алексѣевича нѣкоторое время господствовали польскіе нравы и польскія моды. Петръ родился въ то время, когда уже завязалась борьба между стариною и новизною, между восточнымъ китаизмомъ и западно-европейскимъ космополитизмомъ, между ограниченностію исключительно національныхъ началъ и обще-гуманными воззрѣніями.

Одновременно съ развитіемъ готовности Россіи вступить въ сношенія съ Западомъ, усиливалось и вниманіе, обращаемое на Московское государство со стороны западной Европы.

До XVI вѣка на Западѣ почти ничего не знали о Россіи. Затѣмъ трудъ Герберштейна нѣкоторое время оставался главнымъ,



Амстердамскій бургомистръ Витзенъ.
Съ гравированнаго портрета Шенка, 1701 г. *(Образецъ гравюръ).*

чуть-ли не единственнымъ источникомъ познаній, относящихся къ Московскому государству. Устные разсказы Герберштейна о его пребываніи на Востокѣ казались многимъ современникамъ, напримѣръ, брату Карла V, Фердинанду, Ульриху Гуттену и друг., въ высшей степени достойными вниманія и занимательными. Открытіе англичанами морского пути въ Россію черезъ Сѣверный океанъ имѣло слѣдствіемъ появленіе цѣлой литературы о Россіи, такъ что знаменитый поэтъ Мильтонъ, написавшій въ XVII столѣтіи краткую исторію Россіи, могъ при составленіи своего труда указать на цѣ-

лый рядъ англійскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Во второй половинѣ XVI вѣка появились на Западѣ опасенія относительно быстраго развитія силъ и средствъ Россіи. Когда туда начали отправляться въ большомъ числѣ ремесленники и художники, инженеры и артиллеристы, рудознатцы и офицеры, не разъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости запрещенія такой эмиграціи. Между прочимъ, герцогъ Альба, знаменитый полководецъ эпохи короля Филиппа II, въ посланіи къ сейму во Франкфуртъ, отъ 10 іюля 1571 года, выставлялъ на видъ необходимость запрещенія вывоза изъ Германіи въ Россію военныхъ снарядовъ, въ особенности огнестрѣльнаго оружія [1]). Король польскій Сигизмундъ писалъ къ королевѣ англійской Елисаветѣ въ 1567 году: «дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи, ибо непріятель отъ сообщенія просвѣщается и, что̀ еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, онъ снабжается самыми художниками, такъ что, если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварской странѣ надѣлаютъ ему всего, что̀ нужно для войны и что̀ доселѣ ему было неизвѣстно». «Сверхъ того», сказано въ другомъ письмѣ, отъ 1568 года, «всего болѣе заслуживаетъ вниманія, что московиты снабжаются свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель нашимъ...» и пр. [2]). Столь же враждебно относились къ Россіи и въ такомъ-же духѣ старались дѣйствовать ганзейскіе города: Любекъ, Ревель, Дерптъ и пр. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части западной Европы господствовало убѣжденіе, что усиленіе Московскаго государства должно считаться несчастіемъ, и что потому слѣдуетъ всѣми силами препятствовать участію русскихъ въ результатахъ общей цивилизаціи.

Въ особенности католическія страны были проникнуты убѣжденіемъ о необходимости держать Россію въ черномъ тѣлѣ. Къ счастью для Россіи, голландцы и англичане находили, однако же, для себя болѣе выгоднымъ не раздѣлять мнѣній герцога Альбы и короля Сигизмунда, а, напротивъ, поддерживать оживленныя сношенія съ Россіею.

---

[1]) Havemann. Innere Geschichte Spaniens, 287.

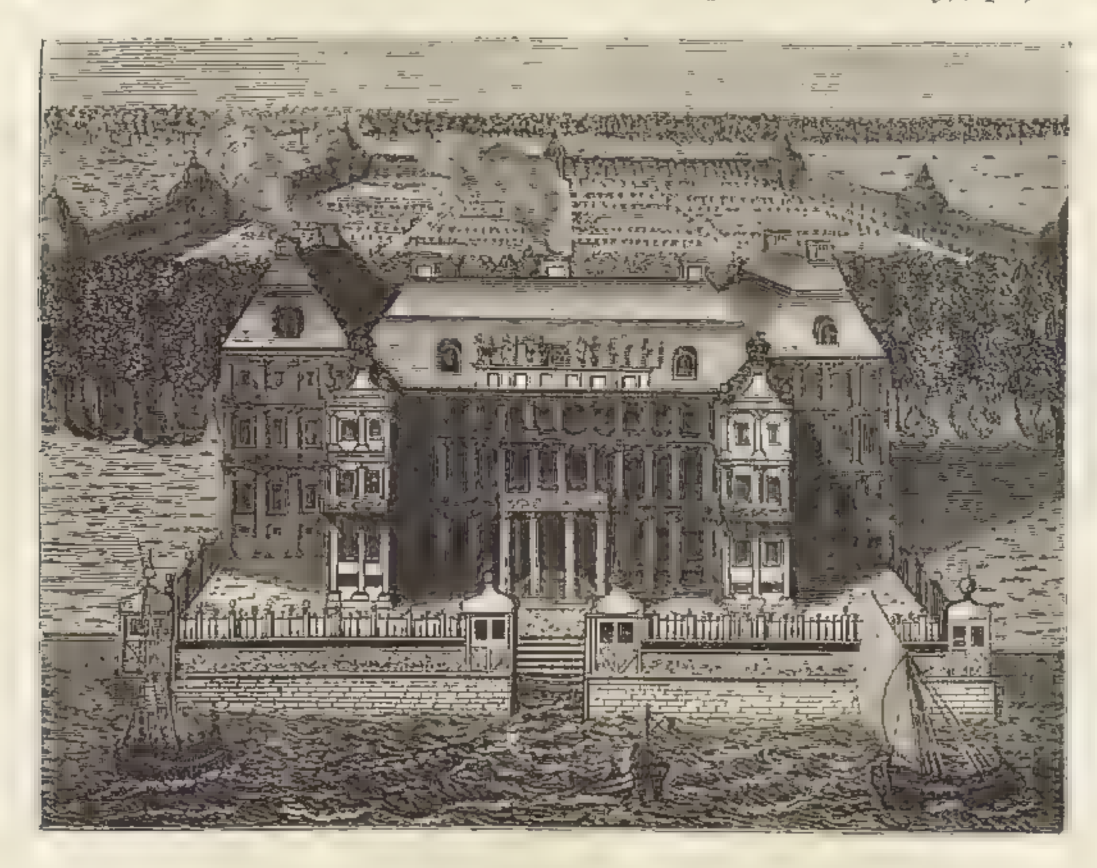
[2]) Гамель. Англичане въ Россіи, стр. 83 и 84.

Достойно вниманія противорѣчіе въ отзывахъ о Россіи около этого времени. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ англійскій дипломатъ Флетчеръ, въ своемъ сочиненіи «Of the russe commonwealth», явившемся въ Лондонѣ въ 1591 году, осуждаетъ варварство Россіи, сравнивая Московское государство съ Турціею, порицая деспотизмъ царя, продажность приказныхъ и подъячихъ, обскурантизмъ духовенства, рабскій духъ въ обществѣ. Совсѣмъ иначе писалъ Маржеретъ къ французскому королю Генриху IV, посвящая послѣднему свое сочиненіе «Estat de l'empire de Russie» (Paris, 1607): «Напрасно думаютъ, что міръ христіанскій ограничивается Венгріею; я могу увѣрить, что Россія служитъ твердымъ оплотомъ для христіанства» и проч.

Немудрено, впрочемъ, что Россія въ XVII вѣкѣ производила на западно-европейцевъ впечатлѣніе чисто-восточнаго государства. Адамъ Олеарій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи говоритъ о Россіи и Персіи въ одномъ и томъ же тонѣ, какъ о странахъ, и въ пріемахъ общежитія, и въ государственныхъ учрежденіяхъ не имѣющихъ ничего общаго съ государствами западной Европы. Русскіе дипломаты, являвшіеся на Западѣ, удивляли всѣхъ своимъ азіатскимъ костюмомъ, незнаніемъ европейскихъ языковъ, и къ тому же довольно часто отличались грубостью нравовъ, разными неблаговидными поступками.

Съ другой стороны, оригинальность и своеобразность всего, что относилось къ Россіи, не могли не возбуждать любопытства. Въ то время общими явленіями были стремленіе къ географическимъ открытіямъ, страсть къ изученію этнографіи, языкознанія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Россія представляла собою богатую почву для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній. Тутъ встрѣчалось и неисчерпаемое множество нарѣчій, громадная масса любопытныхъ предметовъ для изученія флоры и фауны, богатый матеріалъ для метеорологическихъ наблюденій и для археологическихъ изысканій. Между тѣмъ какъ нѣкоторые государственные люди относились къ Россіи враждебно, отрицали пользу сношеній съ этою страною, ученые разсуждали совершенно иначе. Особенно англичане съумѣли соединять теоретическое изученіе Россіи въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ съ практическими цѣлями торговой политики. Таковъ характеръ трудовъ Традесканта въ началѣ XVII вѣка. Голландецъ Исаакъ Масса, въ это же время находившійся въ Россіи, извѣстный амстердамскій бургомистръ, Николай Витзенъ, побывавшій въ ней во второй половинѣ XVII вѣка, чрезвычайно ревностно собирали свѣдѣнія не только объ Европейской Россіи,

но и о Сибири. Маржеретъ напечаталъ свой трудъ о Россіи по желанію короля Генриха IV. Англійскій король Яковъ II съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ разсказы Патрика Гордона о Россіи, заставляя его сообщать ему разныя свѣдѣнія о военномъ устройствѣ, о главныхъ государственныхъ дѣятеляхъ въ Московскомъ государствѣ. Сочиненіе Фабри о состояніи русской церкви, явившееся уже въ первой половинѣ XVI вѣка, считалось авторитетнымъ въ этой области. Западно-европейскіе государи, под-



Домъ князя Меньшикова въ Петербургѣ.
Съ современной гравюры 1716 года. *(Образецъ гравюръ).*

данные которыхъ проживали въ Россіи, слѣдя за судьбою послѣднихъ, черезъ нихъ же узнавали многое объ условіяхъ жизни въ Россіи и черезъ дипломатическихъ агентовъ, имѣвшихъ значеніе консуловъ, старались обезпечивать права иностранцевъ въ Россіи. Не разъ возобновлялись попытки дѣйствовать въ пользу распространенія католицизма въ Россіи. Витзенъ былъ покровителемъ находившихся въ Москвѣ лицъ реформатскаго исповѣданія; герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій, протекторъ проживавшихъ въ Москвѣ лютеранъ, получалъ нерѣдко отчеты о состояніи нѣмецкаго прихода и денежными пособіями поддерживалъ нужды церкви и школы. Многіе шотландцы, англичане, голландцы и нѣмцы, про-

живавшіе въ Москвѣ, сообщали своимъ родственникамъ и знакомымъ въ западной Европѣ разныя свѣдѣнія о Россіи. Въ журналѣ «Theatrum Europaeum» впродолженіе XVII вѣка довольно часто печатались донесенія изъ Россіи о происходившихъ тамъ событіяхъ. Скоро послѣ бунта Стеньки Разина, это событіе послужило предме-

Казнь колесованіемъ.

Съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.
(Образецъ гравюръ).

томъ ученой диссертаціи, публично защищаемой въ Виттенбергскомъ университетѣ. Въ 1696 году въ Оксфордѣ появилась грамматика русскаго языка, составленная Людольфомъ, секретаремъ принца Георга Датскаго.

Во второй половинѣ XVII вѣка Китай сдѣлался предметомъ спеціальнаго изученія въ западной Европѣ. Одновременно съ этимъ и Россія все болѣе и болѣе удостоивалась вниманія. Особенно же знаменитый философъ Лейбницъ съ сочувствіемъ относился къ Рос-

сіи. Разъ онъ замѣтилъ, что въ одно и то же время разные не европейскіе государи приступили къ важнымъ преобразованіямъ, а именно, китайскій императоръ, король Абиссиніи и царь московскій [1]). Лейбницъ выразилъ желаніе содѣйствовать преобразованію Россіи. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ самымъ окажетъ услугу всему человѣчеству, и гордился своимъ космополитизмомъ.

Такимъ образомъ, развившейся мало-по-малу воспріимчивости Россіи къ западной цивилизаціи соотвѣтствовало усиливавшееся на Западѣ вниманіе къ Россіи. Космополитическія стремленія Витзена, Лейбница и друг. относились къ тому самому времени, когда Россія готовилась сблизиться съ Европою занятіемъ береговъ Балтійскаго моря, принятіемъ участія въ войнахъ съ Турціею и чрезъ оживленіе дипломатическихъ сношеній съ западно-европейскими державами сдѣлаться членомъ общей политической системы. Для западно-европейскаго міра этотъ процессъ былъ эпохою, а для самой Россіи настаетъ новый періодъ исторіи.

Къ этому же времени относится и молодость Петра Великаго.

[1]) Guerrier. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr., 15.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

Дѣтство Петра.

(1672—1689).

ОТЕЦЪ и ДѢДЪ Петра не отличались особенными дарованіями, силою воли и богатствомъ идей. Нельзя сказать, чтобы первый государь изъ дома Романовыхъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, былъ обязанъ возведеніемъ на царство выдающимся личнымъ качествамъ: тутъ главнымъ образомъ дѣйствовали семейныя связи. Зато отецъ перваго царя, патріархъ Филаретъ, игравшій нѣкоторое время роль регента, дѣйствительно былъ способнымъ государственнымъ человѣкомъ. О характерѣ и личности Михаила мы знаемъ немного. Придворный этикетъ, господствовавшій въ то время и стѣснявшій свободу государя, не благопріятствовалъ развитію въ немъ самостоятельности и воли. Къ тому же, какъ кажется, въ первое время царствованія Михаила его власть была ограничена отчасти боярами. Михаилъ не принималъ личнаго участія въ войнахъ съ Польшею и Швеціею и въ подавленіи анархическихъ элементовъ въ государствѣ. Внѣшняя политика этого государя заключалась главнымъ образомъ въ оборонѣ противъ перевѣса сосѣднихъ странъ. Надежда на успѣшныя наступательныя дѣйствія противъ Польши, при помощи иноземныхъ наемниковъ, оказалась тщетною. Нужно было довольствоваться

тѣмъ, что послѣ страшныхъ бурь междуцарствія и польскаго нашествія страна мало-по-малу отдыхала и пріобрѣтала свѣжія силы. Значительнаго преобразованія внутри страны не происходило.

Подобно отцу, Алексѣй чуть не мальчикомъ вступаетъ на престолъ; подобно отцу, имѣя сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, онъ сходитъ въ могилу. Алексѣй былъ богаче одаренъ способностями, чѣмъ Ми-

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

хаилъ; его царствованіе было ознаменовано предпріимчивостью во внѣшней политикѣ и нѣкоторыми преобразованіями внутри государства; сюда относятся «Уложеніе» и разныя постановленія въ области церковнаго быта.

Хотя Алексѣй и не былъ лишенъ дарованій, однако же не обладалъ ни смѣлостью соображенія, ни силою воли. Главными чертами въ его характерѣ были кротость и нѣкоторая патріархальность въ обращеніи съ окружавшими его лицами; но эти качества

не мѣшали ему подъ-часъ собственноручно расправляться съ людьми, навлекшими на себя чѣмъ бы то ни было его гнѣвъ; такіе эпизоды, между прочимъ, происходили даже съ царскимъ тестемъ, Ильею Даниловичемъ Милославскимъ. Алексѣй не имѣлъ достаточной силы воли для удаленія людей недостойныхъ его довѣрія; впрочемъ, бывали случаи, когда онъ выдавалъ на растерзаніе разъяренной черни сановниковъ, употреблявшихъ во зло свою власть. Въ первое время своего царствованія, бывши еще юношею, царь не разъ видѣлъ страшныя вспышки гнѣва народа, толпою окружавшаго царя и жаловавшагося на притѣсненія воеводъ. Онъ самъ былъ любимъ народомъ, но многіе изъ его сановниковъ дѣлались предметомъ общей ненависти.

Царь Алексѣй принималъ личное участіе въ войнахъ съ Швеціею и Польшею. Въ этихъ походахъ, а также въ страсти къ охотѣ, у него обнаруживается гораздо бо̀льшая подвижность и предпріимчивость, нежели у его отца, Михаила, или у его сына, Ѳеодора; однако въ Алексѣѣ не замѣчается и слѣда той неутомимой рабочей силы, которою отличался Петръ. Алексѣй былъ вѣрнымъ слугою церкви, благочестиво и строго соблюдавшимъ всѣ религіозныя обязанности, любилъ заниматься чтеніемъ богословскихъ книгъ, употреблялъ въ своихъ письмахъ церковные обороты, но въ то же время онъ нерѣдко нарушалъ правила строго-опредѣленнаго придворнаго этикета. Подобно знаменитому императору Фридриху II изъ дома Гогенштауфеновъ, онъ былъ авторомъ сочиненія о соколиной охотѣ; въ его частныхъ письмахъ къ разнымъ лицамъ проглядываетъ нѣкоторая мягкость и гуманность. Воспитаніе своихъ дѣтей онъ поручилъ отчасти польскимъ наставникамъ. До насъ дошли кое-какіе, приписываемые царю стихи. По временамъ, освобождаясь отъ правилъ монашескаго аскетизма, обыкновенно соблюдаемыхъ царями, онъ любилъ шутить и веселиться, забавляться драматическими представленіями и музыкою.

Въ послѣднее время царствованія Алексѣя, а также во время шестилѣтняго царствованія Ѳеодора (1676—1682), замѣчается уже указанное вліяніе малороссійско-польской цивилизаціи на Россію. Впродолженіе многолѣтнихъ войнъ, безконечныхъ дипломатическихъ переговоровъ съ поляками, русскіе многому научились у послѣднихъ. Въ русскомъ языкѣ въ это время встрѣчаются полонизмы. Русскій резидентъ въ Польшѣ, Тяпкинъ, настоящій москвитянинъ, страдавшій тоскою по родинѣ, оказался весьма доступнымъ вліянію польской культуры. Его сынъ воспитывался въ поль-

скомъ училищѣ; его донесенія царю заключаютъ въ себѣ множество польскихъ выраженій и оборотовъ.

Въ самой Россіи въ это время играли важную роль малороссійскія духовныя лица, получившія свое образованіе въ Польшѣ, а также и настоящіе поляки. При Михаилѣ и Алексѣѣ мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ русскихъ особенную любовь къ Польшѣ. Къ такимъ почитателямъ польскихъ нравовъ принадлежалъ дядя царя Алексѣя, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ. Онъ одѣвалъ своихъ слугъ въ западно-европейское платье и самъ являлся иногда въ польскомъ костюмѣ. Говорятъ, что патріархъ Никонъ вытребовалъ у боярина эти одежды и уничтожилъ ихъ. Достойно вниманія, что этотъ самый Романовъ былъ владѣльцемъ знаменитаго бота, найденнаго Петромъ въ сараѣ въ Измайловѣ и сдѣлавшагося зародышемъ русскаго флота [1]).

Уже въ началѣ XVII вѣка, авторъ сказанія объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря, Авраамій Палицынъ, сѣтуетъ на подражаніе многимъ «армянскимъ и латинскимъ ересямъ», на то, что «старые мужы брады своя постризаху, во юноши премѣняхуся» [2]). За нѣсколько лѣтъ до вступленія на престолъ Петра, былъ обнародованъ указъ, строго запрещавшій «перенимать иноземскіе нѣмецкіе и иные извычаи, постригать волосовъ, носить платье, кафтаны и шапки съ иноземныхъ образцовъ» и пр. [3]).

При Өеодорѣ вліяніе Польши усиливается. Первая супруга царя, Грушецкая, была виновницею введенія реформы относительно платья при дворѣ и въ высшихъ кругахъ русскаго общества; по ея вліянію начали въ Москвѣ стричь волосы, брить бороды, носить сабли и кунтуши польскіе, заводить школы, польскія и латинскія, и пр. [4]). Еще при Өеодорѣ было говорено и писано о неудовольствіи многихъ бояръ, вызванномъ этими нововведеніями.

Такимъ образомъ, прежнее византійское вліяніе было отчасти смѣнено польскимъ, отчасти же и то и другое встрѣчаются вмѣстѣ. Низшіе классы общества, а также духовенство, находятся гораздо болѣе подъ вліяніемъ византійско-средневѣковой стихіи, уклоняясь отъ вліянія западно-европейской цивилизаціи, высказываясь одинаково рѣзко, какъ противъ польско-латинской, такъ и противъ германско-протестантской культуры. За то свѣтскіе элементы высшаго общества по необходимости начали учиться у западной Европы.

---

[1]) Соловьевъ. Ист. Р. XII, стр. 348.
[2]) Сказаніе объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря, изд. 2-е, стр. 20.
[3]) Полн. Собр. Зак., I, № 607.
[4]) Соловьевъ, XIII. 330, XIV. 32.

Петръ Великій.

Съ гравюры Смита, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ въ Утрехтѣ, въ 1697 году, и находящагося въ Лондонѣ, въ Гамптонъ-Кортѣ.

Фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ

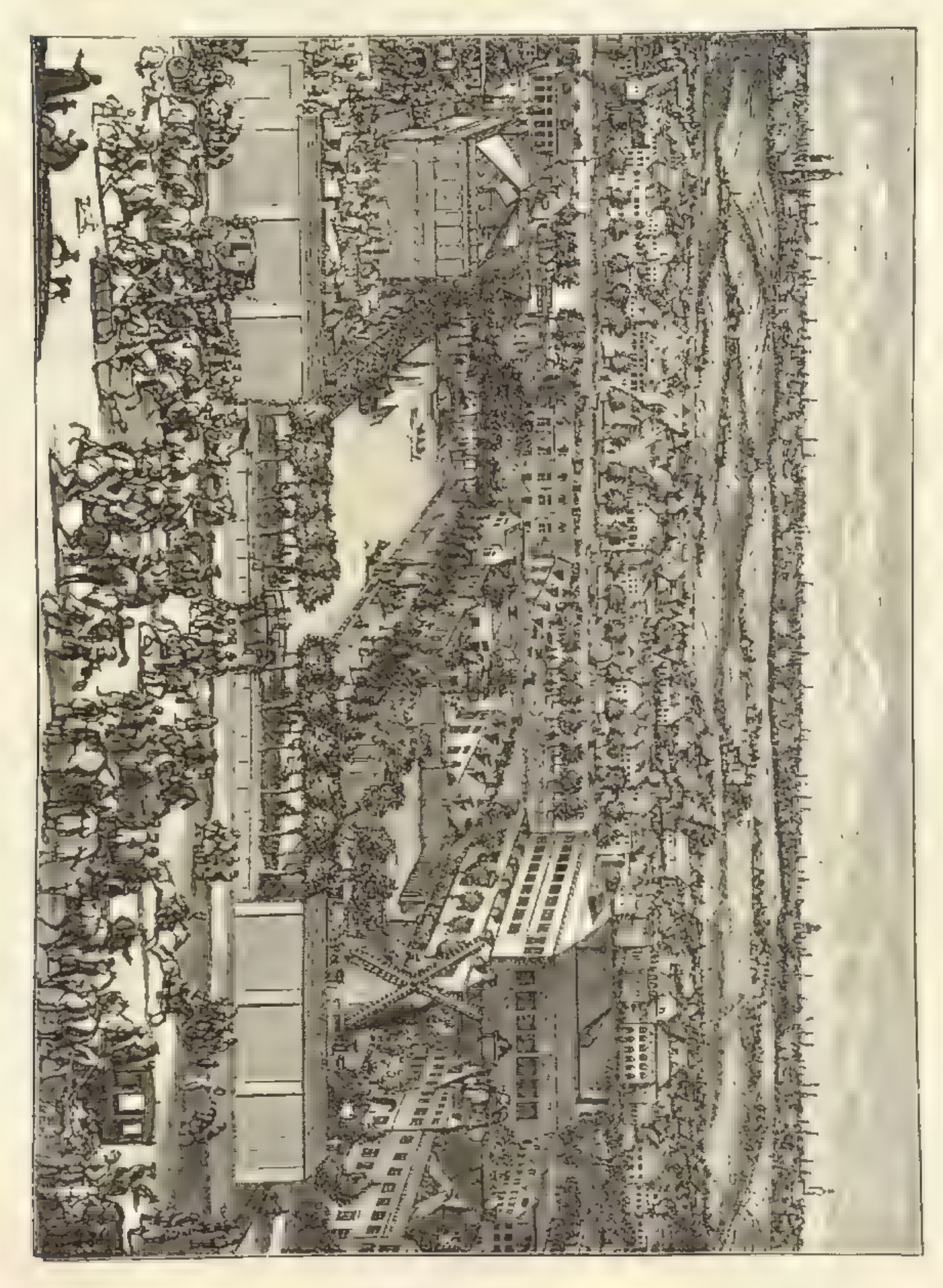
Приложеніе къ «Исторіи Петра Великаго», изд. Суворина.

Вопросъ о томъ, какого рода западно-европейское вліяніе должно было имѣть перевѣсъ въ центрѣ государства, быть самымъ важнымъ, роковымъ вопросомъ.

При Өеодорѣ можно было считать вѣроятнымъ окончательный перевѣсъ средневѣковой католической науки, пробившей себѣ путь въ Россію черезъ Польшу и Малороссію. Люди, подобные Симеону Полоцкому, прибывшему въ Россію при царѣ Алексѣѣ и сдѣлавшемуся наставникомъ дѣтей царя отъ перваго брака, были представителями эрудиціи, основанной на отвлеченныхъ наукахъ риторики, философіи и богословія прежнихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то предпочтеніе, съ которымъ нѣкоторыя лица при московскомъ дворѣ, въ томъ числѣ Өеодоръ и Софія, занимались церковною исторіею. Сынъ Петра, Алексѣй, — и эта черта характеризуетъ, между прочимъ, бездну, открывшуюся впослѣдствіи между отцомъ и сыномъ,—особенно охотно занимался чтеніемъ церковно-историческаго сочиненія Баронія и дѣлалъ изъ него выписки. Это направленіе нѣкоторымъ образомъ классическаго, по крайней мѣрѣ основаннаго на латинскомъ языкѣ, воспитанія было діаметрально-противоположно тому реальному обученію, которое русскіе могли пріобрѣсти отъ германскаго и протестантскаго міра. Многое зависѣло отъ рѣшенія вопроса, кто будетъ главнымъ наставникомъ Россіи: Римъ ли со своими отцами церкви и іезуитами, со своимъ латинскимъ нарѣчіемъ и схоластикою, или тѣ народы, которые упорно боролись противъ перевѣса Рима, Габсбургцевъ, Испаніи, т. е. англичане, голландцы, нѣмцы,—тѣ народы, которыхъ умственное и политическое развитіе въ эпоху реформаціи было выраженіемъ всесторонняго прогресса человѣчества. Россія могла примкнуть или къ романскому, католическому міру, великому въ прошедшемъ, не забывавшему своихъ прежнихъ правъ и своего прежняго перевѣса, державшемуся отсталыхъ понятій о преимуществѣ имперіи и іерархіи, жившему давними воспоминаніями, сдѣлавшемуся анахронизмомъ,—или же къ другой, сѣверо-западной, обращенной къ океану части Европы, къ представителямъ новой идеи о государствѣ, новой политической системы, открывавшимъ новые пути въ областяхъ государственнаго и международнаго права, торговли, промышленности, науки, литературы и колонизаціи.

Россія рѣшила этотъ вопросъ въ пользу послѣднихъ народовъ: она предпочла учиться у новой Европы. Не малороссійскіе и польскіе монахи и богословы сдѣлались наставниками Петра, а обитатели «Нѣмецкой» слободы, находившейся у самой столицы и пред-

ставлявшей собою образчикъ западно-европейской рабочей силы, предпріимчивости и эрудиціи.

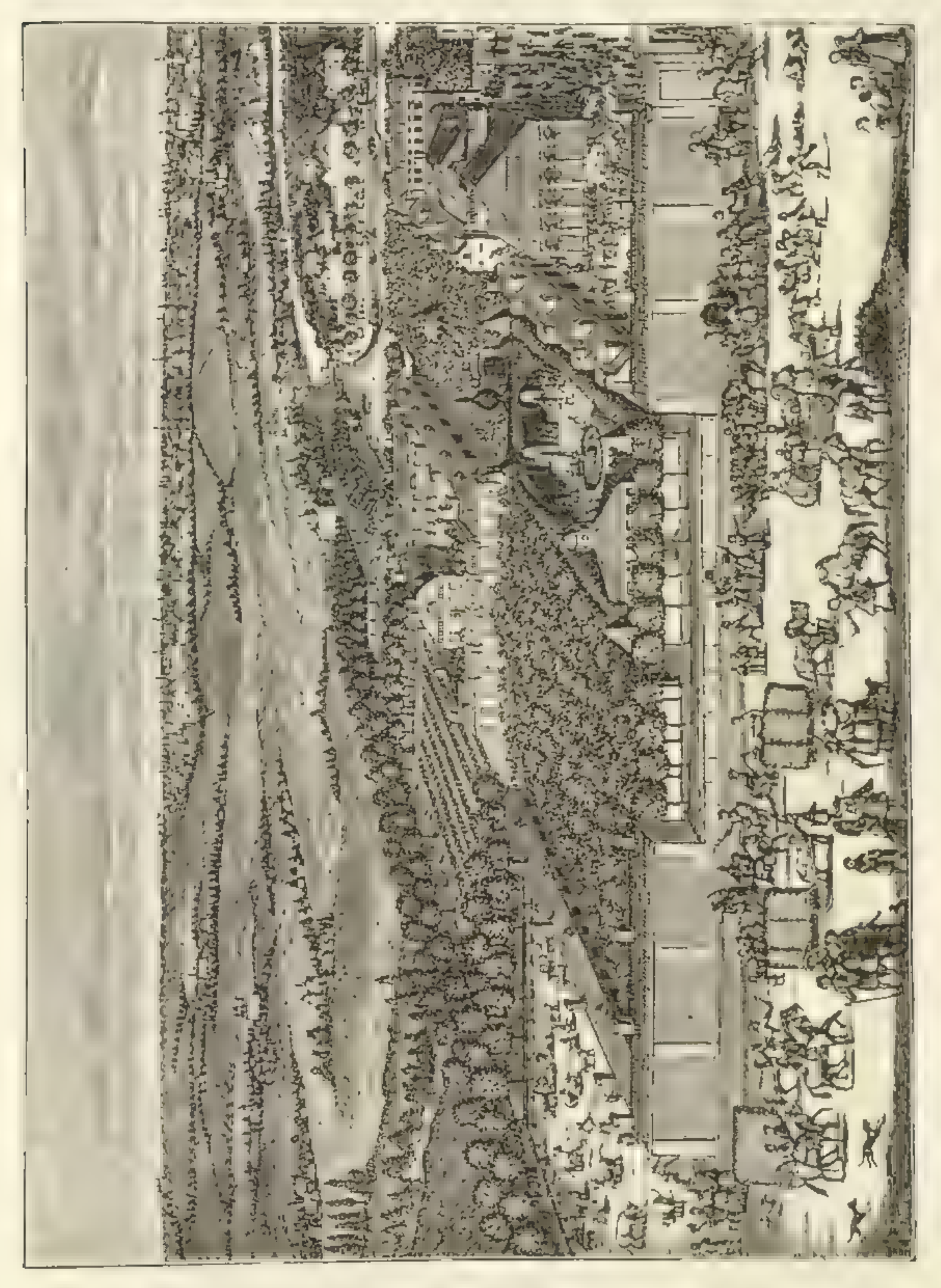


Нѣмецкая слобода.

С гравюры Генриха де-Витть, начала XVIII столѣтія.

Петръ выросъ не въ рутинѣ азіатскаго придворнаго этикета, онъ не получилъ латинско-схоластическаго воспитанія, которое вы-

пало на долю его брата, Өеодора; этимъ выигрышемъ онъ былъ обязанъ близости и значенію Нѣмецкой слободы, населеніе кото-



Нѣмецкая слобода.

Съ гравюры Генриха де-Виттъ, начала XVIII столѣтія.

рой состояло изъ разнородныхъ элементовъ, отличалось нѣкоторымъ космополитизмомъ и представляло собою нѣчто въ родѣ

микрокозма всевозможныхъ сословій, призваній, національностей и исповѣданій.

Уже въ XVI вѣкѣ у самой Москвы существовала Нѣмецкая слобода; она сгорѣла во время междуцарствія и польскаго нашествія, въ началѣ XVII столѣтія. Указомъ царя Алексѣя около половины XVII вѣка предмѣстье это было возобновлено. Религіозныя побужденія заставили царя выселить иностранцевъ, до того времени проживавшихъ въ самой столицѣ. Поэтому Нѣмецкую слободу можно сравнить съ такъ называемыми «ghetto», т. е. съ тѣми предмѣстьями нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городовъ, гдѣ живутъ евреи. Тутъ въ XVII вѣкѣ сосредоточивалась жизнь иностранцевъ; тутъ были воздвигнуты лютеранскія и реформатскія церкви; тутъ жили врачи и негоціанты, пасторы и офицеры, инженеры и ремесленники. Населеніе Нѣмецкой слободы состояло главнымъ образомъ изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ, нѣмцевъ и пр. Здѣсь встрѣчались нѣсколько утонченные нравы, непринужденная обходительность, умственные интересы. То обстоятельство, что иностранцы жили особо, препятствовало ихъ обрусѣнію; они представляли собою своеобразный элементъ и служили другъ другу опорою при сохраненіи національныхъ и религіозныхъ особенностей, при удовлетвореніи нравственныхъ, научныхъ и литературныхъ потребностей.

До извѣстной степени здѣсь существовали національныя, религіозныя и политическія партіи; но такого рода антагонизмъ былъ смягченъ космополитизмомъ, свойственнымъ вообще колоніямъ. Слобода находилась подъ вліяніемъ умственнаго развитія западной Европы. Здѣсь было много знатоковъ латинскаго языка; англійскія дамы Нѣмецкой слободы выписывали изъ своей родины романы и драмы; шотландецъ Патрикъ Гордонъ, игравшій въ Нѣмецкой слободѣ втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтій весьма важную роль, старался узнавать о всѣхъ усовершенствованіяхъ въ области механики, технологіи, картографіи на западѣ Европы, о разныхъ сообщеніяхъ, дѣлаемыхъ въ лондонской «Royal Society». Жители Нѣмецкой слободы находились въ чрезвычайно оживленной перепискѣ со своими родными и знакомыми на родинѣ; весьма часто они предпринимали поѣздки за-границу по разнымъ причинамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ политическихъ событій на западѣ Европы, напр., за событіями англійской революціи, войны между Англіею и Голландіею и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Нѣмецкая слобода могла содѣйствовать сближенію рус-

скихъ съ западною Европою и сообщать Россіи результаты западно-европейской культуры [1]).

Нѣмецкой слободѣ было суждено служить звеномъ между западною Европою и Петромъ во время его юношескаго развитія. На пути, пройденномъ Россіею отъ болѣе азіатской нежели европейской Москвы XVII вѣка до болѣе европейскаго нежели азіатскаго Петербурга XVIII вѣка, Нѣмецкая слобода была, такъ сказать, важнѣйшею станціею.

И до Петра уже было замѣтно вліяніе Нѣмецкой слободы на нѣкоторыхъ представителей русскаго общества. Были въ Россіи люди, которые не раздѣляли мнѣнія духовенства, ненавидѣвшаго иностранцевъ, какъ еретиковъ, и черни, оскорблявшей «нѣмцевъ» и иногда даже мечтавшей объ уничтоженіи всей Нѣмецкой слободы съ ея жителями; были въ Россіи люди, которые умѣли цѣнить превосходство западно-европейской культуры и были склонны къ ученію подъ руководствомъ иностранцевъ.

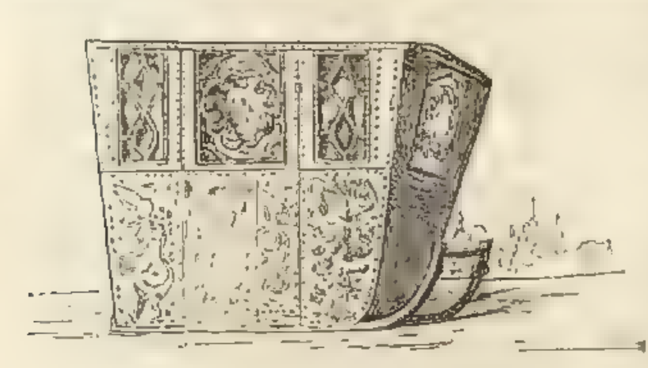
Такимъ представителемъ прогресса можетъ служить бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ. Онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ царя Алексѣя, который часто посѣщалъ домъ Матвеева, гдѣ, по преданію, познакомился съ Натальею Кирилловною Нарышкиной, матерью Петра. Матвеевъ стоялъ у колыбели Петра, дарилъ ему разныя игрушки, въ томъ числѣ повозку съ маленькими лошадками. Когда Петру уже минуло десять лѣтъ, Матвеевъ, почти на глазахъ юнаго государя, былъ убитъ стрѣльцами. Его личность должна была принадлежать къ самымъ сильнымъ дѣтскимъ воспоминаніямъ Петра.

Отецъ Матвеева былъ когда-то русскимъ посломъ въ Константинополѣ и въ Персіи, а его сынъ втеченіе Сѣверной войны находился русскимъ дипломатомъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, въ Гагѣ и Лондонѣ. Онъ самъ оказалъ царю существенныя услуги во время пріобрѣтенія Малороссіи. При довольно затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ, въ качествѣ дипломата и полководца, отстаивалъ могущество и честь Россіи. Завѣдуя Посольскимъ Приказомъ, онъ былъ, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Одинъ путешественникъ-иностранецъ прямо называетъ его «первымъ царскимъ министромъ». Довольно часто въ домѣ Матвеева, украшенномъ различными предметами роскоши, заимствованными у западной Европы, происходили переговоры съ иностранными дипломатами. При опасности, грозившей царству со стороны Стеньки

---

[1]) Brückner. Culturhistorische Studien. II. Die Ausländer in Russland. Riga, 1878, стр. 71—80.

Разина, онъ давалъ царю мудрые совѣты. Матвеевъ заботился объ интересахъ внѣшней торговли; завѣдуя Аптекарскимъ Приказомъ, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ со многими иностранными хирургами, докторами и аптекарями, служившими въ этомъ вѣдомствѣ. Жена Матвеева, какъ говорятъ, была иностраннаго происхожденія. Его сынъ получилъ весьма тщательное воспитаніе, учился разнымъ языкамъ и пріобрѣлъ такую широкую эрудицію, что даже Лейбницъ съ особенною похвалою отзывался о его познаніяхъ [1]). Въ обществѣ хирурга Сигизмунда Зоммера, многолѣтнею практикою пріобрѣтшаго въ Россіи значеніе и состояніе, а также молдаванина Спафарія, который служилъ въ Посольскомъ Приказѣ и въ то же время училъ сына Матвеева греческому и латинскому языкамъ, любознательный бояринъ занимался естественными науками. Противники Артамона Сергѣевича воспользовались этимъ обстоятельствомъ въ первое время царствованія Θеодора Алексѣевича для того, чтобы погубить ненавистнаго боярина. Его обвиняли въ колдовствѣ, въ общеніи съ злыми духами. По случаю ссылки своей на крайній сѣверъ, Матвеевъ, въ письмѣ къ царю Θеодору, говорилъ о написанныхъ имъ историческихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ трактовалось о титулахъ и печатяхъ русскихъ государей, о вступленіи на престолъ царя Михаила и проч. [2]). Въ какой мѣрѣ царь Алексѣй любилъ Матвеева, видно изъ выраженія царя въ письмѣ къ послѣднему, въ которомъ Алексѣй проситъ находящагося въ отсутствіи сановника возвратиться скорѣе, такъ какъ царь и его дѣти безъ Матвеева осиротѣли.



Дѣтскій возокъ Петра Великаго.
Съ рисунка, находящагося въ книгѣ Говарда „The Russian empire“.

Разсказъ о томъ, какъ царь Алексѣй, овдовѣвъ, познакомился въ домѣ Матвеева съ Натальею Кирилловною Нарышкиной, на которой и женился, въ частностяхъ имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ. Этотъ разсказъ основанъ на семейномъ преданіи; однако, само по себѣ, это преданіе кажется правдоподобнымъ: оно соотвѣтствуетъ близкимъ сношеніямъ царя съ Матвеевымъ и

[1]) Guerrier. Leibniz, S. 37 и 38.

[2]) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвеева. Москва. 1785, стр. 39.

Матвеева съ Нарышкиными, а также и нѣкоторымъ намекамъ одного иностранца, во время свадьбы Алексѣя находившагося въ Москвѣ и немного позже издавшаго сочиненіе о Россіи [1]).

Извѣстно, что знакомиться съ невѣстою, какъ бы частнымъ человѣкомъ, въ частномъ домѣ было не въ обычаѣ у русскихъ царей. Правиломъ при женитьбахъ царей были торжественные смотры множества красавицъ, между которыми царь выбиралъ для себя

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ.

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 г.

сожительницу. Извѣстно, какъ часто при подобныхъ случаяхъ между различными семействами происходили страшныя крамолы и даже преступленія. Невѣсты, удостоенныя выбора, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ были не разъ «испорчены» родными своихъ соперницъ, со всѣмъ своимъ семействомъ ссылаемы въ Сибирь; путемъ поклеповъ, доносовъ, разныя семейства преслѣдовали и губили другъ друга.

Что-то похожее происходило и при женитьбѣ царя Алексѣя на Натальѣ Кирилловнѣ. Какъ кажется, смотръ невѣстамъ, устроен-

---

[1]) Штелинъ. Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Москва, 1830. I. 11—19. Reutenfels. De rebus Moscoviticis. Patavii, 1680. 97.

ный по обычаю, на этотъ разъ былъ пустою формальностью. Явились доносы на Матвеева; произведено слѣдствіе; дядя одной соперницы Натальи Кирилловны былъ подвергнутъ пыткѣ. Бумаги этого дѣла лишь отчасти сохранились, однако мы узнаемъ изъ нихъ о мѣрѣ гнѣва противниковъ Матвеева на выборъ царя Алексѣя [1]).

Свадьба царя была отпразднована 22-го января 1671 года; 30-го мая 1672 года родился Петръ.

Вскорѣ обнаружился антагонизмъ между родственниками первой супруги Алексѣя, Милославскими, и ихъ приверженцами, съ одной стороны, и Нарышкиными и Матвеевымъ—съ другой. Здѣсь, разумѣется, не было столкновенія политическихъ партій; антагонизмъ основывался на частныхъ, семейныхъ интересахъ. Началась борьба, окончившаяся паденіемъ Матвеева.

Сохранились кое-какія извѣстія, свидѣтельствующія о томъ, что и непричастные къ этимъ событіямъ современники не вполнѣ оправдывали образъ дѣйствій Матвеева. Такъ, напримѣръ, въ одной польской брошюрѣ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года разсказано, что Матвеевъ преслѣдовалъ въ послѣднее время царствованія Алексѣя дѣтей отъ перваго брака царя. Театральныя представленія при дворѣ, какъ кажется, служили Матвееву иногда средствомъ для оскорбленія своихъ противниковъ. Когда давали пьесу «Юдиѳь и Олофернъ», въ Аманѣ, повѣшенномъ по приказанію Артаксеркса, хотѣли узнавать кого-то изъ Милославскихъ. Въ Мардохѣ примѣтенъ былъ Матвеевъ. Есѳирь напоминала царицу Наталью Кирилловну [2]).

Въ вышеупомянутой польской брошюрѣ разсказано также, что Матвеевъ, когда умиралъ царь Алексѣй, старался возвести на престолъ четырехъ-лѣтняго Петра, помимо Ѳеодора Алексѣевича. Едва-ли можно вѣрить этому слуху: по крайней мѣрѣ послѣ паденія Матвеева между обвиненіями, взведенными на него противниками, не встрѣчается ничего подтверждающаго этотъ разсказъ [3]).

Намъ неизвѣстно, какъ распорядился царь Алексѣй относительно престолонаслѣдія, но Ѳеодоръ Алексѣевичъ безъ всякаго затрудненія вступилъ на престолъ, и вліяніе и значеніе Матвеева и царицы Натальи вскорѣ кончились.

[1]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ. 225—267.

[2]) Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. Погодинъ. Москва, 1875, стр. 12.

[3]) Соловьевъ. Ист. Р. XIII, 234. Устряловъ. Исторія Петра Великаго. I, 263.

Впрочемъ, Матвеевъ палъ не тотчасъ послѣ кончины Алексѣя, что также можетъ служить доказательствомъ невѣроятности обвиненія его въ преступной агитаціи въ пользу Петра. Нѣсколько мѣсяцевъ еще и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ онъ завѣдывалъ внѣшнею политикою царства. Образъ дѣйствій противниковъ Матвеева, преслѣдовавшихъ и погубившихъ его путемъ коварства, скорѣе свидѣтельствуетъ о его невинности.

Безъ формальнаго обвиненія, безъ правильнаго судебнаго слѣдствія, Матвеевъ прежде всего былъ отрѣшенъ отъ должности начальника Аптекарскаго Приказа; затѣмъ лишился и званія завѣдующаго иностранными дѣлами; наконецъ былъ сосланъ. О мелочности крамолъ, направленныхъ противъ Матвеева, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ мѣрахъ, принятыхъ противъ павшаго боярина, занимаетъ весьма видное мѣсто жалоба датскаго резидента о долгѣ въ размѣрѣ 500 рублей за проданное Матвееву вино. Посыпались на Матвеева упреки въ томъ, что онъ будто занимался колдовствомъ, вызывалъ злыхъ духовъ и покушался отравить царя Ѳеодора. Главными доносчиками явились нѣкоторые слуги Матвеева.

Онъ старался оправдываться, указывалъ на противорѣчія въ обвиненіяхъ противниковъ, на несостоятельность показаній подвергнутыхъ пыткѣ лицъ, на недобрую репутацію одного изъ главныхъ обвинителей, датскаго резидента. Изъ сборника оправдательныхъ посланій боярина мы узнаемъ, что въ то время занятія естественными науками, чтеніе какой нибудь фармацевтической книги, могли считаться преступленіемъ;—при такихъ уголовныхъ случаяхъ и съ одной и съ другой стороны аргументація основывалась на теоріи о волшебствѣ и злыхъ духахъ, причемъ встрѣчались безчисленныя ссылки на Священное Писаніе и творенія Святыхъ Отцовъ [1]).

Мы не знаемъ, были-ли противники Матвеева убѣждены въ его винѣ, или нѣтъ. Какъ бы то ни было, но онъ лишился всего состоянія и былъ сосланъ сначала въ Пустозерскъ, затѣмъ въ Мезень.

Не одинъ Матвеевъ былъ обвиняемъ въ покушеніи на жизнь царя Ѳеодора. Допрашивали о томъ же и ближайшихъ родственниковъ царицы Натальи Кирилловны. Голландскій резидентъ Келлеръ все это считалъ «злостною выдумкою о мнимомъ заговорѣ» [2]).

Въ кружкахъ иностранцевъ разсказывали, что Матвеева обвиняли въ желаніи сдѣлаться царемъ [3]), что, послѣ отправленія братьевъ

---

[1]) Исторія о невинномъ заточеніи.

[2]) Posselt. Franz Lefort, I, 232—234.

[3]) «Lequel prétendait à la couronne», писалъ Лефортъ.

Натальи Кирилловны въ ссылку, можно ожидать заключенія въ монастырь самой царицы.

Однако еще при жизни Θеодора Алексѣевича произошла перемѣна въ пользу Матвеева.

Уже въ 1678-мъ году разсказывали, что князь Долгорукій, бывшій главнымъ воеводою въ Чигиринскихъ походахъ, старался

Царица Наталья Кирилловна.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

убѣдить царя въ необходимости возвращенія Матвеева изъ ссылки, что дворъ нуждался въ совѣтахъ опытнаго государственнаго дѣятеля и что при дворѣ по поводу этого происходили оживленныя пренія. Голландскій резидентъ, сообщающій нѣкоторыя частности этихъ событій, прибавляетъ, что, въ случаѣ возвращенія изъ ссылки Матвеева, можно ожидать весьма важныхъ перемѣнъ въ государствѣ [1]).

[1]) Posselt. I, 234 и 278.

Прошло, однако, два-три года до смягченія участи Матвеева и Нарышкиныхъ. Вторая супруга царя Θеодора, Марθа Апраксина, крестница Матвеева, хлопотала о его помилованіи. Ему дозволили возвратиться въ свое имѣніе, Лухъ, находившееся въ нынѣшней Костромской губерніи, въ 500 верстахъ отъ столицы. Здѣсь онъ получалъ отъ своихъ приверженцевъ ежедневно извѣстія о ходѣ дѣлъ въ столицѣ, гдѣ въ ближайшемъ будущемъ можно было ожидать кончины царя. Келлеръ писалъ Генеральнымъ Штатамъ,

Никита Моисеевичъ Зотовъ.

Съ гравированнаго портрета Осипова.

25 апрѣля 1682 года: «Въ случаѣ кончины его величества, безъ сомнѣнія, тотчасъ же будетъ отправленъ курьеръ къ Матвееву съ приглашеніемъ безъ замедленія пріѣхать въ столицу для отвращенія смутъ, безпорядковъ и несчастій, которыя могли-бы произойти при борьбѣ родственниковъ царя между собою. Намедни прибыли сюда отецъ и сынъ Нарышкины, а другого Нарышкина, еще болѣе обвиняемаго, ожидаютъ надняхъ; такимъ образомъ, всѣ здѣшнія обстоятельства принимаютъ совершенно иной видъ».

Предсказанія Келлера сбылись. Царь умеръ, и въ Лухъ поскакалъ гонецъ за Матвеевымъ. Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ враждебныя партіи. На одной сторонѣ находились дѣти отъ перваго

брака Алексѣя и ихъ родственники, Милославскіе, на другой—Петръ, Нарышкины и нѣкоторые дѣятели послѣдняго времени царствованія Θеодора, напр., Языковъ, Лихачевъ и др.

Таково было состояніе двора въ первые годы жизни Петра. Его судьба въ это время подвергалась многимъ превратностямъ. При жизни Алексѣя, онъ и мать его пользовались особенно выгоднымъ положеніемъ при дворѣ. Вмѣстѣ съ паденіемъ Матвеева многое измѣнилось и въ житьѣ-бытьѣ Натальи Кирилловны и Петра. Они жили въ Преображенскомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ двора. Нѣтъ сомнѣнія, что мать царевича страдала отъ такого пренебреженія къ ней; для ея сына бо̀льшая свобода и отсутствіе строгаго придворнаго этикета въ Преображенскомъ могли считаться не малой выгодою. Обыкновенно царевичи на Руси до пятнадцати-лѣтняго возраста содержались какъ-бы узниками въ Кремлѣ. Петръ выросталъ на свѣжемъ воздухѣ, въ окрестностяхъ столицы.

О первыхъ годахъ жизни Петра сохранилось два рода источниковъ: архивныя дѣла и легендарныя сказанія. Послѣднія, повторяемыя безконечно впродолженіе XVIII вѣка и понынѣ, представляютъ исторію дѣтства Петра въ какомъ-то идеальномъ свѣтѣ, заключаютъ въ себѣ множество небылицъ о баснословныхъ дарованіяхъ царственнаго ребенка и не заслуживаютъ почти никакого вниманія. Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ кое-какіе документы, изданные въ послѣднее время и дающіе намъ довольно точное понятіе о нѣкоторыхъ подробностяхъ дѣтства Петра. Мы узнаемъ, что юный Петръ былъ окруженъ карлами и карлицами, что его первый наставникъ, подъячій Зотовъ, велѣлъ изготовлять для царевича такъ называемые «куншты», т. е. картинки для нагляднаго обученія; мы узнаемъ, что между игрушками Петра занимало видное мѣсто разнаго рода оружіе и что для него писались иконы; все это не представляетъ собою ничего особеннаго и было обыкновеннымъ явленіемъ въ отроческой жизни царскихъ дѣтей.

Однако, число предметовъ, изготовленныхъ для обученія и увеселенія царевича, довольно значительно. Сохранились имена ремесленниковъ, токарей, маляровъ и проч., которые участвовали въ изготовленіи этихъ предметовъ, стрѣлъ, саблей и пушекъ. Особеннаго вниманія достойно то обстоятельство, что, какъ видно изъ архивныхъ данныхъ, въ то время, когда Петру исполнилось двѣнадцать лѣтъ, ко двору были поставляемы для царевича разныя ремесленныя орудія, какъ-то: инструменты для каменной работы, для печатанія и переплета книгъ, а также верстакъ и токарный станокъ. Впослѣдствіи, въ 1697 году, курфирстина Софія Шар-

лотта замѣтила, что Петръ можетъ считаться знатокомъ въ четырнадцати ремеслахъ; епископъ Бёрнетъ, въ Англіи, въ 1698 году,

СТРАНИЦА

изъ учебной тетради Петра Великаго.

(Со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова).

Минуты вынимаются такъ (въ радусе 60 минут) і буде минуты которыя солце покажет болше декълинациевых минутъ і их вынимат просто (супстракциею) а будет декълинациевы минуты болше і тогъда занят одинъ градус і прибавит ктѣмъ минутом которыя солнце покажет и вынимать также (супъстракъциею).

порицалъ Петра за особое пристрастіе его къ ремесленнымъ занятіямъ. Архивныя данныя, относящіяся къ дѣтству Петра, свидѣ-

тельствуютъ о томъ, что онъ уже въ раннихъ лѣтахъ особенно охотно занимался техникою ремеслъ и отличался направленіемъ реальнаго обученія въ противоположность брату Θеодору, получившему въ свое время главнымъ образомъ богословское образованіе. Зато разсказы тѣхъ собирателей анекдотовъ, которые обращаютъ особенное вниманіе на солдатскія игры царевича, не имѣютъ особеннаго значенія [1]).

Во всякомъ случаѣ, первоначальное обученіе Петра было какимъ-то случайнымъ, несистематическимъ и неосновательнымъ. Изъ учебныхъ тетрадей Петра, разсмотрѣнныхъ Устряловымъ и отчасти сообщенныхъ этимъ ученымъ въ приложеніяхъ къ своему труду, мы видимъ, что Петръ былъ уже юношею, когда началъ заниматься основаніями ариθметики. Ошибки правописанія въ тысячахъ собственноручныхъ писемъ, набросковъ и выписокъ Петра, свидѣтельствуютъ также о недостаточности элементарнаго его обученія. Императрица Елизавета разсказывала Штелину, какъ ея отецъ, однажды, заставъ своихъ дочерей, Анну и Елизавету, за учебнымъ урокомъ, замѣтилъ, что онъ самъ въ свое время, къ сожалѣнію, не имѣлъ случая пользоваться выгодами основательнаго ученія [2]).

Имѣя четыре года, Петръ, черезъ ссылку Матвеева, лишился друга и покровителя, который лучше всякаго другого могъ бы позаботиться о воспитаніи царевича. Въ то время, когда кончина Θеодора открыла десятилѣтнему Петру путь къ занятію престола, можно было надѣяться, что Матвеевъ, опытный государственный дѣятель и многосторонне образованный западникъ, сдѣлается наставникомъ и руководителемъ молодого государя.

Вышло иначе. Въ ближайшемъ будущемъ Матвеева ожидала страшная катастрофа. Послѣдовали потрясающія событія весны 1682 года.

[1]) См. статью Астрова въ «Русск. Арх.». 1875. II, 470. Забѣлинъ. Опыты. Москва, 1872. I ч. и слѣд.

[2]) Чтенія М. Общ. И. и Др. 1866. IV. Смѣсь, стр. 80.

Коломенскій дворецъ.

Съ рѣдчайшей гравюры Гильфердинга (сдѣланной съ натуры за годъ до разрушенія дворца), находящейся въ коллекціи П. Я. Дашкова.

ГЛАВА II.

Кризисъ 1682 года.

Государственное право тогдашней Россіи заключало въ себѣ пробѣлъ: недоставало закона относительно престолонаслѣдія. Всего лишь нѣсколько десятилѣтій прошло со времени вступленія на престолъ дома Романовыхъ. До этого событія въ Россіи бывали неоднократно случаи нарушенія правильности въ порядкѣ наслѣдія престола. По смерти царя Θеодора Ивановича, Борисъ Годуновъ сдѣлался царемъ, благодаря коварству и искусственно устроеннымъ народнымъ демонстраціямъ. Лжедимитрій съ оружіемъ въ рукахъ пробилъ себѣ дорогу къ престолу. Василій Шуйскій былъ выкрикнутъ царемъ партіею бояръ, что можетъ быть названо революціонною мѣрою, а отнюдь не правильнымъ выборомъ. Вступленіе на престолъ Михаила Θеодоровича Романова было также чрезвычайнымъ событіемъ, соотвѣтствовавшимъ неправильности предшествовавшихъ фактовъ. Котошихинъ замѣчаетъ, что даже при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича происходило нѣчто въ родѣ выбора государя [1]). При вступленіи на престолъ Θеодора Алексѣевича ожидали также, что дѣло не обойдется безъ затрудненій.

---

[1]) Котошихинъ. О Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стр. 4 и 100.

Когда умеръ Θеодоръ Алексѣевичъ, не было сдѣлано никакого предварительнаго распоряженія о престолонаслѣдіи. Въ 1682 году въ особенности обнаружилось неудобство отсутствія постановленій о престолонаслѣдіи; не было предусмотрѣно случая болѣзни, или несовершеннолѣтія тѣхъ лицъ, которыхъ можно было имѣть въ виду для возведенія на престолъ, и необходимаго при такомъ обстоятельствѣ регентства. Рѣшеніе вопроса о наслѣдникѣ и регентствѣ зависѣло отъ исхода упорной борьбы личныхъ, противоположныхъ одинъ другому интересовъ. Является раздоръ въ царской семьѣ. Дворъ дѣлится на партіи. Борьба Нарышкиныхъ съ Милославскими, невозможная при жизни царя Алексѣя, но начавшаяся уже при царѣ Θеодорѣ, запылала, вслѣдствіе упраздненія престола въ 1682 году.

Достойно вниманія, что за нѣсколько лѣтъ до этихъ событій извѣстный «Серблянинъ», Юрій Крижаничъ, въ своихъ сочиненіяхъ, писанныхъ для царей, Алексѣя и Θеодора, указывалъ на необходимость опредѣленія точныхъ правилъ о престолонаслѣдіи, какъ на единственное средство отвратить ужасную опасность, грозящую государству при каждой перемѣнѣ на престолѣ. Онъ говорилъ о несчастіяхъ, постигшихъ Россію въ началѣ XVII вѣка отъ недостатка точнаго и яснаго закона о престолонаслѣдіи, указывалъ на смуты, случившіяся на Западѣ послѣ кончины Людовика Благочестиваго (въ 840 году), причемъ старался обращать вниманіе читателей на опасность, заключающуюся въ предпочтеніи при замѣщеніи престола младшихъ братьевъ старшимъ. Крижаничъ выставляетъ на видъ, что нужно самымъ точнымъ образомъ предварительно опредѣлить мѣру умственной или физической слабости, исключающихъ для наслѣдника возможность вступленія на престолъ. Вся эта аргументація ученаго публициста обставлена примѣрами изъ исторіи различныхъ народовъ. Особенно любопытно замѣчаніе, что подобные пробѣлы въ государственномъ правѣ даютъ войску возможность вмѣшиваться въ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи, причемъ указано на образъ дѣйствій янычаръ въ Турціи, преторіанцевъ въ Римѣ [1]).

Разсужденія Юрія Крижанича оказались какъ бы пророчествомъ событій 1682 года. Борьба за престолъ являлась неминуемою.

Въ первые годы жизни, положеніе Петра, при соперничествѣ Милославскихъ съ Нарышкиными, было очень невыгодно и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже опасно. Родные братья царицы На-

[1]) Изд. Безсонова. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. I, 322, 437 и 438.

тальи Кирилловны находились въ ссылкѣ; сама она подвергалась всяческимъ оскорбленіямъ.

Тѣмъ не менѣе, въ первые же дни послѣ кончины царя Өеодора Алексѣевича дѣла необыкновенно быстро устроились въ пользу Петра.

Өеодоромъ Алексѣевичемъ, какъ мы уже сказали, не было сдѣлано никакого распоряженія касательно престолонаслѣдія. Быть можетъ, его до послѣдняго времени не покидала надежда имѣть сына. Теперь же приходилось рѣшить вопросъ, кому царствовать: пятнадцатилѣтнему, хворому, слабоумному, почти совершенно лишенному зрѣнія Ивану, или десятилѣтнему Петру?

Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи. На одной сторонѣ группировались представители правительства при царѣ Өеодорѣ: Лихачевъ, Языковъ, Апраксинъ; они желали воцаренія Петра; на другой были Милославскіе, желавшіе перевѣса своихъ родственниковъ, дѣтей отъ перваго брака царя Алексѣя.

Хотя, какъ это видно изъ донесеній голландскаго резидента Келлера, и можно было ожидать скорой кончины царя Өеодора, все-таки подобное событіе, кажется, застало врасплохъ враждебныя другъ другу группы при дворѣ. Милославскіе оказались неприготовленными къ дѣйствіямъ; приверженцы же Петра думали, что при провозглашеніи новаго царя дѣло дойдетъ даже до ножей. По свидѣтельству одного современника, Долгорукіе и Голицыны, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, поддѣли подъ платье панцыри [1]).

Какъ и прежде въ подобныхъ случаяхъ, такъ и въ 1682 году, рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи руководилъ патріархъ. Какъ только скончался царь Өеодоръ, 27-го апрѣля, въ 4 часу по полудни, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю палату и предложилъ вопросъ: кому изъ двухъ царевичей вручить скипетръ и державу? Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чиновъ людьми Московскаго государства. Весьма вѣроятно, что они имѣли въ виду придать этимъ бо́льшую силу избранію Петра. Патріархъ съ духовными лицами и вельможами вышелъ на крыльцо, велѣлъ народу собраться на площади и спросилъ: кому быть на царствѣ? Раздались крики: «Быть государемъ царевичу Петру Алексѣевичу!». Раздался голосъ и въ пользу Ивана, но тотчасъ же былъ заглушенъ.

Очевидно, дѣло было рѣшено раньше, до обращенія къ случайно собравшейся у крыльца толпѣ, названной «всѣхъ чиновъ

---

[1]) Сахаровъ. Записки русскихъ людей. Спб., 1841, стр. 5.

людьми Московскаго государства». Нѣтъ сомнѣнія, что приверженцы Нарышкиныхъ въ данную минуту были гораздо сильнѣе партіи Милославскихъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что ни въ оффиціальномъ документѣ, въ которомъ разсказано это событіе, ни въ подробномъ описаніи современника и свидѣтеля, а къ

Царь Иванъ Алексѣевичъ.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

тому же сторонника партіи Милославскихъ, Сильвестра Медвѣдева, ни слова не говорится, почему не было обращено вниманія на права Ивана [1]). Только нѣсколько позже, послѣ кровопролитія въ половинѣ мая, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, былъ составленъ другой оффиціальный разсказъ о событіи 27-го апрѣля, совсѣмъ не сходный съ первымъ [2]) и не заслуживающій довѣрія.

[1]) П. С. З. № 914. Зап. рус. людей. 1—5.
[2]) П. С. З. № 920.

Голосъ, крикнувшій въ пользу Ивана и тотчасъ же заглушенный, принадлежалъ Сумбулову, который, по разсказу одного современника, вскорѣ послѣ кризиса, въ маѣ, былъ удостоенъ за этотъ подвигъ званія думнаго дворянина. Показаніе это подтверждается архивными данными [1]).

Такимъ образомъ, на этотъ разъ о правахъ Ивана не было рѣчи. Точно также и вопросъ о регентствѣ оставался открытымъ.

Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

Вся Москва въ тотъ же день присягнула десятилѣтнему царю, а за Москвою и вся Россія безпрекословно. Было лишь одно исключеніе. Между бумагами, относящимися къ дѣлу присяги, мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Того-жъ числа учинились сильны и креста не цѣловали стрѣльцы Александрова приказа Карандѣева; и Великій Государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничаго князя Константина Осиповича Щербатова, да думнаго дворянина Веденихта Андреевича Змѣева, да думнаго дьяка Емельяна

[1]) Зап. Матвеева. О повышеніи Сумбулова 26-го іюня 1682 г. см. приложеніе къ XIV тому Соловьева, LIII. Анекдотъ о Сумбуловѣ, разсказанный Голиковымъ (Дѣянія Петра В. I, 155), имѣетъ характеръ легенды.

Украинцева, и ихъ уговорили, и они крестъ Великому Государю цѣловали» [1]).

Новое правительство — кажется, тутъ дѣйствовала главнымъ образомъ мать Петра — позаботилось прежде всего сообщить о случившемся Матвееву. Между тѣмъ, агитація въ пользу правъ Ивана усилилась. Черезъ двѣ недѣли послѣ избранія Петра вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ. Незадолго до этой смуты состоялся пріѣздъ Матвеева въ Москву и послѣдовало назначеніе брата царицы Натальи, Ивана Кирилловича Нарышкина, бояриномъ и оружейничимъ [2]).

Въ то же время выступаетъ на сцену старшая сестра юнаго Петра, царевна Софья Алексѣевна, родившаяся въ 1657 г. Если принять въ соображеніе чрезвычайно неблагопріятныя условія, при которыхъ вообще тогда въ Московскомъ государствѣ выростали царевны, если вспомнить о ничтожной роли, которую играли другія женщины царскаго семейства, то мы, судя по образу дѣйствій Софьи съ 1682 по 1689 годъ, не можемъ сомнѣваться въ ея способностяхъ и чрезвычайной смѣлости. Разсказы о ея красотѣ, встрѣчающіеся въ запискахъ такихъ путешественниковъ [3]), которые были въ Россіи нѣсколько позже, противорѣчатъ замѣчаніямъ людей, имѣвшихъ случай видѣть царевну [4]). Никто не отрицалъ въ ней дарованій и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбія и властолюбія. Андрей Артамоновичъ Матвеевъ замѣчаетъ, что героинею ея воображенія была греческая царевна Пульхерія, которая, взявши власть изъ слабыхъ рукъ брата своего, Ѳеодосія, такъ долго и славно царствовала въ Византіи [5]).

Можно считать вѣроятнымъ, что эпоха царствованія Ѳеодора Алексѣевича была полезною политическою школою для царевны Софьи. Она имѣла возможность сблизиться съ передовымъ, просвѣщеннымъ и широко образованнымъ русскимъ человѣкомъ того времени, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, котораго страстно полюбила. Многому она могла научиться отъ князя Хованскаго и отъ своихъ родственниковъ, Милославскихъ. Довольно важное значеніе въ воспитаніи царевны имѣлъ извѣстный богословъ, Симеонъ Полоцкій. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ ея былъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, считавшійся глубоко ученымъ человѣкомъ и бывшій первымъ библіографомъ въ Россіи.

---

[1]) Соловьевъ, XIV. Приложенія, стр. XXVI.
[2]) Тамъ-же, XXXIII.
[3]) Перри, Штраленбергъ.
[4]) Шлейзингъ, Нёвиль.
[5]) Зап. рус. людей.

Люди, восхвалявшіе Софью, сравнивали ее съ Семирамидою и съ англійскою королевою Елизаветою. Средства, употребляемыя ею для достиженія желаныхъ цѣлей, для захвата власти и удержанія ея, не всегда соотвѣтствовали началамъ нравственности. Чѣмъ менѣе интересы партіи Милославскихъ вообще, и царевны Софьи въ особенности, были обезпечены законодательствомъ и положительнымъ правомъ, чѣмъ затруднительнѣе и опаснѣе было положеніе, въ которомъ находились царевна и ея ближайшіе родственники, тѣмъ легче эти сторонники правъ Ивана, оскорбленные избраніемъ Петра въ цари, могли думать о разныхъ мѣрахъ для того, чтобы войти въ силу, получить вліяніе, занять положеніе въ государствѣ. При довольно подробныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ объ образѣ дѣйствій Софьи и ея приверженцевъ, должно считать неудавшеюся сдѣланную недавно попытку оправдать во всѣхъ отношеніяхъ царевну [1]).

Въ разныхъ разсказахъ современниковъ встрѣчаются данныя о томъ, что Софья старалась возбудить волненіе въ народѣ и что въ день погребенія царя Ѳеодора она удивила всѣхъ, шествуя за гробомъ въ соборъ, вопреки обычаю, недопускавшему царевенъ участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ. Напрасно отговаривали ее, доказывали неприличіе подобнаго поступка,— Софья никого не послушала и, говорятъ, обратила на себя вниманіе народа громкими воплями. Когда царица Наталья, съ сыномъ Петромъ, вышла изъ собора до окончанія службы, Софья отправила монахинь къ царицѣ съ выговоромъ за такое невниманіе къ памяти царя Ѳеодора. По окончаніи погребенія, Софья, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ такими словами: «видите, какъ братъ нашъ, царь Ѳеодоръ, неожиданно отошелъ съ сего свѣта: отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами; нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ, Иванъ, не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ». Слова эти, по разсказу современника, произвели сильное впечатлѣніе на народъ [2]).

Какъ бы то ни было, антагонизмъ между Софьею и ея приверженцами, съ одной стороны, и Натальею Кирилловною, Петромъ

[1]) Такова была цѣль сочиненія г. Аристова: Московскія смуты въ правленіе Софьи. Варшава, 1871.

[2]) Diariusz zabóystwa tyrańskiego senatorow moskiewskich w Stolicy. Рукопись находится въ Имп. Библ. въ С.-Петербургѣ. Мы пользовались нѣмецкимъ переводомъ «Kurtze und gründliche Relation» и пр., напечатаннымъ въ 1686 г.

и ихъ сторонниками—съ другой, обнаружился тотчасъ же послѣ кончины Θеодора и избранія Петра. Несмотря на нѣкоторыя про-

Царевна Софья Алексѣевна.
Съ портрета, находящагося въ Романовской Галлереѣ.

тиворѣчія въ разсказахъ современниковъ и на пробѣлы въ историческомъ матеріалѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что партія Милославскихъ употребляла разныя усилія, чтобы пріобрѣсти значеніе наряду съ господствующей партіей Нарышкиныхъ или даже, буде

возможно, вытѣснивъ послѣднихъ, занять первое мѣсто въ государствѣ. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что Софья и ея ближайшіе родственники для этой цѣли воспользовались стрѣлецкою смутою, начавшеюся въ самое послѣднее время царствованія Ѳеодора. Не нужно было для устраненія противниковъ возбуждать бунтъ: оставалось лишь дать волненію уже и безъ этого раздраженнаго войска извѣстное направленіе и указать на тѣ жертвы, гибель которыхъ могла казаться выгодною для ищущихъ власти.

Волненіе въ стрѣлецкомъ войскѣ началось, какъ мы уже сказали, еще при жизни царя Ѳеодора. Нѣтъ сомнѣнія, что жалобы стрѣльцовъ на недостатки военной администраціи, на недобросовѣстность полковниковъ имѣли основаніе. Стрѣльцамъ не давали слѣдуемыхъ имъ денегъ; ихъ принуждали къ работамъ, не входившимъ въ кругъ ихъ обязанностей.

При этомъ, какъ довольно часто и прежде, обнаружилась изумительная слабость правительства. Не разъ, особенно въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, правительство предоставляло разъяренной толпѣ наказывать недобросовѣстныхъ сановниковъ, такъ что обвинители становились палачами. То же самое случилось и въ 1682 году. По распоряженію правительства, обвиняемые стрѣлецкіе полковники были наказаны отчасти самими стрѣльцами, отчасти въ присутствіи стрѣльцовъ, причемъ мѣра наказанія зависѣла главнымъ образомъ отъ послѣднихъ [1]).

Такой слабости правительства можно было удивляться тѣмъ болѣе, что уже и прежде происходили частые случаи нарушенія или, вѣрнѣе, отсутствія дисциплины въ стрѣлецкомъ войскѣ. Въ Чигиринскихъ походахъ при царѣ Ѳеодорѣ, какъ и потомъ въ Азовскихъ походахъ, стрѣльцы оказались плохими воинами. И во время бунта Стеньки Разина стрѣлецкое войско обнаруживало нѣкоторую склонность къ своеволію и непослушанію. Стрѣльцы, благодаря своимъ привилегіямъ, составляли касту въ государствѣ и, не будучи воинами по призванію, гораздо болѣе обращали вниманія на занятія торговлею и промышленностью, нежели на ратное дѣло; между ними были люди знатные и зажиточные; они сплотились въ организованную корпорацію, они черезъ депутатовъ привыкли заявлять о своихъ нуждахъ и жалобахъ. Все это легко могло сдѣлаться весьма опаснымъ во время неопредѣленнаго положенія правительства, въ минуту перемѣны на престолѣ. Недаромъ Юрій

---

[1]) Разсказъ свидѣтеля, датскаго резидента Бутенанта фонъ-Розенбуша, въ соч. Устрялова, I, 330.

Крижаничъ за нѣсколько лѣтъ до 1682 года говорилъ о революціонныхъ дѣйствіяхъ преторіанцевъ и янычаръ. Недаромъ одинъ изъ иностранцевъ-современниковъ называлъ стрѣльцовъ русскими янычарами.

Наказаніе нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковниковъ совершилось въ первые дни царствованія юнаго Петра. Страсти разгорѣлись. Произошло убіеніе нѣсколькихъ полковниковъ любимымъ тогда способомъ: несчастныхъ втаскивали на башни и оттуда сбрасывали на землю. Главный начальникъ стрѣлецкаго войска, князь Долгорукій, не былъ въ состояніи успокоить мятежниковъ. Въ такое время орудіе, которымъ до того располагало правительство для сохраненія тишины и порядка, легко могло обратиться противъ самой власти. Сила была въ рукахъ войска. Отъ него зависѣло, кого признать настоящимъ правительствомъ. Для лицъ, недовольныхъ избраніемъ Петра въ цари, стрѣльцы могли сдѣлаться лучшими союзниками.

Трудно рѣшить вопросъ: родилось-ли въ рядахъ стрѣльцовъ, независимо отъ какихъ либо внушеній со стороны Милославскихъ, сомнѣніе въ законности новаго правительства, или же справедливо показаніе Матвеева, утверждающаго, что Милославскіе распространеніемъ разныхъ ложныхъ слуховъ старались вооружить стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ? Мы видѣли, что уже въ первый день царствованія Петра одинъ полкъ не хотѣлъ присягать младшему царевичу [1]).

Петръ самъ впослѣдствіи указывалъ на Ивана Милославскаго, какъ на главнаго виновника кровопролитія, начавшагося 15-го мая. Это мнѣніе соотвѣтствуетъ подробнымъ разсказамъ Андрея Артамоновича Матвеева о крамолахъ Ивана Милославскаго, о гнусныхъ средствахъ, употребленныхъ имъ съ цѣлью погубить Нарышкиныхъ и вообще сторонниковъ исключительныхъ правъ Петра. Нельзя не считать разсказъ Матвеева правдоподобнымъ: и прежде при такихъ случаяхъ отчаянной вражды между различными семействами или отдѣльными лицами распространяемы были ложные слухи о дѣйствіяхъ людей, обреченныхъ на гибель. Доносы и поклепы весьма часто бывали въ ходу въ Московскомъ государствѣ. Не мудрено, что въ 1682 году были выдумываемы и тщательно распространяемы разныя небылицы объ отравленіи царя Θеодора, о стараніяхъ Нарышкиныхъ убить царевича Ивана, о желаніи Ивана

[1]) Г. Аристовъ, возставая противъ достовѣрности разсказа Матвеева, не сомнѣвается въ томъ, что самимъ стрѣльцамъ пришло въ голову ходатайствовать за права Ивана; стр. 71.

Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году.

Съ картины Дмитріева. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

Нарышкина вступить на престолъ и пр. Если-бы даже нѣкоторыя подробности въ запискахъ Матвеева о ночныхъ сходкахъ у Ивана Милославскаго, о появленіи разныхъ агентовъ въ Стрѣлецкой слободѣ и т. п. и подлежали сомнѣнію, то все таки можно считать вѣроятнымъ, что стрѣльцы, поднимая знамя бунта 15-го мая, находились подъ вліяніемъ высокопоставленныхъ лицъ придворной партіи. Мы не знаемъ, какимъ образомъ появился въ рукахъ стрѣльцовъ списокъ тѣмъ лицамъ, которыя должны были погибнуть. Одною изъ первыхъ и главныхъ жертвъ былъ другъ и совѣтникъ царицы Натальи, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ.

Можно полагать, что царица Наталья Кирилловна съ нетерпѣніемъ ждала прибытія Матвеева. Его пріѣздъ 11-го мая не столько былъ средствомъ спасенія многихъ жертвъ, сколько сигналомъ начала кровопролитія. Первый пріемъ, оказанный знаменитому государственному дѣятелю, прожившему нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ, былъ благопріятенъ. Съ разныхъ сторонъ ему оказывали уваженіе. Даже стрѣльцы всѣхъ полковъ поднесли ему хлѣбъ-соль, «сладкаго меду на остромъ ножѣ», какъ выражается сынъ Артамона Сергѣевича въ своихъ «Запискахъ». На дорогѣ въ Москву встрѣтили его семеро стрѣльцовъ, которые нарочно шли на встрѣчу къ нему, чтобъ разсказать о волненіяхъ товарищей и объ опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что Матвеевымъ, сколько мы знаемъ, не было принято никакихъ мѣръ для предупрежденія мятежа. Можно думать, что событія 15—17 мая были результатомъ систематически задуманнаго, тайно подготовленнаго заговора.

15 мая, утромъ, мятежъ вспыхнулъ. Стрѣльцы въ полномъ вооруженіи побѣжали со всѣхъ сторонъ къ Кремлю. Начались убійства, при которыхъ мятежники дѣйствовали, очевидно, по предварительно составленному плану, руководствуясь спискомъ жертвъ, на которомъ было обозначено не менѣе 46 лицъ. Многочисленною толпою стрѣльцы явились у Краснаго Крыльца передъ Грановитою Палатою и громко требовали головы Нарышкиныхъ, погубившихъ будто-бы царевича Ивана. Напрасно имъ былъ показанъ царевичъ Иванъ въ доказательство, что онъ живъ и здоровъ и что никто его не «изводилъ»; напрасно выходили къ толпѣ, стараясь ее успокоить, Матвеевъ и царица Наталья, съ юнымъ царемъ Петромъ. Когда начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, грозно крикнулъ на стрѣльцовъ и велѣлъ имъ немедленно удалиться, его схватили, сбросили съ крыльца внизъ на подставленныя копья и изрубили бердышами. Тотчасъ-же послѣ этого и Матвеевъ погибъ подобною-же смертью. Царица Наталья

спѣшила укрыться съ царевичами во внутреннихъ покояхъ Кремля. Всякая дѣятельность правительства прекратилась. Не было никого, кто-бы могъ или захотѣлъ принять какія либо мѣры противъ мятежниковъ. Жизнь всѣхъ сановниковъ оказалась въ крайней опас-

Стрѣльцы-начальники.

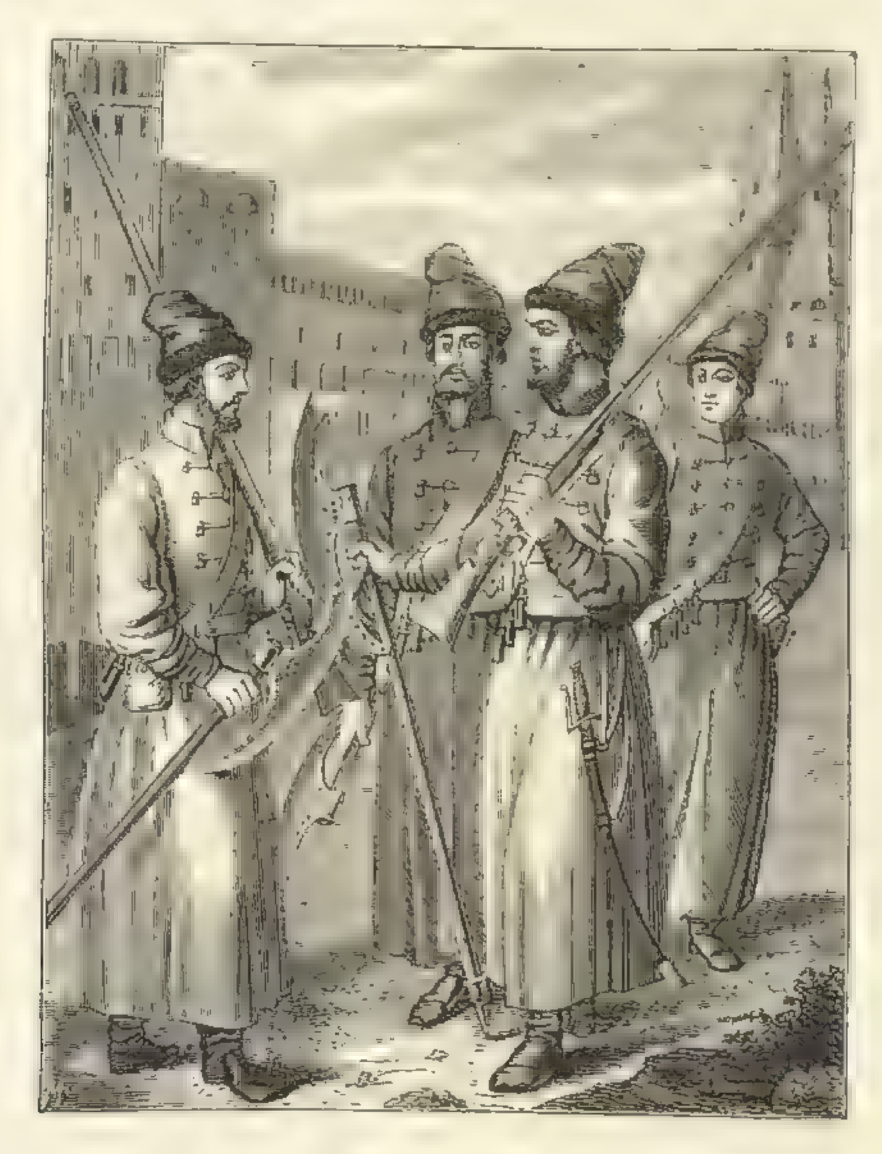
С рисунка, находящагося въ „Описанiи одеждъ и вооруженiя русскихъ войскъ".

ности. Судьи, подъячiе, приказные люди спрятались, кто гдѣ могъ. Присутственныя мѣста опустѣли [1]).

Такимъ образомъ, стрѣльцы могли свирѣпствовать безнаказанно. Они ворвались во дворецъ и обыскивали въ немъ всѣ палаты. Въ этотъ день были убиты еще нѣкоторые вельможи, между ними братъ царицы Натальи, Аѳанасій Кирилловичъ Нарышкинъ. Другимъ родственникамъ ея удалось до поры до времени спрятаться въ какомъ-то чуланѣ. Тамъ же находился и молодой сынъ боярина

[1]) Разсказъ Медвѣдева въ изд. Сахарова, стр. 16.

Матвеева, Андрей Артамоновичъ, которому мы обязаны подробнымъ разсказомъ объ этихъ событіяхъ. И внѣ стѣнъ Кремля происходили убійства. Погибли извѣстный бояринъ Ромодановскій, думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, управлявшій Посольскимъ Приказомъ при царѣ Ѳеодорѣ, и другіе.



Стрѣльцы-рядовые.

С рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

На другой день убійства продолжались. Съ особеннымъ упорствомъ искали Ивана Нарышкина и иностранца-врача Данiила фонъ-Гадена, обвиняемаго въ отравленіи царя Ѳеодора Алексѣевича. Обоихъ отыскали не ранѣе какъ на третій день бунта и убили самымъ мучительнымъ образомъ. Подробности этихъ происшествій, въ особенности гибель Ивана Нарышкина, который, по просьбѣ нѣкоторыхъ бояръ, опасавшихся гнѣва черни, а также царевны Софьи, былъ отданъ стрѣльцамъ на растерзаніе, разсказаны въ за-

писках Матвеева и другихъ современниковъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти частности заключали въ себѣ что либо прямо служащее къ обвиненію царевны Софьи.

Зато заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство, передаваемое въ разсказѣ современника-очевидца, датскаго резидента, дающее намъ возможность составить себѣ понятіе о способѣ вліянія придворной партіи на стрѣльцовъ. Когда резидентъ, жизнь котораго также находилась въ опасности, стоялъ, окруженный толпою мятежниковъ у Краснаго Крыльца, князь Хованскій, принадлежавшій, безъ сомнѣнія, къ приверженцамъ царевны Софьи, вышелъ изъ дворца и обратился къ стрѣльцамъ съ вопросомъ, не пожелаютъ ли они удаленія царицы Натальи отъ двора? Въ отвѣтъ, разумѣется, раздались неистовые крики, что удаленіе царицы желательно [1]).

Изъ слѣдующихъ данныхъ можно видѣть, что 16-го мая началось фактическое царствованіе царевны Софьи. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ въ этотъ день былъ назначенъ начальникомъ Посольскаго Приказа; начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа сдѣлался князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; начальникомъ Приказовъ: Иноземскаго, Рейтарскаго и Пушкарскаго, былъ назначенъ родной дядя царевны, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій [2]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мятежники дѣйствовали, безъ сомнѣнія, по собственной волѣ. Подобно тому, какъ во время бунта Стеньки Разина, въ маѣ 1682 года были разграблены правительственные архивы и сожжены въ особенности бумаги, относящіяся къ крестьянскимъ дѣламъ. Въ стараніи уничтожить граматы, на основаніи которыхъ богатые люди владѣли крестьянами, можно видѣть попытку дать толчокъ движенію низшаго класса. Попытка осталась тщетною. Крестьянской войны не было. Но цѣлый рядъ чрезвычайно строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ крестьянъ послѣ возстановленія порядка и тишины, свидѣтельствуетъ о мѣрѣ опасности, въ которой находились государство и общество въ этомъ отношеніи [3]).

Послѣ кровопролитія еще нѣсколько дней Петръ оставался царемъ одинъ. Пока объ Иванѣ не было рѣчи. На дѣлѣ, однакожъ, съ самаго начала бунта вся власть находилась въ рукахъ царевны Софьи. Нарышкины были устранены совершенно. Родственники

---

[1]) Устряловъ, I, 344.

[2]) Соловьевъ, XIV. Приложенія, стр. XXXVI.

[3]) Разсказъ Бутенанта фонъ-Розенбуша, у Устрялова. I. 341. На строгія мѣры указано было Аристовымъ.—П. С. З. № 992.

царицы Натальи или были убиты, или, переодѣтые въ крестьянское платье, бѣжали изъ Москвы. Относительно отца царицы въ дѣлахъ встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: «мая въ 18-й день приходили всѣхъ приказовъ выборные люди безъ ружья и били челомъ Великому Государю и Государынямъ Царевнамъ, чтобы боярина Кириллу Полуектовича Нарышкина указалъ Великій Государь постричь. И Великій Государь указалъ его постричь въ Чудовѣ монастырѣ» и проч. [1]). Такимъ образомъ, мать Петра оставалась въ одиночествѣ, въ безпомощномъ положеніи. Многіе вельможи, которые могли бы сдѣлаться совѣтниками царицы, пали жертвою мятежа. Торжество Софьи и ея приверженцевъ было полное.

Приходилось наградить мятежниковъ, которые во время бунта «положили межъ собою ничьихъ домовъ не грабить» и казнили тѣхъ, которые нарушали это правило. 19-го мая солдаты и стрѣльцы пришли къ дворцу и просили выдать слѣдуемыя имъ деньги, въ количествѣ 240,000 рублей. Затѣмъ они требовали, чтобы имѣнія убитыхъ вельможъ были конфискованы и розданы мятежникамъ. Наконецъ, они указали на нѣкоторыхъ вельможъ, которыхъ должно сослать [2]).

Желанія стрѣльцовъ были отчасти исполнены. Каждому изъ нихъ дано по 10 рублей. Кромѣ того, было велѣно «животы боярскіе и остатки опальные цѣнить и продавать стрѣльцамъ самою дешевою цѣною, а кромѣ стрѣльцовъ никому купить не велѣно» [3]).

Эти мѣры производятъ впечатлѣніе сдѣлки, заключенной между новымъ правительствомъ и мятежниками. Царевна, такимъ образомъ, наградила стрѣльцовъ за оказанныя ей услуги.

Теперь Софья стояла на первомъ планѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1697 году, полковникъ Цыклеръ разсказывалъ, какъ въ 1682 году, послѣ побіенія бояръ и ближнихъ людей стрѣльцами, царевна призывала его и приказывала, чтобы онъ говорилъ стрѣльцамъ, чтобъ они отъ смущенія унялись «и по тѣмъ словамъ онъ стрѣльцамъ говаривалъ» [4]). Впродолженіе всей смуты Софья отличалась хладнокровіемъ и рѣшимостью, не разъ говорила со стрѣльцами и заставила ихъ очистить улицы и площади столицы отъ труповъ. Стрѣлецкое войско, начальникомъ котораго сдѣлался Иванъ Андреевичъ Хованскій, было удостоено почетнаго названія Надворной пѣхоты.

---

[1]) Соловьевъ, XIV. Приложенія XL.
[2]) Тамъ-же, XIV. Приложенія XL.
[3]) Желябужскій. Записки, 2.
[4]) Соловьевъ, XIV, 248.

При такихъ условіяхъ скоро должно было кончиться единодержавіе Петра. Перемѣна произошла, повидимому, по требованію стрѣльцовъ; едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что на нихъ было произведено давленіе со стороны партіи Милославскихъ. Смута началась съ распространенія слуха объ опасности, угрожавшей жизни Ивана. Теперь же стрѣльцы вздумали отстаивать право

Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ.
Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

Ивана на престолъ. 23-го мая, они прислали во дворецъ выборныхъ, которые чрезъ князя Хованскаго объявили царевнамъ, что всѣ стрѣльцы и многіе чины Московскаго государства хотятъ видѣть на престолѣ обоихъ братьевъ, Петра и Ивана. «Если же кто воспротивится тому, они придутъ опять съ оружіемъ и будетъ мятежъ немалый». Царевны собрали бояръ, окольничихъ и думныхъ людей въ Грановитой Палатѣ. Всѣ согласились съ требованіемъ стрѣльцовъ. Тогда послали за патріархомъ и властями, призвали также выборныхъ чиновъ отъ всѣхъ сословій и образовали соборъ. Нѣкоторые члены рѣшились сказать, что двумъ царямъ быть трудно; но другіе возразили, что государство получитъ отъ того великую пользу, особенно въ случаѣ войны: одинъ царь пойдетъ съ войскомъ, другой останется въ Москвѣ для управленія государствомъ; люди грамотные приводили и примѣры изъ древнихъ временъ; ссы-

лались на Фараона и Іосифа, на Аркадія и Гонорія, на Василія и Константина, царствовавшихъ совокупно [1]). Соборъ опредѣлилъ: «быть обоимъ братьямъ на престолѣ». Послѣ этого въ Успенскомъ соборѣ совершено благодарственное молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія царямъ Ивану и Петру. Оба они стояли на царскомъ мѣстѣ рядомъ [2]).

Но главная цѣль еще не была достигнута. Нужно было идти дальше. Стрѣльцовъ извѣстили, что царь Иванъ болѣзнуетъ о

Стрѣлецкое знамя 1684 года.

Съ фотографіи, сдѣланной съ подлинника, хранящагося въ Оружейной Палатѣ.

своемъ государствѣ, да и царевны сѣтуютъ, давая тѣмъ понять, что между царями происходятъ распри. Опять выборные отъ стрѣльцовъ явились во дворецъ, сказали: «чтобы не было въ государскихъ палатахъ смятенія», и требовали, чтобы Иванъ былъ первымъ, а Петръ вторымъ царемъ. Опять былъ созванъ соборъ (26-го мая) и опять всѣ присутствовавшіе согласились исполнить требованіе стрѣльцовъ. Иванъ сдѣлался первымъ царемъ, Петръ вторымъ. Цари угощали по два полка стрѣльцовъ ежедневно въ своихъ палатахъ.

Наконецъ, 29-го мая, стрѣльцы объявили боярамъ, чтобы «правительство, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, вручить сестрѣ

[1]) Не странно ли, что не вспомнили о двоевластіи Михаила и Филарета?

[2]) По рукописному созерцанію Медвѣдева, у Устрялова, I, 42.

ихъ». По разсказу современника, цари, царицы, патріархъ и бояре обратились къ Софьѣ съ просьбами принять на себя бремя правленія. Она, какъ и слѣдовало въ подобныхъ случаяхъ, долго отказывалась, но наконецъ изъявила готовность сдѣлаться правительницею. «Для совершеннаго же во всемъ утвержденія и постоянной крѣпости», она повелѣла во всѣхъ указахъ имя свое писать вмѣстѣ съ именами царей, не требуя, впрочемъ, другого титула, кромѣ «великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны» [1]).

Всѣ эти событія оказались возможными лишь при отсутствіи государственныхъ постановленій относительно права престолонаслѣдія. Они доказывали слабость авторитета патріарха и ничтожность такъ называемыхъ «соборовъ». Дворъ вообще, вельможи, высшее духовенство, представители власти и общества играли жалкую роль орудія въ рукахъ стрѣльцовъ; стрѣльцы же дѣйствовали очевидно подъ вліяніемъ партіи царевны Софьи.

Смута кончилась торжественнымъ объявленіемъ заслугъ стрѣльцовъ. Они сами требовали такого объявленія. 6-го іюня, жалованною грамотою, за красною печатью, отъ имени обоихъ царей, злодѣйства стрѣльцовъ были объявлены «побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы», и въ честь полковъ надворной пѣхоты велѣно было на Красной Площади, близъ Лобнаго Мѣста, воздвигнуть каменный столбъ съ прописаніемъ мнимыхъ преступленій несчастныхъ жертвъ трехдневнаго бунта, при строжайшемъ запрещеніи попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками. О Долгорукихъ было сказано, что они не слушались указовъ государя; Ромодановскій былъ обвиненъ въ измѣнической отдачѣ Чигиринской крѣпости туркамъ; Матвеевъ названъ «отравщикомъ» и проч. Кромѣ того, стрѣльцамъ дарованы разныя льготы, прибавлено жалованье, ограничена служба; запрещено полковникамъ употреблять стрѣльцовъ въ свои работы или наказывать ихъ тѣлесно безъ царскаго разрѣшенія [2]).

Какъ видно, Софья должна была исполнить всѣ требованія стрѣльцовъ. Полковникамъ Цыклеру и Озерову было поручено наблюдать за тѣмъ, чтобы столбъ былъ воздвигнутъ очень скоро. Памятникъ не имѣлъ монументальнаго характера. Надписи были сдѣланы на жестяныхъ доскахъ. Столбъ этотъ простоялъ недолго.

---

[1]) Созерцаніе Медвѣдева, у Устрялова, I, 44 и 279.

[2]) Жалованная грамота въ Актахъ Арх. Экспед. IV, 361.

Единодержавіе Петра продолжалось не болѣе четырехъ недѣль. О занятіяхъ десятилѣтняго отрока въ то время сохранились нѣкоторыя документальныя данныя, изъ которыхъ видно, что (до кровопролитія) дядя царя, Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, въ качествѣ оружейничаго, велѣлъ доставлять ему для игры въ солдаты копья, два лука, пищали, карабины, древки, тафты, для знаменъ и т. под. [1]). 15-го мая Петръ былъ свидѣтелемъ убіенія боярина Матвеева. Въ ту минуту, когда началось кровопролитіе, онъ вмѣстѣ съ матерью находился на Красномъ Крыльцѣ.

Все то, что впослѣдствіи было разсказываемо о какомъ-то геройскомъ мужествѣ юнаго царя, не заслуживаетъ вниманія. Черезъ 15 лѣтъ послѣ смуты, русскіе послы въ Голландіи говорили одному миссіонеру, что среди убійствъ Петръ не обнаруживалъ ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ и своимъ безстрашіемъ изумилъ стрѣльцовъ. До чего доходили легендарные разсказы объ этихъ событіяхъ, видно изъ сообщаемаго Штелиномъ анекдота, что во время смуты Петръ съ матерью бѣжалъ въ Троицу, что тамъ нѣсколько стрѣльцовъ ворвались въ церковь и увидѣли отрока-царя въ объятіяхъ матери въ алтарѣ, что одинъ изъ стрѣльцовъ замахнулся на царя ножомъ и пр. Этотъ разсказъ лишенъ всякаго основанія. Петръ во время смуты 1682 года не оставлялъ столицы и въ достовѣрныхъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого либо покушенія на жизнь царя въ это время [2]).

[1]) Погодинъ, 37—38.
[2]) См. замѣчанія Устрялова, I, 279—281.

ГЛАВА III.

Начало регентства Софьи.

ТОЛЬКО два раза до 1682 года женщины управляли государственными дѣлами въ Россіи. Добрую память по себѣ оставила великая княгиня Ольга, мудро царствовавшая въ X вѣкѣ. Зато регентство матери Ивана Грознаго, Елены Глинской, было тяжелымъ временемъ смутъ, придворныхъ крамолъ, упорной борьбы боярскихъ партій. Послѣ Петра, въ продолженіе бо̀льшей части XVIII вѣка, царствовали женщины. Семилѣтнее правленіе Софьи (1682—1689) было какъ бы вступленіемъ въ эту эпоху преобладанія женскаго элемента въ правительствѣ.

Дочери царя Алексѣя во время его царствованія воспитывались и жили, по обычаю, въ строгомъ уединеніи скромнаго терема. При царѣ Ѳеодорѣ имъ жилось гораздо свободнѣе и привольнѣе. Молодая мачиха, царица Наталья, не имѣла никакого на нихъ вліянія, не могла сдерживать ихъ. Онѣ начали обращать вниманіе на государственныя дѣла, полюбили польскія моды, подумывали о свѣтской жизни, въ противоположность существовавшему до этого затворничеству царевенъ. Всѣхъ способнѣе, образованнѣе, предпріимчивѣе была Софья. Ей удалось забрать въ свои руки бразды правленія. Наравнѣ съ

нею могли имѣть право на регентство другія женщины царской семьи: мать Петра, супруга царя Ѳеодора, дочери царя Михаила, Анна и Татьяна. О нихъ, однако, при смѣлости и силѣ воли Софьи, не было и рѣчи.

Спрашивалось: съумѣетъ-ли правительница, при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ развитія политическихъ способностей

Превія раскольниковъ въ Грановитой Палатѣ.
Съ рисунка художника Дмитріева.

женщинъ въ то время, рѣшить предстоявшія ей трудныя задачи, избрать совѣтниковъ и сотрудниковъ, сдѣлать кое-что полезное для государства до достиженія Петромъ совершеннолѣтія? Чѣмъ успѣшнѣе бы она управляла, тѣмъ легче можно было забыть о томъ насиліи и кровопролитіи, которому она была обязана своимъ положеніемъ во главѣ правительства.

Прежде всего, нужно было думать о средствахъ для успокоенія государства послѣ смуты. Буря утихала мало-по-малу; однако существовало еще много революціонныхъ элементовъ, устраненіе которыхъ лежало на обязанности правительства. Для этого была необходима чрезвычайная сила воли, диктаторская власть. Впродолженіе первыхъ мѣсяцевъ правленія Софьи, опасности, грозившія государству, не прекращались. Нельзя отрицать, что правительница дѣйствовала при этомъ смѣло и цѣлесообразно.

Анархическіе элементы, съ которыми приходилось бороться новому правительству и впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, довольно часто дѣлались весьма опасными. То были: крестьянское движеніе, расколъ, мятежи войска. И при Софьѣ, и потомъ при Петрѣ, эти опасныя явленія вызывали со стороны правительства строгія мѣры.

Прежде всего оказались опасными раскольники.

Двадцать лѣтъ съ небольшимъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при патріархѣ Никонѣ распространеніе раскола приняло большіе размѣры. Въ послѣдніе годы царствованія царя Алексѣя раскольники возставали съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительства. Несмотря на казни, пытки и ссылку, зло не прекращалось. Религіозная борьба находилась въ тѣсной связи съ противогосударственными элементами въ народѣ. Раскольники соединялись охотно и легко съ людьми, ненавидѣвшими усиленную государственную власть, съ противниками недобросовѣстнаго чиновнаго люда, съ казачествомъ. Каждый случай столкновенія съ властью легко получалъ нѣкоторый религіозный оттѣнокъ. Общество, мало заботившееся о чисто политическихъ вопросахъ, всегда было склонно къ богословскимъ разсужденіямъ; фарисейство замѣняло настоящую религіозность. Довольно часто взбунтовавшіеся крестьяне, солдаты и казаки, оправдывали свой образъ дѣйствій тѣмъ, что они стоятъ за домъ святой Богородицы. Мы видѣли, что и стрѣльцы въ 1682 году употребляли это выраженіе. Чѣмъ менѣе образованіе вообще проникало въ народъ, тѣмъ болѣе онъ былъ доступенъ теоріямъ ограниченнаго византинизма и фарисейскаго застоя. Чѣмъ большее вниманіе обращалось на обрядность раскольниками, на внѣшнее благочестіе, тѣмъ сильнѣе они дѣйствовали противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Между тѣмъ какъ правительство сознавало необходимость сближенія съ западною Европою, раскольники, коснѣвшіе въ своей старинной исключительности и односторонности, считали такое стремленіе къ Западу религіозною измѣною. Масса народа, сознаніе котораго было устрем-

лено не впередъ, а назадъ, сочувствовала воззрѣніямъ раскольниковъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ знатоковъ раскола послѣдній былъ справедливо сравненъ съ Лотовою женою, обернувшеюся назадъ и оставшеюся неподвижною.

Расколъ былъ въ одно и то же время элементомъ анархическимъ и ультра-консервативнымъ. Анархическимъ — по готовности каждую минуту возставать противъ власти, консервативнымъ — по склонности къ протесту противъ всякаго нововведенія и всякой реформы. Чѣмъ болѣе склонно къ преобразованіямъ было правительство, тѣмъ сильнѣе оно должно было столкнуться съ расколомъ. Недаромъ между приверженцами Стеньки Разина, незадолго до 1682 года, находилось много раскольниковъ. Немного позже, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, приходилось осаждать Соловецкій монастырь, сдѣлавшійся притономъ раскола. Многіе современники и соучастники этихъ событій еще были въ живыхъ: они ожидали случая для возобновленія враждебныхъ дѣйствій противъ власти.

Когда во время стрѣлецкой смуты авторитетъ правительства исчезъ совершенно, раскольники надѣялись, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, поправить свое положеніе. При этомъ они могли разсчитывать на покровительство нѣкоторыхъ вельможъ. Начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Хованскій, былъ старовѣръ. Нѣсколько дней спустя послѣ кровопролитія, въ разныхъ мѣстахъ столицы появились расколоучители, требовавшіе мѣръ и средствъ къ возстановленію истинной, старой вѣры; началась агитація противъ государственной церкви; посыпались обвиненія на образъ дѣйствій патріарха; началось составленіе челобитенъ, въ которыхъ раскольники, жалуясь на притѣсненіе истинной вѣры, требовали доставленія имъ возможности защищать ее въ публичныхъ преніяхъ о вопросахъ церкви и религіи. Во всемъ этомъ проявлялась ненависть къ высшимъ классамъ общества, зараженнымъ, по мнѣнію массы, латинскою ересью.

Хованскій покровительствовалъ этому движенію, принималъ у себя нѣкоторыхъ вожаковъ раскола и давалъ имъ совѣты.

Старообрядцы требовали, чтобы при предстоявшемъ тогда вѣнчаніи Ивана и Петра на царство литургію служили по старому обряду и при этомъ случаѣ были употреблены просфоры съ старымъ крестомъ. Главнымъ агитаторомъ былъ единомышленникъ извѣстнаго Аввакума, Никита Пустосвятъ, который, написавъ сочиненіе въ защиту раскола, былъ сосланъ въ 1667 году, а затѣмъ помилованъ, за свое мнимое отвлеченіе отъ раскола. Онъ-то именно находился въ сношеніяхъ съ княземъ Хованскимъ. Ко дню

вѣнчанія царей, Никита Пустосвятъ напекъ просфоры по своему толкованію и въ самый день коронаціи отправился въ Успенскій соборъ, но, за несмѣтнымъ множествомъ народа на площади, не могъ пробраться въ церковь. Между тѣмъ вѣнчаніе совершилось по установленному чину, съ обычными обрядами и торжественнымъ величіемъ. Это было 25-го іюня [1]).

Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ.
Съ рисунка художника Дмитріева.

Въ слѣдующіе дни волненіе возросло. Съ разныхъ сторонъ раскольники собрались въ большомъ числѣ въ Москву; происходили сходки. Агитація была въ полномъ разгарѣ, особенно въ частяхъ города, обитаемыхъ стрѣльцами. Расколоучители являлись на улицахъ и площадяхъ, наставляли народъ, возбуждали толпу къ мятежнымъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, стрѣльцы далеко не всѣ были за расколъ. Сторонники различныхъ мнѣній спорили горячо и упорно; съ обѣихъ сторонъ сыпались нареканія и угрозы.

При посредничествѣ князя Хованскаго, фанатики достигли того, что 5-го іюля въ Кремлѣ, въ Грановитой Палатѣ, происходилъ

[1]) Устряловъ, I, 53—60.

между раскольниками и архіереями диспутъ о вѣрѣ и религіи. Трудно понять, какимъ образомъ правительство могло согласиться на эти публичныя пренія. Къ тому же, каждую минуту можно было ожидать открытаго мятежа, потому что взволнованная чернь, толпившаяся около дворца, требовала, чтобы споръ о вѣрѣ происходилъ въ присутствіи всего народа, на Красной Площади.

Согласившись на устройство преній, правительница требовала, чтобы послѣднія происходили въ ея присутствіи. Весь дворъ, царевны, патріархъ, высшее духовенство, собрались для выслушанія жалобъ раскольниковъ. Толпа, ворвавшаяся во дворецъ, тутъ же у дверей Грановитой Палаты столкнулась съ нѣкоторыми духовными лицами. Произошла схватка, такъ что Хованскій вооруженною рукою долженъ былъ возстановлять тишину.

Пѣшій жилецъ.

С рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

Засѣданіе открылось вопросомъ, съ которымъ Софья обратилась къ раскольникамъ: «Зачѣмъ они такъ дерзко и нагло пришли во дворецъ?». Послѣ этого началъ говорить Никита Пустосвятъ, которому возражали патріархъ и Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій. Никита разгорячился и бросился къ Аѳанасію съ неистовствомъ. Выборные стрѣльцы должны были защитить архіепископа. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ царевна порицала образъ дѣйствій Никиты, особенно когда онъ осмѣлился нападать на ученіе Симеона Полоцкаго, бывшаго наставника Софьи. Затѣмъ спорили нѣкоторое время о разныхъ пунктахъ раскольничьей челобитной. Нѣсколько разъ говорила и царевна, съ особеннымъ раздраженіемъ, когда староверы стали доказывать свою любимую мысль, что еретикъ Никонъ поколебалъ душою царя Алексѣя Михайловича. Споръ превратился въ сильный шумъ. Въ гнѣвѣ Софья сошла съ трона. «Намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство!» сказала она. Въ мятежной толпѣ заговорили: «пора, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно-де царствомъ мутить; намъ бы здоровы цари-государи были, а безъ васъ-де пусто не будетъ». Но бояре и выборные стрѣльцы, окруживъ царевну, клялись положить свои

головы за царскій домъ и уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто. Пренія продолжались; но когда Никита Пустосвятъ назвалъ архіереевъ «плутами», царевна велѣла объявить раскольникамъ, что за позднимъ временемъ нельзя продолжать спора. Царскія особы и патріархъ удалились. Выходя къ народу, раскольники торжествовали, показывая видъ, что одержали побѣду надъ архіереями.

Правительница рѣшилась принять энергическія мѣры. Она призвала выборныхъ стрѣльцовъ отъ всѣхъ полковъ, обласкала ихъ, сулила имъ награды, угостила ихъ изъ царскихъ погребовъ, раздала имъ деньги. «Намъ нѣтъ дѣла до старой вѣры», сказали они, возвратившись въ слободы.

Смятеніе продолжалось около недѣли. Носилась молва, что опять будетъ кровопролитіе, что стрѣльцы собираются идти къ Кремлю. Однако, царевна велѣла схватить главныхъ предводителей раскола. Никита Пустосвятъ былъ казненъ на Красной Площади. Мало по малу волненіе утихало. Оставалась лишь опасность, что начальникъ стрѣлецкаго войска, князь Хованскій, благопріятствовалъ движенію раскольниковъ [1]).

Изъ этихъ событій видно, какъ легко можно было вліять на стрѣльцовъ. Съ одной стороны, они были доступны вліянію расколоучителей, съ другой—ихъ задобрила безъ труда царевна, нуждавшаяся въ ихъ помощи для расправы съ старовѣрами. Эта черта имѣетъ значеніе и для оцѣнки событій въ маѣ 1682 г.

Свѣтская власть, позаботившаяся о защитѣ церкви, должна была принять строгія мѣры противъ раскола вообще. Послѣ наказанія главныхъ расколоучителей въ столицѣ, ихъ приверженцы, прибывшіе въ Москву во время волненія, спасались въ разныя мѣста. Приходилось слѣдить за ними и въ отдаленныхъ отъ столицы областяхъ, для предупрежденія и тамъ мятежныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, объясняется цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ, принятыхъ въ это время. Преимущественно берега Волги и Дона сдѣлались убѣжищемъ старовѣровъ. Въ ноябрѣ 1682 года разосланы были грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ. Правительство, и духовное и гражданское, вооружилось противъ раскола грозными средствами, когда почувствовало свою силу. Благодаря этимъ мѣрамъ, сдѣлалось очевиднымъ, что борьба противъ новой церкви, противъ государства, противъ «антихриста» въ массѣ народа была въ полномъ разгарѣ. Со-

[1]) Главными источниками для исторіи этого эпизода служатъ записки Медвѣдева и Саввы Романова. См. Устрялова, I, 46—77, и приложенія I, 284.

хранились данныя о слѣдствіяхъ, произведенныхъ по этимъ дѣламъ. Пытки и казни, ссылка и костры не помогали. Были случаи самосожженія раскольниковъ, осаждаемыхъ въ деревняхъ и монастыряхъ царскими войсками. Многіе старовѣры спасались за-границу, въ Польшу, или въ Швецію, или къ казакамъ на крайнемъ юго-востокѣ, гдѣ борьба съ ними приняла впослѣдствіи, при Петрѣ Великомъ, широкіе размѣры [1]).

Едва правительство успѣло избавиться отъ опасности, грозившей ему отъ раскола, возникъ новый кризисъ. То была опасность военной диктатуры князя Хованскаго.

Хованскій самъ выводилъ свой родъ отъ Гедимина, но предки его не были извѣстны въ старину. Онъ не пользовался хорошею репутаціею относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичъ могъ говорить ему: «я тебя взыскалъ и вызвалъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ». Его считали человѣкомъ заносчивымъ, неумѣющимъ сдерживать себя, непостояннымъ, слушающимся чужихъ внушеній. Народъ далъ ему прозваніе «Тараруя» [2]).

Сдѣлавшись начальникомъ стрѣлецкаго войска, Хованскій обнаруживалъ непріязнь къ боярамъ. Ходили слухи о стараніи его вооружить стрѣльцовъ противъ бояръ. Опасаясь сдѣлаться жертвою бунта въ пользу Хованскаго, Иванъ Милославскій уѣхалъ изъ Москвы, укрывался, переѣзжая изъ одной подмосковной въ другую, «какъ подземный кротъ», по выраженію современника, Андрея Артамоновича Матвеева. Стрѣльцамъ же въ это время старались внушить, что бояре замышляли перевести стрѣлецкое войско. Волненіе усиливалось. Разносились слухи о немедленно предстоявшемъ бунтѣ противъ государей и царевны. Поэтому 20-го августа царское семейство удалилось въ Коломенское. Москва опустѣла. Вельможи или также уѣхали въ Коломенское, или отправились въ свои деревни. На торжествѣ новолѣтія (1-го сентября), всегда совершаемомъ съ пышностью, въ присутствіи всего двора, никто изъ вельможъ не участвовалъ, къ досадѣ патріарха и къ общему изумленію жителей столицы. Народъ ждалъ большихъ бѣдъ.

Стрѣльцы отправили въ Коломенское выборныхъ съ увѣреніями, что они не имѣютъ никакого умысла, и съ просьбою, чтобы дворъ возвратился въ столицу. Самъ Хованскій поѣхалъ въ Коломенское и разсказывалъ здѣсь, будто новгородское дворянство замышляетъ

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 89. Аристовъ, 115.
[2]) Тамъ-же, XII, 349—350.

нападеніе на Москву, гдѣ станутъ сѣчь всѣхъ, безъ разбора и безъ остатка. Когда правительница потребовала отъ Хованскаго, чтобы онъ отпустилъ въ Коломенское Стремяшой полкъ, на привязанность котораго дворъ могъ разсчитывать безусловно, онъ сначала ослушался. Нужно было повторить указъ нѣсколько разъ, и тогда только онъ отпустилъ этотъ полкъ.

Между тѣмъ, явилось подметное письмо, въ которомъ заключался извѣтъ на Хованскаго и сына его, Андрея, въ замышленіи цареубійства. Хованскіе, говорилось въ письмѣ, хотятъ убить ца-

Конный жилецъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

рей, Ивана и Петра, царицу Наталью, царевну Софью, патріарха и множество бояръ, вооружить крестьянъ противъ господъ, избрать старовѣра въ патріархи и проч.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли повѣрила правительница этому доносу, или показывала только видъ, что вѣритъ ему, но какъ бы то ни было, дворъ удалился еще дальше отъ Москвы, переѣхавъ, 2-го сентября, въ село Воробьево, оттуда, 4-го, въ Павловское, затѣмъ, 6-го, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, затѣмъ еще дальше, въ Воздвиженское. Отсюда 14-го сентября былъ посланъ царскій указъ «быть въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боя-

рамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ 18-му сентября». Въ окружныхъ граматахъ, отправленныхъ во Владиміръ, Суздаль и другіе города, Софья говорила объ открытіи страшнаго заговора Хованскаго и стрѣльцовъ, осуждала образъ дѣйствій послѣднихъ въ половинѣ мая, обвиняла ихъ въ совмѣстномъ дѣйствіи съ раскольниками. «Спѣшите», обращалась царевна въ своемъ призывѣ къ дворянамъ и всякаго званія ратнымъ людямъ, «спѣшите, всегда вѣрные защитники престола, къ намъ на помощь: мы сами пове-

Старинная церковь въ селѣ Воздвиженскомъ.
Съ рисунка, находящагося въ „Русской Старинѣ", изд. Мартыновымъ.

демъ васъ къ Москвѣ, чтобы смирить бунтующее войско и наказать мятежнаго подданнаго» [1]).

Напомнимъ, что правительство въ жалованной граматѣ отъ 6-го іюня запрещало всѣмъ и каждому попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками. Теперь же само правительство сдѣлалось ихъ обвинителемъ. Та же самая царевна, которая въ маѣ угощала стрѣльцовъ виномъ, давала имъ денегъ и приказала воздвигнуть въ честь ихъ памятникъ, теперь, въ надеждѣ на помощь и защиту

[1]) Акты Арх. Эксп. IV. №№ 268 и 289.

ратныхъ людей всякаго званія въ борьбѣ съ стрѣлецкимъ войскомъ, начала говорить о дѣйствіяхъ стрѣльцовъ, какъ о преступленіяхъ; тотъ самый Хованскій, который въ маѣ дѣйствовалъ въ качествѣ сообщника царевны, теперь считался преступникомъ именно потому, что льстилъ стрѣльцамъ и считалъ ихъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей.

На пути къ Троицкому монастырю, который легко могъ превратиться въ неприступную крѣпость, дворъ и бояре остановились въ селѣ Воздвиженскомъ. Сюда правительница пригласила Хованскаго, чтобы выманить его изъ столицы, ласково похваливъ его за вѣрную службу, какъ бы для совѣщанія по дѣламъ малороссійскимъ. Хованскій поѣхалъ съ сыномъ Андреемъ и съ небольшимъ отрядомъ стрѣльцовъ въ Воздвиженское. Тамъ, однако, до пріѣзда князей Хованскихъ происходило у царевны «сидѣнье» съ боярами о важномъ дѣлѣ: обсуждались вины Хованскихъ; обвиненіе основывалось главнымъ образомъ на подметномъ письмѣ и состоялся приговоръ: «по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣтному письму согласно, казнить смертью».

Бояринъ князь Лыковъ былъ отправленъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ — схватить Хованскихъ. Ихъ привезли въ село Воздвиженское и прочитали имъ приговоръ. Когда Хованскіе стали оправдываться и слезно просить, чтобы ихъ выслушали, было приказано немедленно исполнить приговоръ. Хованскихъ, отца и сына, казнили тотчасъ же у большой Московской дороги.

Судить о мѣрѣ преступности Хованскаго не легко; но ясно, что опасность военной диктатуры грозила ужасными послѣдствіями. Власть стрѣльцовъ и ихъ начальника могла уничтожить разомъ весь дворъ, правительство, бояръ. Нужно было дѣйствовать быстро, рѣшительно, даже пренебрегая правилами нравственности. Казнь Хованскаго была спасеніемъ. О громадномъ значеніи его, какъ начальника войска, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что послѣ его казни оказалось вовсе не труднымъ справиться съ этимъ такъ называемымъ вторымъ стрѣлецкимъ бунтомъ. И въ 1698 году стрѣльцы не были особенно опасны именно потому, что не имѣли начальника [1]).

Что правительница придавала очень серьезное значеніе бунту Хованскаго, видно изъ ея признательной памяти къ Саввину-Сторожевскому монастырю. Тамъ была построена церковь, освященная

---

[1]) Подробности этого событія по разсказамъ Матвеева и Медвѣдева, у Устрялова. I, 83 и слѣд. Сидѣнье Софіи съ боярами до казни Хованскихъ см. у Соловьева, XIII, 376 и слѣд. Приговоръ въ П. С. З. № 954.

въ 1693 году, въ память спасенія царей и царевны, «когда Хованскій со стрѣльцами на жизнь обоихъ государей и ея покушался» [1]).

Хованскаго обвиняли въ намѣреніи убить царей Ивана и Петра. Однако младшій сынъ Хованскаго, Иванъ, сосланный при Софьѣ, послѣ государственнаго переворота 1689 года занялъ довольно видное мѣсто. Можно думать, что Петръ вовсе не былъ убѣжденъ въ преступныхъ умыслахъ Хованскихъ.

Этотъ младшій сынъ князя Хованскаго, бывшій въ селѣ Воздвиженскомъ свидѣтелемъ казни отца и брата, ускакалъ въ Москву и сообщилъ стрѣльцамъ о случившемся. Стрѣльцы заняли Кремль и захватили запасы военныхъ снарядовъ. Патріархъ не былъ въ состояніи остановить движеніе стрѣльцовъ: они грозили убить его и перебить всѣхъ бояръ. Можно было ожидать отчаянной борьбы между различными классами общества.

Между тѣмъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ позаботился объ укрѣпленіи Троицкаго монастыря; сюда собрались со всѣхъ сторонъ ратные люди на помощь правительству. Достойно вниманія, что сюда были призваны и иноземцы — воины, проживавшіе въ Нѣмецкой слободѣ, близъ Москвы. Правительство довѣряло имъ вполнѣ. И въ 1662 году, по случаю Коломенскаго бунта, царь Алексѣй пригласилъ иноземцевъ на помощь; позже, въ 1689 году, когда происходила развязка борьбы между Софьею и Петромъ, иноземцы также явились въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ и этимъ содѣйствовали побѣдѣ Петра надъ Софьею.

Видя военныя приготовленія въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, стрѣльцы, лишившіеся начальника, рѣшились отказаться отъ дальнѣйшихъ мятежныхъ дѣйствій. По приглашенію правительницы, они отправили въ Троицу выборныхъ, которые, отъ имени стрѣлецкаго войска, изъявили раскаяніе.

Какъ видно, стрѣльцы плохо надѣялись на свою силу и свое военное искусство. Только-что поднявъ знамя бунта, они мгновенно превратились въ покорныхъ рабовъ. Не только въ запискахъ современниковъ, переполненныхъ анекдотическими и легендарными чертами, но и въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается замѣчаніе, что стрѣльцы прибыли въ Лавру съ плахою и топоромъ, въ знакъ того, что они достойны смертной казни и отдаютъ себя во власть правительства [2]).

Немногіе стрѣльцы были казнены; — вообще же мятежниковъ помиловали. Между условіями, на которыхъ имъ даровалось про-

[1]) См. Аристова, приложеніе XXIV.
[2]) Крекшинъ.—Соловьевъ, XIV. Приложеніе XLIII.

щеніе, встрѣчаются слѣдующія: къ раскольникамъ не приставать, въ чужія дѣла не мѣшаться (т. е. не поднимать вопроса о крестьянахъ), за казнь Хованскаго не вступаться ни подъ какимъ видомъ [1]). Челобитчики на все согласились безпрекословно.

Немного позже стрѣльцы, очевидно, по внушенію правительства, подали челобитную, въ которой отказывались хвалиться преступленіями, совершенными ими въ маѣ, увѣряя, что лишь по злоумышленію Хованскихъ просили тогда поставить на Красной

Саввинъ-Сторожевскій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной гравюры.

Площади столбъ. «И нынѣ мы», сказано было въ челобитной, «видя свое неправое челобитье, что тотъ столпъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холопей вашихъ, велите тотъ столпъ съ Красной Площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было? [2]).

Столбъ былъ сломанъ 2-го ноября; 6-го—дворъ возвратился въ Москву. Мятежный духъ еще продолжалъ, по временамъ, обнаруживаться въ стрѣлецкомъ войскѣ, но думный дьякъ Ѳеодоръ Леонтье-

[1]) Устряловъ, I, 94.
[2]) Соловьевъ, XIII, 363.

вичъ Шакловитый, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ правительницы и сдѣлавшійся теперь начальникомъ стрѣлецкаго войска, умѣлъ сдерживать стрѣльцовъ.

Оказывались необходимыми нѣкоторыя строгія мѣры въ отношеніи къ крестьянамъ, между которыми господствовало также сильное волненіе. Недаромъ правительство требовало отъ стрѣльцовъ, чтобы они не вмѣшивались въ чужія дѣла. Разграбленіе во время майскаго кровопролитія Суднаго и Холопьяго Приказовъ, въ которыхъ находились крѣпостныя книги, было именно такимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла. Теперь же, 13-го февраля 1683

Троицкая-Сергіева лавра въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ рѣдкой современной гравюры Малютина.

года, изданъ былъ указъ: «Которые холопи взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣми отпускными били челомъ кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ, и впредь такимъ отпускнымъ не вѣрить, потому что они ихъ взяли въ смутное время, неволею, за смутнымъ страхованіемъ; да этимъ же холопямъ при отдачѣ ихъ учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно; если же прежніе господа не возьмутъ ихъ, то ссылать ихъ въ Сибирскіе и другіе дальные города на вѣчное житье» [1]).

Въ Москвѣ узнали, что въ разныхъ областяхъ и городахъ «тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время гово-

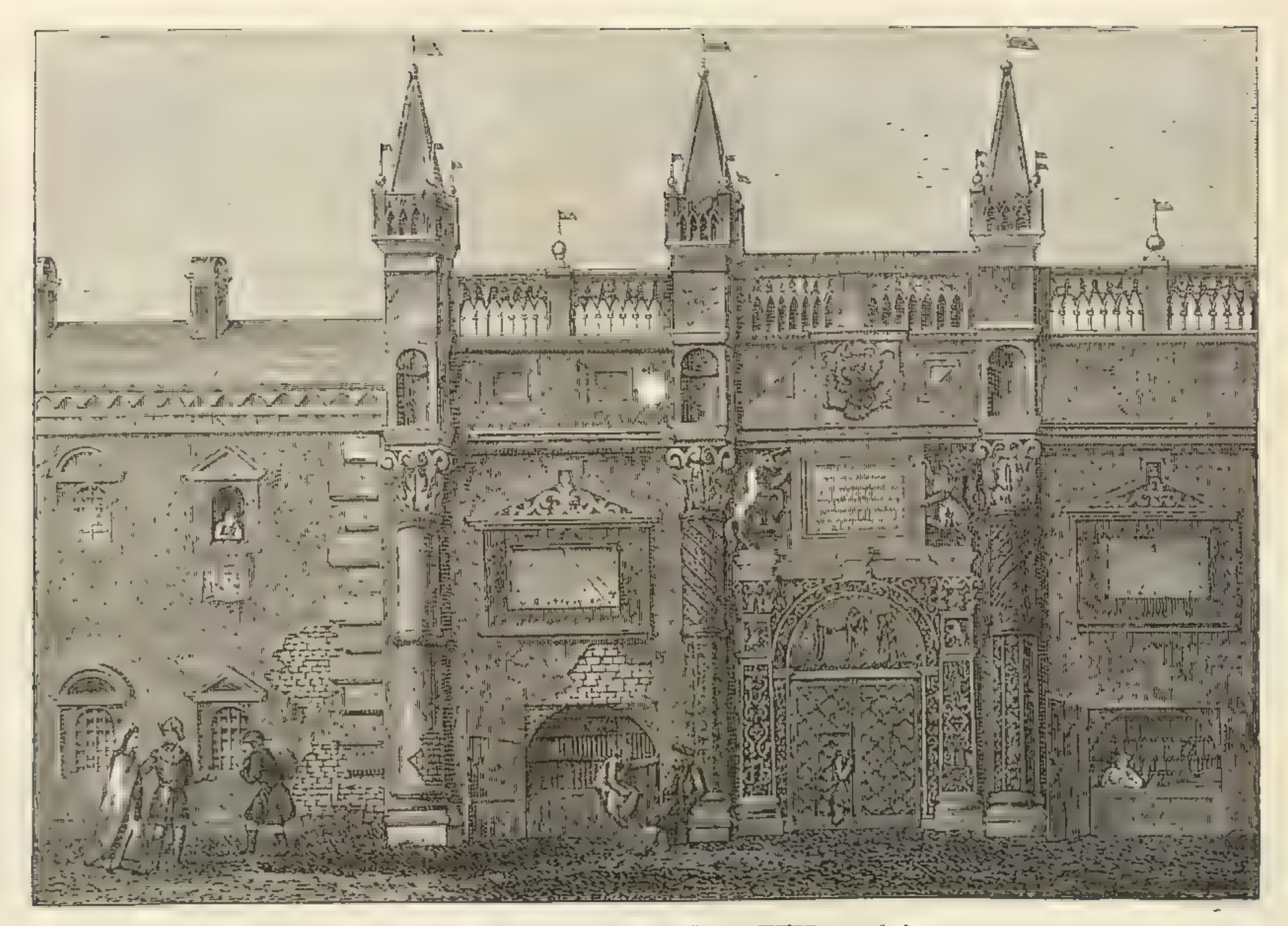
[1]) П. С. З. № 992.

рять похвальныя и другія многія непристойныя слова, на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ". Вслѣдствіе этого, въ маѣ 1683 года, былъ объявленъ указъ, которымъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено хвалить прошлое смутное время [1]). Оказалось, что въ областяхъ скрывалось множество бѣглыхъ стрѣльцовъ въ крестьян-

Воинъ-иноземецъ въ русской службѣ въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

скомъ платьѣ. Особенно въ Путивлѣ, Конотопѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ мѣстахъ малороссійскихъ, а также на Дону, вѣроятно, не безъ вліянія московскихъ стрѣльцовъ, разсѣевались разные ложные слухи, происходили волненія. Противъ всего этого правительствомъ были приняты разныя мѣры [2]). На Дону было столько недовольныхъ, что тамошніе представители власти просили не сы-

[1]) Собр. гос. гр. и дог. IV № 160.
[2]) См. подробности въ соч. Аристова, 107 и слѣд.



Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго государства".

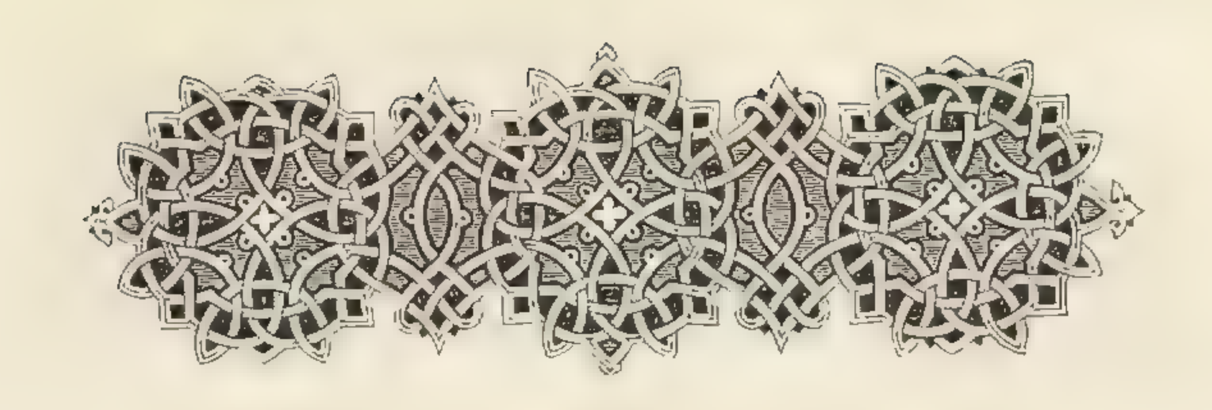
лать болѣе въ донскіе города преступниковъ, потому что они возбуждаютъ смуты. На Дону, между прочимъ, ходило по рукамъ мнимое посланіе царя Ивана Алексѣевича, въ которомъ приказывалось казакамъ идти на Москву, гдѣ бояре не слушаются его, царя и пр. Каждую минуту можно было ожидать повторенія временъ Стеньки Разина [1]).

За границею думали, что возстановленіе порядка въ Московскомъ государствѣ окажется невозможнымъ. Въ Польшѣ надѣялись воспользоваться этими смутами для пріобрѣтенія вновь Малороссіи. Такъ что и для сохраненія авторитета правительства въ области внѣшней политики нужно было заботиться о подавленіи во что бы то ни стало всякаго мятежнаго духа въ Россіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ первое время правленія Софьѣ приходилось бороться съ страшными затрудненіями. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока новое правительство получило возможность настоящимъ образомъ направить свою дѣятельность. Нельзя отрицать, что сила воли правительницы и ея способности содѣйствовали спасенію авторитета власти въ это время.

---

¹) Соловьевъ, XIII, 387.



ГЛАВА IV.

Правленіе Софьи.

Семь лѣтъ управляла царевна Софья дѣлами. Нельзя сказать, чтобы это время было особенно богато какими нибудь важными событіями или правительственными распоряженіями. Однако, характеръ внѣшней политики въ правленіе Софьи, именно война съ татарами на югѣ, а также программа преобразованій внутри государства, приписываемая князю Василію Васильевичу Голицыну, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому направленію, въ которомъ впослѣдствіи шелъ впередъ Петръ и относительно Восточнаго вопроса, и относительно реформъ въ духѣ западно-европейскаго просвѣщенія.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ, замѣчательный умомъ, образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ, сторонникъ западно-европейской культуры, восхищавшій иностранныхъ дипломатовъ утонченностью и любезностью обращенія съ ними,—можетъ быть названъ въ отношеніи смѣлости своихъ намѣреній въ духѣ реформы предшественникомъ Петра. Хотя Голицынъ и не отличался особенною независимостью мнѣній или силою воли, но долженъ считаться однимъ изъ самыхъ достойныхъ представителей эпохи преобразованія Россіи.

Голицынъ былъ знатнаго происхожденія и родился въ 1643 г. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ занималъ довольно важные посты при дворѣ. Въ царствованіе Ѳеодора, онъ участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ. Особенно важную услугу оказалъ онъ государству своимъ содѣйствіемъ отмѣнѣ мѣстничества. Этою мѣрою, главнымъ образомъ, обусловливалось преобразованіе войска.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.
Съ рѣдчайшаго современнаго гравированнаго портрета Тарасевича.

При этомъ случаѣ Голицынъ оказался истымъ сторонникомъ прогресса; имѣя въ виду государственную выгоду, онъ упорно боролся съ сословными предразсудками и отказывался отъ личныхъ выгодъ въ пользу усиленія власти.

Уже во время царствованія Ѳеодора, Голицынъ, какъ разсказываютъ современники, находился въ близкой связи съ царевною Софьею. Въ теченіи смуты 1682 года, онъ оставался на заднемъ планѣ. По крайней мѣрѣ ничего неизвѣстно о его участіи въ май-

скихъ событіяхъ. Мы только знаемъ, какъ уже было сказано выше, что въ самый разгаръ стрѣлецкаго бунта онъ сдѣлался начальникомъ Посольскаго Приказа. 19-го октября 1683 года, онъ получилъ званіе «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя»[1]) и завѣдывалъ иностранными дѣлами до паденія Софьи, т. е. до осени 1689-го года. Какъ преемникъ Матвеева въ этомъ званіи и какъ предшественникъ Петра, онъ дѣйствовалъ въ пользу сближенія съ западною Европою. Въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами онъ могъ обойтись безъ помощи толмачей, такъ какъ вполнѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ. Особенно понравился онъ представителямъ католическихъ державъ изъявленіемъ готовности предоставить іезуитамъ нѣкоторыя права и вообще обезпечить существованіе и развитіе католицизма въ Россіи. Изъ дневника Патрика Гордона мы узнаёмъ, какъ охотно и какъ часто Голицынъ находился въ обществѣ иностранцевъ и какъ старался составить себѣ точное понятіе о дѣлахъ въ западной Европѣ. Голицынъ былъ покровителемъ Лефорта, сдѣлавшагося, послѣ государственнаго переворота 1689 года, другомъ царя Петра. Баронъ фонъ-Келлеръ, нидерландскій посланникъ, въ своихъ донесеніяхъ Генеральнымъ Штатамъ упоминалъ не разъ о томъ, что пользуется расположеніемъ князя. Иногда Голицынъ съ многочисленною свитою бывалъ въ гостяхъ у Келлера и за столомъ, въ торжественныхъ рѣчахъ на латинскомъ языкѣ, восхвалялъ Нидерландскую республику[2]).

Особенно высоко ставилъ Голицына французско-польскій дипломатическій агентъ Нёвиль; Голицынъ, разсказываетъ онъ, принялъ его такъ, какъ принимали въ то время у себя пріѣзжающихъ итальянскіе государи, то-есть съ утонченностью опытнаго придворнаго и съ ловкою учтивостью государственнаго дѣятеля, привыкшаго вращаться въ кругу высшаго общества. Когда, напримѣръ, по тогдашнему обычаю, гостю подали водку, самъ хозяинъ совѣтовалъ ему не пить ея. Онъ съ необычайнымъ знаніемъ дѣла бесѣдовалъ съ Нёвилемъ о дѣлахъ въ западной Европѣ. Бесѣда происходила на латинскомъ языкѣ. О томъ, что̀ онъ предполагалъ сдѣлать для Россіи, о разныхъ реформахъ, которыя имѣлъ въ виду, Голицынъ говорилъ съ такимъ жаромъ и столь краснорѣчиво, что Нёвиль былъ въ восхищеніи. Ему казалось, что съ преобразованіями Голицына для Россіи настанетъ новая эпоха. Голицынъ мечталъ о распространеніи просвѣщенія, о разныхъ мѣрахъ для под-

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 8.
[2]) Posselt. Lefort, I, 341—370.

нятія матеріальнаго благосостоянія народа. Онъ говорилъ Нёвилю о своемъ намѣреніи содержать постоянныхъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ, отправлять русскихъ для ученія за-границу, преобразовать войско, превратить преобладающее тогда въ управленіи финансами натуральное хозяйство въ денежное, развить торговлю съ Китаемъ и пр. Даже о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ и обезпечить ихъ матеріальное благосостояніе достаточнымъ надѣломъ Голицынъ разсказывалъ собесѣднику-иностранцу, который послѣ паденія Голицына замѣтилъ, что Россія, вмѣстѣ съ этимъ геніальнымъ человѣкомъ, лишилась будущности [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что у Голицына были обширные планы и что онъ умѣлъ говорить о нихъ съ жаромъ и увлеченіемъ, но Нёвиль черезчуръ уже превозноситъ его способности. Нёвиль писалъ свою записку о Россіи очевидно вскорѣ послѣ государственнаго переворота 1689 года, когда еще нельзя было предвидѣть широкой и плодотворной дѣятельности Петра, а потому онъ могъ сожалѣть о несчастіи, будто бы постигшемъ Россію. Большая разница между намѣреніями Голицына и дѣйствительными результатами его управленія дѣлами представляется страннымъ противорѣчіемъ. Исторія не можетъ указать ничего выдающагося въ законодательствѣ и администраціи во время семилѣтняго регентства Софьи. Были произведены нѣкоторыя перемѣны въ уголовномъ судопроизводствѣ и сдѣланы неважныя полицейскія распоряженія; можно упомянуть еще о нѣсколькихъ постройкахъ. Вызванные въ концѣ царствованія царя Ѳеодора выборные со всего государства для разборовъ и уравненія всякихъ службъ и податей были распущены по домамъ. Съ тѣхъ поръ не было уже болѣе никакихъ земскихъ соборовъ [2]).

При всей ничтожности эпохи правленія царевны Софьи и князя Голицына, все-таки любопытно, что послѣдній былъ такимъ же ученикомъ западно-европейской культуры, какимъ сдѣлался позже Петръ.

До насъ дошло описаніе великолѣпнаго дома, въ которомъ жилъ Голицынъ. Тутъ находились разные астрономическіе снаряды, прекрасныя гравюры, портреты русскихъ и иностранныхъ государей, зеркала въ черепаховыхъ рамахъ, географическія карты, статуи, рѣзная мебель, стулья, обитыя золотыми кожами, кресла, обитыя бархатомъ, часы боевые и столовые, шкатулки со множествомъ

---

[1]) De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. A la Haye. 1699, стр. 16, 55, 175, 215.

[2]) Соловьевъ, XIV, 78.

выдвижныхъ ящиковъ, черницы янтарныя и пр. Сохранился также списокъ книгамъ, принадлежавшимъ Голицыну. Между ними встрѣчаются книги латинскія, польскія и нѣмецкія, сочиненія, относящіяся къ государственнымъ наукамъ, богословію, церковной исторіи, драматургіи, ветеринарному искусству, географіи, зоологіи и пр. Въ спискѣ упоминается «рукопись Юрія Сербинина». Нѣтъ

Царевна Софья Алексѣевна.

Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

сомнѣнія, что это было одно изъ сочиненій Крижанича, проектировавшаго за нѣсколько лѣтъ до царствованія Петра цѣлую систему реформъ и отличавшагося громадною ученостью, начитанностью и необычайнымъ знакомствомъ съ учрежденіями и бытомъ западной Европы [1]).

[1]) Соловьевъ, XIV, 97—99. Изъ приказныхъ дѣлъ архива Мин. Ин. Дѣлъ, 1674 г., видно, что между книгами, которыя переплеталъ иноземецъ Яганъ Энкузъ, былъ списокъ съ «Книжицы Юрія Сербинина». Соловьевъ, XIII, 194—195.

По этимъ даннымъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о вкусѣ, наклонностяхъ и кругозорѣ князя Голицына. Говоря о необычайномъ образованіи его, одинъ изъ иностранцевъ-нѣмцевъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, замѣчаетъ, что такая эрудиція должна была въ Россіи считаться «диковиною» [1]). Однако примѣръ князя

Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

Голицына свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія уже до Петра находилась на пути прогресса въ духѣ западно-европейской культуры.

Голицынъ, подобно Петру, любилъ иностранцевъ и иноземные обычаи. Любопытно, что іезуиты хвалили Голицына за расположеніе къ Франціи и къ католицизму, а Петръ не любилъ ни Франціи, ни іезуитовъ. Иностранцы разсказывали, что Голицынъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о королѣ Людовикѣ XIV и что его сынъ носилъ на груди портретъ послѣдняго [2]).

---

[1]) Schleusing: «ein seltenes Wildbret».
[2]) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, стр. 246, у Соловьева, XIV, 97.

Голицынъ, такъ же какъ и Петръ, былъ ненавидимъ многими, очевидно, за свою склонность къ иноземнымъ обычаямъ. Изъ его переписки съ Шакловитымъ мы знаемъ, что онъ и между сановниками имѣлъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ [1]). Бывали покушенія и на жизнь Голицына, причемъ виновниками оказывались фанатики изъ черни, ненавидѣвшей иностранцевъ; но правительство старалось держать въ тайнѣ подобные эпизоды. Во всякомъ случаѣ, Голицынъ не пользовался популярностью въ народѣ. Страстно любившая его царевна Софья видѣла въ немъ героя. Судьба князя была тѣсно связана съ судьбою правительницы. Подробности отношеній послѣдней къ Голицыну мало извѣстны, хотя объ этомъ предметѣ ходили разные слухи, разсказанные, между прочимъ, въ запискахъ Нёвиля.

Кромѣ Голицына, замѣчателенъ во время регентства Софьи молдавскій бояринъ Спафарій. Онъ, какъ уже было сказано, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвеевымъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ занимался разными науками. Онъ прибылъ въ Россію изъ Молдавіи послѣ разныхъ превратностей судьбы и послѣ пребыванія въ Польшѣ и Бранденбургіи. Въ Москвѣ онъ былъ хорошо принятъ, такъ какъ могъ оказывать великую пользу знаніемъ разныхъ языковъ, переводомъ книгъ, опытностью въ дѣлахъ. Въ качествѣ дипломата онъ совершилъ путешествіе въ Китай, гдѣ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ іезуитами. Съ Нёвилемъ онъ, такъ же какъ и съ Голицынымъ, говорилъ о разныхъ проектахъ преобразованій: онъ предлагалъ разныя мѣры для оживленія торговли черезъ Сибирь; мечталъ объ устройствѣ судоходства на рѣкахъ Азіи. При Петрѣ его имя встрѣчается въ связи съ дѣлами, относящимися къ Оттоманской Портѣ. Мы знаемъ, что Спафарій переписывался съ ученымъ амстердамскимъ бюргермейстеромъ Витзеномъ и что послѣдній былъ высокаго мнѣнія о немъ [2]). Онъ производитъ нѣкоторымъ образомъ впечатлѣніе авантюриста, но въ то же время впечатлѣніе человѣка, богатаго идеями, предпріимчиваго, смѣлаго. Въ такихъ людяхъ нуждалась Россія въ эпоху преобразованія.

Выдающимся сотрудникомъ царевны Софьи былъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, получившій образованіе въ Малороссіи. Симеонъ Полоцкій, наставникъ царевны Софьи, былъ учителемъ и Медвѣ-

---

[1]) Устряловъ, I, 346—356.

[2]) Guerrier. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. St. Petersburg und Leipzig, 1873, стр. 29. См. также статью Кедрова: Николай Спафарій и его ариѳмологія, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876, январь.

дева. Послѣдній отличался рѣдкою въ то время ученостью: въ его библіотекѣ насчитывалось нѣсколько сотъ книгъ, большею частью на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Царь Θеодоръ довольно часто бывалъ гостемъ у Медвѣдева, котораго очень уважалъ. При дворѣ Софьи онъ занималъ мѣсто придворнаго священника и придворнаго поэта. Онъ былъ представителемъ латинской эрудиціи, въ противоположность учености греческихъ монаховъ, пріѣзжавшихъ въ то время въ Россію. При случаѣ, онъ умѣлъ участвовать и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Когда-то, до избранія духовнаго званія, онъ имѣлъ въ виду посвятить себя дипломатической карьерѣ подъ руководствомъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля, Ордына-Нащокина. Патріархъ Іоакимъ находился въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ къ Медвѣдеву: они расходились въ нѣкоторыхъ вопросахъ богословской догматики. Существовалъ слухъ, что Медвѣдевъ ласкалъ себя надеждою рано или поздно сдѣлаться патріархомъ. Судьба Медвѣдева, подобно судьбѣ Голицына, была тѣсно связана съ первенствующимъ положеніемъ царевны. Во всякомъ случаѣ, онъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ совѣтниковъ правительницы. О той роли, которую игралъ Медвѣдевъ въ событіяхъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ паденіе Софьи, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Однако онъ самъ погибъ при этомъ случаѣ трагическимъ образомъ.

Гораздо менѣе замѣчательною личностью былъ думный дьякъ Шакловитый, занимавшій во все время правленія Софьи весьма видное мѣсто. Онъ былъ склоненъ къ насильственнымъ и коварнымъ дѣйствіямъ. Уступая далеко князю Василію Васильевичу Голицыну въ образованіи, онъ превосходилъ его энергіею и рѣшимостью. Впослѣдствіи онъ былъ главнымъ виновникомъ тѣхъ направленныхъ противъ Петра умысловъ, которые, имѣя цѣлью упрочить власть царевны, положили конецъ ея управленію дѣлами. Въ Шакловитомъ мы не замѣчаемъ какихъ либо политическихъ идей, какой либо систематической программы. Въ противоположность многосторонне образованной царевнѣ, ученому и начитанному Медвѣдеву, утонченно-вѣжливому Голицыну, Шакловитый былъ обыкновеннымъ честолюбцемъ, готовымъ жертвовать всѣмъ и всѣми для достиженія своихъ цѣлей. Онъ не былъ способенъ, подобно Софьѣ, Голицыну, Медвѣдеву, дѣйствовать въ духѣ западно-европейскаго прогресса. Всѣ они погибли въ 1689 году, уступая мѣсто Петру. Катастрофа Шакловитаго была самою насильственною. Какъ государственный человѣкъ, онъ былъ гораздо менѣе важенъ, нежели

Голицынъ, но все-таки игралъ главную роль въ драмѣ, положившей конецъ правленію Софьи.

Усерднѣе чѣмъ дѣлами внутренними правительство занималось внѣшнею политикою. Какъ скоро было рѣшено совмѣстное царствованіе Ивана и Петра, съ извѣстіемъ о такомъ событіи были отправлены дипломаты въ Варшаву, въ Стокгольмъ, въ Вѣну, въ Копенгагенъ, въ Гаагу, въ Лондонъ и въ Константинополь. При этомъ, однако, не было упомянуто о регентствѣ Софьи [1]).

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства".

Отношенія къ Швеціи при царѣ Θеодорѣ не были особенно благопріятны. Существовало несогласіе по поводу разныхъ пограничныхъ пунктовъ. Софья, нуждаясь въ мирѣ, дѣйствовала осторожно и не настаивала на прежнихъ требованіяхъ. Съ самаго начала XVII вѣка, благодаря событіямъ смутнаго времени, Россія

---

[1]) По случаю вступленія на престолъ одного Петра не было отправлено за границу извѣстій объ этомъ. Можетъ быть, общее волненіе служило препятствіемъ; см. соч. Устрялова, I, 117.

должна была отказаться отъ береговой линіи. Стремленія царя Алексѣя устранить постановленія Столбовскаго договора, заключеннаго въ 1617 году, не увѣнчались успѣхомъ. Кардисскій миръ (1662) былъ въ сущности подтвержденіемъ Столбовскаго. Во время регентства Софьи Россіи, скорѣе грозила опасность со стороны Польши, нежели со стороны Швеціи. Уже по этимъ соображеніямъ нужно было желать мирныхъ отношеній къ Швеціи. Къ тому же, быть можетъ, уже въ началѣ правленія Софьи, въ Россіи думали

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства".

о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ. Юрій Крижаничъ въ своихъ подробныхъ разсужденіяхъ о внѣшней политикѣ Россіи говорилъ въ пользу мира съ Польшею и Швеціею, проповѣдуя войну съ татарами, завоеваніе Крыма. И Петръ сравнительно поздно началъ думать о завоеваніяхъ на сѣверо-западѣ, а сначала сосредоточивалъ все свое вниманіе на берегахъ Чернаго моря. Переговоры съ Швеціею при царевнѣ Софьѣ о царскомъ титулѣ, о сво-

бодномъ отправленіи православнаго богослуженія въ Эстляндіи, Ингерманландіи и Кореліи и пр. не имѣютъ особеннаго значенія [1]).

Отношенія къ Бранденбургскому государству, которое впослѣдствіи сдѣлалось самымъ важнымъ союзникомъ Петра въ борьбѣ съ Швеціею, заслуживаютъ вниманія. Подданнымъ курфюрста были дарованы нѣкоторыя права относительно торговли въ Архангельскѣ. Кромѣ того, онъ служилъ посредникомъ между гугенотами, выселившимися изъ Франціи вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта, и Россіею, въ которой нѣкоторые изъ нихъ пожелали поселиться [2]).

Мы видѣли выше, что Голицынъ ставилъ особенно высоко Францію. Однако сдѣланная при немъ попытка вступить въ близкія сношенія съ Людовикомъ XIV оказалась весьма неудачною. Голицынъ, приглашая Францію къ участію въ войнѣ съ Турціею, очевидно, не особенно подробно былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Западѣ; иначе, ему было бы извѣстно, что Франція именно въ то время была расположена къ Турціи. Пріемъ, оказанный русскимъ дипломатамъ во Франціи, не былъ благопріятенъ. Къ тому же есть основаніе думать, что князь Долгорукій, въ качествѣ посланника Россіи, велъ себя неосторожно и безтактно. Вообще, съ русскими во Франціи обращались неучтиво. Поэтому, когда немного позже явились въ Москву два французскихъ іезуита, Авриль и Боволье, съ граматою отъ Людовика XIV, прося позволенія проѣхать чрезъ Россію въ Китай, имъ отвѣчали отказомъ [3]).

Надежда на помощь Франціи въ борьбѣ съ Турціею оказалась тщетною. Довольно страннымъ также было стараніе московскаго правительства занять деньги у Испаніи, которая въ то время была совершенно разорившеюся страною.

Гораздо успѣшнѣе Россія дѣйствовала въ отношеніи къ Польшѣ, гдѣ и послѣ заключенія Андрусовскаго договора никакъ не хотѣли помириться съ мыслью о вѣчной потерѣ Малороссіи. По случаю смуты въ Москвѣ въ 1682 году, въ Малороссіи были распространяемы польскими эмиссарами «прелестные» листы; у двухъ монаховъ, бывшихъ тайными агентами Польши, нашли инструкцію, какъ должно дѣйствовать для распространенія мятежнаго духа въ Малороссіи [4]).

---

[1]) Устряловъ, I, 117—143.
[2]) П. С. З. №№ 1326, 1330, 1331.
[3]) Соловьевъ, XIV, 64—68.
[4]) Тамъ-же, XIV, 5 и слѣд.

Особенно же Кіевъ оставался яблокомъ раздора въ борьбѣ между Россіею и Польшею. Кіевъ, въ силу Андрусовскаго договора, долженъ былъ оставаться только два года подъ властью Россіи; однако московское правительство надѣялось навсегда удержать за собою это важное мѣсто. Въ Малороссіи было много недовольныхъ, противниковъ московскаго правительства, которое, впрочемъ, могло вполнѣ надѣяться на гетмана Самойловича. Чрезъ него въ Москвѣ заблаговременно узнали объ агитаціи польскихъ эмиссаровъ. Онъ совѣтовалъ поселить нѣсколько тысячъ великороссіянъ въ Малороссіи съ цѣлью показать этимъ, что Малороссія навсегда останется достояніемъ Московскаго государства.

При содѣйствіи Самойловича, русскому правительству удалось провести въ области церковнаго управленія въ Малороссіи весьма важную мѣру. До этого кіевскій митрополитъ посвящался константинопольскимъ патріархомъ. Благодаря особенно удачнымъ переговорамъ съ высшими представителями церкви въ турецкихъ владѣніяхъ и ловкой и успѣшной дѣятельности московскихъ агентовъ въ Малороссіи, было достигнуто, что отнынѣ кіевскій митрополитъ сталъ посвящаться въ Москвѣ. Разумѣется, прежде всего нужно было отыскать личность, легко доступную вліянію московскаго правительства. Такимъ лицомъ оказался луцкій епископъ, князь Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій, избранный въ кіевскіе митрополиты 8-го іюня 1685 года и посвященный въ Москвѣ 8-го ноября этого же года патріархомъ Іоакимомъ. По совѣту Самойловича, московское правительство старалось задобрить константинопольскаго патріарха. Дѣло это стоило и труда и денегъ. Діонисій константинопольскій уступилъ очень скоро, но зато патріархъ іерусалимскій, Досиѳей, былъ крайне недоволенъ уступчивостью своего товарища и, между прочимъ, писалъ патріарху Іоакиму: «Пожалуй, вы захотите самый Іерусалимъ обратить въ вашу епископію, чтобы мы ноги ваши мыли!... дѣлайте что хотите, а нашего благословенія нѣтъ» и пр. [1]).

Въ этой перемѣнѣ заключалась довольно важная выгода: представители православія въ польскихъ владѣніяхъ, зависѣвшіе въ духовныхъ дѣлахъ отъ кіевскаго митрополита, отнынѣ очутились, такъ сказать, хотя бы косвенно, подъ духовнымъ надзоромъ московскаго правительства. Вмѣшательство въ польскія дѣла, какъ это обнаружилось впослѣдствіи изъ исторіи вопроса о диссидентахъ, сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ условій раздѣловъ Польши.

---

[1]) См. соч. Устрялова, I, 150 и 291, а также Соловьева, XIV, 32 и слѣд.

Отношенія между Москвою и Польшею, несмотря на заключеніе Андрусовскаго договора, оставались враждебными. Дипломатическіе съѣзды въ 1670, 1674 и 1678 годахъ приводили лишь къ временнымъ результатамъ. И Польша, и Москва нуждались въ заключеніи окончательнаго мира. Уже двадцать семь лѣтъ продолжалась борьба за Малороссію, когда началось правленіе Софьи. Надежда польскаго правительства во время царствованія Ѳеодора возбужденіемъ раздора между Турціею и Россіею возвратить себѣ Малороссію оказалась тщетною. Хотя въ Польшѣ царствовалъ дѣятельный и способный король, Янъ Собѣсскій, она все-таки не была въ состояніи воевать серьезно изъ-за Малороссіи. Зато и Польша, и Московское государство должны были думать о союзѣ противъ турокъ и татаръ.

Отношенія Россіи къ крымскимъ татарамъ все еще были чрезвычайно натянуты. Поминки, отправляемые ежегодно въ Крымъ московскимъ правительствомъ, имѣли отчасти характеръ дани. Несмотря на приносимыя жертвы такого рода, каждую минуту можно было ожидать вторженія хищниковъ въ предѣлы Россіи. Иногда случалось, что города, находившіеся близъ татарской границы, страдали ужасно отъ набѣговъ татаръ, уводившихъ въ плѣнъ десятки тысячъ жителей.

Юрій Крижаничъ писалъ, въ 1667 году, въ своемъ сочиненіи «О промыслѣ» слѣдующее: «На всѣхъ военныхъ судахъ турокъ не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія, а въ городахъ и мѣстечкахъ по всей Греціи, Палестинѣ, Сиріи, Египту и Анатоліи, или по всему Турецкому царству, видно такое множество русскихъ плѣнныхъ, что они обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: остались ли еще на Руси какіе нибудь люди?» [1]).

Такимъ образомъ, пострадали, напр., въ то время города Елецъ, Ливны, Бѣльцы и др. Въ дневникѣ Гордона мы встрѣчаемъ множество разсказовъ о насиліи и грабежахъ со стороны татаръ. Въ началѣ 1662 года, Гордонъ сообщаетъ подробно о появленіи татаръ у Сѣвска и Карачева и объ уведеніи ими въ плѣнъ значительнаго числа жителей. Въ 1684 году разсказано о сожженіи города Умани, бывшаго тогда подъ властью Польши, о появленіи татаръ цѣлыми сотнями въ окрестностяхъ Кіева, о сожженіи города Немирова и объ уведеніи въ плѣнъ всѣхъ его жителей и пр. [2]).

---

[1]) О промыслѣ, стр. 9.

[2]) Дневникъ Патрика Гордона, изд. Поссельтомъ на нѣмецкомъ языкѣ, I, 305. II, 30, 34, 46, 66, 67, 68, 71, 72, 82, 89, 103 и пр.

Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной гравюры Бликланда.

Каменный мостъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Бликланда.

Какъ крымскій ханъ обращался иногда съ русскими дипломатами, видно изъ случая съ Таракановымъ, который въ 1682 году далъ знать изъ Крыма, что ханъ, домогаясь подарковъ, велѣлъ схватить его, отвести къ себѣ въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками. Когда Таракановъ объявилъ, что ничего лишняго не дастъ, его отпустили въ станъ на рѣку Альму, но пограбили всѣ его вещи безъ остатка [1]).

Московская площадь въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія.

Не мудрено, что при подобныхъ обстоятельствахъ московское правительство начало думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ крымцевъ. И народъ желалъ такой войны, имѣвшей нѣкоторымъ образомъ значеніе крестоваго похода. Нужно было во что бы то ни стало избавиться отъ опасности, вѣчно грозившей со стороны татаръ, которыхъ русскіе ненавидѣли не только за то, что они были разбойниками и грабителями, но также потому, что они нерѣдко дѣлались союзниками Польши и были подданными султана.

[1]) Соловьевъ, XIV, 36.

Юрій Крижаничъ весьма краснорѣчиво проповѣдовалъ необходимость занятія Крыма, или, какъ онъ выражается, «Перекопской державы». По его мнѣнію, нужно было сосредоточивать все вниманіе и всѣ силы на татарахъ; онъ совѣтовалъ построить цѣлый рядъ крѣпостей для защиты предѣловъ Россіи отъ набѣговъ хищныхъ кочевниковъ. Крижаничъ умѣлъ цѣнить выгоды болѣе благопріятнаго географическаго мѣстоположенія прибрежныхъ странъ и считалъ легко возможнымъ завоеваніе Таврическаго полуострова. Крижаничъ полагалъ, что, въ случаѣ войны съ татарами, можно ожидать содѣйствія Польши. Особенно любопытно слѣдующее замѣчаніе его въ запискѣ, составленной для царя Алексѣя Михайловича: «тамъ была столица Митридата, славнаго короля, царствовавшаго надъ двадцатью двумя народами и знавшаго ихъ языки. Нельзя выразить, насколько Перекопская держава лучше и богаче Россіи и въ какой мѣрѣ она годится сдѣлаться столицею. Если же Богъ далъ бы русскому народу завоевать этотъ край, то или ты самъ, или кто либо изъ твоихъ наслѣдниковъ могъ бы туда перейти и устроить тамъ столицу». Крижаничъ удивлялся тому, что государи посылали татарамъ подарки и не могли освободиться отъ такой дани; онъ приходилъ къ заключенію, что съ народомъ, живущимъ лишь разбоемъ, незнающимъ «никакого человѣчества», нельзя заключать договоровъ, и былъ даже того мнѣнія, что соблюденіе обыкновенныхъ правилъ международнаго права въ обращеніи съ татарами должно считаться дѣломъ лишнимъ и т. п. [1]).

Въ то время и въ западной Европѣ усердно занимались Восточнымъ вопросомъ и мечтали о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Оттоманской Порты. Послѣ осады Вѣны турками—папа, Венеціанская республика, Польша и др. собирались напасть на Турцію. Въ то время и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Италіи говорили о пророчествѣ, грозившемъ Оттоманской Портѣ какой-то катастрофой и предсказывавшемъ ея паденіе [2]).

Для Россіи движеніе на западъ, направленное противъ мусульманъ, имѣло большое значеніе. Совершенно такъ же, какъ въ Венгріи Тэкели сдѣлался союзникомъ Турціи противъ Австріи, малороссійскій гетманъ Дорошенко сдѣлался вассаломъ султана для борьбы съ Московскимъ государствомъ. При такомъ сходствѣ от-

[1]) Соч. Крижанича, изд. Безсоновымъ, II, 88, 177 и слѣд.

[2]) См. мою статью въ «Древней и Новой Россіи», 1876, III, 385—409. Юрій Крижаничъ о Восточномъ вопросѣ.

ношеній Россіи и Австріи къ Турціи, должно было появиться и окрѣпнуть убѣжденіе въ солидарности Россіи и западно-европейскаго христіанскаго міра. Когда императоръ австрійскій Леопольдъ и польскій король Янъ Собѣсскій заключили между собою союзъ противъ Турціи, то рѣшили пригласить къ участію въ этой войнѣ и московскихъ царей; то же самое рѣшеніе состоялось въ 1684 г., когда Венеціанская республика примкнула къ австрійско-польскому союзу. Собѣсскій писалъ царямъ Ивану и Петру, что настало удобное время для изгнанія турокъ изъ Европы.

Для Московскаго государства означенный вопросъ долженъ былъ считаться особенно важнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: неучастіе Россіи въ этомъ движеніи во всякомъ случаѣ могло имѣть пагубныя слѣдствія; въ случаѣ побѣды турокъ надъ Польшею,—можно было ожидать появленія турецкихъ войскъ у самыхъ стѣнъ Кіева; въ случаѣ побѣды поляковъ надъ турками безъ содѣйствія Россіи, можно было опасаться перевѣса Польши, и безъ того мечтавшей о занятіи вновь Малороссіи,—и тогда опять-таки можно было ожидать потери Кіева.

Поэтому оказалось необходимымъ вести съ Польшею переговоры о предстоявшихъ дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ. Пользуясь обстоятельствами, московское правительство могло заставить Польшу заключить вѣчный миръ съ уступкою Кіева. Переговоры объ этомъ мирѣ начались въ январѣ 1684 года, на старомъ мѣстѣ, въ пограничномъ селѣ Андрусовѣ. Тридцать девять разъ съѣзжались уполномоченные и ничего не рѣшили: поляки не уступали Кіева,—русскіе не соглашались дать помощь противъ турокъ [1]).

Въ то самое время, когда въ Андрусовѣ происходили эти переговоры, Василій Васильевичъ Голицынъ просилъ генерала Патрика Гордона изложить въ особой запискѣ свои соображенія о походѣ на Крымъ. Въ дневникѣ Гордона сказано, что бояринъ былъ склоненъ къ предпріятію противъ татаръ, но что онъ не надѣялся на Польшу и вообще понималъ тѣ затрудненія, которыя предстояли въ такомъ походѣ. Гордонъ, напротивъ того, не сомнѣвался въ успѣхѣ и указывалъ на цѣлый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми, по его мнѣнію, слѣдовало воспользоваться.

Въ своей запискѣ Гордонъ выставлялъ на видъ, что Россія нуждается въ мирѣ, потому что цари малолѣтны, и регентша и ея министръ, предпринявъ неудачную войну, легко могутъ навлечь на себя гнѣвъ государей, когда послѣдніе достигнутъ совершенно-

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 14 и слѣд.

лѣтія. При двоевластіи въ государствѣ, легко могутъ возникнуть раздоры, борьба партій, соперничество вельможъ, а во время войны все это можетъ повести къ неудачѣ военныхъ дѣйствій. Дальше Гордонъ указываетъ на недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и плохую дисциплину въ войскѣ, какъ на препятствія для наступательной войны. При всемъ томъ, однако, Гордонъ совѣтовалъ рѣшиться на отважное дѣло; онъ полагалъ, что можно надѣяться на помощь Польши, считалъ не особенно трудной задачей истребленіе гнѣзда невѣрныхъ и говорилъ, что этимъ можно «оказать существенную услугу Богу». Онъ указывалъ на выгоды освобожденія изъ плѣна многихъ тысячъ христіанъ, пріобрѣтеніе громкой славы опустошеніемъ Крымскаго полуострова, избавленіе христіанства отъ этого «ядовитаго, проклятаго и сквернаго исчадія», мщеніе за столь многія обиды, нанесенныя татарами русскимъ впродолженіе многихъ столѣтій, обогащеніе Россіи путемъ такого завоеванія. Гордонъ говорилъ, впрочемъ, и о затрудненіи, заключающемся въ томъ, что на пути въ Крымъ нужно идти нѣсколько дней безводною степью; но на это обстоятельство, которое впослѣдствіи оказалось самымъ важнымъ и опаснымъ, имъ не было обращено достаточнаго вниманія [1]).

Какъ видно, однако, нѣкоторыя соображенія Гордона впослѣдствіи оказались вполнѣ основательными. Неудавшіеся походы сильно не понравились Петру и, совершенно согласно съ опасеніями Гордона, навлекли гнѣвъ Петра на того самаго Голицына, для котораго Гордонъ писалъ свою записку. Опасенія Гордона относительно вражды и соперничества между вельможами также сбылись: во время отсутствія Голицына, другіе вельможи интриговали противъ него въ Москвѣ. Зато главная мысль Гордона, его вѣра въ успѣхъ войны, не нашла себѣ оправданія: онъ считалъ возможнымъ занятіе Крыма; но русскія войска даже не проникли туда ни въ 1687, ни въ 1689 году [2]).

Голицынъ не раздѣлялъ оптимизма Гордона, и на первыхъ порахъ прервалъ переговоры съ Польшею. Однако, нѣсколько недѣль позже, въ Москву пріѣхали цесарскіе дипломаты, Жировскій и Блюмбергъ, которые объявили желаніе императора Леопольда, чтобъ великіе государи помогли противъ султана и отняли у послѣдняго правую руку — Крымъ. Переговоры не повели къ желанной цѣли, потому что Голицынъ считалъ невозможнымъ согласиться на

[1]) См. мое сочиненіе: «Патрикъ Гордонъ и его дневникъ», Спб. 1878, стр. 47.
[2]) Тамъ-же.

какое либо дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока Польша не откажется отъ своихъ требованій относительно Кіева.

Вскорѣ, однако, положеніе дѣлъ измѣнилось. Польша, послѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій съ турками, сдѣлалась уступчивѣе.

Въ началѣ 1686 года, въ Москву пріѣхали знатные послы королевскіе, воевода познанскій, Гримультовскій, и канцлеръ литовскій, Огинскій. Семь недѣль продолжались переговоры, въ которыхъ Голицынъ принималъ личное участіе и при которыхъ онъ выказалъ замѣчательное дипломатическое искусство. Нѣсколько разъ переговоры прерывались, и польскіе дипломаты собирались уѣхать.

Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, сдѣланнаго въ 1674 г. шведомъ Пальмквистомъ.

Наконецъ, 21 апрѣля, заключенъ былъ вѣчный миръ. Польша уступила навсегда Россіи Кіевъ, а великіе государи обязались разорвать миръ съ султаномъ и ханомъ и сдѣлать нападеніе на Крымъ. Кромѣ того, было постановлено, что Россія, въ вознагражденіе за Кіевъ, должна заплатить Польшѣ 146,000 рублей [1]).

Успѣхъ русскаго дипломатическаго искусства считался тогда весьма замѣчательнымъ. Формальное пріобрѣтеніе Кіева на вѣчное время было важною выгодою. Разсказывали, что у Яна Собѣскаго, когда къ нему во Львовъ пріѣхали бояринъ Шереметевъ и окольничій Чаадаевъ за подтвердительною грамотою на договоръ московскій, навернулись на глазахъ слезы: жаль ему было отказаться отъ Кіева и другихъ мѣстъ, за которыя такъ спорили его предшественники. Зато Софья съ радостью возвѣстила народу: «ни-

[1]) Соловьевъ, XIV, 16. Подробности у Устрялова, I, 152—172.

когда еще при нашихъ предкахъ Россія не заключала столь прибыльнаго и славнаго мира, какъ нынѣ» и пр. Въ концѣ извѣщенія было сказано, что: «преименитая держава Россійскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра» [1]). Софья, однако, не объявила народу, что вѣчный миръ съ Польшею былъ купленъ довольно дорого,—обѣщаніемъ напасть на татаръ.

То обстоятельство, что именно послѣ заключенія упомянутаго договора Софья начала называть себя «самодержицею», свидѣтельствуетъ также о значеніи, приписываемомъ ею этому событію. Правительница, очевидно, не ожидала, что своими дѣйствіями приближала себя къ катастрофѣ.

Вообще же для Московскаго государства сближеніе съ Польшею дѣйствительно могло считаться большою выгодою. Нѣсколько лѣтъ позже поляки говорили: «надобно москалямъ поминать покойнаго короля Яна, что подняль ихъ и сдѣлалъ людьми военными, а еслибъ союза съ ними не заключилъ, то и до сей поры дань Крыму платили-бы, и сами валялись-бы дома, а теперь выполируются» [2]).

Спрашивалось: на сколько можно было ожидать успѣха въ войнѣ съ татарами? Воспоминанія о Чигиринскихъ походахъ не были утѣшительны. Война съ Турціею при царѣ Ѳеодорѣ кончилась тѣмъ, что Россія должна была просить мира [3]).

Въ противоположность мнѣнію, высказанному Юріемъ Крижаничемъ и Гордономъ, о выгодѣ союза съ Польшею, малороссійскій гетманъ Самойловичъ совѣтовалъ не надѣяться на Польшу и не начинать войны съ татарами. «Крыма никакими мѣрами не завоюешь и не удержишь», говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ думнымъ дьякомъ Украинцевымъ. Затѣмъ онъ указывалъ на неурядицу въ русскомъ войскѣ во время Чигиринскихъ походовъ. «Бывало», разсказывалъ онъ, «велитъ бояринъ Ромодановскій идти какому нибудь полку на извѣстное мѣсто, куда необходимо, и отъ полковниковъ начнутся такіе крики и непослушанія, что трудно и выговорить». И какъ представитель православія, Самойловичъ порицалъ сближеніе съ католическими державами. Зато онъ указывалъ на необходимость рано или поздно помочь противъ турокъ православнымъ народамъ на Балканскомъ полуостровѣ, валахамъ, молдаванамъ, болгарамъ, сербамъ и грекамъ, разсчитывающимъ на покровительство Россіи. Что-же касается Польши, то Самойловичъ считалъ болѣе выгод-

---

[1]) Устряловъ, I, 169.
[2]) Соловьевъ, XIV, 231.
[3]) См. депешу Келлера въ соч. Поссельта: Lefort, I, 279.

нымъ союзъ съ татарами противъ Польши, нежели наоборотъ— союзъ съ Польшею противъ татаръ [1]).

Союзъ съ татарами былъ и оставался невозможнымъ. Послѣ разсказаннаго выше случая съ русскимъ дипломатомъ Таракановымъ, правительница велѣла объявить хану, что московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, а необходимые переговоры и пріемъ даровъ будутъ производиться на границѣ. Сближаясь послѣ этого съ Польшею, Софья требовала отъ хана, чтобы татары не нападали на Польшу, ханъ-же изъявлялъ, напротивъ того, желаніе, чтобы Россія возобновила войну съ Польшею.

Въ Москвѣ было рѣшено въ ближайшемъ будущемъ выступить въ походъ на Крымъ. Поэтому гетману Самойловичу, не перестававшему проповѣдывать миръ съ татарами и войну съ поляками, черезъ окольничаго Неплюева сдѣланъ выговоръ за его «противенство»; ему было приказано «исполнять государское повелѣніе съ радостнымъ сердцемъ». Также и письмо отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, умолявшаго царей не начинать войны съ турками, потому что въ такомъ случаѣ турки обратятъ свою ярость на греческихъ христіанъ, осталось безъ вниманія [2]). Еще осенью 1686 г. объявленъ былъ ратнымъ людямъ походъ на Крымъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія Русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія: ни откуда татары не выводятъ столько плѣнныхъ, какъ изъ нея, продаютъ христіанъ, какъ скотъ, ругаются надъ вѣрою православною. Но этого мало: Русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что̀ терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ: ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, раззоряетъ русскіе города; отъ турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой.

Успѣхъ походовъ 1687 и 1689 годовъ не соотвѣтствовалъ смѣлости и предпріимчивости московскаго правительства. Въ 1687 году русскія войска даже не дошли до Перекопа; въ 1689 году они остановились у Перекопа и возвратились, не сдѣлавъ никакой попытки вторгнуться въ Крымъ. И въ томъ и въ другомъ походѣ русскому войску приходилось бороться не столько съ татарами, сколько съ климатомъ. Страшная жара, безводіе, невозможность прокормить людей и лошадей въ степи, а также нѣкоторая робость полководца, князя В. В. Голицына, сдѣлались причинами неудачи.

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 23—28.
[2]) Тамъ-же, XIV, 37.

Какъ дипломатъ Голицынъ успѣлъ оказать Россіи довольно важную услугу; какъ полководецъ—онъ не имѣлъ успѣха.

Впрочемъ, онъ уже съ самаго начала неохотно взялъ на себя главное начальство надъ войскомъ. Его безпокоила мысль, что многочисленные противники воспользуются его отсутствіемъ для крамолъ. Изъ переписки Голицына съ Шакловитымъ во время похода 1687 года видно, что опасенія враждебныхъ дѣйствій со стороны разныхъ вельможъ и желаніе по возможности скорѣе возвратиться въ столицу лишали его того спокойствія и той сосредоточенности, которыя столь необходимы для полководца.

Къ тому же, Голицыну приходилось бороться съ разными затрудненіями. Мобилизація войскъ, благодаря недостаткамъ военной администраціи, шла чрезвычайно медленно и неуспѣшно. Выступивъ въ походъ съ нѣкоторою частью войска, Голицынъ нѣсколько недѣль ждалъ на дорогѣ прибытія разныхъ полковъ. Многія тысячи не являлись; «нѣтчиковъ» было очень много. Къ тому же приходилось наказывать непослушаніе находившихся въ арміи царедворцевъ, не привыкшихъ къ дисциплинѣ и не желавшихъ подчиняться волѣ Голицына. Нужно было выхлопотать изъ Москвы полномочіе «поступать покрѣпче» съ непослушными. Когда, наконецъ, все войско выступило въ походъ, громадный обозъ служилъ чрезвычайнымъ затрудненіемъ. Насчитывалось до 20,000 повозокъ. Голицынъ доносилъ двору, «что онъ идетъ на Крымъ съ великимъ поспѣшеніемъ», и въ семь недѣль перешелъ не болѣе 300 верстъ. Къ этимъ затрудненіямъ присоединилась неохота гетмана малороссійскаго, Самойловича, и малороссійскихъ казаковъ участвовать въ походѣ. Казаки не желали вовсе завоеванія Крыма. Прежде они довольно часто воевали, какъ союзники татаръ, противъ Польши и Россіи. Каждый успѣхъ московскаго правительства усиливалъ ту власть, которая и безъ того старалась лишить казаковъ прежней вольности и уничтожить самостоятельность Малороссіи [1]).

Но гибельнѣе всего былъ степной пожаръ, ставшій роковымъ для всего похода. Едва-ли когда сдѣлается извѣстнымъ, кто былъ виновникомъ зажженія степной травы. Легко можетъ быть, что ее зажгли татары. Гордонъ, дневникъ котораго служитъ важнѣйшимъ источникомъ для исторіи этихъ походовъ [2]), говоритъ о слухѣ, что зажженіе степной травы, имѣвшее столь гибельныя послѣдствія для русскаго войска, было сдѣлано по распоряженію Самойловича; но

[1]) См. нѣкоторыя подробности въ моемъ сочиненіи о Гордонѣ, стр. 162—163.
[2]) Posselt. Tagebuch Gordon's, II, 161—201.

самъ онъ однако нигдѣ не указываетъ на гетмана, какъ на виновника этой мѣры. Напротивъ того, Лефортъ сомнѣвался въ измѣнѣ Самойловича. Въ новѣйшее время обвиненіе гетмана въ измѣнѣ считается клеветою [1]). Степной пожаръ могъ быть также и дѣломъ случая.

Московская улица въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія.

Какъ бы то ни было, вслѣдствіе степного пожара оказался недостатокъ въ кормѣ для лошадей; благодаря безводію, въ войскѣ начали свирѣпствовать болѣзни. Армія остановилась въ разстояніи 200 верстъ отъ Перекопа [2]). Здѣсь рѣшили отступить, хотя еще и не встрѣтили непріятеля.

Между тѣмъ, правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали. Она отправила къ войску

---

[1]) Устряловъ. Въ брошюрѣ Шлейзинга «Derer beiden Czaaren in Russland Jwan und Peter Regimentsstab, Zittau 1693», а также въ брошюрѣ «Gespräche im Reiche der Todten» Leipzig, 1737, стр. 1184, сказано, что самъ Голицынъ велѣлъ зажечь степь (!).

[2]) По донесенію Голицыну—90 верстъ; по картамъ—200 верстъ.

Шакловитаго, который долженъ былъ посовѣтовать Голицыну уговорить донскихъ казаковъ сдѣлать нападеніе на Крымъ съ моря, а малороссійскихъ казаковъ—напасть на кизикерменскіе города, т. е. на турецкіе форты по Днѣпру и пр. Если-бы все это оказалось невозможнымъ, то Голицынъ долженъ былъ построить на Самарѣ и на Орели форты, «чтобъ впредь было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ» [1]).

Голицынъ не исполнилъ ни одного изъ этихъ совѣтовъ и возвратился въ Москву. На пути онъ, кажется, принималъ дѣятельное участіе въ низверженіи гетмана Самойловича. Вслѣдствіе крамолъ, происходившихъ въ малороссійскомъ войскѣ, Самойловичъ былъ лишенъ званія гетмана и замѣненъ Мазепою. Для московскаго правительства эта перемѣна оказалась невыгодною. Самойловичъ былъ полезенъ и оказывалъ существенныя услуги Россіи. Онъ умеръ въ ссылкѣ, а одинъ изъ сыновей его былъ казненъ [2]). Разсказывали, что, при конфискаціи имущества Самойловича, Голицынъ успѣлъ присвоить себѣ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія павшему гетману [3]). Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что Голицынъ заставилъ новаго гетмана, Мазепу, подарить ему 10,000 рублей [4]).

Несмотря на полную неудачу похода, и полководецъ и войско были награждены. Голицыну дана золотая цѣпь и медаль вѣсомъ въ 300 червонцевъ; генералы и полковники также получили медали; даже солдаты были удостоены наградъ. Софья пышно и велерѣчиво, именемъ государей, возвѣстила русскому народу о необычайныхъ подвигахъ воеводъ и всего воинства, о поспѣшномъ сборѣ ратныхъ людей на указныхъ мѣстахъ, о быстромъ наступленіи на крымскіе юрты до самыхъ дальнихъ мѣстъ, о паническомъ ужасѣ хана и татаръ и пр. Были также приняты мѣры для распространенія и въ западной Европѣ ложныхъ слуховъ о необычайномъ успѣхѣ русскаго оружія въ борьбѣ съ татарами. Чрезъ посредство нидерландскаго дипломата, барона Келлера, въ голландскихъ газетахъ была напечатана составленная самимъ Голицынымъ реляція о Крымскомъ походѣ, гдѣ дѣйствія русскаго войска выставлялись въ самомъ выгодномъ свѣтѣ [5]). Однако въ то же самое

[1]) Соловьевъ, XIV, 41.

[2]) Гордонъ, II, 177 и слѣд. П. С. З. № 1254. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 186. Устряловъ, I, 210. и слѣд. Нѣкоторыя частности см. въ донесеніяхъ Кохена въ «Русской Старинѣ» 1878, II, 123.

[3]) Нёвиль.

[4]) Устряловъ, I, 356.

[5]) Posselt. Lefort, I, 389.

время шведскій резидентъ Кохенъ доносилъ своему правительству, что въ Крымскомъ походѣ погибло не менѣе 40—50,000 человѣкъ [1]).

Положеніе московскаго правительства оказалось затруднительнымъ. Недоставало и денежныхъ средствъ для скораго возобновленія военныхъ дѣйствій [2]). Впродолженіе 1688 года были приняты нѣкоторыя мѣры къ подготовленію новаго похода. Была построена крѣпость Богородицкая на рѣкѣ Самарѣ, притокѣ Днѣпра. Это мѣсто должно было служить сборнымъ пунктомъ для войска и складомъ военныхъ снарядовъ; но окрестности его постоянно подвергались нападеніямъ татаръ. Носился слухъ, что новая крѣпость была построена также съ цѣлью отсюда наблюдать за дѣйствіями малороссійскихъ казаковъ и препятствовать ихъ сношеніямъ съ татарами [3]).

Нельзя было не думать о второмъ походѣ. Набѣги татаръ повторялись. Въ мартѣ 1688 года было уведено въ татарскій плѣнъ до 60,000 русскихъ [4]). Для Россіи было невыгодно, что въ это время Польша также воевала неудачно. На польскую помощь была плохая надежда; къ тому же опять узнали кое-что объ агитаціи поляковъ въ Малороссіи, а потомъ о намѣреніи польскаго правительства заключить сепаратный миръ съ Турціею. Тѣмъ болѣе странными кажутся надежды русскаго двора путемъ дипломатическихъ дѣйствій достигнуть важныхъ результатовъ.

Въ польскихъ дѣлахъ Главнаго Архива найдена царская грамата, заключающая въ себѣ наказъ русскому резиденту въ Польшѣ, Возницыну. Послѣднему велѣно объявить императорскому послу въ Варшавѣ, Жировскому, что московскій дворъ съ удивленіемъ услышалъ извѣстіе о склонности цесаря и польскаго короля заключить отдѣльный миръ съ Турціею; если же цесарь и король твердо рѣшились прекратить войну, то Россія потребуетъ отъ султана: 1) всѣхъ татаръ вывести изъ Крыма за Черное море, въ Анатолію, а Крымъ уступить Россіи; иначе никогда покоя ей не будетъ; 2) татаръ и турокъ при Азовскомъ морѣ также выселить, а Азовъ отдать Россіи; Кизикерменъ, Очаковъ и другіе города въ низовьяхъ днѣпровскихъ также уступить Россіи, или по крайней мѣрѣ разорить; 4) всѣхъ русскихъ и малороссійскихъ плѣнныхъ освободить, безъ всякаго выкупа и размѣна; 5) за убытки, причиненные на-

[1]) «Русская Старина», 1878, II, 122.
[2]) См. донесенія Келлера въ соч. Поссельта, I, 363, 368, 389.
[3]) Кохенъ, въ «Р. Старинѣ» 1878, II, 123.
[4]) См. о такихъ случаяхъ въ Дневникѣ Гордона, II, 209, 306, 307, 336 и пр.

бѣгами татаръ въ прежнее время, вознаградить двумя милліонами червонныхъ. Неизвѣстно, была ли эта грамата только черновымъ проектомъ. Трудно вѣрить, чтобы правительство могло серьезно думать о такихъ предложеніяхъ. Подобныхъ условій, замѣчаетъ Устряловъ, не предлагала и Екатерина II, предписывая Турціи миръ въ Кайнарджи. Можетъ быть, Софья только хотѣла увѣрить своихъ и чужихъ, что Россія пріобрѣла въ ея правленіе необычайныя силы [1]); можетъ быть, она надѣялась самоувѣренностью произвести нѣкоторое давленіе на Польшу. Во всякомъ случаѣ, изъ этого наказа видно, что московское правительство не придавало особеннаго значенія неудачному походу 1687 года или, по крайней мѣрѣ, что въ Россіи ожидали бо́льшаго успѣха отъ второго похода, въ 1689 г.

Время казалось удобнымъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ. Австрійскія и венеціанскія войска именно тогда дѣйствовали весьма успѣшно въ Венгріи, въ Далмаціи и въ Мореѣ. Надежды южныхъ славянъ и вообще христіанъ Балканскаго полуострова на освобожденіе отъ турецкаго ига оживились. Бывшій константинопольскій патріархъ Діонисій, сверженный, какъ онъ писалъ, за уступку царскому желанію въ дѣлѣ о кіевской митрополіи, извѣщалъ царей, что теперь самое удобное время для избавленія христіанства отъ турокъ. Это письмо онъ отправилъ осенью 1688 года въ Москву, чрезъ архимандрита Аѳонскаго Павловскаго монастыря, Исаія. «Всякія государства», писалъ Діонисій, «и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святого вашего царствія ожидаютъ, сербы и болгары, молдаване и валахи; возстаньте, не дремлите, придите спасти насъ». Исаія привезъ грамоту и отъ валахскаго господаря, Щербана Кантакузена, который тоже писалъ, что отъ русскихъ царей православные ожидаютъ избавленія своего изъ рукъ видимаго Фараона. Третья грамота такого же содержанія была отъ сербскаго нареченнаго патріарха Арсенія. Исаія объявилъ, что онъ пошелъ отъ всѣхъ грековъ и славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на турокъ. Это необходимо сдѣлать и для того, «чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидятъ папежники; которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ, повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви

[1]) Устряловъ, I, 217.

къ уніи, другіе превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли; если возьмутъ самый Царь-градъ, то православные христіане въ большую погибель придутъ и вѣра православная искоре-

Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія.

нится. Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостью; да и турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и другихъ православныхъ народовъ».

Отъ имени Щербана, Исаія говорилъ, чтобы великіе государи послали войска свои въ Бѣлгородскую орду на Буджаки, и Дунаемъ въ судахъ прислали къ нему, Щербану, который съ семидесятитысячнымъ войскомъ придетъ на помощь къ русскимъ на Буджаки и пр.

Государи отвѣчали Діонисію и Щербану, что имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное, и указали для того воеводъ своихъ со многими ратями на крымскіе юрты и пойдутъ войска самымъ раннимъ вешнимъ временемъ; а когда Крымъ будетъ раззоренъ, тогда удобно будетъ идти и на ту сторону Днѣпра, на Бѣлгородскую орду и за Дунай [1]).

Какъ видно, между Россіею и южно-славянскимъ православнымъ міромъ существовала солидарность. Уже Богданъ Хмѣльницкій говорилъ съ сочувствіемъ о православныхъ христіанахъ, терпящихъ бѣду и живущихъ въ утѣсненіи отъ безбожныхъ; Ордынъ-Нащокинъ выражалъ надежду на освобожденіе при помощи Россіи молдаванъ и валаховъ отъ турецкаго ига и на соединеніе «дѣтей одной матери, восточной церкви»; объ этомъ же говорили и польскіе, и русскіе дипломаты во время переговоровъ о мирѣ при царѣ Алексѣѣ; объ этомъ писалъ, и писалъ краснорѣчиво, Юрій Крижаничъ [2]).

Впослѣдствіи также не разъ повторялись призывы на помощь славянамъ, подданнымъ Турціи. И Петръ не оставался равнодушнымъ къ такого рода выраженіямъ сочувствія къ Россіи и надежды на ея могущество. Однако и при Петрѣ оказалось дѣломъ слишкомъ труднымъ освободить «дѣтей одной матери, восточной церкви», отъ турецкаго ига. Во время правленія Софьи, Россія располагала гораздо меньшими средствами. Правительница обѣщала послѣ занятія Крыма идти дальше, въ направленіи къ Дунаю; но Крымъ не былъ занятъ, и второй походъ Голицына былъ лишь немного удачнѣе перваго.

Уже до похода было замѣтно нѣкоторое раздраженіе въ обществѣ, гдѣ Голицынъ имѣлъ много враговъ. Разсказываютъ, что убійца бросился къ нему въ сани и едва былъ удержанъ слугами князя; убійцу казнили въ тюрьмѣ послѣ пытки, безъ огласки. Незадолго передъ отправленіемъ въ походъ, у воротъ Голицына найденъ былъ гробъ съ запискою, что, если и этотъ походъ будетъ такъ же неудаченъ, какъ первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ [3]). Баронъ Келлеръ доносилъ Генеральнымъ Штатамъ, что,

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 55—56.

[2]) См. мою статью: Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ. Въ «Древней и Новой Россіи» 1876, III, 386—388.

[3]) Въ брошюрѣ «Gespräche im Reiche der Todten» разсказана басня о страшномъ заговорѣ, въ которомъ будто участвовало не менѣе 300 юношей, готовыхъ убить Голицына. Соловьевъ, XIV, 58.

въ случаѣ неудачи и второго похода, можно ожидать повсемѣстнаго бунта. При этомъ онъ не считаетъ возможнымъ говорить подробнѣе о причинахъ такого раздраженія [1]).

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда правительство надѣялось на успѣхъ внѣшней политики, готовился переворотъ внутри государства.

Въ 1689 году, войска выступили въ походъ еще зимою, для избѣжанія сильной жары и безводія въ степи. Разливъ рѣкъ сначала затруднялъ движеніе арміи. Приходилось бороться съ громадными затрудненіями при перевозкѣ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Однако на этотъ разъ Голицыну все-таки удалось дойти до самаго Перекопа. На пути туда онъ, въ половинѣ мая, встрѣтился съ татарами. Произошло нѣсколько неважныхъ стычекъ; настоящаго сраженія не было, хотя Голицынъ въ своихъ донесеніяхъ и говорилъ о весьма важныхъ военныхъ дѣйствіяхъ.

20-го мая, войско, наконецъ, стало у Перекопа. Еще до этого продовольствіе арміи представляло, какъ мы сказали, большія затрудненія. По ту сторону сильно укрѣпленнаго перешейка разстилалась безводная степь. Тѣмъ не менѣе, войска ожидали распоряженія о нападеніи на татарскія укрѣпленія, какъ вдругъ неожиданно послѣдовало приказаніе отступить.

Дѣло въ томъ, что между татарскимъ ханомъ и княземъ Голицынымъ начались переговоры, результатомъ которыхъ было не заключеніе какаго либо договора, или перемирія, или мира, а отступленіе русскаго войска.

Голицынъ и его товарищъ, Неплюевъ, въ офиціальныхъ донесеніяхъ, а затѣмъ при судебномъ слѣдствіи, говорили, что не ими, а ханомъ были начаты переговоры; русскіе и поляки, находившіеся въ плѣну у татаръ, напротивъ, увѣряли, что инціатива переговоровъ принадлежала не хану, а Голицыну. Трудно рѣшить, которое изъ этихъ показаній заслуживаетъ бóльшаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ, изъ подробнаго сопоставленія различныхъ данныхъ въ источникахъ можно заключить, что Голицынъ дѣйствовалъ самовластно и произвольно; при рѣшеніи вопроса о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ не спрашивали мнѣнія опытныхъ военачальниковъ, какъ, напр., Мазепы и Шепна; донесенія Голицына, посылаемыя въ Москву, не соотвѣтствовали самому ходу событій. Нельзя удивляться, что образъ дѣйствій Голицына въ данномъ случаѣ сильно содѣйствовалъ его паденію вскорѣ послѣ этого

[1]) Posselt. Lefort, I, 819.

неудачнаго похода. Слухъ о томъ, что Голицынъ былъ подкупленъ татарами, какъ кажется, лишенъ основанія. Источникомъ этого слуха служили въ особенности разсказы русскихъ, находившихся въ татарскомъ плѣну [1]).

Походъ 1689 года дорого обошелся Россіи. Лефортъ, участвовавшій въ немъ, писалъ къ своимъ родственникамъ въ Швейцаріи: «русскіе потеряли 20,000 человѣкъ убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, къ тому же 70 пушекъ и множество другихъ военныхъ снарядовъ» [2]). Изъ письма Гордона къ графу Эрролю также видно, что потеря была значительна и что отступленіе, во время котораго татары постоянно окружали русское войско, было сопряжено съ страшными опасностями и затрудненіями [3]).

Напрасно Голицынъ, ложными донесеніями и пышными фразами о своихъ подвигахъ, старался выставить походъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ русскомъ обществѣ знали довольно подробно о печальномъ исходѣ дѣла и о жалкой роли, которую играло войско, какъ это видно, между прочимъ, изъ чрезвычайно рѣзкихъ замѣчаній о походѣ Ивана Посошкова въ письмѣ къ боярину Головину, отъ 1701 года [4]).

За границею московское правительство также старалось распустить слухъ о побѣдѣ, одержанной надъ татарами. Русскій резидентъ въ Варшавѣ, отправленный въ Вѣну и въ Венецію, долженъ былъ разсказывать тамъ о пораженіи татарскихъ ордъ, въ количествѣ до полутораста тысячъ человѣкъ, на поляхъ Колончацкихъ, о бѣгствѣ хана за Перекопъ и о всеобщемъ ужасѣ татаръ [5]). Общею молвою Голицынъ думалъ заглушить истину, и безславное осьмидневное бѣгство предъ татарами, сопряженное съ несметною потерею людей, лошадей, обозовъ, хотѣлъ выставить такимъ «побѣдительствомъ, какого издавна не бывало» [6]).

Во время похода, Софья не разъ писала къ Голицыну. Письма эти свидѣтельствуютъ о близкой связи, существовавшей между правительницею и княземъ. «Свѣтъ мой, братецъ Васенька!» сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, «здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и пресвятыя Богородицы

---

[1]) См. подробности о всемъ походѣ и о разсказахъ о подкупѣ у Устрялова, I, 217 и слѣд., а также мое сочиненіе о Голицынѣ въ журналѣ «Russische Revue», т. XIII. 298 и слѣд.

[2]) Posselt. Lefort, I, 399.

[3]) Tagebuch Gordon's, II, 259 и слѣд. III, 235 и слѣд.

[4]) Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ, I, 280—281.

[5]) Памятники дипломатическихъ сношеній, X, 1374.

[6]) Устряловъ, I, 240.

милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего», и пр. Когда Софья получила извѣстіе о предстоявшемъ возвращеніи Голицына въ Москву, она писала: «Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя Свое святое, также и Матери Своея, пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдоша намъ такого милосердія Божія. Не хуже Израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египетскія: тогда черезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое! чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою» и пр.

«Если-бъ ты такъ не трудился, никто бы такъ не сдѣлалъ» [1], заключила Софья одно изъ своихъ писемъ къ Голицыну. Очевидно, она сама считала успѣхъ похода замѣчательнымъ. Опять, какъ и въ 1687 году, главнаго полководца и его товарищей въ Москвѣ ожидали награды.

Однако неудача сдѣлалась извѣстною. Несоотвѣтствіе между фактическимъ ходомъ дѣла и оффиціальными донесеніями о походѣ должно было повлечь за собою роковыя послѣдствія и для Голицына, и для правительницы. Недаромъ, въ 1684 году, Гордонъ въ своей запискѣ о Восточномъ вопросѣ замѣтилъ, что правители, начавъ неудачную войну, легко могутъ навлечь на себя гнѣвъ государей, какъ скоро они достигнутъ совершеннолѣтія.

Оказалось, что опасенія опытнаго генерала имѣли основаніе. Государственный переворотъ, жертвами котораго сдѣлались Софья и Голицынъ, былъ неминуемъ.

[1]) Устряловъ, I, 235 и 238.

ГЛАВА V.

Паденіе Софьи.

Петръ, во все время правленія Софьи, развѣ только при торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, по случаю пріема иностранныхъ пословъ, игралъ роль царя. Для Ивана и Петра былъ сдѣланъ двойной тронъ, на которомъ они сидѣли при подобныхъ церемоніяхъ.

Сохранилось извѣстіе о впечатлѣніи, произведенномъ въ 1683 году братьями на иностранцевъ при такомъ случаѣ. Путешественникъ Кемпферъ разсказываетъ слѣдующее. Старшій братъ, надвинувъ шапку на глаза, съ потупленнымъ взоромъ, сидѣлъ почти неподвижно; младшій смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ, прелестнымъ лицомъ, на которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества. Дивная красота его, говоритъ Кемпферъ, плѣняла всѣхъ присутствовавшихъ, а живость приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ московскихъ. Когда посланникъ подалъ вѣрительную грамоту, и оба царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьѣ, младшій не далъ времени дядькамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, быстро всталъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и бѣгло заговорилъ обычный привѣтъ: «Его королевское величество, братъ нашъ, Каролусъ Свейскій, по

здорову-ль?» Петру было тогда съ небольшимъ 11 лѣтъ; но Кемпферу онъ показался не менѣе 16 лѣтъ [1]).

О жалкомъ впечатлѣніи, производимомъ царемъ Иваномъ, въ противоположность свѣжести и здоровью Петра, особенно подробно говоритъ цесарскій посолъ Хёвель (Hövel), бывшій въ Москвѣ, въ 1684 году [2]). Врачъ Рингуберъ, около этого же времени видѣвшій Петра, съ восхищеніемъ упоминаетъ о красотѣ и умѣ юнаго царя, замѣчая, что природа щедро одарила его [3]).

Нельзя удивляться тому, что, когда Гордонъ, въ 1684 году, находился въ Москвѣ и долженъ былъ имѣть аудіенцію при дворѣ, онъ ждалъ выздоровленія хворавшаго въ то время оспою царя Петра, чтобы не быть принятымъ однимъ Иваномъ. Когда Гордонъ былъ у послѣдняго, царь Иванъ былъ какъ-то печаленъ и оставался совершенно безмолвнымъ [4]).

Изъ донесеній барона Келлера Генеральнымъ Штатамъ видно, какъ сильно безпокоились иностранцы, проживавшіе въ Москвѣ, по случаю болѣзни Петра въ 1684 году. Когда онъ выздоровѣлъ, были устроены празднества, къ которымъ приглашались Голицынъ и другіе вельможи. Вообще, въ депешахъ Келлера часто говорится о Петрѣ, его занятіяхъ и увеселеніяхъ, о добрыхъ отношеніяхъ его къ брату Ивану и т. п. Въ 1685 году онъ пишетъ: «молодому царю нынѣ пошелъ тринадцатый годъ; онъ развивается весьма успѣшно, великъ ростомъ и держитъ себя хорошо; его умственныя способности замѣчательны; всѣ его любятъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на военныя дѣла; безъ сомнѣнія, отъ него можно при совершеннолѣтіи ожидать храбрыхъ и славныхъ подвиговъ, въ особенности въ борьбѣ съ крымскими татарами [5]).

О солдатскихъ играхъ Петра во время правленія Софьи сохранились отчасти весьма недостовѣрныя данныя. Менѣе всего заслуживаютъ вниманія анекдоты о потѣшномъ войскѣ, служившемъ будто бы исходною точкою новой военной организаціи въ Россіи, и о мнимомъ значеніи въ этомъ дѣлѣ Лефорта. Въ настоящее время нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Петръ познакомился съ Лефортомъ не раньше, какъ послѣ государственнаго переворота

---

[1]) См. соч. Аделунга о баронѣ Мейербергѣ. Спб. 1827, стр. 349 и 350.

[2]) «Czarus Joannes ein gantz ungesunder contracter blinder Herr, dem die Haut gar uber die Augen gewachsen... wie dan nicht wol einzubilden, dass es also lange in duobus simul bestehen werde». Adelung, Übersicht der Reisenden in Russland. II. 373.

[3]) Adelung. II. 373.

[4]) Tagebuch Gordon's. II. 11.

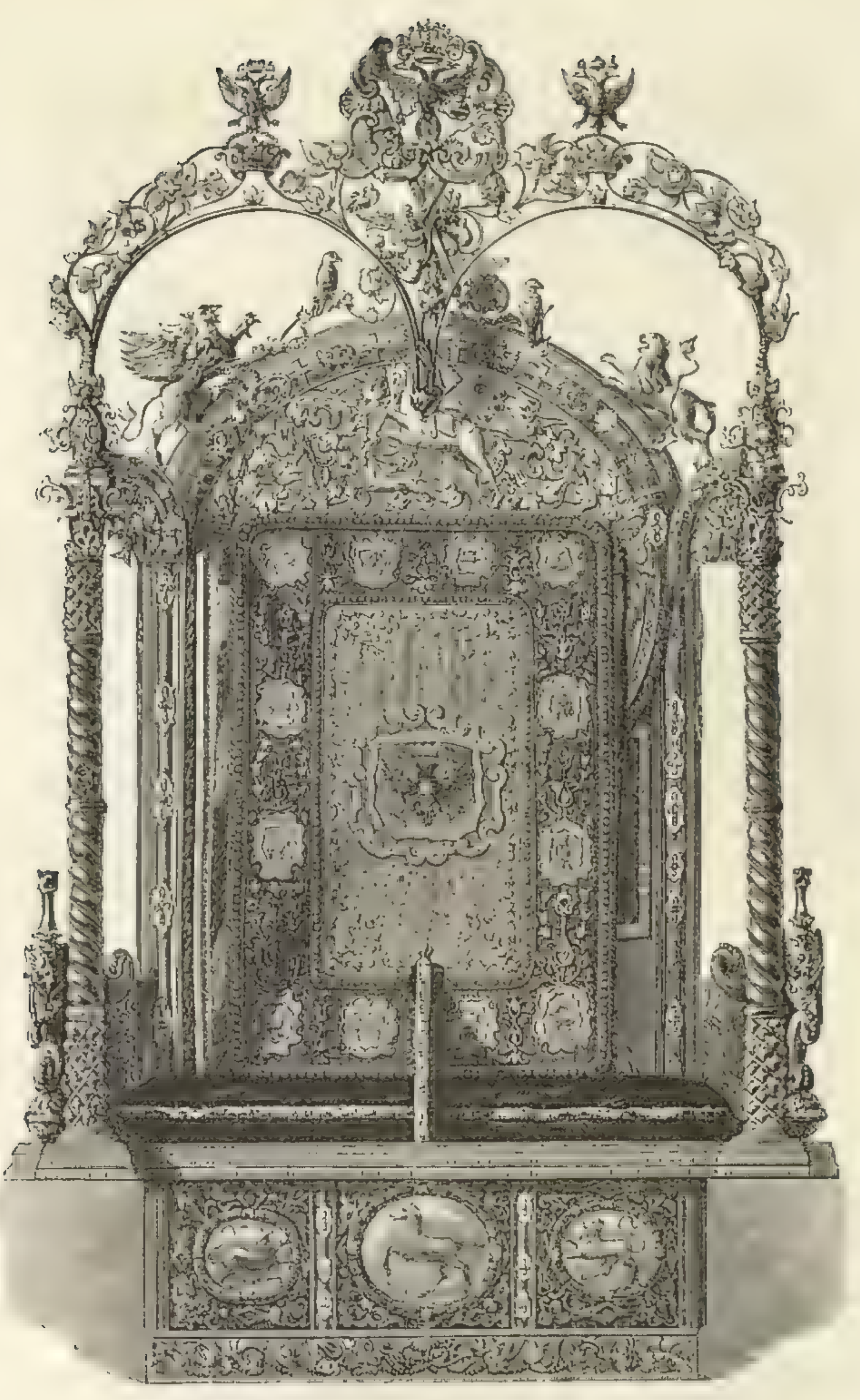
[5]) Posselt, Lefort. I. 406, 409, 410.

1689 года. Не разъ въ послѣднее время былъ изслѣдованъ вопросъ о времени начала потѣшнаго войска, вопросъ о томъ, должно ли отнести это начало къ 1682, или къ 1683, или же къ 1687 году, вопросъ, въ сущности, не особенно важный [1]).

Изъ архивныхъ данныхъ мы узнаемъ, что солдатскія игры, бывшія въ ходу, какъ мы видѣли, и до 1682 года, продолжались въ томъ же видѣ и послѣ кризиса, случившагося весною этого года. Молодому царю доставлялись барабаны, копья, знамена, деревянныя пушки, сабли и проч. Сохранились и имена нѣкоторыхъ лицъ, доставлявшихъ царю эти предметы; между ними встрѣчаются лица, занимавшія впослѣдствіи важные посты: Стрѣшневъ, Головкинъ, Шереметевъ, Борисъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Упоминается также о нѣмецкомъ офицерѣ Зоммерѣ, который, прибывъ въ Россію въ 1682 году, устроилъ, 30-го мая 1683 года, въ день рожденія Петра, въ селѣ Воробьевѣ потѣшную огнестрѣльную стрѣльбу предъ великимъ государемъ [2]).

Сохранились имена нѣкоторыхъ товарищей Петра въ потѣшномъ войскѣ; изъ нихъ только Меншиковъ сдѣлался знаменитостью [3]). Какъ кажется, въ 1687 году солдатскія игры Петра приняли большіе размѣры. Число молодыхъ людей, въ нихъ участвовавшихъ, росло значительно. То въ Преображенскомъ, то въ Семеновскомъ, то въ селѣ Воробьевѣ, были устраиваемы маневры. Здѣсь именно и было положено начало русской гвардіи. По настоящее время, близъ села Преображенскаго еще сохранились слѣды сооруженной тогда небольшой крѣпости, носившей названіе Пресбурга [4]). Начиная съ 1688 года, Петръ не разъ обращался для укомплектованія своего войска къ генералу Гордону; 7-го сентября онъ чрезъ нарочнаго требовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка пять флейтщиковъ и столько же барабанщиковъ. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ крайне недоволенъ, что эти люди были отправлены къ царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ этого, Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанщиковъ, и Гордонъ, одѣвъ пять человѣкъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю. Очевидно, Гордонъ понималъ, что угождать Петру — дѣло выгодное. Въ борьбу партій, о которой Гордонъ пишетъ уже осенью 1688 года, онъ не вмѣшивался, но зато искалъ случаевъ доставлять

[1]) См. Устрялова, I, 23—25 и 327—331, а также Погодина, стр. 149—311.
[2]) Погодинъ, 100 и слѣд.
[3]) Posselt, I, 406, гдѣ указано на изслѣдованія генерала Рача.
[4]) Тамъ же, I, 412.



Тронъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей.
Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“.

удовольствіе юному царю. 9-го октября, осматривая свой полкъ въ слободѣ, онъ выбралъ 20 флейтщиковъ и 30 маленькихъ барабанщиковъ «для обученія». Очевидно, эти люди были назначены для потѣшнаго войска Петрова. 13-го ноября потребовали всѣхъ барабанщиковъ Гордонова полка къ царю Петру, и сверхъ того 10 человѣкъ взяты въ конюхи [1]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что военныя игры Петра принимали все бóльшіе и бóльшіе размѣры и обращали на себя вниманіе современниковъ [2]). Любопытно, что юный царь, при всемъ этомъ, нуждался въ помощи и наставленіи иностранцевъ. Въ качествѣ полковника Преображенскаго потѣшнаго войска, упоминается лифляндецъ Менгденъ. Врачемъ Петра въ это время былъ голландецъ фанъ-деръ-Гульстъ.

Петръ самъ впослѣдствіи разсказывалъ подробно, въ введеніи къ Морскому регламенту, о началѣ морского дѣла въ Россіи, какъ послѣ постройки, въ царствованіе царя Алексѣя, корабля «Орелъ» оставались жить въ Москвѣ нѣкоторые иностранцы, и между ними корабельный плотникъ Карстенъ Брантъ, затѣмъ, какъ онъ, Петръ, просилъ отправляемаго во Францію князя Долгорукаго купить ему астролябію и, наконецъ, какъ онъ, гуляя въ Измайловѣ, нашелъ въ амбарѣ англійскій ботъ и проч. [3]).

При этихъ случаяхъ, чрезъ посредство доктора фанъ-деръ-Гульста, онъ познакомился съ Карстеномъ Брантомъ и съ голландцемъ Францемъ Тиммерманомъ. Начались потѣшныя поѣздки, сначала по рѣкѣ Яузѣ, затѣмъ на Просяномъ прудѣ, наконецъ, на Переяславскомъ озерѣ, а потомъ уже появилась охота видѣть и море.

Брантъ и Тиммерманъ, люди скромные, простые ремесленники, представители средняго класса, сдѣлались товарищами и наставниками царя. Въ послѣднемъ развилась охота учиться геометріи и фортификаціи. Сохранились и учебныя тетради Петра, когда онъ, подъ руководствомъ Тиммермана, изучалъ ариѳметику и геометрію; тетради, писанныя рукою нетвердою, очевидно непривычною, безъ всякаго соблюденія правилъ тогдашняго правописанія, со множествомъ описокъ, недописокъ и всякаго рода ошибокъ. Свидѣтельствуя съ одной стороны, какъ было небрежно воспитаніе Петра, который на шестнадцатомъ году едва умѣлъ выводить, съ

---

[1]) Дневникъ Гордона, II, 227, 231, 236.

[2]) См. также нѣкоторыя данныя о поставкѣ въ Преображенское и въ Коломенское разныхъ предметовъ, какъ-то: пороху, кремней, шомполовъ, свинцу и пр. у Погодина, 112.

[3]) Устряловъ, II, 398—399.

Село Измайлово въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкой современной гравюры.

очевиднымъ трудомъ, буквы, онѣ, съ другой стороны, удостовѣряютъ, съ какимъ жаромъ, съ какою понятливостью принялся онъ за науки и какъ быстро переходилъ отъ первыхъ началъ ариѳметики до труднѣйшихъ задачъ геометріи [1]).

Въ это время нѣкоторымъ образомъ роль дядьки юнаго царя Петра игралъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ Василія Васильевича. Баронъ Келлеръ, въ донесеніи 1686 года, называетъ его «близкимъ совѣтникомъ и другомъ» царя. И онъ, подобно Василію Васильевичу Голицыну, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ вельможъ, которые находились въ довольно оживленныхъ сношеніяхъ съ жителями Нѣмецкой слободы и владѣли разными языками. Келлеръ, Лефортъ, Гордонъ отзывались довольно выгодно о Борисѣ Голицынѣ; они знали его короче, чѣмъ Нёвиль, называвшій его неучемъ, человѣкомъ безъ всякаго стремленія къ образованію, пьяницею. Изъ дневника Корба мы узнаемъ, что дѣти Бориса Алексѣевича воспитывались польскими наставниками и что въ его домѣ проживали польскіе музыканты [2]). Изъ введенія къ изданной въ Оксфордѣ, въ 1696 году, и посвященной князю Борису Голицыну грамматикѣ русскаго языка видно, что онъ считался хорошимъ знатокомъ латинскаго языка. Въ его письмахъ къ царю Петру мѣстами встрѣчаются латинскія слова и выраженія. Можно думать, что Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ своимъ образованіемъ далеко уступалъ Василію Васильевичу Голицыну. Однако мы знаемъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ весьма тщательно образованнымъ Андреемъ Артамоновичемъ Матвеевымъ, съ датскимъ резидентомъ Бутенантомъ фонъ-Розенбушемъ и другими лицами, принадлежавшими къ лучшему обществу того времени. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ любилъ попойки, и въ этомъ отношеніи былъ также товарищемъ Петра. Для послѣдняго особенно важнымъ обстоятельствомъ было то, что связи, наклонности и общественное положеніе Бориса Голицына доставили ему возможность служить посредникомъ между юнымъ царемъ и жителями Нѣмецкой слободы, которымъ было суждено сдѣлаться наставниками царя.

О матери Петра, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, мы знаемъ только, что она въ это время была недовольна прогулками Петра на водѣ [3]) и, какъ увидимъ ниже, раздражалась образомъ дѣй-

---

[1]) Устряловъ, II, 19.
[2]) Korb. Diarium itineris, 65.
[3]) См. письма Петра къ матери, у Устрялова, II, 29.

ствій Софьи. Она женила Петра, быть можетъ, въ надеждѣ, что онъ привыкнетъ сидѣть дома, вмѣсто того чтобы заниматься постройкою судовъ въ Переяславлѣ. Невѣстой молодому царю была избрана Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, дочь окольничьяго Ѳеодора Абрамовича, и 27-го января 1689 года состоялось бракосочетаніе.

Правительница Софья видѣла, какъ выросталъ ея братъ, Петръ, между тѣмъ, какъ царь Иванъ, впрочемъ, также женившійся въ это время, въ нѣкоторомъ смыслѣ всегда оставался несовершеннолѣтнимъ; можно было ожидать, что Петръ скоро будетъ въ состояніи взять въ руки бразды правленія. Есть основаніе думать, что вслѣдствіе этого Софья мечтала, какъ бы удержать за собою хотя нѣкоторую долю власти; она приняла мѣры для превращенія, буде возможно, двоевластія въ троевластіе. Тотчасъ же послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Польшею, она присвоила себѣ титулъ самодержицы [1]). Съ того времени, всѣ правительственныя бумаги являлись съ означеннымъ титуломъ. Въ этомъ чрезвычайно смѣломъ дѣйствіи царевны заключалось нарушеніе правъ братьевъ ея. Софья своимъ поступкомъ надѣлала шуму. Баронъ Келлеръ доносилъ своему правительству: «здѣсь сомнѣваются, чтобы младшій царь, достигнувъ совершеннолѣтія, оставался доволенъ такимъ поступкомъ» [2]). Мы не знаемъ, какъ думалъ самъ Петръ объ этомъ дѣлѣ; зато сохранилось извѣстіе о рѣзкомъ замѣчаніи, сдѣланномъ по этому поводу царицею Натальею Кирилловною. «Для чего учала она», сказала царица о Софьѣ, «писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ» [3]).

Пока, однако-жь, никакой открытой борьбы не было. Софья начала дѣйствовать еще смѣлѣе. Наканунѣ дня св. митрополита Алексѣя, 19-го мая 1686 года, она торжественно явилась передъ народомъ, какъ никогда не являлись даже царицы. Рядомъ съ царями она стояла въ храмѣ и вообще участвовала во всей церемоніи въ Чудовомъ монастырѣ. Такіе случаи повторялись чаще и чаще.

Все это возбуждало негодованіе въ кругу приверженцевъ и родственниковъ царя Петра. Особенно рѣзко высказывались относительно образа дѣйствій царевны князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Клевреты Софьи, узнавъ

---

[1]) П. С. З., № 1187.
[2]) Posselt, I, 410.
[3]) Устряловъ, II, 35—36.

Петръ I въ селѣ Измайловѣ.

Съ картины Мясоѣдова. Гравюра Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ.

объ этомъ, сильно безпокоились и находились въ раздраженіи. Утѣшая Софью, Шакловитый говаривалъ: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь». Даже Василій Васильевичъ Голицынъ, какъ разсказывали, выразилъ такую же мысль, замѣчая: «для чего и прежде вмѣстѣ съ братьями ея не уходили? Ничего бы теперь не было». Шакловитый, склонный къ энергичнымъ дѣйствіямъ, распорядился объ арестованіи нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей и собственноручно пыталъ ихъ за то, что они сожалѣли о номинальномъ лишь царствованіи Петра. Лицъ, неосторожно выражавшихъ свою безусловную приверженность Петру, наказывали строго — вырѣзываніемъ языка, отсѣченіемъ пальцевъ и т. п.

Опять, какъ въ 1682 году, начались тайныя сношенія между Софьею и стрѣльцами. Въ августѣ 1687 года, въ селѣ Коломенскомъ, она сказала Шакловитому: «если бы я вздумала вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, провѣдай у стрѣльцовъ, какая будетъ отъ нихъ отповѣдь». Отвѣтъ стрѣльцовъ былъ уклончивый; они не хотѣли подать челобитную о принятіи Софьею короны.

Всѣ подробности этихъ событій сдѣлались извѣстными позднѣе, въ 1689 году, изъ слѣдствія, произведеннаго надъ Шакловитымъ и его товарищами, источника довольно мутнаго. Показанія, данныя въ застѣнкѣ, нельзя считать вполнѣ соотвѣтствующими фактамъ. Но все-таки, не обращая вниманія на частности, мы, благодаря этимъ даннымъ, не можемъ сомнѣваться въ самомъ существованіи агитаціи, интригъ, направленныхъ противъ приверженцевъ и родственниковъ царя Петра, и связяхъ, возникшихъ между правительницею и стрѣльцами.

Какъ кажется, Софья и ея приверженцы распространяли слухи о мнимомъ заговорѣ Натальи Кирилловны, Бориса Голицына и патріарха противъ Софьи и говорили о необходимости мѣръ противъ заговорщиковъ. Разными способами старались вооружить стрѣльцовъ не столько противъ самого Петра, сколько противъ его матери. Однако, какъ кажется, и жизнь самого Петра находилась въ нѣкоторой опасности. Когда, въ 1697 году, казнили полковника Цыклера за покушеніе на жизнь Петра, онъ, передъ казнью, сдѣлалъ слѣдующее показаніе: «передъ Крымскимъ первымъ походомъ царевна его призывала и говаривала почасту, чтобъ онъ съ Ѳедькою Шакловитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошовѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ, царевна въ окно говорила ему про то-жъ, чтобъ съ Шакловитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онъ ей въ томъ отказалъ»

и проч. [1]). Филиппъ Сапоговъ, бывшій въ числѣ главныхъ клевретовъ Софьи, при слѣдствіи 1689 года, упорно уличалъ Шакловитаго въ посягательствѣ на жизнь Петра. «Много разъ подговаривалъ меня Шакловитый», извѣщалъ Сапоговъ при розыскѣ, «какъ пойдетъ царь въ походъ, бросить на пути ручныя гранаты, или украдкою положить ихъ въ потѣшныя сани; также зажечь ночью нѣсколько дворовъ въ Преображенскомъ и во время смятенія умертвить государя». Шакловитый запирался въ умыслѣ на жизнь Петра [2]). Какъ бы то ни было, если даже мысль о покушеніи на жизнь Петра можетъ подлежать сомнѣнію, то нельзя сомнѣваться въ честолюбивыхъ умыслахъ Софьи.

Былъ сдѣланъ портретъ Софьи въ коронѣ, съ державою и скипетромъ и надписью, въ которой Софья названа «самодержицею». Вокругъ этой надписи Шакловитый съ Медвѣдевымъ придумали аллегорическія изображенія семи даровъ духа или добродѣтелей царевны: разума, цѣломудрія, правды, надежды, благочестія, щедроты и великодушія. Съ этого портрета печатались оттиски на атласѣ, тафтѣ, объяри, также на бумагѣ и раздавались разнымъ людямъ. Одинъ оттискъ портрета былъ посланъ въ Голландію, къ амстердамскому бургомистру Витзену, съ просьбою снять съ него копію и надписать полное именованіе царевны вмѣстѣ съ виршами на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, чтобы, по словамъ Шакловитаго, «такая же была слава великой государынѣ за моремъ, въ иныхъ земляхъ, какъ и въ Московскомъ государствѣ». Витзенъ исполнилъ это желаніе, и болѣе сотни отпечатанныхъ въ Голландіи оттисковъ прислалъ въ Москву [3]).

Между тѣмъ, для многихъ становилось очевиднымъ, что распря между Софьею и Петромъ приближается къ развязкѣ. Уже въ сентябрѣ 1688 года, Гордонъ въ своемъ дневникѣ употребляетъ выраженіе «партіи», говоря о приверженцахъ Петра и о клевретахъ Софьи. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ, что Петръ призвалъ къ себѣ одного подъячаго и разспрашивалъ его, что̀, какъ замѣчаетъ Гордонъ, возбудило неудовольствіе «другой партіи». Довольно характеристично слѣдующее обстоятельство: Петръ, 23-го ноября 1688 года, отправился на богомолье въ одинъ изъ монастырей въ окрестностяхъ столицы; онъ возвратился оттуда 27-го ноября, а три дня спустя, туда же отправились царь Иванъ и Софья. Есть еще другой фактъ, рисующій намъ антагонизмъ между Софьею и Пет-

[1]) Соловьевъ, XIV, 248.
[2]) Устряловъ, II, 37—45.
[3]) Тамъ-же, II, 47.

ромъ. 29-го іюня 1689 года у Гордона отмѣчено: «хотя въ этотъ день были имянины младшаго царя, но никакого празднества не было».

Иностранцы ожидали, что Петръ скоро станетъ принимать участіе въ дѣлахъ. Баронъ Келлеръ писалъ, 13-го іюля 1788 года: «молодой царь начинаетъ обращать на себя вниманіе умомъ, свѣдѣніями и физическимъ развитіемъ; онъ ростомъ выше всѣхъ царедворцевъ. Увѣряютъ, что его скоро допустятъ къ исполненію суверенной власти. При такой перемѣнѣ, дѣла примутъ совершенно иной оборотъ» [1]).

Уже въ январѣ 1688 года, Петръ участвовалъ въ засѣданіи думы [2]). Шведскій дипломатъ Кохенъ, въ письмѣ отъ 16-го декабря 1687 года, замѣчаетъ: «теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ Голицынъ обязанъ нынѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало»; въ письмѣ отъ 10-го февраля 1688 года: «Петръ посѣщаетъ думу и, какъ говорятъ, недавно ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы»; въ письмѣ отъ 11-го мая 1688 года: «кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отнынѣ примутъ участіе въ управленіи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ братъ матери его, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, пожалованъ въ бояре» и проч. [3]). Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ другимъ даннымъ, Петра въ это время занимали болѣе военныя игры и прогулки на водѣ, нежели государственныя дѣла.

И въ чужихъ краяхъ удивлялись такому странному соцарствованію трехъ лицъ, какое учредилось тогда въ Россіи. Когда русскій посланникъ Волковъ сообщилъ въ Венеціи, что царевна Софья «соцарствуетъ», одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: «дожъ и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ». Нужно было ожидать случая, когда для подданныхъ окажется невозможнымъ служить вмѣстѣ «тремъ персонамъ». Такимъ случаемъ могло быть любое несогласіе между «тремя персонами».

Окончательный разладъ обнаружился около того времени, когда войска возвратились изъ второго Крымскаго похода. 8-го іюля 1689 года, былъ крестный ходъ, по случаю праздника Казанской Божіей

---

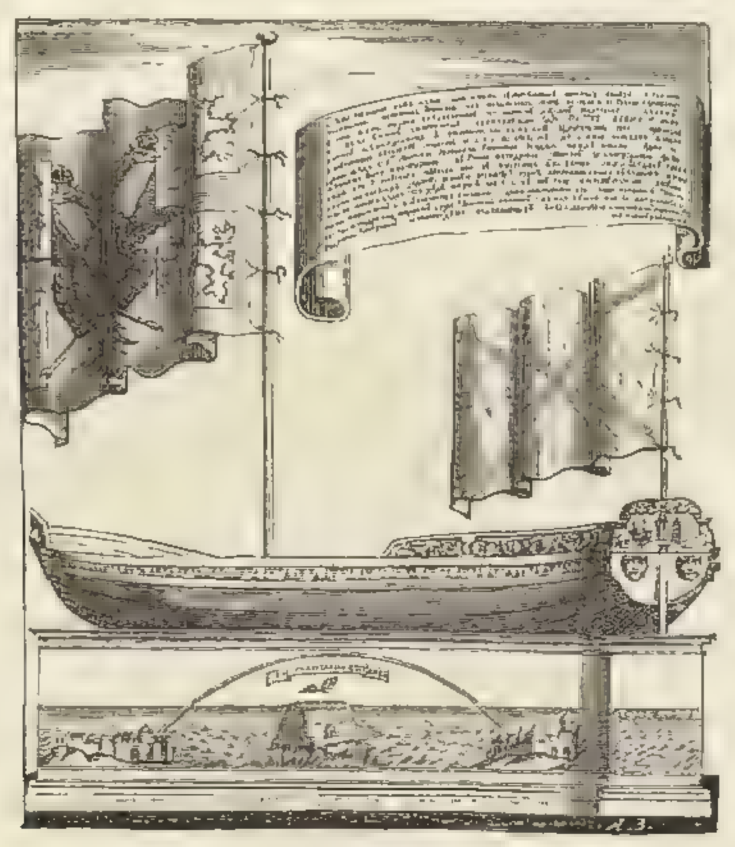
[1]) Posselt, I, 415.

[2]) Объ этомъ пишутъ Келлеръ и Гордонъ.

[3]) См. донесенія Кохена, сообщенныя К. А. Висковатовымъ въ «Русской Старинѣ», сентябрь, 1878, II, 124 и слѣд.

*

Матери. Когда кончилась служба и подняли иконы, Петръ сказалъ Софьѣ, чтобы она въ ходъ не ходила. Она не послушалась, взяла образъ, сама понесла и явилась народу въ полномъ сіяніи смиреннаго благочестія. Петръ вспыхнулъ, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. 25-го іюля, праздновалось тезоименитство старшей изъ царевенъ, Анны Михайловны. Петра ждали въ Москву. Шакловитый приказалъ стрѣльцамъ, въ числѣ 50 человѣкъ, быть въ Кремлѣ съ ружьями и стать близъ Краснаго Крыльца, подъ предлогомъ охраненія царевны отъ умысла потѣшныхъ. Однако



Измайловскій ботикъ.
Въ настоящемъ его видѣ.

столкновенія не произошло. Петръ пріѣхалъ, поздравилъ тетку и уѣхалъ обратно въ Преображенское [1]).

Въ это же время, между Софьею и Петромъ возникъ споръ по поводу Крымскаго похода. Правительница желала наградить Голицына, Гордона и другихъ военачальниковъ. Петръ не соглашался на это. Только 26-го іюля, его съ трудомъ уговорили дозволить раздачу наградъ. Гнѣвъ Петра обнаружился въ тотъ самый день, когда онъ не хотѣлъ допустить къ себѣ полководцевъ и офице-

---

[1]) Устряловъ, II, 50—51.

ровъ для выраженія благодарности за полученныя награды. Гордонъ въ своемъ дневникѣ сообщаетъ о разныхъ слухахъ, распространившихся въ офицерскихъ кружкахъ: каждый понималъ, что Петръ не-хотя согласился на эти награды, и всѣ предвидѣли при дворѣ катастрофу. Никто, однако, замѣчаетъ Гордонъ, не смѣлъ говорить о томъ, хотя всѣ знали о случившемся [1]).

Москва и Преображенское представляли какъ бы два враждебные лагеря. Обѣ партіи ожидали другъ отъ друга нападенія и обвиняли другъ друга въ самыхъ ужасныхъ умыслахъ.

Партія Петра взяла верхъ. Побѣжденные, при слѣдствіи, произведенномъ послѣ развязки, явились подсудимыми. При тогдаш-

„Fortuna", ботикъ Петра I на Переяславскомъ озерѣ.

Въ настоящемъ его видѣ.

немъ состояніи судопроизводства, мы не можемъ надѣяться на точную справедливость показаній въ застѣнкѣ. Поэтому мы не имѣемъ возможности опредѣлить мѣру преступленій противниковъ Петра и не можемъ считать доказаннымъ намѣреніе послѣднихъ убить самого царя; зато нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣятельность Шакловитаго была направлена преимущественно противъ матери и дяди Петра, а также противъ Бориса Голицына. Нельзя, далѣе, сомнѣваться въ томъ, что, при ожесточеніи враждебныхъ партій, опасность кровопролитія была близка. Правительница располагала стрѣльцами, партія Петра — потѣшнымъ войскомъ. Нельзя удивляться тому, что послѣдняя считала себя слабѣйшею. Этимъ объясняется удаленіе Петра и его приверженцевъ въ Троицкій монастырь.

7-го августа, стрѣльцы густою толпою собрались у Кремля. Мы не въ состояніи утверждать, что они были созваны съ цѣлью

[1]) Tagebuch Gordon's, II, 267.

сдѣлать нападеніе на Преображенское. Быть можетъ, Софья считала эту мѣру необходимою для обороны, въ случаѣ нападенія потѣшнаго войска на Кремль. Когда, два дня спустя, Петръ велѣлъ спросить правительницу, съ какою цѣлью она собрала около себя столько войска, она возразила, что, намѣреваясь отправиться на богомолье въ какой-то монастырь, считала нужнымъ созвать стрѣльцовъ для ея сопровожденія [1]).

Какъ бы то ни было, созваніе войска сдѣлалось поводомъ къ окончательному разладу. Ночью явились въ Преображенскомъ нѣкоторые стрѣльцы и другія лица [2]) съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ «умышляется смертное убійство на великаго государя и на государыню царицу». Петра немедленно разбудили; онъ ужасно перепугался. Гордонъ разсказываетъ: «Петръ прямо съ постели, не успѣвъ надѣть сапогъ, бросился въ конюшню, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, вскочилъ на нее и скрылся въ ближайшій лѣсъ; туда принесли ему платье; онъ на-скоро одѣлся и поскакалъ, въ сопровожденіи немногихъ лицъ, въ Троицкій монастырь, куда, измученный, пріѣхалъ въ 6 часовъ утра. Его сняли съ коня и уложили въ постель. Обливаясь горькими слезами, онъ разсказалъ настоятелю лавры о случившемся и требовалъ защиты. Стража царя и нѣкоторые царедворцы въ тотъ же день прибыли въ Троицкій монастырь. Въ слѣдующую ночь были получены кое-какія извѣстія изъ Москвы. Внезапное удаленіе царя распространило ужасъ въ столицѣ, однако клевреты Софьи старались держать все дѣло въ тайнѣ или дѣлали видъ, будто оно не заслуживаетъ вниманія».

Какъ видно, Петръ прежде всего думалъ о своей личной безопасности и даже въ первомъ испугѣ не заботился о спасеніи своихъ родственниковъ. Для него, такъ же, какъ и для Софьи въ 1682 году, Троицкій монастырь сдѣлался убѣжищемъ: тутъ можно было защищаться и, въ случаѣ необходимости, выдержать осаду.

Спрашивалось теперь, которое изъ двухъ правительствъ, московское или троицкое, возьметъ верхъ, т. е. будетъ признано народомъ, общимъ мнѣніемъ, за настоящій государственный центръ. Вопросъ этотъ оставался открытымъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, отъ начала августа до половины сентября. Однако, очень скоро послѣ появленія Петра въ Троицкой лаврѣ, обнаруживается нѣкоторый перевѣсъ юнаго царя, главнымъ совѣтникомъ котораго въ это время былъ Борисъ Голицынъ. Къ людямъ разсчетливымъ,

---

[1]) Tagebuch Gordon's, II, 268.
[2]) Устряловъ, II, 58. О другихъ лицахъ сказано у Гордона, II, 268.

предвидѣвшимъ торжество Петра, принадлежалъ и полковникъ Цыклеръ, до тѣхъ поръ пользовавшійся довѣріемъ правительницы. Онъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что въ Москвѣ было получено приказаніе Петра немедленно отправить къ нему въ Троицкую лавру Цыклера съ 50 стрѣльцами. Послѣ нѣкоторыхъ «совѣщаній и отговорокъ», какъ разсказываетъ Гордонъ, въ Москвѣ рѣшились отправить Цыклера въ лавру. Здѣсь онъ, разумѣется, сдѣлалъ довольно важныя сообщенія относительно замысловъ Софьи и ея клевретовъ. Его показанія—имъ даже была подана записка—не дошли до насъ. Нельзя считать вѣроятнымъ, чтобы показанія человѣка, измѣнившаго Софьѣ, а впослѣдствіи и Петру, вполнѣ соотвѣтствовали истинѣ.

Въ Москвѣ тѣмъ временемъ показывали видъ, что не придаютъ никакого значенія удаленію Петра въ лавру. «Вольно же ему», говорилъ Шакловитый о Петрѣ, въ тонѣ презрѣнія, «взбѣсяся, бѣгать». Однако Софья все-таки считала нужнымъ принять мѣры для примиренія съ братомъ. Съ этой цѣлью она отправила въ лавру, одного за другимъ, боярина Троекурова, князя Прозоровскаго, наконецъ, патріарха Іоакима.

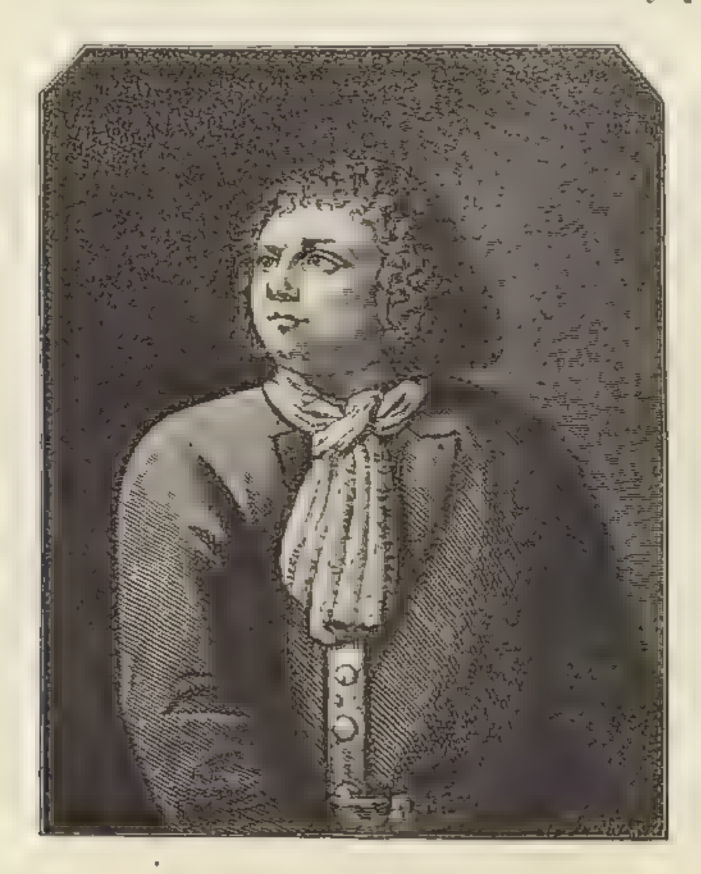
Между тѣмъ, царь, получивъ съ разныхъ сторонъ извѣстія о намѣреніяхъ сестры, приказалъ, чтобы стрѣльцы и прочія войска тотчасъ же были отправлены къ нему въ лавру. Софья, напротивъ, велѣла созвать во дворецъ всѣхъ полковниковъ со многими рядовыми и объявила имъ, чтобы они не мѣшались въ распрю ея съ братомъ и къ Троицѣ не ходили. Полковники недоумѣвали, колебались. Софья сказала имъ: «кто осмѣлится идти къ Троицѣ, тому велю я отрубить голову». То же объявлено и въ солдатскихъ полкахъ. Генералу Гордону, начальнику Бутырскаго полка, самъ Голицынъ сказалъ, чтобы онъ безъ указа не трогался изъ Москвы.

Петръ повторилъ приказаніе, немедленно отправить къ нему войско, но въ Москвѣ нарочно былъ распространенъ слухъ, что эти мнимыя приказанія присланы безъ вѣдома царя. Такимъ образомъ, до конца августа, въ Троицкой лаврѣ находилось немного войска. Однако Софья все-таки считала нужнымъ, послѣ того какъ посланные въ Троицу для объясненій клевреты ея, Троекуровъ и Прозоровскій, не имѣли успѣха, отправить для переговоровъ патріарха. Іоакимъ поѣхалъ и нашелъ для себя выгоднымъ остаться у Петра. Такого рода случаи, безъ сомнѣнія, должны были дѣйствовать сильно на общественное мнѣніе.

27-го августа, въ Троицкую лавру отправились нѣкоторые стрѣлецкіе полковники съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ. Есть осно-

ваніе думать, что и отъ нихъ Петръ получилъ разныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Софьи, Шакловитаго и В. В. Голицына. По совѣту послѣдняго, въ лавру были отправлены вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторые стрѣльцы, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ Софьи, съ цѣлью уговорить уже находившихся въ лаврѣ стрѣльцовъ возвратиться въ Москву. Все это оказалось безуспѣшнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ, Софья сама рѣшилась отправиться въ лавру; однако въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 10 верстахъ отъ монастыря, ее остановилъ комнатный стольникъ Бутурлинъ, объя-



Францъ Тиммерманъ.

Съ современнаго портрета, находящагося на гравюрѣ Шхонебека „Взятіе Азова".

вивъ волю государя, чтобы она въ монастырь не ходила. «Конечно, пойду», отвѣчала она съ гнѣвомъ; но вскорѣ прибылъ изъ лавры бояринъ князь Троекуровъ и объявилъ, что, въ случаѣ прихода ея въ лавру, «съ нею поступлено будетъ нечестно».

Тотчасъ же послѣ возвращенія Софьи въ Москву, туда прибылъ изъ Троицы полковникъ Нечаевъ, съ требованіемъ отъ имени царя выдачи Шакловитаго, Медвѣдева и другихъ лицъ, приближенныхъ Софьѣ. Медвѣдевъ спасся бѣгствомъ къ польской границѣ; другіе спрятались въ самой Москвѣ; для бѣгства Шакловитаго были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія: у задняго крыльца Кремлевскаго

дворца для него стояла осѣдланная лошадь, у Новодѣвичьяго монастыря находился на-готовѣ экипажъ. Однако онъ не рѣшился бѣжать, опасаясь, что стрѣльцы остановятъ его. Василій Василье-

Софіа

Царевна Софья Алексѣевна.

Съ весьма рѣдкаго современнаго портрета, гравированнаго въ Голландіи Блотелингомъ.

вичъ Голицынъ, упавъ духомъ, удалился на время въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній. И при дворѣ, и вообще въ столицѣ распространилось уныніе. Стрѣльцы казались склонными перейти

на сторону Петра. Гордонъ, 1-го сентября, самъ видѣлъ около Кремля многихъ стрѣльцовъ, наблюдавшихъ за тѣмъ, чтобы не бѣжали главные противники Петра. Требованіе выдачи Шакловитаго, какъ разсказываетъ Гордонъ, произвело сильное впечатлѣніе: народъ былъ пораженъ; большинство, по словамъ Гордона, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло.

Одна Софья дѣйствовала. То она принимала у себя стрѣльцовъ, то говорила съ толпою народа, объясняя всѣмъ подробно положеніе дѣла и стараясь привлечь всѣхъ на свою сторону. Гордонъ, слѣдившій за всѣмъ этимъ, удивлялся ея бодрости, неутомимости и краснорѣчію. Она выставляла на видъ, что вся распря ея съ братомъ была лишь слѣдствіемъ коварства клевретовъ Петра, желавшихъ лишить жизни ее и царя Ивана, и умоляла присутствовавшихъ не измѣнять ей. Когда пріѣхалъ Нечаевъ, Софья, въ первомъ порывѣ гнѣва, приказала отрубить ему голову, но затѣмъ измѣнила свое рѣшеніе, и Нечаевъ остался въ живыхъ.

Обѣ враждебныя партіи рѣшились обратиться къ народу. Шакловитый написалъ манифестъ, въ которомъ говорилось о причинахъ разлада и обвинялись Нарышкины въ крамолѣ противъ царя Ивана. Этотъ манифестъ остался лишь въ проектѣ. Зато Петръ, не упоминая о распрѣ съ сестрою, обратился къ городамъ и областямъ съ призывомъ о доставленіи денегъ и съѣстныхъ припасовъ въ Троицкую лавру. Московское правительство, съ своей стороны, запретило всѣмъ и каждому возить деньги и припасы въ Троицу, требуя, чтобы все это, какъ и прежде, доставлялось въ Москву. Такимъ образомъ, можно было ожидать столкновенія враждовавшихъ между собою партій, тѣмъ болѣе, что стрѣльцы, находившіеся въ Троицѣ, предлагали свои услуги вооруженною рукою привлечь къ суду находившихся въ Москвѣ противниковъ царя. Благодаря умѣренности совѣтниковъ Петра, кровопролитія не произошло.

Тѣмъ временемъ шла переписка между родственниками, княземъ Борисомъ и княземъ Василіемъ Голицыными. Князь Борисъ писалъ, чтобы двоюродный братъ пріѣхалъ въ лавру и этимъ заслужилъ расположеніе царя Петра; князь Василій уговаривалъ Бориса, чтобы тотъ старался примирить обѣ стороны. Несчастный другъ Софьи медлилъ рѣшеніемъ и пока оставался въ Москвѣ.

Софья все еще располагала значительными средствами. Иноземцы-офицеры, игравшіе весьма важную роль въ войскѣ, все еще находились въ Москвѣ. Между ними были люди, которые, какъ, напр., Гордонъ, занимали видное мѣсто въ обществѣ: къ нимъ Петръ пока еще не обращался. Однако имъ становилось чрезвы-

чайно неловко. Они были въ недоумѣніи, отправиться ли къ Петру, или оставаться въ Москвѣ. 1-го сентября, распространился слухъ, что Гордонъ получилъ изъ Троицы особое посланіе; однако этотъ слухъ оказался неосновательнымъ. Гордонъ началъ считать свое положеніе довольно опаснымъ, и поэтому, когда, 2-го сентября, нѣкоторыя лица изъ Нѣмецкой слободы отправились къ Троицѣ, онъ поручилъ одному изъ этихъ лицъ доложить царю, что иноземцы вообще не идутъ къ Троицѣ только потому, что не знаютъ, будетъ ли ему пріятенъ ихъ приходъ, или нѣтъ. «Все соединилось къ ускоренію важной перемѣны», говоритъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ въ это время,—и дѣйствительно, развязка приближалась.

4-го сентября, въ Нѣмецкой слободѣ появилась царская грамата, въ которой Петръ приказывалъ всѣмъ иностраннымъ генераламъ, полковникамъ и офицерамъ, въ полномъ вооруженіи и на коняхъ, отправиться къ Троицѣ. Рѣшиться было нетрудно. Однако Гордонъ, намѣреваясь исполнить желаніе царя, считалъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ Голицыну. Послѣдній былъ сильно смущенъ, но не считалъ удобнымъ или возможнымъ препятствовать удаленію иноземцевъ. Какъ скоро въ Нѣмецкой слободѣ узнали о рѣшеніи Гордона, всѣ тотчасъ же приготовились къ отъѣзду въ Троицкую лавру, гдѣ по прибытіи были приняты царемъ весьма ласково. Гордонъ самъ придаетъ своему образу дѣйствій въ настоящемъ случаѣ большое значеніе. «Прибытіе наше въ Троицкій монастырь», пишетъ онъ, «было рѣшительнымъ переломомъ; послѣ того всѣ начали высказываться громко въ пользу младшаго царя» [1]).

Между тѣмъ и стрѣльцы, оставшіеся въ Москвѣ, начали дѣйствовать въ пользу Петра. Они схватили нѣкоторыхъ лицъ, считавшихся заговорщиками противъ Петра, и отправили ихъ къ Троицѣ. Потомъ они настаивали на выдачѣ царю самого Шакловитаго. Софья сначала не соглашалась на исполненіе этого требованія, но, наконецъ, не могла не уступить. Шакловитаго отправили въ лавру, гдѣ онъ тотчасъ же былъ подвергнутъ пыткѣ и казненъ.

Есть основаніе думать, что, при судебномъ слѣдствіи, произведенномъ надъ Шакловитымъ, и при рѣшеніи его дѣла, играло довольно важную роль нѣкоторое пристрастіе. Шакловитый считался опаснымъ противникомъ бояръ. Теперь они имѣли возможность

---

[1]) Устряловъ находитъ показаніе Гордона несправедливымъ; по его мнѣнію, все дѣло уже давно было рѣшено въ пользу Петра, II, 74. За то Соловьевъ соглашается съ Гордономъ, замѣчая: «въ такое время натянутаго ожиданія и нерѣшительности, всякое движеніе въ ту или другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ». XIV, 130.

*

отмстить ему. Судьями были люди партіи; самое слѣдствіе имѣло не столько характеръ судопроизводства, сколько значеніе политической мѣры. Сохранилось извѣстіе о томъ, что самъ царь относился къ Шакловитому нѣсколько мягче, чѣмъ нѣкоторыя изъ окружающихъ его лицъ. Бояре требовали, чтобы Шакловитаго до казни еще разъ подвергли пыткѣ; Петръ отвѣчалъ, что имъ не пригоже мѣшаться въ это дѣло. Разсказывается также, что Петръ сначала не соглашался на казнь Шакловитаго и его сообщниковъ, но что патріархъ уговорилъ его казнить Шакловитаго [1]).

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.
Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

Судьба Василія Васильевича Голицына свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, которое имѣли вельможи въ подобныхъ дѣлахъ. Онъ, пожалуй, могъ считаться менѣе виновнымъ, чѣмъ Шакловитый, но едва ли онъ избѣгъ бы казни, если-бъ не имѣлъ заступника въ своемъ двоюродномъ братѣ, Борисѣ. 7-го сентября, онъ, наконецъ, рѣшился добровольно отправиться къ Троицѣ. Сначала не хотѣли впустить его въ монастырь; затѣмъ ему было приказано стать на посадѣ и не съѣзжать до приказа. Гордонъ побывалъ у князя и нашелъ его въ раздумьи — «не безъ причины», какъ замѣчаетъ

[1]) Tagebuch Gordon's, II, 83.

Гордонъ. Два дня спустя, Голицыну и сыну его былъ прочитанъ указъ, что они лишаются чести, боярства, ссылаются съ женами и дѣтьми въ Каргополь и что ихъ имѣніе описывается на государя. Голицынъ съ семействомъ былъ отправленъ сначала въ Яренскъ, затѣмъ въ Пинегу. Въ 1693 году, на основаніи ложнаго доноса, возобновилось слѣдствіе надъ Голицынымъ, и его положеніе ухудшилось. Онъ умеръ въ 1714 году. Обвиненіе въ 1689 году относилось къ неудачѣ въ Крымскихъ походахъ и къ титулу Софьи, какъ «самодержицы»; въ другихъ преступленіяхъ его не обвиняли.

Новодѣвичій монастырь въ XVIII столѣтіи.
Съ старинной гравюры.

Можно удивляться такой мягкости въ обращеніи съ Голицынымъ. Противники его были чрезвычайно недовольны. Гордонъ пишетъ, что всѣ знали о значеніи Голицына въ партіи Софьи и были убѣждены въ томъ, что онъ по крайней мѣрѣ зналъ объ умыслахъ противъ Петра, если и не былъ главнымъ ихъ зачинщикомъ. Къ этому Гордонъ прибавляетъ, что только семейнымъ связямъ Голицынъ былъ обязанъ спасеніемъ отъ пытки и казни. Этимъ, замѣчаетъ Гордонъ, Борисъ Голицынъ навлекъ на себя гнѣвъ народа и родственниковъ Петра; особенно царица Наталья Кирилловна была возбуждена противъ Бориса Голицына. Все это, однако, пока не мѣшало послѣднему оставаться другомъ и совѣтникомъ царя [1]).

[1]) Gordon's Tagebuch. II, 280—287. О судьбѣ В. Голицына въ иноземной литературѣ встрѣчается страшная путаница, см. Нёвиля, стр. 167, и брошюру «Copia

Ужаснѣе была судьба Медвѣдева. Его схватили въ одномъ монастырѣ близъ польской границы, привезли въ Троицкую лавру, пытали и заключили въ монастырь. Въ 1693 году, слѣдствіе надъ нимъ было возобновлено по случаю новыхъ показаній, обличавшихъ его въ разныхъ умыслахъ. Онъ былъ подвергнутъ страшнымъ истязаніямъ и казненъ мучительнымъ образомъ. Есть основаніе думать, что религіозная нетерпимость противниковъ ученаго монаха имѣла нѣкоторое значеніе въ катастрофѣ Медвѣдева, считавшагося способнымъ искать патріаршества [1]).

Оставалась одна царевна. И ея судьба должна была рѣшиться. Изъ Троицы Петръ написалъ къ брату Ивану письмо, въ которомъ между прочимъ было сказано: «Милостію Божіею, врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, а о третьей особѣ, чтобы быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софья Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно... А теперь настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлѣ и въ расправѣ дѣлъ быти не позволяемъ; на тобѣ и твоябѣ, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ» [2]).

О судьбѣ, ожидавшей «зазорное лицо», въ этомъ письмѣ не сказано ни слова. Письмо было писано между 8 и 12 сентября. Вскорѣ послѣ этого, царскимъ указомъ повелѣно исключить имя царевны изъ всѣхъ актовъ, гдѣ оно доселѣ упоминалось вмѣстѣ съ именемъ обоихъ государей. Затѣмъ былъ посланъ въ Москву бояринъ, князь Троекуровъ, просить Софью удалиться изъ Кремля

---

litterarum ex Stolicza Metropoli Moschorum imperii de proditione archistrategi Golliczin scriptarum etc». Разборъ всего этого въ моей статьѣ «Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Вел.» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1879, августъ, стр. 280—283.

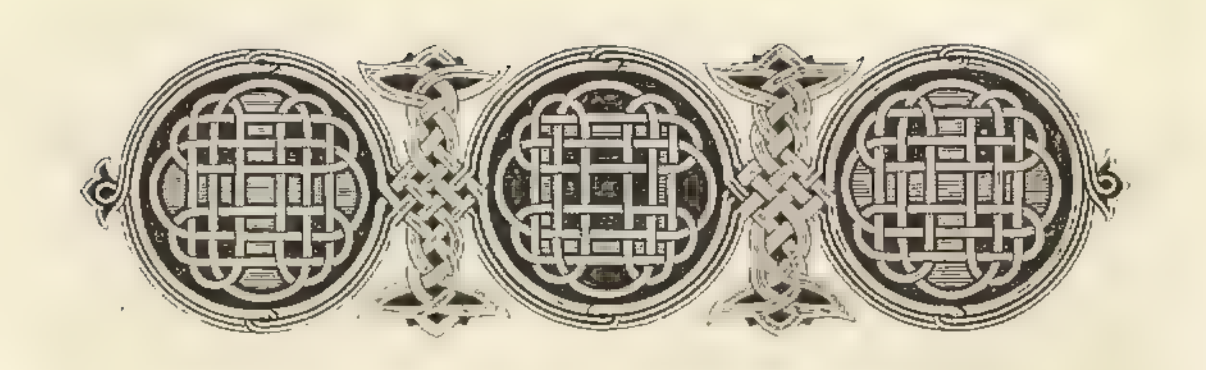
[1]) Соловьевъ, XIV, 135—137. Непосредственно до казни Медвѣдева, его упрекали въ чтеніи опасныхъ книгъ. См. соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Вел.», I, 5.

[2]) Соловьевъ, XIV, 138.

въ Новодѣвичій монастырь. Софья медлила исполненіемъ желанія царя. Только въ послѣднихъ числахъ сентября, она переселилась въ монастырь. Здѣсь она была окружена многочисленною прислугою, имѣла хорошо убранныя кельи и все необходимое для спокойной жизни; только не имѣла свободы выѣзжать изъ монастыря и могла видѣться единственно съ тетками и сестрами, которымъ дозволялось навѣщать ее въ большіе праздники [1]).

Началомъ дѣйствительнаго царствованія Петра можно считать 12 сентября. Къ этому дню относится назначеніе царемъ нѣкоторыхъ вельможъ на разныя административныя должности. Не ранѣе, какъ въ первыхъ числахъ октября, Петръ явился въ столицу, которую покинулъ въ началѣ августа. Такимъ образомъ, кризисъ продолжался около двухъ мѣсяцевъ.

[1]) Устряловъ, II, 79.



ГЛАВА VI.

Нѣмецкая слобода.

Молодой царь, до 1689 года, не принималъ почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ присутствовалъ лишь при торжественныхъ аудіенціяхъ и участвовалъ иногда въ засѣданіяхъ думы. Съ одной стороны, Софья не могла желать посвященія брата въ тайны политики, съ другой,—онъ самъ былъ занятъ своимъ потѣшнымъ войскомъ и прогулками на Яузѣ, Просяномъ прудѣ и Переяславскомъ озерѣ, и потому не обращалъ вниманія на дѣла.

Однако и послѣ удаленія Софьи, Петръ нѣсколько лѣтъ еще не занимался политикою. До Азовскихъ походовъ, онъ предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ лицамъ и посвящалъ свое время любимымъ занятіямъ, ученію, увеселеніямъ.

Мало того, были и послѣ паденія Софьи разные случаи, свидѣтельствующіе о томъ, что Петръ не имѣлъ вліянія и тогда, когда онъ, по настоящему, долженъ былъ и желалъ имѣть вліяніе. Укажемъ на нѣкоторые примѣры такого рода.

Мы увидимъ ниже, что, тотчасъ же послѣ государственнаго переворота 1689 года, завязались близкія сношенія между Петромъ и генераломъ Гордономъ. Царь нуждался въ немъ, какъ въ на-

ставникѣ въ области военной техники, какъ въ собесѣдникѣ, вообще полезномъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Онъ видѣлъ Гордона чуть ли не ежедневно. Однако патріархъ Іоакимъ, который, послѣ паденія Медвѣдева, упрочилъ свое положеніе при дворѣ, игралъ важную роль и имѣлъ сильное вліяніе,—не любилъ иностранцевъ, осуждалъ и прежде предоставленіе имъ должностей офицеровъ и былъ недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругахъ высшаго общества и при дворѣ. Неудачу Крымскихъ походовъ патріархъ приписывалъ участію въ нихъ «еретиковъ». Когда шли приготовленія ко второму Крымскому походу, патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о Гордонѣ, утверждая, что нельзя надѣяться на успѣхъ русскаго войска, если этимъ войскомъ будетъ командовать еретикъ. «Вельможи—разсказываетъ Гордонъ—улыбались и не обращали вниманія на слова патріарха» [1]). Тѣмъ важнѣе оказывается слѣдующій фактъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ государственнаго переворота, Гордонъ, по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), былъ приглашенъ къ торжественному столу. Однако онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ бывать при дворѣ непригоже. Можно думать, что Петру этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, онъ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его отобѣдать съ нимъ гдѣ-то за-городомъ. На возвратномъ пути оттуда, царь дружески бесѣдовалъ съ Гордономъ [2]).

Впрочемъ, и кромѣ патріарха были люди, не любившіе иностранцевъ. Скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года, были приняты разныя мѣры, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой непріязни къ иноземцамъ. Въ то время, когда сношенія между Петромъ и иноземцами становились со дня на день болѣе близкими (напр., въ почтовомъ вѣдомствѣ были приняты мѣры для затрудненія сообщенія съ западомъ), почтмейстеру Виніусу было поручено просматривать всѣ частныя письма, прибывавшія изъ-за границы или отправляемыя туда, и, смотря по содержанію, уничтожать изъ нихъ тѣ, въ которыхъ заключалось что-либо предосудительное. Объ этихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ администраціи мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности изъ жалобъ находившагося тогда

---

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 233.
[2]) Тамъ-же, II, 221.

въ Москвѣ польскаго резидента, а также изъ переписки генерала Гордона съ сыномъ Джемсомъ [1]).

На иностранцевъ вообще тогда смотрѣли косо въ Россіи. Не даромъ въ то время Гордонъ совѣтовалъ сыну, желавшему вступить въ русскую службу, выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ [2]). Къ этому же времени относится изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, а также сожженіе на кострѣ еретика Кульмана. Петръ, вѣроятно, не принималъ никакого участія въ подобныхъ дѣлахъ. Очевидно, во всемъ этомъ важнѣйшую роль игралъ патріархъ, бывшій виновникомъ нѣкоторой реакціи послѣ эпохи западничества князя Василія Васильевича Голицина.

Патріархъ Іоакимъ умеръ 17-го марта 1690 года, значитъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ государственнаго переворота. Завѣщаніе, оставленное имъ, объясняетъ намъ, почему именно къ этому времени относится распоряженіе, затрудняющее пріѣздъ иноземцевъ въ Россію [3]), и запросъ, сдѣланный жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ или привиллегій они тамъ построили протестантскія церкви [4]). Въ завѣщаніи, между прочимъ, сказано слѣдующее: «молю царей и Спасителемъ, нашимъ Богомъ, заповѣдываю, да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды;—какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству!» Въ этомъ родѣ патріархъ пишетъ подробно о томъ, что не должно имѣть «общенія съ латины, лютеры, кальвины, безбожными татары», а въ заключеніе сказано: «дивлюсь я царскимъ палатнымъ совѣтникамъ и правителямъ, которые бывали въ чужихъ краяхъ на посольствахъ: развѣ не видѣли они, что въ каждомъ государствѣ есть свои нравы, обычаи, одежды, что людямъ иной вѣры тамъ никакихъ достоинствъ не даютъ, и чужеземцамъ молитвенныхъ храмовъ строить не дозволяютъ? Есть ли гдѣ въ нѣмецкихъ земляхъ благочестивыя вѣры церковь? Нѣтъ ни одной! А здѣсь, чего и не бывало, то еретикамъ дозволено: строить себѣ

---

[1]) Posselt, Lefort, I, 480.
[2]) Gordon's Tagebuch, III, 255, 259.
[3]) П. С. З. III, № 1358.
[4]) Собр. гос. гр. и дог. IV, 622.

еретическихъ проклятыхъ сборищъ молбищныя храмины, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобно клянутъ и лаютъ идолопоклонниками и безбожниками» [1].

Впрочемъ, и мать Петра, царица Наталья Кирилловна, какъ кажется, раздѣляла воззрѣнія патріарха Іоакима. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ о слѣдующемъ случаѣ нанесенной царицею иноземцамъ обиды. 27-го августа 1690 года, празднуя день своего тезоименитства, она жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоила этой чести и въ чертоги свои не впустила. Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при пріемѣ занимали мѣсто выше ихъ [2]). Иноземцы считали себя обиженными тѣмъ болѣе, что именно въ то время самъ Петръ ежедневно находился въ ихъ обществѣ, ѣлъ и пилъ съ ними.

Изъ слѣдующаго эпизода видно, что вліяніе Петра, даже послѣ кончины патріарха Іоакима, было слабымъ, ограниченнымъ. Петръ желалъ избранія въ патріархи псковскаго митрополита Маркелла, тогда какъ царица Наталья Кирилловна и нѣкоторыя духовныя лица, опасаясь учености и вѣротерпимости Маркелла, стояли за избраніе казанскаго митрополита Адріана. Опасались, пишетъ Гордонъ, что Маркеллъ, сдѣлавшись патріархомъ, станетъ покровительствовать католикамъ и вообще приверженцамъ другихъ исповѣданій. Игуменъ Спасскаго монастыря передалъ царицѣ записку, въ которой заключалось обвиненіе Маркелла въ ереси. «Однако», заключаетъ Гордонъ свой разсказъ, «царь Петръ держался твердо стороны Маркелла и съ старшимъ царемъ и со всѣмъ дворомъ удалился въ Коломенское» [3]).

Когда Петръ впослѣдствіи, въ 1697 году, былъ проѣздомъ въ Митавѣ, онъ, какъ кажется, смѣясь, разсказывалъ самимъ иностранцамъ объ этомъ случаѣ. Вотъ что пишетъ нѣкто Бломбергъ, сообщая о пребываніи царя въ Митавѣ: «царь разсказалъ намъ слѣдующую исторію: когда умеръ послѣдній патріархъ московскій, онъ желалъ назначить на это мѣсто человѣка ученаго, который много путешествовалъ и говорилъ по-латыни, по-итальянски и по-французски; но русскіе шумнымъ образомъ умоляли царя не на-

---

[1]) Устр. II, 467—477.
[2]) Tagebuch Gordon's II, 316.
[3]) Тамъ-же, II, 309 и 311.

значать такого человѣка, а именно по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, потому что онъ зналъ варварскіе языки, во-вторыхъ — что его борода не была достаточно велика и не соотвѣтствовала сану патріарха, въ третьихъ — что его кучеръ сидѣлъ обыкновенно на козлахъ, а не на лошади, какъ требуетъ обычай» [1]).

Изъ слѣдующаго письма Гордона къ одному знакомому въ Лондонѣ видно также ничтожное вліяніе Петра на управленіе дѣлами въ это время; 29-го іюля Гордонъ пишетъ: «я все еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе [2]).

О вліяніи и силѣ партіи, враждебной людямъ, окружавшимъ Петра, свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Когда царь, въ 1692 году, былъ опасно боленъ, то люди, близкіе къ нему, Лефортъ, кн. Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы [3]).

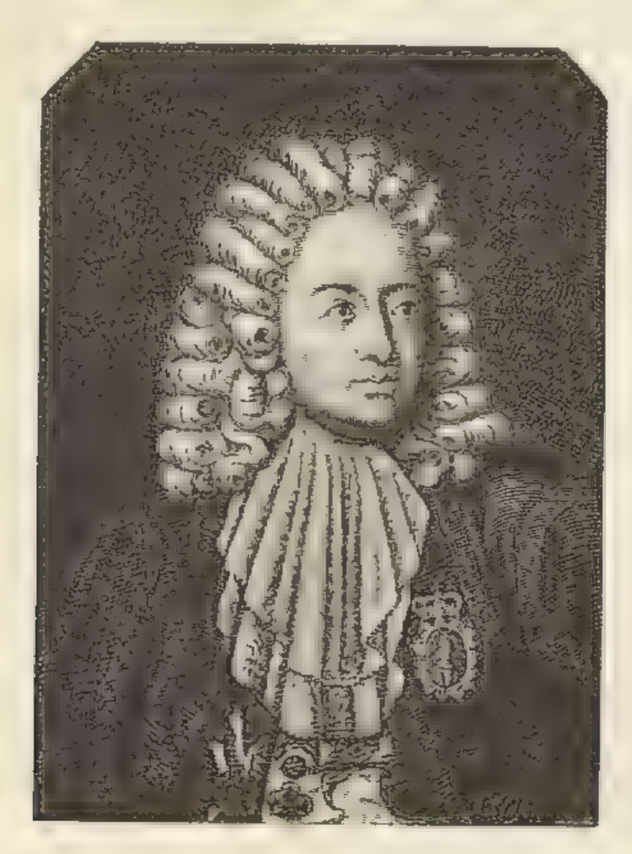
Какъ видно, царствовала реакціонная партія. Спрашивалось, насколько можно было считать вѣроятнымъ, что направленіе въ пользу западной культуры, представителемъ котораго сдѣлался Петръ, одержитъ верхъ надъ партіею національною?

По крайней мѣрѣ, въ частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, Петръ пользовался совершенною свободою. Онъ окружалъ себя иностранцами, не обращая вниманія на то, что этимъ нарушалъ господствовавшіе до того обычаи, оскорблялъ національное чувство и патріотизмъ своихъ родственниковъ, родныхъ матери и жены, и многихъ вельможъ, вызывалъ осужденіе народа, твердо державшагося старыхъ обычаевъ. Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости учиться въ школѣ иностранцевъ и, такимъ образомъ, сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ.

До 1689 года, отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались знакомствомъ съ докторомъ Ѳанъ-деръ-Гульстомъ, съ ремесленниками, напр., Тиммерманомъ и Брантомъ, и съ военными, напр., полковникомъ Менгденомъ. Зато ко времени послѣ государственнаго переворота относится его близкое знакомство съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ, именно: съ Гордономъ и Лефортомъ.

[1]) Blomberg. An account of Livonia, London, 1701.
[2]) Gordon, III, 260.
[3]) Донесеніе Кохена въ сочиненіи Бергмана «Peter der Grosse», I, 183.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи, въ 1635 году, и принадлежалъ къ знатному роду, преданному католицизму и роялизму. Покинувъ рано родину, онъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ. Въ 1660 году, онъ вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи, уже при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ нѣсколько разъ старался, впрочемъ, безуспѣшно, оставить русскую службу и возвратиться на родину. Въ немъ нуждались; онъ



Патрикъ Гордонъ.
Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ, въ качествѣ коменданта этого города; затѣмъ принималъ участіе въ Крымскихъ походахъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Будучи завзятымъ сторонникомъ Стюартовъ, онъ постоянно находился въ связи съ противниками англійскаго короля, Вильгельма III, и узнавалъ вообще обо всемъ, что̀ происходило на западѣ. Постоянно онъ былъ занятъ обширною перепискою: случалось, что онъ отправлялъ въ одинъ день до двадцати писемъ и болѣе. Онъ былъ лично извѣ-

стенъ королямъ, Карлу II и Якову II; однажды, въ Гамбургѣ, онъ былъ приглашенъ въ гости къ бывшей шведской королевѣ Христинѣ. Герцогъ Гордонъ, занимавшій въ 1686 году мѣсто губернатора въ Эдинбургѣ [1]), приходился ему двоюроднымъ братомъ. Изъ Англіи онъ весьма часто получалъ карты, инструменты, оружіе, книги; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями англійской Академіи Наукъ, считался опытнымъ инженеромъ, довольно часто оказывалъ существенныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Часто хворая, онъ, однако, былъ веселымъ собесѣдникомъ, участвовалъ въ попойкахъ и не только въ кругу иностранцевъ, но и между русскими пользовался большою популярностью. Нѣтъ сомнѣнія, что Гордонъ, проживъ около тридцати лѣтъ въ Россіи до сближенія съ Петромъ, вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпами и пр. Однажды, при этихъ упражненіяхъ, Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ пріобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что его посѣщалъ кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдалъ нѣсколько разъ у князя.

Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ. Главнымъ занятіемъ ихъ было приготовленіе фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта потѣха. Гордонъ постоянно участвовалъ въ пирушкахъ у царя, у Нарышкина, Шереметева, Ромодановскаго, Андрея Артамоновича Матвеева и др. Въ дневникѣ его упоминается о бесѣдахъ съ Петромъ, объ удовольствіи, доставленномъ царю особенно удавшимся фейерверкомъ, или успѣшными и ловко веденными маневрами. Сынъ и зять Гордона тоже трудились съ Петромъ надъ фейерверкомъ, въ царской лабораторіи. Иногда онъ проводилъ съ царемъ цѣлые дни, занимаясь опытами надъ военными снарядами. Любопытно, что

[1]) Macauley (Tauchn. ed.) II, 350, 395.

однажды, по желанію Петра, были сдѣланы два фейерверка, съ цѣлью состязанія между русскими и иностранцами; фейерверкъ иностранцевъ, какъ пишетъ Гордонъ, произвелъ «отличный эффектъ»; на другой же день былъ спущенъ фейерверкъ русскихъ, который также произвелъ «хорошій эффектъ». При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Постоянно находясь у себя въ компаніи «еретиковъ», Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30-го апрѣля 1690 года, онъ съ нѣкоторыми вельможами обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. Какъ кажется, Петръ въ первый разъ обѣдалъ у Лефорта 3-го сентября 1690 года. У Гордона царь бывалъ весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка. Многія черты свидѣтельствуютъ о непринужденности обхожденія царя съ Гордономъ. Когда Петръ, однажды, отправился къ персидскому посланнику, то взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою. Петръ присутствовалъ у Гордона на свадьбѣ его дочери и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны: такъ, напр., 2-го января 1691 года, онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей и около 100 человѣкъ прислуги; къ ночи расположились спать «по лагерному». На другой день, вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту и т. п. Но молодой царь посѣщалъ Гордона не ради однихъ попоекъ; когда, однажды, Гордонъ заболѣлъ, послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ прислалъ ему лекарства. Разъ онъ посѣтилъ Гордона и взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь, и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюнтера, книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, осматривали новые шомпола, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Довольно

часто царь вмѣстѣ съ Гордономъ испытывалъ пушки, мортиры, бомбы и пр. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Гордонъ долженъ былъ отправиться и въ Архангельскъ въ то время, когда царь находился тамъ, въ 1694 году, а до того онъ былъ назначенъ шаутбенахтомъ, или контръ-адмираломъ.

Въ январѣ 1694 года, умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался у него. «Около 8 часовъ», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, «получили мы извѣстіе, что царица скончалась, на 42-мъ году жизни». Нѣсколько позже Гордонъ получилъ для Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разные подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшихъ винъ и ликеровъ. Царь самъ пріѣхалъ къ Гордону за этими вещами.

Многое во всѣхъ этихъ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною. Бывало, прежде, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться ко двору. Теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ иноземцевъ-офицеровъ въ Нѣмецкой слободѣ. Патріарху казалось ужаснымъ нарушеніемъ прежнихъ порядковъ существованіе иновѣрныхъ церквей въ Нѣмецкой слободѣ. Теперь же царь иногда вмѣстѣ съ Гордономъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи въ молельнѣ, построенной, благодаря стараніямъ Гордона. Не даромъ народъ съ ужасомъ сталъ примѣчать, что царь «возлюбилъ нѣмцевъ»: въ глазахъ народа это было ересью.

Къ этому же времени относится начало дружественныхъ отношеній царя къ Лефорту. Можно считать вѣроятнымъ, что послѣдній принадлежалъ къ числу иностранцевъ, отправившихся къ Петру въ Троицкій монастырь, въ августѣ или сентябрѣ 1689 года; однако мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, Петръ познакомился прежде съ Гордономъ, а затѣмъ только сблизился съ Лефортомъ.

Францъ Лефортъ родился въ 1653 году, слѣдовательно, былъ гораздо моложе Гордона. Онъ, равно какъ и Гордонъ, до пріѣзда въ Россію много путешествовалъ, не имѣвъ, однако, случая прі-

обрѣсти той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1675 году; однако здѣсь ему не такъ скоро, какъ Гордону, удалось составить себѣ положеніе. Впрочемъ, онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями Нѣмецкой слободы и, отличаясь веселостью нрава, добродушіемъ и честностью, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы, знатные дипло-

Францъ Лефортъ.
Съ гравированнаго портрета Шенка 1698 года.

маты были покровителями Лефорта. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ также былъ его доброжелателемъ. Онъ получилъ чинъ полковника, купилъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ и женился.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Лефортъ былъ талантливымъ человѣкомъ, но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо чрезвычайныхъ способностяхъ его. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ, — Лефортъ былъ равнодушенъ

къ наукѣ. Къ сожалѣнію, лишь весьма немного извѣстно объ его участіи въ военныхъ операціяхъ въ Малороссіи, гдѣ онъ сблизился съ Гордономъ. Образъ его дѣйствій въ Азовскихъ походахъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ особыхъ военныхъ способностей. Относительно свѣдѣній въ области политики, онъ далеко уступалъ Гордону, бесѣды котораго могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Зато Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра. Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейскою культурою. Лефортъ былъ 18-ю годами моложе Гордона и 19-ю старше Петра, но, по своему характеру и наклонностямъ, оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ 37-ю годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостью характера, обдуманностью дѣйствій, ясностью воззрѣній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавшагося ни самостоятельностью воли, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ настоящимъ мужемъ, никогда не забывавшимъ своего достоинства. Удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для Лефорта, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ перенося увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойны вниманія близкія отношенія Гордона къ Петру, не измѣнившіяся до кончины перваго. Эти отношенія были менѣе интимными, нежели отношенія Петра къ Лефорту, но принесли царю бо́льшую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и пріучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Лефортъ оставался царедворцемъ, Гордонъ не переставалъ быть тружеником. Лефортъ легче могъ сдѣлаться другомъ Петра, потому что онъ, такъ сказать, пересталъ быть швейцарцемъ, не думалъ о возвращеніи на родину, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался вѣрнымъ своей національности, своему исповѣданію, и до послѣдняго времени жизни надѣялся на возвращеніе въ Шотландію. Ни на

одну минуту Гордонъ не переставалъ считать себя подданнымъ Стюартовъ, тогда какъ вся жизнь Лефорта сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру. Къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного письма царя къ Лефорту; письма послѣдняго къ Петру свидѣтельствуютъ о любви къ царю и веселомъ нравѣ Лефорта; здѣсь очень много говорится о попойкахъ, о разныхъ сортахъ винъ. Петръ запретилъ разъ навсегда принуждать Гордона напиваться до-пьяна; такого распоряженія не было сдѣлано въ отношеніи къ Лефорту. Никто въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключеніемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе духа Петра, который любилъ его всею душею. Когда Лефортъ умеръ, онъ, какъ разсказываютъ, воскликнулъ: «Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?» [1]).

Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общеніе съ иностранцами должны были имѣть громадное значеніе въ развитіи юнаго царя. Непринужденность его близкихъ отношеній къ людямъ, каковы были Гордонъ, Лефортъ и другіе жители Нѣмецкой слободы, была гораздо болѣе полезною школою для царя, чѣмъ замкнутость придворнаго этикета и церемоніала, господствовавшихъ въ Кремлѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ Петръ встрѣчался всюду съ началами вѣротерпимости и космополитизма, въ противоположность религіознымъ и національнымъ предубѣжденіямъ, господствовавшимъ въ исключительно русскихъ кругахъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ, служившей образчикомъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, Петръ нѣсколько лѣтъ сряду, до отправленія въ западную Европу, уже находился нѣкоторымъ образомъ за границею. Шагъ, сдѣланный Петромъ въ 1690 году изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, можетъ считаться болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка за границу, въ 1697 году. Нѣмецкая слобода сдѣлалась для него какъ бы первою станціею на пути въ Германію, Голландію и Англію; она служила посредникомъ между западомъ и востокомъ; пребываніемъ въ ней Петра оканчивается эпоха древней исторіи Россіи, начинается новая эра для ея развитія.

Познакомившись съ разными дипломатами, офицерами, инженерами, купцами, Петръ сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ, заглянулъ въ ихъ семейную жизнь, сблизился съ ихъ женами и дочерьми. Весьма часто въ это время онъ уже бывалъ въ Нѣмецкой слободѣ, на свадьбахъ и крестинахъ. При такихъ случаяхъ

---

[1]) Устряловъ, III, 264. О Гордонѣ вообще см. мое сочиненіе «Патрикъ Гордонъ и его дневникъ». Спб. 1878. О Лефортѣ см. сочиненіе Поссельта.

присутствовали дамы. Когда, однажды, лѣтомъ 1691 года, баронъ Келлеръ, бывшій холостымъ человѣкомъ, устроилъ пиръ для государя, были приглашены дамы. Петръ участвовалъ въ танцахъ и особенно, какъ разсказываютъ, полюбилъ такъ называемый «гросфатертанецъ». Съ этимъ временемъ совпадаетъ начало его близкихъ отношеній къ прекрасной дочери золотыхъ дѣлъ мастера, бочара и виноторговца Монса. Онъ познакомился съ нею чрезъ посредство Лефорта.

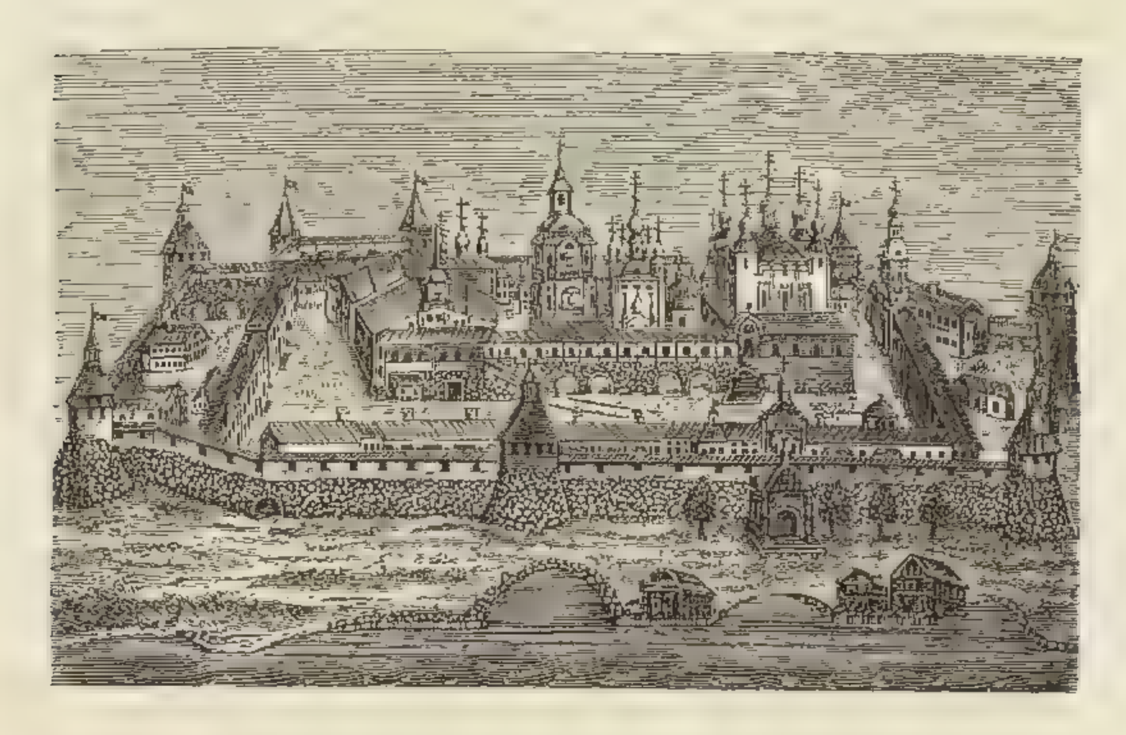
Въ 1553 году, англичане открыли морской путь въ Бѣлое море. Затѣмъ, однако, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, не столько

Архангельскъ въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры.

англичане, сколько голландцы играли важнѣйшую роль въ торговлѣ, которая шла чрезъ городъ Архангельскъ. И въ Москвѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Вологдѣ, и въ другихъ городахъ жило много голландскихъ купцовъ. Русское правительство какъ-то болѣе сочувствовало Нидерландамъ, чѣмъ Англіи, особенно при Карлѣ II и Яковѣ II. Для русскихъ дипломатовъ, отправляемыхъ въ XVII вѣкѣ въ разныя западно-европейскія государства, во Францію, Италію и проч., Голландія почти всегда была важною станціею. Долгорукій, въ 1687 году, на пути во Францію и Италію, нѣкоторое время пробылъ въ Голландіи и былъ очарованъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, порядкомъ администраціи, солидностью учрежденій Нидерландовъ, имѣвшихъ въ то время значеніе первоклассной державы [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что разсказы

[1]) Posselt, Lefort, I. 388.

Долгорукаго о Голландіи, послѣ возвращенія въ Россію, производили глубокое впечатлѣніе на Петра. И чрезъ Лефорта, жившаго когда-то въ Нидерландахъ, Петръ могъ узнать кое-что объ этомъ краѣ. Келлеръ, голландскій дипломатъ, съ которымъ Петръ видѣлся весьма часто, сообщалъ ему разныя свѣдѣнія о всемірномъ значеніи голландской торговли, промышленности и пр. Чрезъ Келлера, Гордона и другихъ иностранцевъ Петръ узнавалъ о подробностяхъ войны между Англіею и Голландіею, съ одной стороны, и Франціею—съ другой.



Соловецкій монастырь въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

Въ 1691 году, Петръ получилъ отъ извѣстнаго ученаго и государственнаго дѣятеля, амстердамскаго бургомистра Ник. Витзена, письмо, въ которомъ говорилось подробно о средствахъ развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Персіею. Витзенъ считался опытнымъ знатокомъ этого предмета. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Россіею, которую посѣтилъ въ 1666 году, и въ 1672 году издалъ весьма замѣчательный трудъ «О сѣверной и восточной Татаріи». Намъ извѣстно изъ донесеній барона Келлера, что Петръ уже въ это время началъ обращать вниманіе на вопросы торговой политики; Келлеръ доносилъ Генеральнымъ Штатамъ, что надѣется на довольно важныя правительственныя распоряженія относительно торговли.

Понятно, что, при важности торговыхъ интересовъ для иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи, жители Нѣмецкой слободы съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ умственныхъ способностей и расширеніемъ круга знаній Петра. Келлеръ доносилъ, что царь любитъ иностранцевъ, но что его подданные этимъ не довольны. «Мы имѣемъ важнѣйшія причины», сказано въ одной изъ депешъ голландскаго резидента, «желать молодому царю здравія и благополучія». Съ усиленнымъ вниманіемъ Петръ слѣдилъ за событіями въ западной Европѣ; особенно онъ восхищался успѣхами англійскаго короля, Вильгельма III; однажды онъ выразилъ даже желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ Англіи противъ Франціи, подъ руководствомъ самого короля. Когда, лѣтомъ 1692 года, англичане на морѣ одержали побѣду надъ французами, Петръ, находившійся въ то время на Переяславскомъ озерѣ, праздновалъ это событіе залпомъ изъ пушекъ новопостроенныхъ судовъ [1]).

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виніуса, сына зажиточнаго голландскаго купца, занимавшагося еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, онъ узнавалъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на западѣ. Виніусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, былъ авторомъ труда по географіи, завѣдовалъ нѣкоторое время Аптекарскимъ Приказомъ, находился довольно долго въ Малороссіи, въ качествѣ дипломатическаго агента, и въ первое время царствованія Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это званіе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ, видѣвшійся весьма часто съ Виніусомъ, давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и пр. Чрезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-ремесленниковъ. Позже Виніусъ устраивалъ для царя пороховые и оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ и проч.

Между другими лицами, окружавшими царя послѣ государственнаго переворота 1689 года, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюса, переводчика Посольскаго Приказа, Андрея Кревета, и др.

Шагомъ впередъ въ направленіи къ западной Европѣ были путешествія Петра въ Архангельскъ, предпринятыя имъ въ 1693

[1]) Posselt, I, 502, 5/5, 508, 511, 514, 519.

и 1694 годахъ. Тутъ главную роль играли иностранные купцы и моряки; тутъ, на берегу Двины, была также нѣмецкая слобода, въ которой находилась реформатская церковь. Проѣздомъ въ Архангельскъ, Петръ бывалъ и въ Вологдѣ, гдѣ также проживало значительное число иностранцевъ. Та часть города, гдѣ они жили, отличалась особенно красивыми и солидно построенными домами [1]). Патрикъ Гордонъ долженъ былъ, въ 1694 году, отправиться въ Архангельскъ. Онъ разсказываетъ, какъ Петръ тамъ безцеремонно и весело пировалъ съ голландскими и англійскими шкиперами, игралъ съ ними въ кегли, и какъ они угощали его въ своихъ домахъ и каютахъ.

Архангельскъ былъ главною станціею на пути въ западную Европу. Здѣсь Петръ впервые увидѣлъ море; здѣсь иностранцы-шкипера посвящали его въ тайны морского дѣла, техники мореплаванія и кораблестроенія. Одинъ морякъ изъ Саардама, съ которымъ Петръ сблизился въ Архангельскѣ, училъ его лазить на мачты и объяснилъ ему всѣ составныя части корабельныхъ снастей. Въ Архангельскѣ Петръ осмотрѣлъ корабли, нагруженные иностранными товарами, былъ въ таможнѣ, въ конторахъ иностранныхъ купцовъ. Здѣсь онъ заложилъ корабль, который затѣмъ былъ отправленъ въ западную Европу съ грузомъ русскихъ товаровъ. Отсюда Петръ послалъ письмо къ Витзену, съ порученіемъ купить въ Голландіи корабль.

Въ помощи иностранцевъ Петръ нуждался для устройства маневровъ и для своихъ опытовъ судоходства, положившихъ начало русскому флоту.

Мы видѣли выше, какъ Петръ, непосредственно послѣ государственнаго переворота въ 1689 году, чуть ли не ежедневно былъ свидѣтелемъ военныхъ упражненій, устраиваемыхъ Гордономъ. Все это было, такъ сказать, приготовленіемъ къ большимъ маневрамъ, продолжавшимся до Азовскихъ походовъ. Маневры начались лѣтомъ 1690 года. Они были не совсѣмъ безопасны: бывали случаи серьезнаго поврежденія ручными гранатами и горшками, начиненными горючими веществами. 2-го іюня 1690 года, по случаю такъ называемаго перваго Семеновскаго похода, одинъ изъ такихъ горшковъ лопнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ возлѣ него офицеровъ. Гордонъ былъ также раненъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна,

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 482.

а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели.

Главный характеръ этихъ военныхъ упражненій заключался въ томъ, что потѣшное войско боролось со стрѣльцами. Въ этомъ высказывался антагонизмъ между новою и прежнею системами военной организаціи.

Въ 1691 году, маневры возобновились. Они кончились отчаяннымъ штурмомъ потѣшной крѣпости «Пресбургской», защищаемой безуспѣшно стрѣлецкимъ войскомъ, подъ начальствомъ «генералиссимуса» Бутурлина. Войска Петра бились «накрѣпко», «съ яростью»,—и взяли крѣпость. Князь Иванъ Димитріевичъ Долгорукій, жестоко раненый въ правую руку, умеръ на девятый день; было много раненыхъ. Петръ, Лефортъ и Гордонъ принимали самое дѣятельное участіе въ сраженіяхъ.

Крестъ, поставленный Петромъ Великимъ на берегу Бѣлаго моря.

Съ рисунка, приложеннаго въ Исторіи Петра Великаго Устрялова

Еще бо́льшіе размѣры имѣлъ «Кожуховскій» походъ, въ 1694 году. Тутъ на сторонѣ Петра сражался «генералиссимусъ» князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, командовавшій новыми полками, съ «польскимъ королемъ» Бутурлинымъ, войска котораго главнымъ образомъ состояли изъ стрѣльцовъ. Защищая «безъимянный городокъ», Бутурлинъ долженъ былъ сдаться. Оружіемъ и на этотъ разъ служили ручныя гранаты, горшки, начиненныя горючими веществами, и длинные шесты, съ зажженными на концѣ ихъ пуками смоленой пеньки. Многихъ переранили и обожгли, въ томъ числѣ и Лефорта, которому взрывомъ огненнаго горшка опалило лицо такъ, что онъ нѣсколько дней хворалъ серьезно, что, впрочемъ, не помѣшало ему угостить у себя въ шатрѣ, послѣ сраженія, царя и главныхъ офицеровъ.

Главнымъ образомъ руководилъ маневрами Гордонъ. Еще во время пребыванія въ Архангельскѣ, онъ трудился надъ подробнымъ планомъ Кожуховскаго похода и даже составилъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Хотя «генералиссимусы» и были русскіе, но все-таки главными руководителями являлись иностранцы. Эти маневры были полезнымъ приготовленіемъ къ Азовскимъ походамъ, а далѣе они должны были служить средствомъ сближенія между

Петромъ и иностранными офицерами. Лефортъ, Гордонъ и пр. постоянно были въ обществѣ царя. Петръ цѣнилъ высоко военно-техническое образованіе иностранцевъ. Невольно въ немъ родилась и окрѣпла мысль, что успѣхи русской политики и русскаго оружія обусловливаются главнымъ образомъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ людей западно-европейской школы.

Мы уже знаемъ, въ какой мѣрѣ царь нуждался въ иностранцахъ при своихъ опытахъ плаванія по Переяславскому озеру и при постройкѣ судовъ. Эти занятія принимали все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. Въ послѣдствіи самъ царь, во введеніи къ Морскому Уставу, разсказалъ подробно начало кораблестроенія въ Россіи и какимъ образомъ въ немъ самомъ «охота стала отъ часу болѣе» [1]). Располагая, послѣ государственнаго переворота 1689 года, бо́льшими средствами и полною свободою, Петръ могъ заняться всѣмъ этимъ еще гораздо успѣшнѣе чѣмъ прежде.

Крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ и находящійся въ настоящее время въ соборѣ г. Архангельска.

Съ рисунка А. П. Норовлева.

На Переяславскомъ озерѣ уже въ 1689 году была заложена верфь. На ней было построено, подъ руководствомъ голландцевъ, Карстена Бранта и Корта, нѣсколько судовъ. Тутъ трудился самъ Петръ, въ качествѣ корабельнаго плотника. Тутъ онъ, зимою на 1692 годъ, былъ занятъ постройкою большого военнаго судна. Онъ работалъ съ такимъ усердіемъ, что не безъ труда его уговорили прервать на короткое время занятіе для путешествія въ Москву, гдѣ нужно было дать торжественную аудіенцію персидскому посланнику. Спускъ новаго корабля происходилъ 1 мая 1692 года. При этомъ случаѣ были устраиваемы разныя празднества. Изъ краткихъ записокъ Петра къ матери въ это время видно, въ какой мѣрѣ онъ былъ занятъ судостроеніемъ. Даже мать царя и его супруга должны были пріѣхать въ Переяславль, для участія въ прогулкахъ на водѣ. Когда онъ, въ 1693 году, задумалъ отправиться

---

[1]) Басни о мнимой первоначальной водобоязни Петра, встрѣчающіяся впервые въ сочиненіи Штраленберга и повторенныя затѣмъ Фоккеродтомъ, Манштейномъ, Крекшинымъ, Вольтеромъ, Голиковымъ, не заслуживаютъ вниманія.

въ Архангельскъ, то, по его собственнымъ словамъ, не безъ труда получилъ позволеніе матери «въ сей опасный путь». Изъ ея писемъ къ сыну видно, какъ сильно она въ это время безпокоилась. Въ Архангельскѣ, Апраксинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи адмираломъ, руководилъ постройкою новаго корабля. Ромодановскій сдѣлался адмираломъ, Гордонъ—шаутбенахтомъ, или контръ-адмираломъ; самъ Петръ довольствовался скромнымъ званіемъ шкипера.

Лѣтомъ 1694 года, во время путешествія въ Соловецкій монастырь, Петръ едва не погибъ: была ужасная буря; крушеніе казалось неизбѣжнымъ. Опытность и хладнокровіе лодейнаго кормчаго, Антипа Тимоѳеева, спасли государя и его товарищей. Въ воспоминаніе своего избавленія, Петръ собственноручно сдѣлалъ деревянный крестъ, съ надписью на голландскомъ языкѣ. Самъ царь отнесъ его къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и водрузилъ въ землю на память потомству [1]). Около этого же времени и Гордонъ, по случаю бури, находился въ большой опасности, о чемъ подробно разсказываетъ въ своихъ запискахъ [2]).

Нельзя не удивляться рабочей силѣ, предпріимчивости и энергіи царя, который своимъ потѣхамъ придавалъ обыкновенно весьма серьезное значеніе, но въ то же время любилъ прерывать работу шумными увеселеніями и разгульными пиршествами. Кораблестроеніе и игра въ кегли, химическіе опыты въ лабораторіи и веселыя попойки, ученые разговоры о вопросахъ технологіи и странныя шутки и маскарады непосредственно слѣдовали другъ за другомъ. То можно было видѣть Петра въ церкви, читавшимъ апостола и пѣвшимъ съ пѣвчими на клиросѣ, то на кораблѣ, лазившимъ по мачтамъ и такелажу; иногда, пропировавъ всю ночь въ веселой компаніи, онъ утромъ рано, съ топоромъ въ рукахъ, отправлялся на верфь, гдѣ работалъ надъ постройкою судовъ. По достовѣрному свидѣтельству шведскаго агента Кохена, оказывается, что къ одной яхтѣ, при ея постройкѣ, не прикасалась ни одна рука, кромѣ царской [3]). Весьма часто Гордонъ въ своемъ дневникѣ упоминаетъ о подробныхъ бесѣдахъ съ царемъ, въ которыхъ обсуждались вопросы военной техники и политики; весьма часто говорится и о томъ, что царь съ большою компаніею (до 100 и 200 лицъ) по цѣлымъ суткамъ бражничалъ у своихъ знакомыхъ, иностранныхъ дипломатовъ, офицеровъ и пр. По словамъ Кохена, Келлера и Гордона, такія посѣщенія бывали имъ подъ-часъ въ тягость.

---

[1]) Устряловъ, II, 166—168.
[2]) Tagebuch Gordon's, II, 483.
[3]) Устряловъ, II, 359—360.

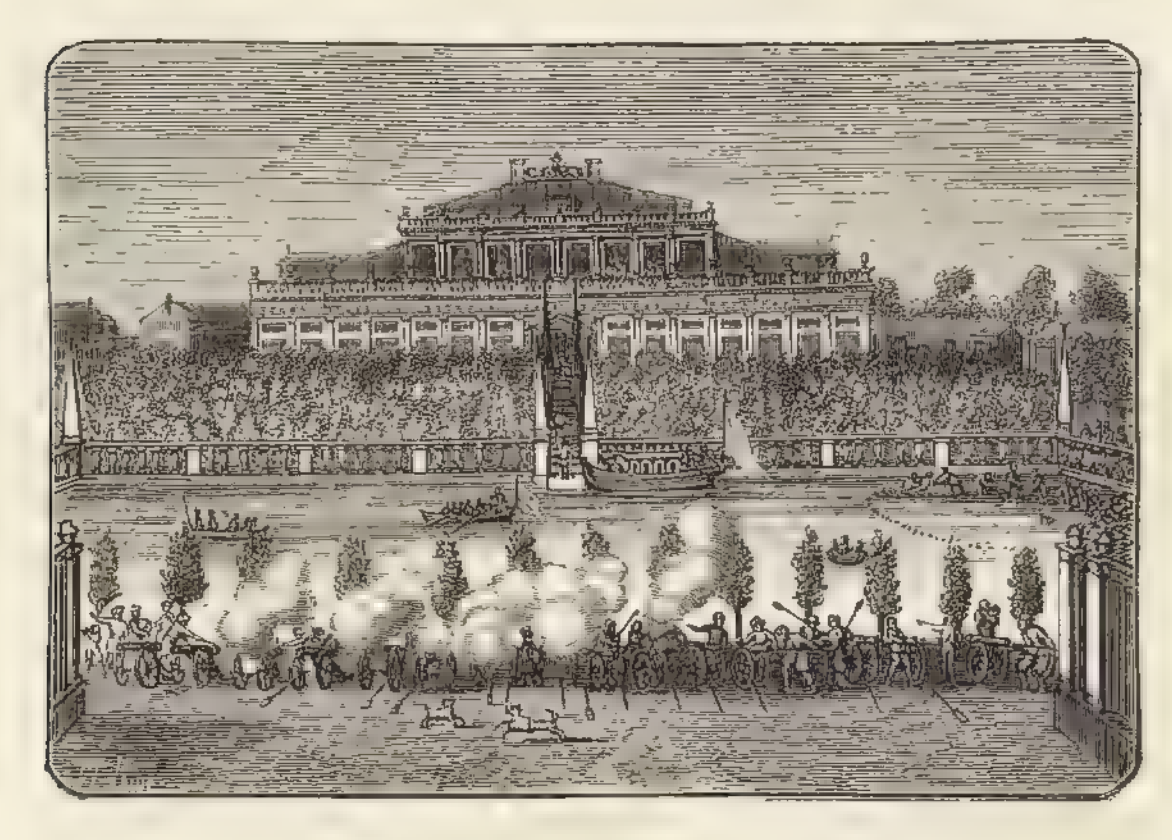
Въ 1692—93 годахъ, Петръ велѣлъ построить для Лефорта великолѣпный домъ, роскошно меблированный: здѣсь происходили самыя веселыя попойки; здѣсь царь до отправленія въ Архангельскъ однажды пировалъ около четырехъ дней сряду. Въ погребѣ у Лефорта находились постоянно большіе запасы виноградныхъ винъ, на нѣсколько тысячъ рублей. Во время такихъ пиршествъ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ на западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго, Вильгельма III, или произносили тосты въ честь Женевской республики, Генеральныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, и попойки имѣли нѣкоторое политическое значеніе и были нѣкоторымъ образомъ политическою школою [1]).

Разумѣется, подъ часъ, увеселенія царя доходили до буйства; бражничанье принимало ужасающіе размѣры; молодому царю, отъ природы чувственному, изобилующему силой, трудно было знать мѣру въ весельи и разгулѣ. При его положеніи, всѣ угождали ему. Царь освободился отъ азіатскаго церемоніала и этикета, господствовавшихъ до того въ Кремлевскомъ дворцѣ; изъ таинственнаго полумрака царскихъ покоевъ онъ «выбѣжалъ на улицу». Нашъ знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, пишетъ: «Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобы больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки... Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла... Для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины—охранялъ нравственную чистоту, хотя мы узнаемъ, что болѣе живой по природѣ царь, Алексѣй Михайловичъ, любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою, выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы знаемъ, какъ грязна русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣ-

[1]) Нѣкоторые примѣры таковыхъ бесѣдъ встрѣчаются въ сочиненіи Корба, Diarium itineris in Moscoviam.

стіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся» [1]).

Петръ не только пировалъ смѣлѣе, разгульнѣе отца—онъ и работалъ гораздо болѣе отца. Алексѣй Михайловичъ мечталъ о сооруженіи флота, но не успѣлъ осуществить этого дѣла, въ которомъ не принималъ личнаго, непосредственнаго участія. Петръ успѣлъ создать флотъ именно самоличною работою моряка и корабельнаго плотника. Не мудрено, что царь, превратившись въ матроса и ремесленника, подъ часъ любилъ отдыхать отъ труда, какъ



Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ.
Съ рѣдкой современной гравюры Генриха де-Виттъ, находящейся въ коллекціи П. Я. Дашкова.

отдыхали его товарищи,—въ гавани и на верфяхъ. Отсюда нѣкоторая необузданность въ попойкахъ, недостатокъ въ поддержаніи достоинства государя, нарушеніе правилъ внѣшняго приличія, подобающаго царю. Отказавшись играть роль полубога на престолѣ, царь, подъ часъ, въ кругу подданныхъ, людей скромныхъ, велъ себя какъ равный между равными. Нельзя по этому удивляться тому значенію, которое имѣлъ въ увеселеніяхъ царя «Ивашка Хмѣль-

[1]) Соловьевъ, XIV, 110—112.

ницкій», о которомъ такъ часто упоминается въ шутливыхъ запискахъ царя и его товарищей.

Охота Петра къ страннымъ шуткамъ, маскарадамъ и пр. напоминаетъ нѣкоторыя черты подобныхъ эпизодовъ, случавшихся при Иванѣ Грозномъ. При дворѣ Петра было множество шутовъ, карликовъ [1]). Уже въ это время встрѣчаются многія шутки съ «княземъ-папою», Зотовымъ, бывшимъ дядькою царя. Въ началѣ 1695 года, Петръ отпраздновалъ свадьбу своего шута, Тургенева, слѣдующимъ образомъ. Въ поѣздѣ были бояре, окольничіе и думные люди; «ѣхали они», какъ разсказываетъ современникъ, «на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ; а въ платьяхъ были смѣшныхъ, въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ и разноцвѣтныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣлыми хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ и пр.» [2]). Можно считать вѣроятнымъ, что самому царю принадлежала весьма важная доля въ устройствѣ такихъ сумасбродныхъ увеселеній. Зато нѣкоторыя изъ шутокъ и увеселеній его свидѣтельствуютъ о вліяніи западно-европейскаго образованія. При фейерверкахъ, нерѣдко представлялись сцены миѳологическія. Въ письмахъ Петра къ Виніусу упоминается, напр., по случаю пожара, о Вулканусѣ; говоря о бурѣ, онъ шутилъ относительно коварства Нептунуса; во время военныхъ упражненій, онъ писалъ о Марсовой потѣхѣ и т. п.

Пылкая, страстная натура Петра обнаруживалась иногда при попойкахъ бранью или даже дракою. Однажды на пиру онъ собственноручно нанесъ побои своему шурину Лопухину, который чѣмъ то обидѣлъ Лефорта. Такіе случаи взрывовъ царскаго гнѣва повторялись часто, и тогда стоило большого труда успокоивать молодого государя.

Государственными дѣлами Петръ пока не занимался. Нельзя, поэтому, удивляться ничтожности распоряженій въ области законодательства и администраціи въ это время. Управляли дѣлами главнымъ образомъ дядя государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Въ области внѣшней политики главнымъ дѣльцомъ былъ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Бояре Троекуровъ, Стрѣшневъ, Прозоровскій, Головкинъ,

---

[1]) Поссельтъ, II, 88.
[2]) Желябужскаго записки, стр. 39—40.

Шереметевъ, Долгорукій и Лыковъ были начальниками важнѣйшихъ приказовъ.

Петръ пока ограничивался приготовленіемъ средствъ, необходимыхъ для успѣха во внѣшней политикѣ. Онъ занимался развитіемъ войска и положилъ начало флоту. Сдѣлавшись воспитанникомъ наставниковъ-иностранцевъ, онъ мало-по-малу становился способнымъ заняться и внутреннимъ преобразованіемъ государства. Ближайшимъ результатомъ эпохи ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ были Азовскіе походы. За ними слѣдовало еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

ГЛАВА VII.

Азовскіе походы.

ЖЕДИМИТРІЙ, во время своего краткаго царствованія, мечталъ о походѣ на турокъ и татаръ. Накапунѣ своей гибели, онъ былъ занятъ приготовленіями къ войнѣ. Подобно тому, какъ впослѣдствіи Петръ, онъ устраивалъ военныя потѣхи, маневры и говорилъ о необходимости взятія Азова. Вообще, между Лжедимитріемъ и Петромъ Великимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть небольшое сходство. И тотъ, и другой старались освободиться отъ господствовавшихъ до того правилъ придворнаго этикета; ихъ обоихъ было можно назвать западниками; оба они, начиная заниматься дѣлами внѣшней политики, останавливались по преимуществу на восточномъ вопросѣ; оба они считали необходимыми наступательныя дѣйствія.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лжедимитрій мечталъ о завоеваніи Крыма и Азова, о союзѣ съ Генрихомъ IV противъ мусульманъ, происходили разныя столкновенія между восточнымъ міромъ и Россіею, которая, однако, не могла похвалиться особенно успѣшными дѣйствіями. Хотя московскому правительству и удалось отстоять Малороссію отъ притязаній турокъ, —Чигиринскіе походы все таки служили доказательствомъ превосходства турецкаго оружія надъ рус-

скимъ. Еще менѣе утѣшительными были, какъ мы видѣли, Крымскіе походы при царевнѣ Софьѣ.

Отношенія Россіи къ туркамъ и татарамъ оставались съ тѣхъ поръ неопредѣленными, натянутыми. Не было войны, но не было заключено и мира. Союзъ съ Польшею, имѣвшій главною цѣлью войну съ татарами и турками, оставался пока въ полной силѣ. Однако военныя дѣйствія были прерваны. Существовало лишь что-то въ родѣ фактическаго перемирія. Старанія малороссійскаго гетмана Мазепы склонить хана Саадатъ-Гирея къ заключенію мира не повели къ желаемой цѣли, потому что ханъ хотѣлъ мира не иначе, какъ на основаніи существовавшихъ до 1687 года между Россіею и ханомъ условій. Значитъ, ханъ требовалъ, чтобы Россія по прежнему присылала ему поминки, т. е. дань. Въ 1692 году, былъ отправленъ въ Бахчисарай дипломатическій агентъ, но переговоры не повели ни къ какому результату: ханъ не хотѣлъ отказаться отъ дани и не соглашался на требованіе дать свободу находившимся въ Крыму русскимъ плѣнникамъ.

Шаткость положенія дѣлъ въ Малороссіи была выгодна для татаръ;—въ Малороссіи всегда находились люди, мечтавшіе о союзѣ съ татарами противъ московскаго правительства.

Въ свою очередь, Польша и императоръ Леопольдъ постоянно требовали отъ Россіи возобновленія военныхъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ. Гордонъ, въ маѣ 1691 года, писалъ къ своему родственнику, въ Шотландію: «здѣсь находится императорскій интернунцій, который долженъ заставить насъ сдѣлать диверсію противъ татаръ. Онъ, однако, не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, потому что мы, по недостатку силъ и средствъ, должны довольствоваться лишь прикрытіемъ нашихъ границъ» [1]). Въ январѣ 1692 года, онъ писалъ: «мы здѣсь живемъ въ мирѣ, и самыя настоятельныя требованія нашихъ союзниковъ не заставятъ насъ предпринять что-либо важное» [2]).

Между тѣмъ, набѣги татаръ повторялись безпрерывно; въ началѣ 1692 года, подъ стѣнами города Немирова, въ Малороссіи, появилось не менѣе 12,000 татаръ; они выжгли предмѣстья города и увели съ собою множество народа, лошадей и пр. Разсказывали, что турки, находившіеся въ Азовѣ, готовились также сдѣлать нападеніе на Россію [3]).

---

[1]) Tagebuch Gordon's, III, 280. О стараніяхъ Курца см. также соч. Поссельта о Лефортѣ, I, 516.

[2]) Tagebuch Gordon's, III, 309.

[3]) Тамъ-же, II, 317, 346, 398, 400.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ возникла и развилась мысль объ Азовскомъ походѣ: нельзя сомнѣваться въ томъ, что мысль о войнѣ довольно часто служила предметомъ бесѣдъ между Петромъ, Лефортомъ и Гордономъ. Во всякомъ случаѣ, уже лѣтомъ 1694 года, начали говорить о какихъ-то предпріятіяхъ. Лефортъ писалъ къ своимъ родственникамъ, въ Женеву, что идетъ рѣчь о путешествіи царя въ Казань и Астрахань; въ сентябрѣ, онъ писалъ о намѣреніи царя соорудить флотъ на Волгѣ и начать какіе-то важные переговоры съ Персіею [1]). Лефортъ пока молчалъ о турецкой войнѣ.

Автономъ Михайловичъ Головинъ.

Съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова".

Зато баронъ Келлеръ писалъ около того же времени: «меня увѣряли, что Ихъ Царскія Величества скоро докажутъ, въ какой мѣрѣ они склонны къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ невѣрныхъ [1]). Также и Гордонъ писалъ, въ концѣ 1694 года, своему другу, ксёндзу Шмидту: «я думаю и надѣюсь, что мы въ это лѣто предпримемъ что-нибудь для блага христіанства и нашихъ союзниковъ» [2]). Такъ какъ уже въ самомъ началѣ 1695 года, именно 20-го января, были сдѣланы первыя распоряженія для мобилизаціи войска, причемъ было указано на Крымъ, какъ на цѣль похода, то можно считать вѣроятнымъ, что Гордонъ, въ декабрѣ 1694 года, уже зналъ точно о

[1]) Соловьевъ, XIV, 217.
[2]) Posselt, II, 229.

намѣреніяхъ царя, но не считалъ себя въ правѣ высказываться объ этомъ иначе, какъ въ видѣ предположеній.

Со стороны іерусалимскаго патріарха Досиѳея также было сдѣлано царямъ увѣщаніе къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ въ раздраженіи жаловался на то, что французы, посредствомъ подкупа, забрали въ свои руки священныя мѣста въ Іерусалимѣ, на ихъ козни въ Константинополѣ, направленныя противъ московскаго правительства, и т. п. Изъ всего этого патріархъ выводилъ заключеніе о необходимости войны. «Вамъ не полезно», писалъ Досиѳей, «если турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоліи, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ». Далѣе, въ этомъ посланіи сказано: «если татары погибнутъ, то и турки съ ними, и дойдетъ ваша власть до Дуная, а, если татары останутся цѣлы, то они васъ обманутъ. Впередъ такого времени не сыщете, какъ теперь... Александръ Великій, не ради Бога, но ради единоплеменниковъ своихъ, на персовъ великою войною ходилъ, а вы, ради святыхъ мѣстъ и единаго православія, для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? Вы упросили у Бога, чтобъ у турокъ была война съ нѣмцами; теперь такое благополучное время,—и вы не радѣете!.. Смотрите, какъ смѣются надъ вами... татары, горсть людей, и хвалятся, что берутъ у васъ дань, а, такъ какъ татары подданные турецкіе, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого» [1]).

Въ народѣ считали Лефорта главнымъ виновникомъ Азовскихъ походовъ. Трудно сказать, насколько это предположеніе было справедливо. Слишкомъ смѣлою кажется гипотеза нашего извѣстнаго историка Соловьева: «Лефортъ хотѣлъ, чтобъ Петръ предпринялъ путешествіе за границу, въ западную Европу; но какъ показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ турокъ. Не забудемъ, что, тотчасъ по взятіи Азова, предпринимается путешествіе за границу; эти два событія состоятъ въ тѣсной связи» [2]). Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ предположеніе, что мысль о путешествіи за границу возникла до Азовскихъ походовъ,—напротивъ, это путешествіе было вызвано опытами, сдѣланными во время Азовскихъ походовъ.

[1]) Соловьевъ, XIV, 216—220.
[2]) Тамъ-же, XIV, 217—218.

Зато нельзя сомнѣваться въ тѣсной связи между маневрами предыдущихъ годовъ и Азовскими походами. Австрійскій дипломатическій агентъ Плейеръ, находившійся въ то время въ Россіи, видѣлъ въ Кожуховскомъ походѣ приготовленіе къ турецкой войнѣ и смѣялся надъ русскими, не понимавшими значенія этихъ военныхъ упражненій. Къ тому же Плейеръ узналъ, что царь черезъ атамана донскихъ казаковъ собиралъ свѣдѣнія о положеніи крѣпости Азова [1]).

Самъ Петръ, въ письмѣ къ Апраксину, такимъ образомъ говорилъ о нѣкоторой связи между маневрами и войною: «хотя въ ту пору, какъ осенью, впродолженіе пяти недѣль, трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры на умѣ не было, однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла» [2]).

Указывая въ манифестахъ на Крымъ, какъ на цѣль похода, правительство, кажется, старалось скрывать настоящую цѣль военныхъ операцій. Предполагалось занятіе устьевъ Днѣпра и Дона. И тамъ, и здѣсь находились турецкія укрѣпленія, препятствовавшія сообщенію Россіи съ Чернымъ моремъ и служившія базисомъ при набѣгахъ татаръ на Россію. Для обезпеченія южныхъ границъ московскаго государства, для охраненія городовъ (Бѣлгорода, Тамбова, Козлова, Воронежа, Харькова и др.), для развитія торговли и промышленности во всемъ этомъ краѣ, было необходимо завладѣть, съ одной стороны, Азовомъ, съ другой—приднѣпровскими крѣпостцами (Кизикерменъ, Арсланъ-Ордекъ, Таганъ и пр.); тогда только можно было надѣяться на успѣшныя дѣйствія и противъ крымскихъ татаръ.

Походы Голицына не имѣли успѣха преимущественно потому, что сообщеніе голою степью представляло громадныя затрудненія. Теперь же, при походѣ на Азовъ, водный путь для передвиженія войска, припасовъ, военныхъ снарядовъ представлялъ значительныя преимущества.

До этого русскіе воины весьма часто являлись на низовьяхъ Днѣпра и Дона. Днѣпръ былъ частью пути «изъ Варягъ въ Греки»; этой дорогою шли когда-то полчища Олега и Игоря, при походахъ на Византію. На Дону, до самаго устья, много разъ показывались казаки—морскіе разбойники, отправлявшіеся нерѣдко грабить берега Чернаго моря и возвращавшіеся обыкновенно съ

---

[1]) Устряловъ, II, 568.
[2]) Тамъ-же, II, 219.

богатою добычею. Такіе набѣги казаковъ повторялись особенно часто въ XVII вѣкѣ. Въ 1626 году, казаки даже явились въ окрестностяхъ Константинополя, гдѣ разграбили какой-то монастырь. Около этого же времени, они обратили въ пепелъ малоазіатскіе города Трапезунтъ и Синопъ. Нерѣдко турецкое правительство жаловалось московскому на неистовство казаковъ. Цари оправдывались тѣмъ, что не имѣютъ средствъ сдерживать ихъ.

Къ 1637 году относится взятіе Азова казаками. Затѣмъ они выдержали тамъ осаду. «Азовское сидѣнье» сдѣлалось любимымъ предметомъ народныхъ пѣсенъ. Когда казаки предложили московскому правительству удержать за собою эту крѣпость, царь Михаилъ Өеодоровичъ не рѣшился на эту мѣру, которая легко могла повести къ совершенному разладу съ Оттоманскою Портою.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько десятилѣтій. Турки успѣли возобновить старинныя укрѣпленія Азова; 26,000 человѣкъ работали нѣсколько лѣтъ; соорудили каменную крѣпость въ видѣ четыреугольника, съ бастіонами и отдѣльнымъ внутри замкомъ; обвели ее высокимъ землянымъ валомъ, съ глубокимъ рвомъ; выше Азова построили двѣ каменныя каланчи, а на Мертвомъ Донцѣ (сѣверномъ притокѣ Дона) каменный замокъ Лютинъ. Азовъ сдѣлался крѣпостью сильною, тѣмъ болѣе, что турки всегда могли подать ему помощь съ моря, на которомъ не имѣли соперниковъ [1]).

Между тѣмъ какъ шли приготовленія къ походу на Азовъ, за границею думали, что цѣлью военныхъ операцій будетъ Крымъ. Въ письмѣ къ одному знакомому, Лейбницъ выразилъ надежду, что Петръ вытѣснитъ совершенно татаръ изъ полуострова и этимъ окажетъ услугу христіанству [2]).

Распоряженія относительно командованія войсками въ предстоявшемъ походѣ заслуживаютъ вниманія: боярину Борису Петровичу Шереметеву было ввѣрено начальство надъ 120,000-мъ войскомъ старинаго московскаго устройства; это войско, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, должно было дѣйствовать противъ турецкихъ укрѣпленій на Днѣпрѣ. Труднѣйшая задача, осада Азова, была предоставлена войскамъ новаго устройства, въ числѣ 31,000. Само собою разумѣется, что царь находился при этомъ войскѣ; начальство надъ нимъ было поручено конспліи трехъ генераловъ: Головина, Лефорта и Гордона. Дѣла рѣшались въ этой конси-

---

[1]) Устряловъ II, 223.

[2]) Guerrier. «Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr.», 7.

ліи, но приговоры ея исполнялись не иначе, какъ съ согласія «Бомбардира Преображенскаго полка, Петра Алексѣева».

Какъ кажется, Петръ предоставилъ себѣ начальство надъ артиллеріею. Мысль ввѣрить главное управленіе надъ всѣмъ войскомъ тремъ генераламъ оказалась весьма неудачною. Въ теченіи всего похода замѣтно нѣкоторое соперничество между Гордономъ и Лефортомъ. Вслѣдствіе этого, въ русскомъ лагерѣ иногда недоставало единства военной мысли и согласія. Петръ самъ не

Воронежъ въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры.

имѣлъ опытности и не былъ въ состояніи рѣшать безпристрастно, чье мнѣніе, Гордона или Лефорта, заслуживало большаго довѣрія. Въ это время, безспорно, Лефортъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ царю, нежели Гордонъ. Въ дневникѣ послѣдняго не разъ говорится съ озлобленіемъ о Лефортѣ, мнѣнія и распоряженія котораго дѣйствительно оказывались довольно часто нецѣлесообразными [1]).

Уже въ самомъ началѣ похода, пришлось бороться отчасти съ тѣми самыми затрудненіями, жертвою которыхъ сдѣлался Голи-

[1]) Поссельтъ въ своемъ сочиненіи о Лефортѣ обвиняетъ Гордона въ пристрастіи. Однако сочиненіе Поссельта, въ свою очередь, оказывается также далеко не безпристрастнымъ.

цынъ въ 1687 и 1689 годахъ. Между прочимъ, ощущался сильный недостатокъ въ лошадяхъ. Войска и скотъ страдали отъ недостатка воды. Дисциплина въ войскѣ оказалась далеко не образцовою. Даже степной пожаръ, сдѣлавшійся роковымъ въ 1687 году, повторился и въ 1695 году, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Гордонъ, находившійся въ авангардѣ, долженъ былъ употреблять большія усилія для того, чтобы принудить казацкаго атамана, Фрола Минаева, къ энергическимъ дѣйствіямъ. Изъ бесѣдъ Гордона съ нимъ видно, что и въ настоящемъ случаѣ казацкій элементъ оказался ненадежнымъ, шаткимъ, своевольнымъ, склоннымъ къ измѣнѣ.

Какъ скоро начались приготовленія къ осадѣ, несогласіе между главнокомандующими обнаружилось еще рѣзче. Работы шли медленно, вяло, неудачно. Много бѣдъ надѣлала измѣна голландскаго матроса Якова Янсена, передавшагося туркамъ и сообщившаго имъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи и расположеніи русской арміи. Янсенъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Петра, проводившаго съ нимъ дни и ночи, не скрывая отъ него своихъ намѣреній. Въ Азовѣ находились также русскіе раскольники, измѣнившіе своему отечеству. Одинъ изъ нихъ пробрался въ траншеи осаждавшаго Азовъ войска, отозвался по-русски на окликъ часовыхъ, что онъ казакъ, все осмотрѣлъ и возвратился въ крѣпость [1]).

Скоро всѣ могли убѣдиться въ томъ, что настоящая война не похожа на прежніе маневры. Напрасно Петръ до Азовскаго похода писалъ къ Апраксину: «шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ» [2]). Напрасно Плейеръ, въ своихъ донесеніяхъ къ императору Леопольду, хвалилъ «великолѣпную артиллерію» русскихъ [3]).—Средства, которыми располагалъ Петръ, оказывались далеко не достаточными. Благодаря недобросовѣстности поставщиковъ съѣстныхъ припасовъ, войско между прочимъ страдало отъ недостатка соли. Вообще военная администрація оказалась несостоятельною. На стрѣльцовъ была плохая надежда: они не слушались своихъ начальниковъ и вообще неохотно участвовали въ походѣ.

Въ половинѣ іюля, удалось овладѣть каланчами выше Азова. Этотъ подвигъ, совершонный донскими казаками, произвелъ въ

---

[1]) Устряловъ, II, 236.
[2]) Тамъ-же, II, 449.
[3]) Тамъ-же, II, 569.

арміи неописанную радость. Въ происходившихъ затѣмъ стычкахъ съ непріятелемъ, турки всегда оказывались сильнѣе и опытнѣе. Особенной опасности подвергалась та часть лагеря, въ которой командовалъ Лефортъ. Гордонъ, при одной вылазкѣ турокъ, потерялъ нѣсколько пушекъ. Въ военномъ совѣтѣ главнокомандующихъ царствовало полнѣйшее несогласіе. Гордонъ пишетъ: «все дѣлалось такъ медленно и безпорядочно, будто мы не имѣли вовсе въ виду серьезно взять крѣпость» [1]).

Вскорѣ явилась мысль о приступѣ. Всѣ, разсказываетъ Гордонъ, заговорили объ этомъ, хотя никто не имѣлъ понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для такого дѣла. Напрасно Гордонъ подробно объяснялъ въ военномъ совѣтѣ, почему нельзя было пока надѣяться на успѣхъ приступа: ему не удалось убѣдить царя въ невозможности этого предпріятія до окончанія нѣкоторыхъ работъ, предпринятыхъ съ цѣлью обезпеченія войскъ на случай неудачи.

Приступъ, сдѣланный 5-го августа, имѣлъ весьма печальный исходъ. Много людей погибло совершенно понапрасну. Гордонъ подробно пишетъ объ унынііи, господствовавшемъ въ войскѣ. Недоставало искусныхъ инженеровъ. Главнымъ инженеромъ былъ Францъ Тиммерманъ, а его помощниками: Адамъ Вейде, Яковъ Брюсъ и швейцарецъ Морло. Они дѣйствовали неудачно и, кажется, не умѣли взяться за дѣло. Однажды, устроили въ подкопѣ камеру и наполнили ее порохомъ. Гордонъ доказывалъ, что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ своихъ же. Но созванный государемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ, и, какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ войсками. Предсказанія Гордона сбылись буквально. Крѣпостная стѣна осталась невредимою, а множество русскихъ погибло. «Эта неудача», говоритъ Гордонъ, «сильно огорчила государя и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ, потерявшемъ послѣ этого всякое довѣріе къ иностранцамъ» [2]).

Такого рода ошибки повторялись. Опять пошла рѣчь о штурмѣ и опять Гордону пришлось говорить противъ него. Возраженія его были оставлены безъ вниманія. Распоряженія царя основывались на совѣтахъ Лефорта и противорѣчили убѣжденіямъ Гордона. Лефортъ и Головинъ ласкали себя какими-то, ни на чемъ не основанными, надеждами и даже дали понять Гордону, что его со-

---

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 576, 578, 601.
[2]) Тамъ-же, II, 603.

мнѣнія и опасенія вызваны какъ будто нежеланіемъ взять крѣпость. Однимъ словомъ, между генералами постоянно царствовало полнѣйшее разногласіе.

Впрочемъ, и Лефортъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣтилъ, что царю, очевидно, не была извѣстна численность азовскаго гарнизона,—иначе онъ позаботился бы о собраніи подъ стѣнами крѣпости бо́льшаго количества войска. Трудно сказать, имѣло ли основаніе предположеніе Лефорта, что при болѣе многочисленномъ войскѣ крѣпость была бы взята. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ предпріятіе Петра кончилось полною неудачею. 27-го сентября, рѣшили, что нужно отступить. Единственнымъ, сравнительно скромнымъ успѣхомъ было занятіе каланчей.

Цейхгаузъ Петровскаго времени въ Воронежѣ.
Въ его настоящемъ видѣ.

Въ свою очередь, и Шереметевъ лишь отчасти дѣйствовалъ успѣшно. Онъ занялъ два форта на Днѣпрѣ: Кизикерменъ и Таганъ.

Петръ, во время пребыванія подъ Азовомъ, участвовалъ самолично во всѣхъ трудахъ и подъ часъ подвергалъ себя опасностямъ. Въ дневникѣ Гордона сказано, что царь весьма часто находился въ мрачномъ расположеніи духа. Два товарища царя, его сотрудники въ Потѣшномъ войскѣ, Воронинъ и Лукинъ, были убиты подъ Азовомъ. Онъ горевалъ также о потерѣ Троекурова, своего «друга», какъ онъ назвалъ его въ письмѣ къ князю Ромодановскому. Впрочемъ, сохранились и другія относящіяся къ этому времени письма царя, въ которыхъ онъ, смѣясь, говорилъ о «наишутѣйшемъ», «всеяузскомъ патріархѣ» Зотовѣ, о «Марсовой по-

тѣхѣ», о подвигахъ «Ивашки Хмѣльницкаго» и проч. Неудачи при осадѣ Азова, кажется, нисколько не повредили отношеніямъ царя къ иностранцамъ. Зато, какъ мы видѣли, раздраженіе въ войскѣ противъ иностранныхъ офицеровъ и инженеровъ могло повести легко къ перемѣнѣ ихъ положенія. Александръ Гордонъ, племянникъ Патрика, также участвовавшій въ осадѣ Азова, замѣчаетъ въ своей «Исторіи Петра Великаго», что Адамъ Вейде,

Корабль „Молящійся св. Апостолъ Петръ", построенный Петромъ I въ Воронежѣ, въ 1696 г.
Съ современной гравюры Шхонебека.

которому приписывали неудачу съ вышеупомянутымъ подкопомъ, сдѣлался предметомъ общей ненависти, и нѣсколько дней сряду не смѣлъ показываться солдатамъ.

Ко всѣмъ неудачамъ подъ Азовомъ присоединилась еще та бѣда, что отступленіе войска и возвращеніе его въ предѣлы Московскаго государства было сопряжено съ ужасными затрудненіями. По случаю бури, имѣвшей слѣдствіемъ разливъ водъ у береговъ Азовскаго моря, утонуло много народу. Арріергардъ войска, начальникомъ

котораго былъ Гордонъ, страшно страдалъ отъ нападеній татаръ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ отступавшее войско. Одинъ полкъ былъ разбитъ совершенно, а полковникъ взятъ въ плѣнъ [1]). Впослѣдствіи въ народѣ разсказывали другъ другу подробности этого печальнаго эпизода [2]).

О лишеніяхъ и страданіяхъ войска во время отступленія мы узнаемъ изъ донесеній австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, который, послѣ пребыванія подъ Азовомъ, по случаю болѣзни, на пути въ Москву пролежалъ въ Черкасскѣ. Возвращаясь оттуда въ Москву, онъ видѣлъ всю дорогу, на протяженіи 800 верстъ, усѣянною трупами людей и лошадей; всѣ деревни были переполнены больными, заражавшими мѣстныхъ жителей своими недугами; смертность была ужасная [3]).

Неудача перваго Азовскаго похода числомъ жертвъ превосходила неудачи Голицына въ Крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ. Однако, несмотря на все это, царь, послѣ краткаго пребыванія въ Тулѣ, гдѣ онъ на желѣзномъ заводѣ ковалъ собственными руками желѣзныя полосы, торжественно вступилъ съ войсками въ столицу. Правительство старалось придать особенное значеніе занятію турецкихъ каланчей близъ Азова. Это мѣсто, укрѣпленное по совѣтамъ Гордона, получило названіе «Новогеоргіевска». Самъ Петръ, однако-жь, не могъ не сознавать, что первое его предпріятіе, въ которомъ отвѣтственность лежала на царѣ и на окружавшихъ его иностранцахъ, потерпѣло полную неудачу.

Но именно здѣсь, благодаря этой неудачѣ, и проявился великій человѣкъ: Петръ не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобы загладить неудачу и упрочить успѣхъ второго похода. Съ азовской неудачи, какъ справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, начинается царствованіе Петра Великаго [4]).

Послѣ азовской неудачи, въ народѣ легко могли вспомнить слова патріарха Іоакима, что не можетъ быть успѣха, если русскими полками будутъ предводительствовать иностранцы-еретики. Но царь, готовясь ко второму походу, болѣе прежняго разсчитывалъ на помощь иностранцевъ, выписывалъ изъ-за границы инженеровъ и судостроителей; Тиммерманъ, Вейде, Брюсъ, жившіе давно въ Москвѣ и не имѣвшіе возможности слѣдить за успѣхами тех-

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 619.
[2]) Соч. Ив. Посошкова, I, 38.
[3]) Устряловъ, II, 582.
[4]) Соловьевъ, XIV, 225.

ники, оказались плохо приготовленными. Нужно было обратиться къ западно-европейскимъ правительствамъ, къ Австріи, Венеціи, Бранденбургскому курфирсту, чтобы достать людей болѣе опытныхъ и свѣдущихъ.

Еще до возвращенія въ Москву, Петръ извѣстилъ польскаго короля и императора Леопольда о томъ, что нельзя было взять Азова, по недостатку оружія, снарядовъ, а болѣе всего—искусныхъ инженеровъ. Одновременно съ этимъ, царь требовалъ, чтобы и польскій король, и императоръ, въ свою очередь, приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, когда, на будущую весну, государи пошлютъ подъ Азовъ и въ Крымъ войска многочисленнѣе прежнихъ [1]).

Особенно нужными для предстоявшаго похода оказались военныя суда, которыя могли бы пресѣчь непріятелю средства получать во время осады помощь съ турецкихъ кораблей войскомъ, снарядами и продовольствіемъ. Поэтому Петръ призвалъ изъ Архангельска голландскихъ и англійскихъ плотниковъ съ чужеземныхъ судовъ. Всѣ они были, волею и неволею, отправлены въ Воронежъ, гдѣ, уже со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, производилась постройка плоскодонныхъ судовъ. По берегамъ рѣки Воронежа росли дремучіе лѣса, дубовые, липовые и сосновые, доставлявшіе обильный матеріалъ для кораблестроенія. Были устроены верфи; работа закипѣла. Около 26,000 человѣкъ всю зиму трудились на воронежскихъ верфяхъ. Отовсюду, съ частныхъ желѣзныхъ заводовъ, волею и неволею, были собираемы необходимые для судостроенія предметы.

Образцомъ для строившихся судовъ служила галера, заранѣе заказанная въ Голландіи и привезенная въ Москву, а затѣмъ въ Воронежъ. Работали не только въ Воронежѣ, но и въ Козловѣ, въ Добромъ, въ Сокольскѣ; кромѣ военныхъ судовъ, нужно было изготовить до 1000 транспортныхъ судовъ [2]).

Въ концѣ февраля 1696 года, самъ Петръ прибылъ въ Воронежъ для участія въ этихъ работахъ. 2-го апрѣля, происходилъ спускъ первой галеры, которая получила названіе «Принципіумъ». Въ апрѣлѣ же окончено сооруженіе 36-ти-пушечнаго корабля «Апостолъ Петръ». Начальникомъ галеры «Принципіумъ» сдѣлался самъ царь.

[1]) Устряловъ, II, 257. О перепискѣ съ Венеціею см. Пам. дипл. сношеній, VIII, 198—210, 353—357.

[2]) Веселаго, «Обзоръ ист. р. флота», I, 85. Елагинъ, «Ист. р. флота». Азовскій періодъ, I, 22 и слѣд.

*

Приходилось бороться съ разными затрудненіями. Многіе рабочіе бѣжали съ работъ; свирѣпствовали болѣзни; погода не благопріятствовала дѣлу. Самъ царь не домогалъ въ это время, но все-таки работалъ усердно и писалъ къ боярину Шереметеву: «мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой». Немудрено, что работа шла гораздо успѣшнѣе, чѣмъ во время постройки корабля «Орелъ», при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Вопросъ о главномъ начальствѣ надъ войскомъ былъ рѣшенъ иначе, нежели въ первый походъ. 14-го декабря 1695 года, Петръ пріѣхалъ за Гордономъ и отправился съ нимъ къ Лефорту, куда явились Головинъ и другіе вельможи. Тамъ происходило совѣщаніе, кого избрать генералиссимусомъ. На это мѣсто былъ назначенъ бояринъ Шеинъ. Можно думать, что тогда же было рѣшено назначеніе Лефорта адмираломъ новаго флота.

Обсуждались также предстоявшія военныя операціи. Шереметевъ опять долженъ былъ дѣйствовать на Днѣпрѣ, между тѣмъ какъ главная армія двигалась къ Азову. Достойно вниманія, что тѣ люди, которые во время маневровъ подъ Москвою разыгрывали роль «генералиссимусовъ», Бутурлинъ и Ромодановскій, преспокойно оставались дома. Съ Ромодановскимъ, который въ шутку величался «кесаремъ» и котораго Петръ называлъ обыкновенно «Min herr Kenih», Петръ переписывался въ это время, извѣщая его, какъ «своего государя», о ходѣ работъ, иногда же, за недосугомъ, посылалъ поклоны ему и Бутурлину вмѣстѣ съ другими, въ письмахъ къ Стрѣшневу и Виніусу. Ромодановскій былъ этимъ недоволенъ и дѣлалъ «господину капитану» выговоры. Царь оправдывался. «Въ послѣднемъ письмѣ», отвѣчалъ онъ Ромодановскому, «изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными: и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ не искусны» [1]).

Такимъ образомъ, шутки и серьезныя работы смѣняли другъ друга. Въ январѣ 1796 года, скончался братъ Петра, царь Иванъ. Это событіе, кажется, не произвело на современниковъ никакого особеннаго впечатлѣнія. Въ источникахъ даже не упоминается о торжественномъ погребеніи усопшаго царя, не имѣвшаго, впрочемъ, при жизни никакого значенія.

Нельзя сказать, чтобы главный полководецъ, бояринъ Шеинъ, во второмъ Азовскомъ походѣ имѣлъ большое значеніе. Онъ, безъ

[1]) Устряловъ, II, 268.

сомнѣнія, столь же мало былъ приготовленъ для своего поста, какъ Лефортъ для должности адмирала. Главнымъ дѣльцомъ все-таки оставался Гордонъ, ранѣе другихъ прибывшій къ Азову, весною 1696 года. Что же касается до новыхъ инженеровъ, выписанныхъ изъ-за границы, то они пріѣхали довольно поздно, уже во время осады.

Военныя операціи начались въ маѣ. Царь въ это время, повидимому, былъ особенно занятъ вопросомъ, окажется ли ново-

Князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

построенный флотъ, съ совсѣмъ еще неопытнымъ экипажемъ, способнымъ къ борьбѣ съ турецкими судами. 21-го мая, сдѣлавъ рекогносцировку и увидавъ довольно значительную турецкую эскадру, Петръ пришелъ къ Гордону и сообщилъ ему, что далъ приказаніе русскому флоту избѣгать столкновенія съ турецкою эскадрою. Разсказывая объ этомъ въ своемъ дневникѣ, Гордонъ замѣчаетъ, что Петръ при этомъ случаѣ казался печальнымъ и озадаченнымъ. Скоро послѣ этого, однако, узнали, что казаки напали на турецкій флотъ, повредили и разогнали его и многихъ

турокъ убили [1]). Довольно часто повторяемый разсказъ о личномъ участіи царя въ этомъ дѣлѣ лишенъ всякаго основанія.

Хотя новый русскій флотъ не считался способнымъ сражаться съ турецкою эскадрою, онъ все-таки, во время второго Азовскаго похода, былъ чрезвычайно полезенъ тѣмъ, что отрѣзывалъ крѣпость отъ турецкаго флота. Турки, въ свою очередь, не рѣшились атаковать русскій флотъ.

Бомбардированіе крѣпости началось 16-го іюня. До этого происходили небольшія стычки съ татарами, нападавшими на русскій лагерь. Во время бомбардированія, Петръ бо̀льшею частью оставался на своей галерѣ «Принципіумъ» и являлся въ лагерь только для совѣщаній съ генералами. Иногда онъ подвергался опасностямъ. На увѣщанія сестры Натальи быть осторожнѣе Петръ отвѣчалъ: «по письму твоему, я къ ядрамъ и пушкамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо» [2]).

Бомбардированіе, впрочемъ, не принесло выгодъ. Турки пока и не думали о сдачѣ. Нужно было прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ.

22-го іюня, когда спросили мнѣніе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть городомъ, они отозвались, что надобно возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Полководцы согласились на общее желаніе войска; ночью на 23-е іюня, приступили къ гигантской работѣ, къ возведенію земляной насыпи, подъ непріятельскими выстрѣлами. Немного позже, Гордонъ развилъ мысль, выраженную войсками, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и составилъ проектъ такому валу, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны, съ выходами для вылазокъ, съ раскатами для батарей. Работа шла довольно успѣшно.

Между тѣмъ, 25-го іюня, прибыли иностранные инженеры. Они не ускорили своего путешествія потому, что въ Вѣнѣ ничего не знали о началѣ военныхъ операцій. Между прибывшими инженерами находился Боргсдорфъ, извѣстный какъ писатель въ области военной техники. Особенно отличился впослѣдствіи въ русской службѣ Краге. Когда Гордонъ водилъ этихъ инженеровъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, они дивились огромности работъ, однако мы не знаемъ, какого мнѣнія они были о земляномъ валѣ.

Инженеры оказались полезными. Подъ ихъ руководствомъ, бомбардированіе шло успѣшнѣе прежняго, такъ что угловой бастіонъ

---

[1]) Tagebuch Gordon's, III, 6. Желябужскаго зап., 68.

[2]) Соловьевъ, XIV, 229.

Взятіе Азова въ 1696 году.

Съ современной (1699 г.) гравюры Шхонебека. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

крѣпости былъ разрушенъ. Зато приступъ, предпринятый 17-го іюля съ земляного вала Запорожскими казаками, не имѣлъ успѣха, потому что храбрые воины не были поддержаны другими частями войска. Въ то время, когда въ военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о повтореніи штурма, турки открыли переговоры о сдачѣ крѣпости.

Сооруженіе вала, отважность запорожцевъ, искусство иностранныхъ инженеровъ, помощь флота, отрѣзывавшаго крѣпость отъ сообщенія съ моремъ, приготовленія къ общему штурму—все это вмѣстѣ побудило турокъ сдаться [1]).

Азовъ не былъ взятъ русскими съ бою, а сдался на капитуляцію; но все-таки сдача Азова являлась результатомъ искусныхъ дѣйствій Петра и его войска. Обрадованный этою побѣдою, Петръ сообщилъ о ней Ромодановскому, Виніусу и пр. Въ своемъ отвѣтѣ, Ромодановскій называлъ царя вторымъ Соломономъ, Самсономъ, Давидомъ. Въ покоренномъ Азовѣ пировали. Гордонъ занялся исправленіемъ укрѣпленій. Петръ поѣхалъ отыскивать удобное мѣсто для постройки гавани. Затѣмъ онъ возвратился въ Москву, гдѣ, 30 сентября, происходилъ торжественный входъ войскъ.

И въ этомъ празднествѣ, устроенномъ главнымъ образомъ подъ наблюденіемъ Виніуса, но по указаніямъ Петра, замѣтно вліяніе иностранцевъ. Тріумфальныя ворота были построены по образцу древне-классическихъ; вездѣ были видны непонятныя для народа эмблемы и аллегоріи; было множество лавровыхъ вѣнковъ; надписи гласили о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ, о подвигахъ Геркулеса и Марса. Гораздо нагляднѣе были картины. Желябужскій пишетъ: «на Каменномъ мосту всесвятскомъ, на башнѣ, сдѣлана оказа азовскаго взятія, и ихъ пашамъ персуны написаны живописнымъ письмомъ, также на холстинѣ левкашено живописнымъ же письмомъ, какъ что было подъ Азовымъ, передъ башнею по обѣ стороны» [2]). Лефортъ ѣхалъ въ золотыхъ государевыхъ саняхъ въ шесть лошадей. За великолѣпными санями адмирала шелъ самъ Петръ, въ скромномъ мундирѣ морского капитана, «съ протозаномъ» въ рукѣ, въ нѣмецкомъ платьѣ, въ шляпѣ.

[1]) Лефортъ приписывалъ главную долю успѣха флоту; см. соч. Поссельта, II, 348.—Сохранилось преданіе, что Петръ приписывалъ взятіе Азова главнымъ образомъ доблести и искусству Гордона. Нартовъ, разсказывая о похоронахъ Гордона, сообщаетъ, что Петръ, кинувъ земли въ могилу, сказалъ: «я ему даю только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое государство съ Азовомъ». Этотъ разсказъ не можетъ считаться историческимъ фактомъ. Гордонъ не былъ завоевателемъ Азова. См. мое сочиненіе о Гордонѣ, стр. 97.

[2]) Желябужскій, 93.

Такая скромность государя сильно не понравилась народу [1]).

Взятіе Азова произвело глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Послѣ неудачъ Чигиринскихъ походовъ, при царѣ Ѳедорѣ, и Крымскихъ—при царевнѣ Софьѣ, этотъ успѣхъ царя Петра имѣлъ особенное значеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ русское оружіе одерживало побѣды, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, прошло нѣсколько десятилѣтій. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ неудачъ. При громадномъ значеніи восточнаго вопроса въ то время, побѣда царя, одер-

Бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова".

жанная надъ турками, должна была придать Россіи нѣкоторый вѣсъ въ Европѣ. Московское государство явилось въ борьбѣ съ исламомъ полезнымъ союзникомъ Польши и императора.

Вскорѣ, однако, оказалось, что успѣхи русскаго оружія въ войнѣ съ Турціею вовсе не нравились полякамъ. Еще прежде взятія Азова, одинъ французъ, провожавшій иностранныхъ офицеровъ въ Россію и возвращавшійся чрезъ Варшаву, разсказывалъ панамъ съ похвалою о дѣйствіяхъ русскихъ подъ Азовомъ. Сена-

[1]) См. мое сочиненіе о Посошковѣ, Спб., 1876, стр. 27.

торы слушали, качали головами и говорили про Петра: «какой отважный и безпечный человѣкъ! и что отъ него впередъ будетъ?»

Послѣ полученія въ Варшавѣ извѣстія о взятіи Азова, къ рускому резиденту, Никитину, пріѣзжалъ цесарскій резидентъ и разсказывалъ, что сенаторы испугались, что папы не очень рады взятію Азова. Никитинъ писалъ въ Москву, что, хотя поляки и празднуютъ эту побѣду царя надъ турками, «будто совершенно тому радуются», хотя они и пріѣзжаютъ къ нему съ поздравленіемъ, но «на сердцѣ у нихъ не то». Литовскій гетманъ Сапѣга говорилъ громко, что царскія войска никакого храбраго дѣла не показали, что они взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ, и пр. На это Никитинъ возразилъ: «дай Господи великому государю взять на договоръ не только всю турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привесть, и тогда вы, поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ какъ теперь, въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего».

1-го сентября, Никитинъ, въ торжественномъ собраніи сената и земскихъ пословъ, говорилъ слѣдующую рѣчь: «Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Рѣчь Посполитая, да знаете вашего милостиваго оборонителя, смѣло помогайте ему по союзному договору, ибо онъ, знаменемъ креста Господня, яко истинный Петръ, отпираетъ двери до потеряннаго и обѣщаннаго христіанамъ Іерусалима, въ которомъ Христосъ, Господь нашъ, на престолѣ крестомъ тріумфовалъ... Теперь время съ крестомъ идти, вооруженною ногою топтать непріятеля; теперь время шляхетнымъ подковамъ попрать наклоненнаго поганина и тылъ дающаго; теперь время владѣнія свои расширить тамъ, гдѣ только польская зайти можетъ подкова, и оттуда себѣ титулами наполнить хартіи, согласно договорамъ, вмѣсто того, чтобъ писаться такими титулами, какихъ договоры не позволяютъ».

Послѣднее замѣчаніе было угрозою, которая и произвела свое дѣйствіе. На третій день послѣ этой церемоніи, пріѣзжалъ къ Никитину цесарскій резидентъ и разсказывалъ, что сенаторы испугались и порѣшили, чтобъ впредь короли ихъ не писались лишними титулами—Кіевскимъ и Смоленскимъ.

Гиперболически и витіевато Никитинъ, въ письмѣ къ Петру, поздравлялъ его со взятіемъ Азова, замѣчая: «орелъ польскій отъ окаменѣлаго сердца своего въ нечаемости задумался храбрости вашей, а лиліи французскія не сохнутъ ли отъ гуковъ и отъ молніи тріумфовъ вашего царскаго величества; однимъ словомъ:

Гишпанское, Португальское, Англійское государства, Голландская и Венеціанская Рѣчь Посполитая, на тѣ побѣдительства смотря, радуются и славу возсылаютъ. Велія вашего царскаго величества слава, которая разошлася отъ захода до восхода солнца... Предъ вашимъ царскимъ величествомъ дрожитъ Азія, утекаетъ предъ громомъ Африка, кроется подъ блистаніемъ вашего меча Америка» и т. д. [1]).

Къ счастью для Россіи, были и государства, довольныя успѣхомъ Петра. Бранденбургскій курфирстъ сочувствовалъ царю. Когда, позже, Петръ былъ въ гостяхъ у Фридриха III, въ Кенигсбергѣ. для него устраивались празднества; особенно ему понравился фейерверкъ, представлявшій великолѣпную картину русскаго флота предъ Азовомъ, искусно придуманную наставникомъ Петра, инженеромъ Штейтнеромъ-фонъ-Штернфельдомъ [2]). Въ Голландіи и въ Италіи сочинялись стихи, восхвалявшіе славу русскаго оружія при взятіи Азова [3]).

Успѣхъ царя обѣщалъ многое въ будущемъ. Онъ сталъ твердою ногою на берегахъ Азовскаго моря и положилъ начало флоту. То было лишь начало другихъ подвиговъ.

Но пока нужно было продолжать ученіе. Для этого приходилось отправиться на западъ. Путешествіемъ 1697 года обусловливался цѣлый рядъ преобразованій, долженствовавшихъ создать новую Россію.

[1]) Соловьевъ, XIV, 231—234. Прилож. XIV—XV.

[2]) Устряловъ, III, 39.

[3]) Пекарскій. «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, 29. Памятники дипломатическихъ сношеній, VIII, 298—299.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

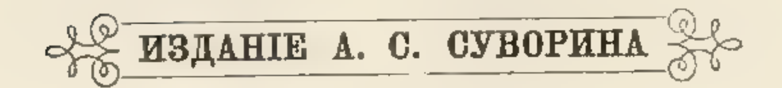
ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ
А. Г. БРИКНЕРА
профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

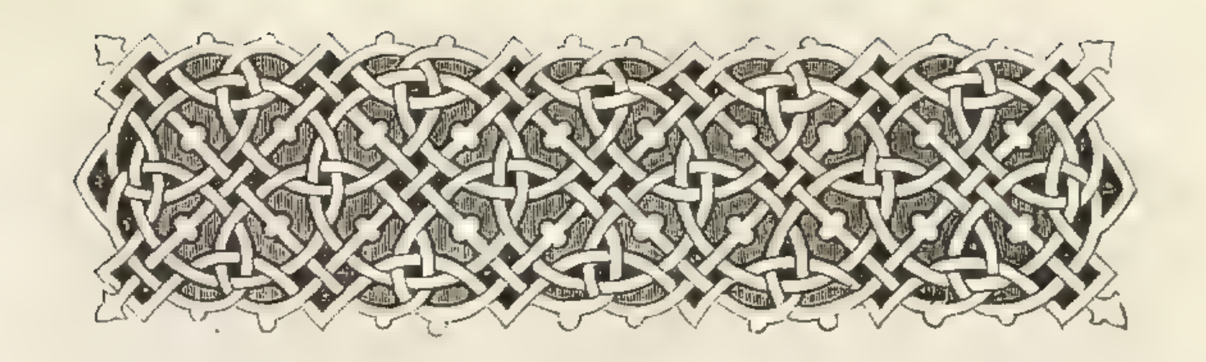
ПАННЕМАКЕРА и МАТТЭ въ Парижѣ; КЕЗЕБЕРГА и ЭРТЕЛЯ въ Лейпцигѣ; КЛОССА и ХЕЛЬМА въ Штутгартѣ; ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА и ВИНКЛЕРА въ Петербургѣ.

Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА**


ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1882

ЧАСТЬ ВТОРАЯ



ГЛАВА I.

Путешествіе за границу.

(1694—98).

ЗНАМЕНИТЫЙ англійскій историкъ Маколей, говоря о пребываніи Петра за границею, замѣчаетъ: «это путешествіе составляетъ эпоху въ исторіи, не только Россіи, но и въ исторіи Англіи и во всемірной исторіи» [1]).

Путешествіе Петра было необходимымъ слѣдствіемъ многолѣтняго пребыванія юнаго царя въ Нѣмецкой Слободѣ. Въ свою очередь, оно повело къ непосредственному сближенію Россіи съ западною Европою. Внѣшнимъ поводомъ къ этому путешествію служило желаніе подготовить всѣ способы къ усиленной борьбѣ съ турками и татарами. На возвратномъ пути изъ-за границы, созрѣла мысль и о нападеніи на Швецію. Такимъ образомъ, это путешествіе занимаетъ видное мѣсто въ исторіи восточнаго вопроса и, въ то же время, служитъ какъ бы введеніемъ въ исторію Сѣверной войны.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ появилась первоначальная мысль о поѣздкѣ за границу.

---

[1]) «His journey is an epoch in history, not only of his own country, but of our's, and of the world». Macauley, «History of England» (Tauchnitz ed.), IX, 84.

Въ Вѣнскомъ архивѣ было найдено относящееся къ тому времени письмо неизвѣстнаго лица, въ которомъ разсказано, что царь однажды на пиру, въ присутствіи бояръ, сообщилъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Римъ для того, чтобы тамъ поклониться мощамъ св. апостоловъ Петра и Павла. Поводомъ къ этому намѣренію царя, сказано далѣе, служило чудесное спасеніе жизни Петра во время ужасной бури на Бѣломъ Морѣ, въ 1694 г. Бояре были недовольны такимъ намѣреніемъ царя и подозрѣвали, что мысль о поѣздкѣ за границу была внушена ему Шереметевымъ [1]).

Однако предположеніе, будто путешествіе Петра имѣло главнымъ образомъ религіозную цѣль, нисколько не подтверждается другими данными и оказывается лишеннымъ всякаго основанія.

Австрійскій дипломатическій агентъ Плейеръ писалъ императору Леопольду, что Петръ поѣхалъ за границу для развлеченія, и что отправленіе посольства, въ свитѣ котораго находился царь, было лишь предлогомъ для замаскированія «прогулки» царя [2]). И этотъ отзывъ свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ непониманіи значенія и цѣлей путешествія Петра.

Зато нельзя не признать существованія тѣсной связи между путешествіемъ и турецкою войною. Для дальнѣйшаго успѣха въ борьбѣ съ турками, было необходимо развитіе силъ и средствъ Россіи на морѣ. Самъ царь, въ введеніи къ Морскому Регламенту, объясняетъ причины своего путешествія слѣдующимъ образомъ: «дабы то новое дѣло (т. е. строеніе флота) вѣчно утвердилось въ Россіи, государь умыслилъ искусство дѣла того ввесть въ народъ свой и того ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго. И что дивнѣйше, аки бы устыдился монархъ остаться отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію» и пр. [3]).

Петръ находился за границею полтора года. Бо́льшую часть этого времени, а именно девять мѣсяцевъ, онъ посвятилъ работамъ на верфяхъ Голландіи и Англіи.

---

[1]) Posselt, II, 565. Авторъ письма, кажется, принадлежалъ къ свитѣ посольства Гваріента. Къ числу тѣхъ лицъ, которыя не одобряли путешествія Петра, какъ сказано въ этомъ письмѣ, принадлежала и мать Петра. Однако Наталья Кирилловна скончалась еще до путешествія Петра въ Архангельскъ, 1694 года.

[2]) Устряловъ, III, 640.

[3]) Тамъ-же, III, 400.

Одной изъ важнѣйшихъ задачъ посольства, въ свитѣ котораго находился Петръ, было: приглашеніе въ русскую службу искусныхъ мастеровъ для кораблестроенія, капитановъ, матросовъ и пр., и покупка пушекъ для новыхъ судовъ, разныхъ предметовъ, необходимыхъ для строенія и оснастки кораблей [1]).

Самъ царь собирался работать и учиться. Царскія письма, присылаемыя изъ-за границы, были обыкновенно за сургучною печатью, которая представляла молодого плотника, окруженнаго корабельными инструментами и военными орудіями, съ надписью: «азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую» [2]).

Довольно часто впослѣдствіи высказывалось предположеніе, что Петръ рѣшился отправиться за границу, «чтобы научиться лучше царствовать». Мы, однако, не думаемъ, чтобы эта мысль стояла на первомъ планѣ. Въ 1697 году, Петръ былъ отчасти уже спеціалистомъ въ морскомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ вопросы, относящіеся къ управленію государствомъ, тогда его почти совсѣмъ не интересовали. Но, разумѣется, во время самаго путешествія, онъ не только выучился морскому дѣлу, но также собралъ множество свѣдѣній о государственныхъ учрежденіяхъ. Многостороннее политическое образованіе было не столько поводомъ и цѣлью, сколько результатомъ путешествія Петра, которое, такимъ образомъ, сдѣлалось исходною точкою для разныхъ реформъ и нововведеній. Нѣкоторые сторонники прогресса на западѣ, какъ, напримѣръ, философъ Лейбницъ и англичанинъ Ли, ранѣе самаго Петра сознавали настоящее значеніе его путешествія и старались воспользоваться пребываніемъ царя за границею, для внушенія ему мыслей о всестороннихъ преобразованіяхъ.

Судя по письмамъ Лефорта къ родственникамъ въ Женевѣ, рѣшеніе отправиться за границу было принято не ранѣе, какъ въ концѣ 1696 года. Вѣроятно, Лефорту принадлежала вліятельная роль въ этомъ намѣреніи. Въ народѣ, по крайней мѣрѣ, его считали внушителемъ мысли о путешествіи. Онъ находился во главѣ посольства, въ свитѣ котораго путешествовалъ царь, и руководилъ приготовленіями къ путешествію.

6-го декабря 1696 года, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ объявилъ въ Посольскомъ Приказѣ, что царь намѣренъ отправить посольство къ цесарю, къ королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ, къ кур-

[1]) Устряловъ, III, 8—10.
[2]) Тамъ-же, III, 18.

фирсту бранденбургскому и въ Венецію, «для подтвержденія древней дружбы и любви, для общихъ всему христіанству дѣлъ, къ ослабленію враговъ креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ, и къ вящшему приращенію государей христіанскихъ» [1]).

Какъ видно, цѣль посольства не была точно опредѣлена и задачей ему ставилось вообще поддержаніе дипломатическихъ отношеній съ западно-европейскими государствами. Товарищами Лефорта по посольству были назначены: сибирскій намѣстникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ.

Печати, употреблявшіяся Петромъ I во время пребыванія его въ Голландіи.
Съ факсимиле, приложенныхъ къ „Исторіи Петра Великаго" Устрялова.

Посольская свита состояла болѣе нежели изъ двухъ сотъ лицъ. Между ними находилось тридцать съ чѣмъ то «волонтеровъ», отправлявшихся исключительно съ цѣлью изученія морского дѣла и составлявшихъ особый отрядъ, раздѣленный на три десятка. «Десятникомъ» во второмъ десяткѣ былъ Петръ Михайловъ, т. е. царь.

Участіе царя въ путешествіи должно было оставаться тайною. Узнавъ объ этомъ, Плейеръ донесъ императору Леопольду о такой новости не иначе, какъ въ шифрахъ [2]). Даже купецъ Любсъ, которому было поручено сообщить въ Ригѣ о предстоявшемъ прибытіи посольства, какъ кажется, не зналъ, что самъ царь находится въ посольской свитѣ. Онъ писалъ Лефорту изъ Риги: «меня спрашивалъ маіоръ Врангель, правда ли, что его царское величество намѣренъ быть въ Ригу? я отвѣчалъ, что это болѣе дѣтское, чѣмъ правдивое разглашеніе» [3]).

[1]) Устряловъ, III, 6.
[2]) Тамъ-же, III, 634.
[3]) Тамъ-же, III, 419.

Царь, во время своего путешествія, переписываясь съ друзьями, употреблялъ «тайныя чернила» и вставлялъ въ свои письма обыкновенными чернилами условныя выраженія, значившія, что въ письмѣ есть приписка тайными чернилами. Надпись на оберткѣ во всѣхъ письмахъ Виніуса къ государю за границу была слѣдующая: «Myn Heer, myn heer Peter Michailowiz». Не ранѣе, какъ въ сентябрѣ 1697 года, слѣдовательно послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ дорогѣ, Лефортъ сообщилъ своимъ родственникамъ, что между его спутниками находится самъ

Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

царь, прибавляя, что оказалось невозможнымъ сохранить это въ тайнѣ.

Инкогнито Петра представляло собою большія выгоды. Этимъ онъ освобождался отъ стѣснительныхъ правилъ церемоніала и этикета, могъ свободнѣе наблюдать и учиться, знакомиться съ частными лицами и въ то же самое время самолично вести переговоры съ коронованными лицами и государственными дѣятелями.

На время своего отсутствія, Петръ передалъ управленіе государственными дѣлами тремъ лицамъ: Нарышкину и князьямъ Бо-

рису Голицыну и Прозоровскому. Въ дневникѣ Гордона эти правители въ теченіи всего означеннаго времени носятъ названіе «Его Величества». Князю Ромодановскому былъ порученъ надзоръ надъ столицею. Такъ какъ царь до 1697 года не принималъ особенно дѣятельнаго участія въ управленіи государствомъ, то можно думать, что его отсутствіе мало было замѣтно въ отношеніи къ текущимъ дѣламъ администраціи и законодательства.

Сначала Петръ намѣревался отправиться прежде всего въ Вѣну, для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ императоромъ, а затѣмъ поѣхать оттуда въ Венецію, для изученія морского дѣла. Узнавъ, однако, въ самомъ началѣ 1697 года, о томъ, что заключеніе союза съ императоромъ уже состоялось, онъ перемѣнилъ свой планъ и, оставляя Москву 10-го марта, рѣшился отправиться прежде въ Голландію и Англію. На пути въ западную Европу, нужно было миновать польскія владѣнія, потому что тамъ происходили безпорядки по поводу выбора короля. Такимъ образомъ, Петръ долженъ былъ ѣхать чрезъ шведскія владѣнія.

Въ Ригѣ царь остался крайне недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Когда, черезъ три года, началась сѣверная война, на этотъ эпизодъ было указано, какъ на «casus belli». Въ сущности, жалобы на рижскаго губернатора, Эриха Дальберга, не имѣли основанія: онъ исполнялъ лишь свою обязанность.

Въ Лифляндіи въ то время былъ голодъ. Правительственныя мѣста не безъ труда поставляли необходимое для русскаго посольства число лошадей и экипажей. Вслѣдствіе этого, а также и по причинѣ весенней распутицы, путешествіе совершалось медленно. Какъ кажется, русскіе путешественники не извѣстили заблаговременно лифлядскихъ властей о своемъ предстоявшемъ проѣздѣ и о числѣ лицъ, для которыхъ нужно было держать наготовѣ подводы [1]).

Пріемъ, оказанный въ Ригѣ русскимъ посламъ, былъ довольно пышный и торжественный, но путешественникамъ приходилось платить дорого за все необходимое. Дальбергъ имѣлъ полное право и даже былъ обязанъ не показывать вида, что знаетъ о пребываніи царя въ свитѣ посольства, и поэтому не искалъ случая встрѣтиться съ Петромъ. Къ тому же, у него не было ни малѣй-

[1]) По разсказу современника Кельха, «Liefländische Historia». Dorpat, 1875, II, 47 и слѣд.

шаго повода къ личному сближенію съ русскими дипломатами, такъ какъ посольство находилось въ Лифляндіи лишь проѣздомъ, не имѣя порученій вступить въ какіе-либо переговоры съ представителями шведскаго правительства. Впрочемъ, Дальбергъ относился къ русскимъ путешественникамъ безъ всякой предупредительности, съ нѣкоторою холодностью, не забавлялъ ихъ увеселеніями, не устраивалъ фейерверковъ, парадовъ и пр. [1]).

Происходили даже столкновенія между путешественниками и городскими властями. Когда Петръ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ, спустился, однажды, къ берегу Двины, для осмотра стоявшихъ тамъ на якоряхъ голландскихъ судовъ, шведскіе офицеры и солдаты не хотѣли пропустить его, туда, потому что на пути къ набережной царю приходилось проходить мимо крѣпости. Кромѣ того, нѣкоторыя лица изъ свиты пословъ,—а между ними, быть можетъ, и самъ царь—попытались осмотрѣть, хоть издали, укрѣпленія города и даже измѣрить глубину рвовъ, окружавшихъ крѣпость. Шведская стража не хотѣла допустить этого. Дѣло дошло до объясненій между Дальбергомъ и Лефортомъ. Капитанъ Лильешерна, отправленный губернаторомъ къ Лефорту, составилъ впослѣдствіи записку объ этомъ эпизодѣ. Въ ней между прочимъ сказано: «я имѣлъ порученіе отъ графа Дальберга просить отъ его имени извиненія за то, что стража не хотѣла дозволить нѣкоторымъ лицамъ, принадлежавшимъ къ свитѣ посольства, прогуливаться на валахъ и по контръ-эскарпамъ крѣпости, и, такъ какъ эти лица не хотѣли удалиться, была вынуждена настаивать на запрещеніи, грозя оружіемъ. Господинъ первый посолъ принялъ эти объясненія очень благосклонно и возразилъ, что стража исполнила свой долгъ и дѣйствовала совершенно правильно; онъ обѣщалъ даже дать приказаніе, чтобы такого рода приключенія не повторялись» [2]).

Желаніе Петра, замѣчаетъ Соловьевъ, осмотрѣть Рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригой, а сынъ

[1]) См. оправдательную записку Дальберга въ сочиненіи Ламберти «Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle». A la Haye, 1724, I, 175—181.

[2]) См. соч. Поссельта о Лефортѣ, II, 385. Разсказъ Лильешерна вполнѣ подтверждается подробными замѣчаніями въ трудѣ Кельха, Liefländische Historia. 57—58. Напрасно Устряловъ столь рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій Дальберга; новѣйшіе историки, Соловьевъ («Ист. Р.», XIV, 250) и Костомаровъ («Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», II, 554), отнеслись къ этому вопросу гораздо справедливѣе и спокойнѣе.

безъ устали строитъ корабли и, вмѣсто того, чтобы сражаться съ турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ.

Изъ писемъ Петра къ Виніусу видно, что царь, находясь въ Ригѣ, зорко наблюдалъ за всѣмъ, относившимся къ вооруженію и укрѣпленію города. Онъ писалъ о числѣ солдатъ, составлявшихъ гарнизонъ, и послалъ Ромодановскому образчики солдатскихъ перевязей, бывшихъ въ употребленіи въ шведскомъ войскѣ [1]).

Рига въ XVIII столѣтіи.
Съ рѣдкой современной гравюры Шенка.

Петръ, какъ мы уже замѣтили, былъ недоволенъ своимъ пребываніемъ въ Ригѣ. «Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ;» писалъ онъ Виніусу, «здѣсь зѣло боятся, и въ городъ, въ иныя мѣста, и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны.» Онъ припомнилъ нанесенное ему оскорбленіе чрезъ 12 лѣтъ потомъ, когда, осадивъ Ригу и самъ бросивъ въ нее первыя три бомбы, написалъ князю Меншикову: «тако Господь Богъ сподобилъ намъ видѣть начало отмщенія сему проклятому мѣсту» [2]).

---

[1]) Устряловъ, III, 420—421.
[2]) Тамъ-же, III, 30.

Проживъ въ Ригѣ недѣлю, Петръ отправился въ Курляндію, и, 10 апрѣля, прибылъ въ Митаву. Герцогъ Фридрихъ Казиміръ принялъ русскихъ путешественниковъ съ особеннымъ радушіемъ. Онъ когда-то, гораздо раньше, въ Голландіи, находился въ близкихъ, чуть не дружескихъ отношеніяхъ къ Лефорту. Свиданіе бывшихъ пріятелей происходило при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ [1]).

Петръ былъ въ гостяхъ у герцога и герцогини, познакомился съ разными частными лицами и бесѣдовалъ съ ними совершенно непринужденно. Въ письмѣ одного современника, познакомившагося въ Митавѣ съ царемъ, говорится подробно о Лефортѣ и лицахъ, составлявшихъ свиту посольства. «Царь,» сказано въ этомъ любопытномъ источникѣ, «желаетъ усовершенствовать свой народъ и для этой цѣли предпринялъ путешествіе» [2]).

Митава въ XVIII столѣтіи.
Съ современной шведской гравюры.

Во время своего трехнедѣльнаго пребыванія въ Митавѣ, царь занимался между прочимъ плотничьею работою. До новѣйшаго времени въ Митавѣ показывали отесанное имъ бревно, имѣвшее 11 сажень длины [3]).

Въ Либавѣ Петръ впервые увидѣлъ Балтійское море. Едва ли онъ считалъ тогда вѣроятнымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть береговъ этого моря сдѣлается достояніемъ Россіи. Не разъ русскіе государи напрягали усилія занять эти бе-

---

[1]) Posselt I, 90—104.

[2]) Blomberg, «An account of Livonia».

[3]) См. подробныя, заимствованныя изъ курляндскихъ архивовъ данныя о доставленныхъ русскимъ путешественникамъ съѣстныхъ припасахъ и о плотничьей работѣ Петра въ статьѣ барона Клопмана: «Peters des Grossen Anwesenheit in Curland», въ Запискахъ Курл. Общества лит. и искусства, 1847, тетр. 2.

рега. Старанія Ивана IV и Алексѣя Михайловича оставались тщетными. При царѣ Борисѣ, со стороны Польши было сдѣлано Московскому правительству предложеніе соорудить на Балтійскомъ морѣ общій польско-русскій флотъ. Въ 1662 году, московское правительство обратилось въ Курляндію съ вопросомъ: не можно ли будетъ завести строеніе русскихъ кораблей въ одной изъ курляндскихъ гаваней? на что курляндскій дипломатъ возразилъ: «думаю, что пристойнѣе великому государю заводить корабли у Архангельска» [1]).

Желая отправиться изъ Либавы водою въ Кенигсбергъ, Петръ, по случаю неблагопріятной погоды, долженъ былъ оставаться нѣсколько дней въ Либавѣ, гдѣ сошелся съ нѣкоторыми шкиперами, сиживалъ съ ними въ винномъ погребѣ, шутилъ и до излишества угощалъ ихъ виномъ, выдавая себя за шкипера одного изъ московскихъ судовъ, назначенныхъ для каперства [2]). Изъ Либавы же Петръ писалъ Виніусу: «здѣсь я видѣлъ диковинку, что̀ у насъ называли ложью: у нѣкотораго человѣка въ аптекѣ сулемандра въ склянищѣ, въ спирту, котораго я вынималъ и на рукахъ держалъ; слово въ слово таковъ, какъ пишутъ» [3]).

Въ то время, какъ посольство отправилось въ Кенигсбергъ сухимъ путемъ, Петръ самъ поѣхалъ въ Пиллау, а оттуда, для свиданія съ курфирстомъ бранденбургскимъ, въ Кенигсбергъ.

Встрѣча Петра съ Фридрихомъ III происходила, такъ сказать, наканунѣ превращенія бранденбургскаго курфирста въ прусскаго короля; не много позже, послѣдовало превращеніе московскаго царя во всероссійскаго императора. Пруссія и Россія, не имѣвшія важнаго значенія въ европейской системѣ государствъ впродолженіе XVII вѣка, сдѣлались первокласными державами въ XVIII столѣтіи. Поводомъ къ сближенію ихъ послужила война со Швеціею.

Курфирстъ, заблаговременно извѣщенный о приближеніи русскихъ гостей, готовилъ имъ великолѣпный пріемъ. Онъ самъ находился въ Кенигсбергѣ, гдѣ царя встрѣтилъ церемоніймейстеръ Бессеръ, въ квартирѣ, заранѣе приготовленной для Петра. Соблюдая строгое инкогнито, царь отправился во дворецъ къ кур-

---

[1]) Соловьевъ, XII, 237—238.

[2]) См. донесеніе Рейера Чаплича министру Данкельману изъ Мемеля, по разсказу одного студента, видѣвшаго русскихъ въ Митавѣ и Либавѣ. Заимств. изъ берлинскаго архива Поссельтомъ, II, 588.

[3]) Устряловъ, III, 422.

фирсту, бесѣдовалъ съ нимъ на голландскомъ языкѣ, выпилъ нѣсколько бокаловъ венгерскаго вина и, уходя, просилъ курфирста, ради соблюденія инкогнито, не отдавать ему визита [1]).

Особенно торжественно были приняты курфирстомъ русскіе послы, прибывшіе въ Кенигсбергъ нѣсколько позже царя. Разсказывали, что пребываніе русскихъ въ этомъ городѣ обошлось курфирсту не менѣе 150,000 таллеровъ [2]).

Судя по нѣкоторымъ письмамъ философа Лейбница и курфирстины Софіи Шарлотты, Петръ въ Кенигсбергѣ произвелъ вообще чрезвычайно выгодное впечатлѣніе. Хвалили его оживленную бесѣду; воспроизводили нѣкоторыя изъ его замѣчаній и отзывовъ о разныхъ предметахъ. Онъ оказался искуснымъ трубачемъ и не менѣе искуснымъ барабанщикомъ; подъ-часъ онъ обнаруживалъ вспыльчивость и раздражительность [3]).

Въ Кенигсбергѣ Петръ занялся изученіемъ артиллеріи, подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей, подполковника Штейтнера-фонъ-Штернфельда, и получилъ отъ него, по возвращеніи въ Москву, аттестатъ, въ которомъ наставникъ царя просилъ всѣхъ и каждаго «господина Петра Михайлова признавать и почитать за совершеннаго, въ метаніи бомбъ осторожнаго и искуснаго огнестрѣльнаго художника» и пр. О рвеніи и прилежаніи ученика свидѣтельствуютъ собственноручныя замѣтки его, сохранившіяся въ государственномъ архивѣ, о разныхъ составахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какимъ образомъ попадать бомбою въ данную точку [4]).

По случаю торжественнаго пріема посольства, въ Кенигсбергѣ происходили различныя празднества. Курфирстъ устроилъ для своихъ гостей охоту. При аудіенціи Лефорта и его товарищей, съ обѣихъ сторонъ было обращено особенное вниманіе на частности церемоніала. При этомъ случаѣ, послы выразили курфирсту благодарность за отправленіе въ Россію инженеровъ, принесшихъ пользу при осадѣ Азова. Министръ курфирста попытался было завести рѣчь о союзномъ договорѣ, но послы уклонились отъ переговоровъ. Бранденбургское правительство желало помощи со стороны Россіи, въ случаѣ нападенія Швеціи на владѣнія курфирста. Московское правительство, въ то время занятое турецкою войною,

---

[1]) По депешамъ Геемса въ вѣнскомъ архивѣ. Posselt, II, 391.

[2]) См. письмо Арпенгона изъ Гааги въ Женеву, у Поссельта, II, 513.

[3]) Gerrier, Leibniz, 11—12. Varnhagen von Ense, «Leben der Königin von Preussen Sophie Charlotte». Berlin, 1837, 77.

[4]) Устряловъ, III, 34.

не могло желать столкновенія со Швеціею. И личныя бесѣды курфирста съ царемъ объ этомъ предметѣ оставались безуспѣшными. Царь не соглашался на заключеніе оборонительнаго союза. Договоръ, заключенный 12 іюля, не имѣлъ важнаго значенія, но касался лишь вопросовъ торговой политики, выдачи преступниковъ, церемоніала и правъ русскихъ, отправленныхъ за границу для ученія.

Бранденбургскіе дипломаты сдѣлали замѣчаніе, что въ русскихъ послахъ не было болѣе того упрямства, которымъ отличались преж-

Курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ-Вильгельмъ.
Съ гравированнаго портрета Буха.

ніе московскіе дипломаты [1]). Вообще, несмотря на нѣкоторую неудачу въ переговорахъ съ послами и царемъ, государственные дѣятели въ Бранденбургской области остались очень довольны первымъ непосредственнымъ сближеніемъ съ московскимъ правительствомъ. Курфирстина, въ письмѣ къ одному знакомому, выразила надежду на большія выгоды, вслѣдствіе сближенія съ Россіею [2]).

Собираясь въ дальнѣйшій путь, царь, по случаю весьма важныхъ событій, совершавшихся въ Польшѣ, пробылъ три недѣли въ

[1]) Posselt, II, 595.
[2]) «La visite du czar sera d'un grand avantage à l'avenir». Erman, «Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte». Berlin, 1801, 114.

Пиллау. Рѣшеніе вопроса о выборѣ одного изъ кандидатовъ, принца Конти или Августа Саксонскаго, въ польскіе короли интересовало царя въ высшей степени. Обрадованный извѣстіемъ, что выборъ Августа не подлежалъ сомнѣнію, онъ отправился дальше.

До отъѣзда изъ Пиллау, случился эпизодъ, свидѣтельствовавшій о пылкомъ нравѣ царя.

29 іюня, Петръ праздновалъ день своего тезоименитства; къ этому дню онъ приготовилъ великолѣпный фейерверкъ и ожидалъ пріѣзда курфирста, который, однако, извинился неотложными дѣ-

Домикъ, гдѣ жилъ Петръ I въ Саардамѣ.
Съ современной гравюры.

лами и послалъ вмѣсто себя своего канцлера. Царь былъ очень недоволенъ, и его раздраженіе выразилось въ обращеніи съ лицами, которымъ было поручено объяснить причину отсутствія курфирста. Въ донесеніи графа Крейзена министру Данкельману, этотъ эпизодъ разсказанъ слѣдующимъ образомъ: «я произнесъ поздравленіе по возможности кратко, потому что мнѣ совѣтовали говорить не долго; однако я все-таки долженъ былъ сократить свою рѣчь еще болѣе, такъ какъ г. главный посолъ, Лефортъ, далъ мнѣ знакъ кончить поскорѣе, что я и сдѣлалъ. По окончаніи моей рѣчи, царь, безъ всякаго отвѣта, удалился въ сосѣднюю комнату, между тѣмъ какъ тутъ же при немъ были его послы,

а также и толмачи... Насъ пригласили къ обѣду... Мы держали себя скромно и съ великимъ терпѣніемъ оставались до конца обѣда. Какъ скоро царь всталъ изъ-за стола, мы проводили его величество до смежной комнаты и пошли затѣмъ въ нашу квартиру. Тогда намъ дали знать, что мы тотчасъ же должны возвратиться къ обществу. Мы пошли немедленно: комната была до того наполнена музыкантами и другими людьми, что движеніе было почти невозможно. При этомъ поднялась совсѣмъ неожиданно мрачная туча; царь на голландскомъ языкѣ сказалъ Лефорту: «курфирстъ добръ, но его совѣтники черти». При этомъ онъ на меня смотрѣлъ съ выраженіемъ неудовольствія. Я ни слова не возразилъ, но подался немного назадъ, въ намѣреніи уйти отъ раздраженія царя, но его величество, удаляясь и положивъ свою руку на мою грудь, два раза сказалъ: пошелъ, пошелъ!—я тотчасъ же отправился въ свою квартиру и, полчаса спустя, оставилъ городъ Пиллау».

Въ тотъ же самый день, Петръ обратился къ курфирсту съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ: «Милостивый государь, ваши депутаты сегодня, поздравивъ меня отъ вашего имени, не только поступили непривѣтливо, но даже причинили намъ такую досаду, какой я никогда не ожидалъ отъ васъ, какъ отъ моего искренняго друга; а что̀ еще хуже, они, не заявивъ объ этомъ и и не дождавшись нашего отвѣта, убѣжали. Я долженъ сообщить объ этомъ вамъ, лучшему моему другу, не для разрушенія нашей дружбы, но въ знакъ неподдѣльной дружбы: дабы изъ-за такихъ негодяевъ-служителей не возникло безъ всякой причины несогласія» [1]).

Объ этомъ странномъ и нѣсколько загадочномъ эпизодѣ не встрѣчается нигдѣ какого-либо объясненія. Только папскій нунцій въ Польшѣ, въ одномъ изъ своихъ допесеній, сообщивъ о нѣкоторыхъ частностяхъ пребыванія Петра въ Кенигсбергѣ, прибавляетъ слѣдующій краткій разсказъ объ этомъ эпизодѣ: «царь, подозрѣвая, что его обширныя приготовленія къ празднеству не удостоены надлежащаго вниманія, разсердился, тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ улыбку на лицѣ канцлера. Онъ въ раздраженіи бросился на послѣдняго съ кулаками и взялся бы даже за оружіе, если бы не былъ удержанъ своими же царедворцами. Послѣ

---

[1]) Донесеніе Крейзена, у Поссельта, II, 600—601. Письмо Петра, тамъ же, II, 407. Эти документы найдены въ Берлинскомъ архивѣ. Письмо царя найдено лишь въ видѣ «Traduction des Czarischen eigenhändigen Schreibens»; можно думать, что подлинникъ писанъ на русскомъ языкѣ.

этого происшествія, курфирстъ не думалъ болѣе о свиданіи съ царемъ» [1]).

Такимъ образомъ, пребываніе Петра во владѣніяхъ бранденбургскаго курфирста кончилось не совсѣмъ удачно. Оставивъ Пиллау, царь моремъ отправился въ Кольбергъ, былъ проѣздомъ, но, кажется, не останавливаясь, въ Берлинѣ [2]), осмотрѣлъ въ Гарцѣ желѣзные заводы въ Ильзенбургѣ, побывалъ на Блоксбергѣ и затѣмъ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге, встрѣтился съ ганноверской и бранденбургской курфирстинами.

Софія Шарлотта и ея мать слѣдили съ большимъ вниманіемъ за путешествіемъ царя. Находившійся съ ними въ близкихъ сношеніяхъ философъ Лейбницъ занимался составленіемъ проектовъ для разныхъ научныхъ предпріятій, на осуществленіе которыхъ, при помощи царя, онъ твердо надѣялся.

О пребываніи царя въ Коппенбрюгге сохранились любопытныя данныя въ письмахъ обѣихъ курфирстинъ. Сначала Петръ дичился, однако, потомъ разговорился; застѣнчивость его пропала; онъ ужиналъ съ дамами, танцовалъ, слушалъ итальянскихъ пѣвцовъ. Софія Шарлотта, описывая Петра, говоритъ: «я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти [3]). Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно, но мнѣ понравились его естественность и непринужденность». Курфирстина Софія пишетъ: «царь высокъ ростомъ; у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостью ума; отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ» [4]).

Лейбница не было въ Коппенбрюгге. Однако, немного позже, онъ писалъ къ племяннику Лефорта о благопріятномъ впечат-

---

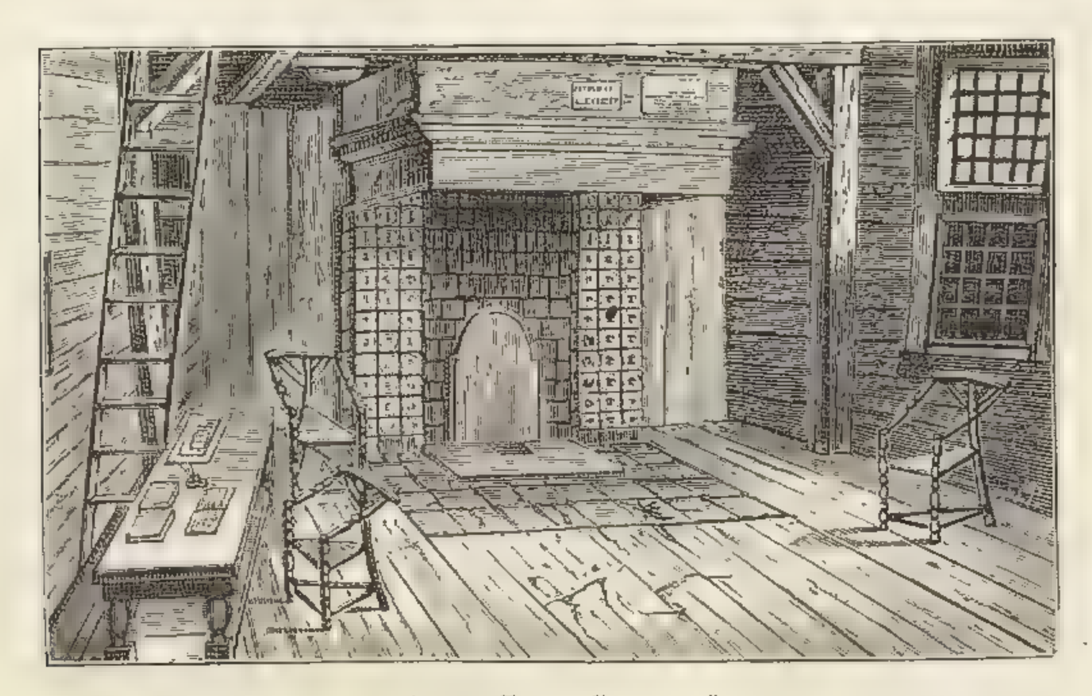
[1]) Theiner, Monuments historiques de Russie. Rome, 1859, стр. 369. О празднествѣ и фейерверкѣ см. Пам. дипл. сношеній, VIII, 376.

[2]) Изъ походнаго журнала видно, что царь не останавливался въ Берлинѣ. Послы же тамъ были приняты хорошо и пробыли нѣсколько часовъ; см. Пам. дипл. сношеній, VIII, 890—891.

[3]) Извѣстно, что голова Петра тряслась и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія.

[4]) Erman, Mémoires, 116—121.

лѣніи, произведенномъ русскими на курфирстинъ, и обѣщалъ доставить Головину ноты тѣхъ пьесъ, которыя ему особенно понравились. Въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ, Лейбницъ говорилъ о громадномъ значеніи путешествія Петра, хвалилъ способности и свѣдѣнія царя и выражалъ надежду, что въ западной Европѣ съумѣютъ воспользоваться пребываніемъ его, для распространенія цивилизаціи въ Россіи. Впослѣдствіи онъ осуждалъ образъ дѣй-



Внутренность домика Петра I въ Саардамѣ въ настоящее время.
Съ гравюры Слюйтера.

ствій голландцевъ и англичанъ, по его мнѣнію, далеко не достаточно дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи [1]).

Русскихъ въ то время на западѣ считали варварами. На пути въ Амстердамъ, въ мѣстечкѣ Шанкеншанцѣ, мѣстные жители окружили царя и его свиту и спрашивали: «Какіе вы люди? Христіане ли вы? Мы-де слышали, что вашихъ пословъ въ Клеве крестить станутъ» [2]).

7-го августа царь прибылъ въ Амстердамъ.

Съ давнихъ поръ существовали близкія отношенія между Голландіею и Россіею. Голландскіе купцы играли важнѣйшую роль во внѣшней торговлѣ московскаго государства; голландскіе ремес-

[1]) Guerrier, Leibniz, стр. 20—47 и приложенія 13—20.
[2]) Журналъ 1697 года, августъ.

ленники были товарищами царя на верфяхъ въ Воронежѣ; съ голландскими моряками онъ встрѣчался въ Архангельскѣ. Съ амстердамскимъ бургомистромъ Витзеномъ онъ былъ въ перепискѣ. Лефортъ, еще до 1697 года, находился въ сношеніяхъ съ этимъ ученымъ.

Нидерланды въ то время были замѣчательнѣйшею страною, не только по кораблестроенію, но и по торговлѣ и промышленности; тамъ процвѣтали и науки, и искусства. Витзенъ былъ въ одно и то же время купцомъ и писателемъ; на его счетъ сооружались

Видъ города Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры.

ученыя экспедиціи; онъ заказывалъ великолѣпные телескопы, былъ владѣльцемъ богатыхъ коллекцій [1]). Въ Голландіи Петръ имѣлъ случай учиться естественнымъ наукамъ. Голландская архитектура послужила впослѣдствіи образцомъ для построекъ разнаго рода въ Россіи, при заложеніи С.-Петербурга. Пребываніе Петра въ Голландіи оказалось болѣе полезною для него школою, чѣмъ ознакомленіе съ пріемами роскоши и расточительности при дворѣ бранденбургскаго курфирста. Къ тому же, Петръ самъ чувствовалъ себя какъ то свободнѣе въ кругу представителей средняго класса,

[1]) Perry, «State of Russia», нѣм. изд., стр. 256.

нежели въ обществѣ коронованныхъ особъ. Ни Фридрихъ III, ни Августъ II, ни Леопольдъ I — не могли быть для царя столь полезными наставниками, какъ голландскіе купцы, мореплаватели, инженеры, фабриканты и ученые. На время, Петръ сдѣлался ремесленникомъ. Сближеніе съ людьми скромными и обученіе техникѣ кораблестроенія имѣли для него громадное значеніе. Не даромъ въ исторіи знаменитаго путешествія царя разсказъ о его пребываніи въ Саардамѣ занималъ весьма видное мѣсто, хотя, въ сущности, онъ прожилъ тутъ не болѣе восьми дней. Не даромъ и онъ самъ дорожилъ воспоминаніями объ этомъ мѣстечкѣ.

Саардамъ славился множествомъ верфей и мастерскихъ для постройки торговыхъ судовъ. Не даромъ саардамскіе плотники, съ которыми Петръ познакомился въ Воронежѣ, Москвѣ и Архангельскѣ, хвалили свою родину.

Не останавливаясь въ Амстердамѣ, Петръ тотчасъ же отправился въ Саардамъ, гдѣ встрѣтился съ старымъ знакомымъ, кузнецомъ Герритомъ Кистомъ, работавшимъ нѣкогда въ Москвѣ. Онъ поселился въ его домѣ, пріобрѣтшемъ чрезъ это, впрочемъ не ранѣе, какъ въ концѣ XVIII вѣка, громкую извѣстность. Іосифъ II, Густавъ III, великій князь Павелъ Петровичъ, Наполеонъ I, Марія-Луиза, Александръ I—посѣтили этотъ домикъ. Когда въ немъ былъ, еще наслѣдникомъ, Александръ II, его спутникъ, Жуковскій, написалъ на стѣнѣ карандашемъ слѣдующіе стихи:

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россія [1]).

Стихи прекрасны, но мысль несправедлива. Новая Россія родилась ранѣе, еще до путешествія царя въ западную Европу.

Въ Саардамѣ царь работалъ на верфи корабельнаго мастера Рогге, бывалъ въ гостяхъ у родственниковъ нѣкоторыхъ ремесленниковъ, съ которыми встрѣчался въ Россіи, осматривалъ разныя фабрики и мастерскія, маслобойни, прядильни, пильные и канатные заводы, кузницы и пр. Въ первый день своего пребыванія въ Саардамѣ, онъ купилъ себѣ лодку, на которой разъѣзжалъ по каналамъ и рѣкамъ въ окрестностяхъ города и по заливу И.

Появленіе русскихъ въ Саардамѣ надѣлало много шуму, особенно когда узнали, что между пріѣзжими находился самъ царь.

---

[1]) Устряловъ, III, 400.

Въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ въ 1697 году.

Съ современной гравюры Мушерона. Гравировалъ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Одинъ саардамскій плотникъ, работавшій въ то время въ Москвѣ, писалъ къ своимъ родственникамъ еще ранѣе, что царь пріѣдетъ и что его можно узнать по конвульсивнымъ движеніямъ головы и лица. Царя узнали. Онъ былъ постоянно окруженъ толпою, съ которою, не имѣя привычки сдерживать себя, сталкивался, такъ что долженъ былъ жаловаться бургомистру на назойливость черни. Когда, 14-го августа, царь долженъ былъ присутствовать при поднятіи корабля въ докахъ, толпа не давала ему проходу. Онъ разсердился, спрятался и на другой день переѣхалъ въ Амстердамъ [1]).

16-го августа происходилъ торжественный въѣздъ пословъ въ Амстердамъ. Имъ былъ оказанъ пышный и роскошный пріемъ. При въѣздѣ пословъ, царь, соблюдая полное инкогнито, сидѣлъ въ одномъ изъ послѣднихъ экипажей.

На другой день, Петръ, въ сопровожденіи амстердамскихъ бургомистровъ, былъ въ ратушѣ, а вечеромъ въ театрѣ; затѣмъ онъ, въ слѣдующіе дни, посѣтилъ адмиралтейство, корабельныя верфи, магазины. Городъ угостилъ пословъ торжественнымъ обѣдомъ и фейерверкомъ; въ честь царя устроили маневры на водѣ, на которые Петръ смотрѣлъ съ военнаго корабля.

Витзенъ выхлопоталъ для царя дозволеніе работать на Остъиндской верфи, гдѣ онъ и занялъ квартиру и трудился впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ съ половиною, учась систематически кораблестроенію, подъ руководствомъ мастера Геррита Клааса Пооля. Труды царя находились въ самой тѣсной связи съ мыслью о продолженіи турецкой войны, какъ видно изъ письма его къ патріарху Адріану: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что̀ чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатію Его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану» [2]).

Современники передаютъ многія черты трудолюбія царя, его скромнаго отношенія къ товарищамъ на верфи, любознательности и проч. Онъ сердился, когда его называли «величествомъ», ходилъ постоянно въ одеждѣ плотника и учился не только плотничному ма-

[1]) Чуть ли не исключительнымъ источникомъ всему этому служитъ сочиненіе Шельтема: «Peter de Groote in Holland en te Zaardam in 1697 en 1717», vols 1—2, Amsterdam, 1814.

[2]) «Р. Арх.» 1878, стр. 1.

стерству, но и рисованію, математикѣ и астрономіи. Наставниковъ для царя выбиралъ Витзенъ.

По временамъ, царь предпринималъ поѣздки въ окрестности Амстердама. Въ Саардамѣ, гдѣ онъ бывалъ нѣсколько разъ, учились кораблестроенію другіе «волонтеры», между которыми пріобрѣвшій впослѣдствіи знаменитость Александръ Даниловичъ Мен-

Амстердамскій бургомистръ Витзенъ.
Съ гравированнаго портрета Шенка, 1701 г.

шиковъ отличался особенною способностью къ ученію и трудолюбіемъ. Въ Текселѣ царь былъ у китоловов, которыхъ заставилъ объяснить ему всѣ подробности этого промысла. Далѣе Петръ посѣтилъ города Утрехтъ, Дельфтъ, Гаагу и постоянно возвращался къ своей работѣ на Остъиндской верфи.

Какія свѣдѣнія въ теоріи кораблестроенія пріобрѣлъ Петръ на Остъиндской верфи, видно изъ собственноручныхъ записокъ его,

которыя онъ велъ въ Амстердамѣ и въ которыхъ излагаетъ правила корабельнаго чертежа. Въ аттестатѣ, данномъ ему Герритомъ Клаасомъ Поолемъ, сказано, между прочимъ, что Петръ Михайловъ, во все время своего пребыванія въ Амстердамѣ, былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиловаціи, мощеніи и смоленіи поступалъ, какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ въ строеніи фрегата Петръ и Павелъ, отъ первой закладки его почти до окончанія, и проч. [1]).

Петръ Великій въ матросскомъ платьѣ (Piter-baas) въ Саардамѣ.
Съ гравированнаго портрета Маркуса.

Но царь былъ недоволенъ своими наставниками въ Голландіи. Онъ разсказываетъ въ предисловіи къ Морскому Регламенту слѣдующее: «государь просилъ той верфи баса (т. е. мастера), Пооля, дабы училъ его пропорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но, понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя прин-

[1]) Устряловъ, III, 92—94.

ціи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ, прилучилось быть е. в. на загородномъ дворѣ купца Яна Шесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невеселъ, ради вышеописанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? Тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ, въ Англіи, сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться мочно. Сіе слово е. в. зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, чрезъ 4 мѣсяца, оную науку окончалъ».

Уже и прежде Петръ старался вникнуть въ теорію кораблестроенія. За три года до путешествія въ Голландію, онъ просилъ Витзена прислать ему размѣры разныхъ судовъ, какъ-то: флейтъ, гальотъ, яхтъ. Витзенъ писалъ тогда: «невозможно показать мѣры разнымъ судамъ, потому что всякій корабельный мастеръ дѣлаетъ по своему разсужденію, какъ кому покажется». Теперь же Петръ окончательно потерялъ довѣріе къ голландскимъ кораблестроителямъ и послалъ окольничему Протасьеву повелѣніе: всѣхъ голландскихъ мастеровъ, работавшихъ на Воронежѣ, подчинить надзору и руководству мастеровъ датскихъ и венеціанскихъ [1]).

По разсказу одного современника, Петръ заявилъ впослѣдствіи, что остался бы лишь плотникомъ, если бы не учился у англичанъ [2]). Какъ видно, царь хотѣлъ учиться серьезно, вникнуть въ самую суть дѣла, составить себѣ полное и ясное понятіе о предметѣ. Рутиннымъ, исключительно эмпирическимъ знаніемъ дѣла онъ не довольствовался.

Впрочемъ, хотя Голландія въ отношеніи къ кораблестроенію оказалась менѣе полезною школою для царя, чѣмъ можно было ожидать, Петръ въ этой странѣ научился весьма многому иному. Нельзя сказать, чтобы онъ въ это время обращалъ особенное вниманіе на политическія учрежденія и общественный строй Нидерландовъ. Промыслы шкиперовъ и рыбаковъ его интересовали болѣе, чѣмъ вопросы государственнаго права; частности администраціи и полиціи занимали его не столько, сколько наблюденія въ области

---

[1]) Устряловъ, III, 91.
[2]) Перри, State of Russia, 169.

естественныхъ наукъ, опыты физики, анатомическія изслѣдованія.

Высокая степень культуры Нидерландовъ, чрезвычайное богатство этого края, склонность къ научнымъ занятіямъ — все это не могло не возбудить въ царѣ множества новыхъ мыслей, не могло не заставить его сравнивать цивилизацію западной Европы съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи.

Весьма часто онъ посѣщалъ разные музеи и лабораторіи. Въ богатой коллекціи Якова де Вильде онъ осматривалъ монеты, скульптурныя произведенія, рѣзные камни, предметы археологіи и проч. Подъ руководствомъ ученаго и художника, Шхонебека, издавшаго иллюстрированный каталогъ этой коллекціи, онъ выучился искусству гравированія [1]). Весьма часто онъ посѣщалъ анатомическій театръ и лекціи профессора Рюйша, въ сопровожденіи котораго бывалъ въ больницѣ. Съ Рюйшемъ онъ и впослѣдствіи находился въ перепискѣ, посылая ему разные предметы для наблюденій и спрашивая совѣта о томъ, какъ должно сохранять зоологическіе препараты и т. п. Въ Лейденѣ, онъ познакомился съ знаменитымъ анатомомъ Бёргаве, въ Дельфтѣ—съ натуралистомъ Лейвенгёкомъ. Послѣдній показалъ царю микроскопъ, училъ его дѣлать микроскопическія наблюденія и впослѣдствіи отзывался весьма выгодно о чрезвычайныхъ способностяхъ и любознательности царя. Съ архитекторомъ Шинфётомъ (Schinvoet) онъ бесѣдовалъ подробно о зодчествѣ. По цѣлымъ часамъ онъ слѣдилъ въ мастерской механика фанъ-деръ-Гейдена за опытами съ механическими приборами; особенно интересовала его пожарная труба. Знакомствомъ съ знаменитымъ инженеромъ Кёгорномъ Петръ воспользовался для того, чтобы чрезъ его посредство привлечь къ вступленію въ русскую службу нѣкоторыхъ голландскихъ инженеровъ и опредѣлить къ нему нѣсколькихъ русскихъ, для обученія ихъ военнымъ наукамъ. Довольно важнымъ было знакомство Петра съ семействомъ Тессингъ. Одинъ изъ братьевъ былъ купцомъ въ Амстердамѣ и состоялъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею; другой былъ купцомъ въ Вологдѣ; третій, по предложенію царя, учредилъ въ Амстердамѣ русскую типографію.

Изъ весьма оживленной переписки царя съ пріятелями и сановниками въ Москвѣ видно, какъ онъ въ это время, учась и ра-

---

[1]) Одна изъ гравюръ, сдѣланныхъ Петромъ, представляетъ собою торжество христіанства надъ исламомъ. См. соч. Пекарскаго, «Наука и лит. при Петрѣ Вел.», стр. 9.

ботая въ Голландіи, зорко слѣдилъ за событіями внѣшней политики. Чаще всего въ письмахъ говорится о турецкихъ и польскихъ дѣлахъ; упоминается также о Рисвикскомъ мирѣ, заключенномъ именно въ это время въ самой Голландіи между Людовикомъ XIV и его противниками; особенно часто въ этихъ письмахъ, мѣстами отличающихся игривостью и юморомъ, говорится о наймѣ ино-

Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ.
Съ гравюры Свистунова.

странцевъ-техниковъ, о покупкѣ разныхъ припасовъ, необходимыхъ для кораблестроенія и для турецкой войны, объ успѣхахъ ученія русскихъ «волонтеровъ» въ Голландіи и проч.

Важнѣйшимъ предметомъ переговоровъ русскихъ пословъ съ Генеральными Штатами былъ восточный вопросъ. Безъ сомнѣнія, объ этомъ же предметѣ главнымъ образомъ царь бесѣдовалъ съ

англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III, съ которымъ имѣлъ свиданіе въ Утрехтѣ [1]).

17-го сентября, происходилъ торжественный въѣздъ русскихъ пословъ въ Гаагу. Для этого были заготовлены великолѣпные экипажи, новыя ливреи и пр. Посланники всѣхъ державъ, за исключеніемъ Франціи, побывали съ визитами у Лефорта, Головина и Возницына; въ честь пословъ городъ устраивалъ разныя празднества.

При всѣхъ этихъ церемоніяхъ, царь держалъ себя въ сторонѣ и, соблюдая инкогнито, удивлялъ всѣхъ своею скромностью. Онъ

Петръ I въ кабинетѣ голландскаго собирателя рѣдкостей, Вильде.
Съ современнаго офорта, сдѣланнаго дочерью Вильде.

отправился въ Гаагу въ сопровожденіи Витзена; когда, на пути туда, въ городѣ Гарлемѣ, толпа старалась увидать его, онъ спрятался, закутавшись въ плащъ. Однажды, когда ему вздумалось осмотрѣть великолѣпный домъ одного богача, онъ потребовалъ сперва удаленія всѣхъ жильцовъ, что̀ и было исполнено. Въ Гаагѣ, въ отведенной ему квартирѣ, онъ сначала спалъ въ лакейской, на полу. По случаю торжественной аудіенціи, онъ, въ платьѣ скромнаго дворянина, находился въ смежной комнатѣ, откуда смотрѣлъ

[1]) О медали, чеканенной по этому случаю, см. соч. Иверсена, «Medaillen auf die Thaten Peters d. Gr.» S.-Petersburg, 1872, стр. 7. Объ этомъ событіи племянникъ Лефорта писалъ, какъ о «une chose très-secrète». Posselt, II, 420.

украдкою на церемонію. Впрочемъ, онъ побывалъ у замѣчательнѣйшихъ садовниковъ Нидерландской республики и имѣлъ второе свиданіе съ королемъ Вильгельмомъ III. Во время торжественнаго обѣда, устроеннаго городомъ въ честь русскихъ пословъ, царь сидѣлъ между бургомистромъ Витзеномъ и статсъ-секретаремъ Фогелемъ, причемъ, не безъ нѣкоторой наивности, обратился къ послѣднему съ вопросомъ, не можетъ ли онъ рекомендовать ему человѣка, способнаго къ образованію и руководству государственной канцеляріи [1]). Очевидно, царь считалъ возможнымъ и въ области администраціи и законодательства употребить иностранцевъ совершенно такъ же, какъ приглашалъ ко вступленію въ русскую службу артиллеристовъ и плотниковъ, инженеровъ и матросовъ.

Въ Гаагѣ Петръ оставался не болѣе недѣли. Онъ вернулся въ Амстердамъ, къ своей работѣ на Остъиндской верфи. Между тѣмъ, русскіе послы, въ конференціяхъ съ представителями Генеральныхъ Штатовъ, старались уговорить ихъ къ участію въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Порты. Старанія Лефорта и товарищей оставались безуспѣшными; голландскіе государственные дѣятели уклонялись отъ рѣшительнаго отвѣта. Генеральные Штаты, только-что окончившіе войну съ Франціею, не могли желать войны съ Турціею, съ которою находились въ весьма выгодныхъ для себя торговыхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ, въ области дипломатіи русскіе потерпѣли неудачу, которой особенно обрадовались французы, вообще какъ то недружелюбно относившіеся къ московскому государству и распространявшіе разные неблагопріятные слухи о пребываніи русскихъ въ Голландіи [2]).

Между тѣмъ, царь продолжалъ свои частныя занятія, расширяя постоянно кругъ свѣдѣній и опытности, обращая вниманіе на вопросы торговой политики и промышленности. Благодаря своему пребыванію въ Голландіи, онъ впослѣдствіи весьма часто, въ указахъ, относившихся къ политико-экономическимъ вопросамъ, выставлялъ на видъ, что должно слѣдовать примѣру западно-европейцевъ въ предпріимчивости, прилежаніи, постоянствѣ и трудѣ. Наблюдая за всѣми порядками въ гаваняхъ и на ярмаркахъ Голландіи, удивляясь опрятности частныхъ домовъ, веселію городскихъ празднествъ, зажиточности средняго класса, смѣлости мореплавателей, размѣрамъ торговли и промышленности, вѣротерпи-

---

[1]) Scheltema, I, 175—183.
[2]) Posselt, II, 442 и слѣд.

мости и либерализму голландцевъ, царь, во время своего пребыванія въ этой странѣ, учился весьма многому и готовился къ управленію своимъ государствомъ.

Въ голландскихъ источникахъ разсказано, что городъ Амстердамъ подарилъ царю корабль, надъ сооруженіемъ котораго онъ трудился на Остъиндской верфи. Этотъ разсказъ, кажется, лишенъ основанія [1]). За то отъ короля Вильгельма III царь получилъ въ подарокъ великолѣпную яхту [2]). Лордъ Кармартенъ, отъ имени короля, писалъ къ царю объ этомъ и назвалъ себя изобрѣтателемъ усовершенствованій, съ которыми была построена яхта.

6-го января 1698 года, царь отправился въ путь въ Англію. Лефортъ остался въ Нидерландахъ. Король Вильгельмъ приказалъ предоставить въ распоряженіе царя два военныхъ судна и двѣ яхты для переѣзда въ Англію. Во время переправы была бурная погода. Петръ былъ одѣтъ въ матросское платье и все время бесѣдовалъ съ вице-адмираломъ Мичелемъ о частностяхъ морского дѣла. 11-го января онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ для него и для его свиты, состоявшей изъ десяти человѣкъ, было приготовлено помѣщеніе на берегу Темзы [3]).

Король Вильгельмъ, познакомившійся съ царемъ въ Утрехтѣ и Гаагѣ, еще до пріѣзда его въ Англію, отзывался о немъ не особенно выгодно. Королю не понравилось, что Петръ обращалъ чрезмѣрное вниманіе на морское дѣло, оставаясь, какъ казалось королю, совершенно равнодушнымъ къ другимъ предметамъ [4]). Впрочемъ, король Вильгельмъ поручилъ вице-адмиралу Мичелю постоянно находиться при Петрѣ, для сообщенія ему необходимыхъ свѣдѣній о морскомъ дѣлѣ. Особенно близко Петръ сошелся съ маркизомъ Кармартеномъ, отличнымъ морякомъ и многосторонне образованнымъ человѣкомъ [5]).

Черезъ три дня послѣ пріѣзда Петра, король Вильгельмъ посѣтилъ его. Царь принялъ короля въ небольшой комнатѣ, служив-

---

[1]) Scheltema, I, 195. Устряловъ, III, 87—89.

[2]) Устряловъ, III, 466—467.

[3]) О помѣщеніяхъ, занимаемыхъ Петромъ въ Англіи, см. статью Фирсова въ журналѣ «Др. и нов. Россія», 1875, III, 75—77.

[4]) Донесеніе Гофмана, въ вѣнскомъ архивѣ, изд. Гёдеке въ журналѣ «Die Neuen Reich», перепеч. въ соч. Зэдлера, «Peter d. Gr. als Mensch und Regent». S.-Petersburg, 1872, стр. 242.

[5]) О Кармартенѣ см. Маколея, «Hist of England», IX, 91.

*

шей ему и нѣкоторымъ лицамъ свиты спальнею. Воздухъ въ ней оказался до того испорченнымъ, что, несмотря на бывшій въ то время холодъ, нужно было отворить окно. Нѣсколько дней спустя, царь отдалъ визитъ королю. При этомъ случаѣ, онъ былъ одѣтъ въ московское платье; бесѣда происходила на голландскомъ языкѣ, которымъ Петръ владѣлъ въ совершенствѣ [1]). На прекрасныя картины, которыми былъ украшенъ Кенсингтонскій дворецъ короля, царь не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; за то ему чрез-

Русское посольство въ Гаагѣ, въ 1697 г.
Съ современной гравюры Маркуса.

вычайно понравился находившійся въ комнатѣ короля приборъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра [2]).

Царь провелъ въ Англіи четыре мѣсяца. Въ теченіе перваго онъ съѣздилъ въ Вуличъ и Детфордъ, для осмотра доковъ и верфей, а вскорѣ совсѣмъ поселился въ Детфордѣ, въ домѣ Эвелина, который стоялъ рядомъ съ доками. Нѣтъ доказательствъ, чтобы царь собственноручно работалъ на детфордской верфи. Онъ

[1]) Hoffmann, 242.
[2]) Macauley, 91.

былъ занятъ главнымъ образомъ собираніемъ свѣдѣній о судостроеніи, черезъ комиссара и инспектора флота, сэра Альтона Дина. Петра можно было видѣть ежедневно на Темзѣ, либо на парусной яхтѣ, либо на гребномъ суднѣ; болѣе всего онъ любилъ плавать на какомъ нибудь небольшомъ, принадлежавшемъ верфи палубномъ суднѣ [1]).

Петръ Великій въ русскомъ платьѣ, въ бытность свою въ Голландіи въ свитѣ великаго посольства.
Съ современнаго гравированнаго портрета Оттенса.

Въ Лондонѣ Петръ посѣтилъ театръ, былъ въ маскарадѣ, въ музеѣ ученаго общества «Royal Society», въ Тоуерѣ, на монетномъ дворѣ и въ астрономической обсерваторіи. Нѣсколько разъ онъ обѣдалъ у Кармартена и другихъ англійскихъ вельможъ, а также угощалъ ихъ у себя. Въ это время знаменитый живописецъ

[1]) См. статью Фирсова, 76.

Кнеллеръ, ученикъ Рембрандта, написалъ великолѣпный портретъ царя, сдѣлавшійся собственностью короля Вильгельма. Въ апрѣлѣ Петръ пожелалъ видѣть засѣданіе парламента, на которое смотрѣлъ сквозь слуховое окно, находившееся надъ залою засѣданія [1]). Царю при этомъ сильно не понравилось ограниченіе власти короля правами парламента.

Петръ завязалъ сношенія съ главными представителями англиканской церкви; его посѣтили нѣкоторые епископы; онъ побывалъ у архіепископа Кентерберійскаго, присутствовалъ при богослуженіи въ англиканской церкви и въ собраніи квакеровъ. По порученію духовенства, епископъ Салисберійскій, Бёрнетъ, нѣсколько разъ былъ у Петра. Онъ отозвался о царѣ весьма неблагопріятно. «Царь человѣкъ весьма горячаго нрава, писалъ онъ между прочимъ, склонный къ вспышкамъ, страстный и крутой; онъ еще болѣе возбуждаетъ свою горячность употребленіемъ водки, которую самъ приготовляетъ съ необычайнымъ знаніемъ дѣла. Въ немъ нѣтъ недостатка въ способностяхъ; онъ даже обладаетъ болѣе обширными свѣдѣніями, нежели можно ожидать при его недостаточномъ воспитаніи; за то въ немъ нѣтъ мѣткости сужденія и постоянства въ нравѣ, что̀ обнаруживается весьма часто и бросается въ глаза. Особенную наклонность онъ имѣетъ къ механическимъ работамъ; природа, кажется, скорѣе создала его для дѣятельности корабельнаго плотника, чѣмъ для управленія великимъ государствомъ; корабельныя постройки были главнымъ предметомъ его занятій и упражненія во время его пребыванія здѣсь (въ Англіи). Онъ очень много работалъ собственными руками и заставлялъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ его, заниматься составленіемъ корабельныхъ моделей. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ намѣреніи отправить азовскій флотъ для нападенія на Турцію; однако, онъ не казался мнѣ способнымъ стать во главѣ столь великаго предпріятія, хотя, впрочемъ, съ тѣхъ поръ его образъ дѣйствій при веденіи войны обнаружилъ въ немъ больше способностей, чѣмъ казалось тогда (т. е. во время его пребыванія въ Англіи). Онъ не обнаруживалъ желанія исправить положеніе Московскаго государства: онъ, пожалуй, хотѣлъ возбудить въ своемъ народѣ охоту къ ученію и дать ему внѣшній лоскъ, отправивъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ въ другія страны и пригласивъ иностранцевъ въ Россію. Была въ немъ странная смѣсь страсти и строгости. Онъ отличается рѣши-

[1]) О комическомъ эффектѣ этой сцены см. статью Фирсова, 97, и донесенія Гофмана въ означенномъ мѣстѣ.

мостью, но въ военныхъ дѣлахъ не знаетъ толку и кажется вовсе не любознательнымъ въ этомъ отношеніи. Видѣвшись съ нимъ часто и бесѣдуя съ нимъ довольно много, я не могъ не удивляться глубинѣ Божественнаго промысла, который ввѣрилъ такому свирѣпому человѣку неограниченную власть надъ весьма значительною частью міра» [1]).

Не всѣ англичане раздѣляли невыгодное мнѣніе Бёрнета о Петрѣ. Въ разныхъ англійскихъ современныхъ сочиненіяхъ восхваляется стремленіе Петра къ просвѣщенію. Въ сочиненіи ученаго богослова Френсиса Ли встрѣчается составленный, какъ кажется, по просьбѣ самого царя, проектъ о реформѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ проектѣ, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, благимъ намѣреніямъ царя отдана полная справедливость [2]).

Бёрнетъ видѣлъ въ царѣ лишь плотника, не чуя въ немъ великаго преобразователя. Лейбницъ и Ли ожидали отъ него коренныхъ и важнѣйшихъ преобразованій. Исторія слѣдующихъ десятилѣтій, доказавъ ошибочность взгляда англійскаго епископа, оправдала мнѣнія Френсиса Ли и Лейбница.

Впрочемъ, Петръ во время своего пребыванія въ Англіи тѣмъ легче могъ казаться одностороннимъ и особенно склоннымъ къ ремесленному труду, что, кромѣ изготовленія моделей разныхъ судовъ, занимался столярною работою. Въ «Лондонской газетѣ», отъ 6-го февраля 1698 года, напечатанъ списокъ разной мебели, сдѣланной самимъ Петромъ [3]).

Изъ Детфорда Петръ часто ѣздилъ въ Вуличъ, главный складъ корабельныхъ орудій, знаменитый литейнымъ заводомъ, обширнѣйшимъ въ мірѣ арсеналомъ, практиковаться въ метаніи бомбъ и учиться морскому искусству. Особенное удовольствіе Петру доставили маневры на морѣ, устроенные нарочно для него близъ Портсмута. Путешествіе въ Портсмутъ и обратно подробно описано въ «Юрналѣ»; при этомъ царя болѣе всего интересовали желѣзные заводы, мосты, доки и пр. Весьма тщательно осмотрѣлъ онъ въ Портсмутѣ военныя суда. На обратномъ пути, онъ побывалъ

[1]) Bishop Burnet's «History of his own time», vol. III, p. 306—308. London, 1753.

[2]) «Ἀπολειπόμενα or dissertations etc». London 1752. См. также соч. Крёлля (Crull), «The ancient and present state of Moscovy», 1698 и 1699.

[3]) Недавно въ одной нѣмецкой газетѣ былъ помѣщенъ разсказъ о томъ, что эта мебель была найдена гдѣ то въ Лондонѣ, на чердакѣ одного дома въ «Great Tower Street». Къ этому было прибавлено, что эту мебель купилъ будто какой-то дворянинъ для поднесенія ея покойному императору Александру II.

въ Соутгамптонскомъ, Виндзорскомъ и Гамптонкортскомъ дворцахъ.

Между тѣмъ, изъ Голландіи въ Англію, по приказанію Петра, пріѣхалъ второй посолъ, Головинъ, для заключенія контрактовъ съ разными мастерами, вступавшими въ русскую службу. Къ этому же времени относится и отдача на откупъ маркизу Кармартену торговли табакомъ въ Россіи [1]).

Какъ кажется, личное знакомство царя съ королемъ Вильгельмомъ не имѣло особеннаго значенія. Австрійскій дипломатъ, графъ Ауерспергъ, въ то время находившійся въ Лондонѣ, писалъ импе-

Видъ города Гааги въ XVIII столѣтіи.
Съ современной голландской гравюры.

ратору, весною 1698 года, что англійскому двору «надоѣли причуды царя». Къ этому, однако, прибавлено, что король вообще доволенъ образомъ дѣйствій Петра, застѣнчивость котораго во время пребыванія въ Англіи нѣсколько убавилась; король—пишетъ, впрочемъ, графъ Ауерспергъ,—рѣдко видѣлъ царя, потому что послѣдній не измѣнялъ своего образа жизни, вставая и ложась спать очень

[1]) П. С. З. № 1628. О переговорахъ по этому случаю и съ другими лицами см. брошюру «The case of the Contractors with the Czar of Moscovy for the sole Importation of Tobacco in his dominions» (въ Публ. Библ. въ Спб.), а также нѣкоторыя замѣчанія у Гофмана, стр. 242.

рано. Объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ Петромъ въ высшихъ слояхъ англійскаго общества, можно судить по слѣдующимъ замѣчаніямъ австрійскаго дипломатическаго агента Гофмана, написаннымъ по случаю отъѣзда Петра изъ Англіи: «говорятъ, что царь намѣренъ поднять своихъ подданныхъ на уровень цивилизаціи другихъ народовъ. Однако, изъ его здѣшняго образа дѣйствій, нельзя было усмотрѣть другого намѣренія, какъ лишь желанія сдѣлать изъ русскихъ моряковъ: онъ почти исключительно вращался въ кругу моряковъ и уѣхалъ такимъ же мизантропомъ, какимъ пріѣхалъ въ Англію» [1].

Король англійскій Вильгельмъ III.
Съ гравированнаго портрета Хубракена.

Въ свою очередь, царь остался очень доволенъ Англіею. По отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ, напр., Перри и Вебера, эта страна произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Простившись съ королемъ 18-го апрѣля, Петръ 21-го уѣхалъ въ Голландію, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидалъ Лефортъ [2].

---

[1]) Задлеръ, 244.
[2]) См. довольно забавныя письма Лефорта къ Петру изъ Голландіи у Устрялова; приложенія къ первой половинѣ IV тома, стр. 553—611.

Три недѣли Петръ еще пробылъ въ Голландіи до отправленія въ Вѣну. Дальнѣйшее путешествіе совершалось чрезъ Клеве, гдѣ Петръ осмотрѣлъ великолѣпный паркъ бранденбургскаго намѣстника этого герцогства, и Бильфельдъ, гдѣ обратили на себя вниманіе царя полотняныя фабрики; затѣмъ онъ, черезъ Минденъ, Гильдесгеймъ, Гальберштадтъ и Галле, поѣхалъ въ Лейпцигъ.

Саксонскій дипломатъ Розе, въ Голландіи наблюдавшій за царемъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ выразилъ удивленіе тому обстоятельству, что Петръ охотнѣе всего вращается въ кругу людей скромныхъ [1]). Строгое инкогнито, соблюдаемое царемъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, однако, не мѣшало устройству разныхъ празднествъ въ честь его въ обѣихъ городахъ. Въ Лейпцигѣ онъ занимался артиллерійскими упражненіями. При въѣздѣ русскихъ пословъ въ Дрезденъ, онъ сидѣлъ въ четвертой каретѣ; при выходѣ изъ нея, старался спрятать свое лицо подъ черную шапочку, и былъ очень недоволенъ тѣмъ, что нѣкоторыя лица увидѣли его на пути къ приготовленнымъ для него комнатамъ, требовалъ, чтобы никто на него не смотрѣлъ, и грозилъ, въ случаѣ неисполненія требованія, немедленнымъ отъѣздомъ. Его успокоили и уговорили поужинать. Затѣмъ, онъ всю ночь провелъ въ кунсткамерѣ, осматривая особенно тщательно математическіе инструменты и ремесленныя орудія.

На другой день, при посѣщеніи цейхгауза, Петръ удивилъ всѣхъ своими точными свѣдѣніями о пушкахъ, замѣчалъ малѣйшіе недостатки различныхъ показываемыхъ ему орудій и объяснялъ причины такихъ недостатковъ. Послѣ визита матери курфирста, Анны-Софіи, онъ опять побывалъ въ кунсткамерѣ, а затѣмъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ дамъ, между которыми находилась извѣстная графиня Кенигсмаркъ, ужиналъ у намѣстника, графа Фюрстенберга. Тутъ онъ, развеселившись, взялъ у одного изъ барабанщиковъ барабанъ и барабанилъ такъ искусно, что своею ловкостью превзошелъ даже настоящихъ барабанщиковъ.

Выѣхавъ изъ Дрездена, Петръ осмотрѣлъ крѣпость и арсеналъ въ Кенигштейнѣ и затѣмъ, чрезъ Прагу, отправился въ Вѣну.

Графъ Фюрстенбергъ, описывая подробно всѣ частности пребыванія царя въ Саксоніи, замѣчаетъ: «я благодарю Бога, что все кончилось благополучно, ибо опасался, что не вполнѣ можно будетъ угодить этому немного странному господину» [2]).

---

[1]) См. статью Вебера въ журналѣ «Archiv für sächsische Geschichte» 1873 XI 337, и мою статью «Петръ Великій въ Дрезденѣ въ 1698, 1711 и 1717» въ «Р. Старинѣ» XI, 726—730.

[2]) См. мою статью въ «Р. Старинѣ» XI, 730.

Императоръ Леопольдъ не могъ не обратить серьезнаго вниманія на сближеніе съ Россіею и потому придавалъ важное значеніе появленію царя въ Вѣнѣ. Со временъ Герберштейна между Австріею и Московскимъ государствомъ существовали постоянно болѣе или менѣе оживленныя сношенія. Теперь же Петръ и Леопольдъ были союзниками въ борьбѣ съ Оттоманскою Портою. Незадолго до появленія въ Вѣнѣ самого Петра, его послу, боярину Шереметеву, тамъ былъ оказанъ отмѣнно хорошій пріемъ. Дипломаты разныхъ державъ, находившіеся въ Вѣнѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за путешествіемъ Петра. Изъ донесеній папскаго нунція мы узнаемъ довольно любопытныя подробности о переговорахъ между русскими послами и императорскимъ правительствомъ объ этикетѣ и церемоніалѣ, соблюдаемыхъ по случаю пребыванія Лефорта и его товарищей въ Вѣнѣ, а также о расходахъ для содержанія русскаго посольства въ Вѣнѣ. Представители католицизма питали надежду на успѣшную пропаганду въ Россіи и желали воспользоваться для этой цѣли пребываніемъ Петра въ Вѣнѣ и его тогда еще предполагавшимся путешествіемъ въ Италію.

Въ Голландіи былъ распространенъ слухъ объ особенной склонности Петра къ протестантизму; разсказывали о его намѣреніи соединить православную церковь съ реформатскою; даже передавали басню, будто Петръ, во время пребыванія въ Кенигсбергѣ, причастился св. тайнъ вмѣстѣ съ бранденбургскимъ курфирстомъ по лютеранскому обряду; говорили о желаніи царя пригласить въ русскую службу протестантскихъ ученыхъ для учрежденія университетовъ и академій [1]). Ухаживаніе за царемъ англиканскаго духовенства свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ стараніи дѣйствовать въ пользу англиканской церкви. Въ Вѣнѣ разсказывали, что бояринъ Шереметевъ тайно принялъ католицизмъ и что отъ Петра можно ожидать того же самаго [2]). Нельзя удивляться тому вниманію, которое высокопоставленныя духовныя лица въ Вѣнѣ обращали на ожидаемое прибытіе царя.

Торжественный въѣздъ русскихъ пословъ въ Вѣну происходилъ 16-го іюня, вечеромъ; при этомъ русскіе жаловались на отсутствіе въ Вѣнѣ роскоши и пышности, въ противоположность рас-

---

[1]) См. письмо Арнентона у Поссельта II, 411.

[2]) Theiner, Monuments historiques, стр. 374. О томъ, какъ уже въ Митавѣ католики ухаживали за Петромъ, см. мою статью «Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго» въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1881, часть CCV, отд. 2, стр. 275.

точительности и великолѣпію въ Кенигсбергѣ [1]). На содержаніе русскихъ пословъ императоръ назначилъ 3,000 гульденовъ въ недѣлю [2]). Аудіенція была отложена до прибытія подарковъ царя императору Леопольду, что, впрочемъ, не мѣшало свиданію Петра съ Леопольдомъ въ «галлереѣ» дворца «Favorita». Эта встрѣча имѣла совершенно частный характеръ; до нея было опредѣлено, что ни царь, ни императоръ, не заговорятъ о дѣлахъ, но среди дипломатовъ шли разные слухи о томъ, что оба государя все таки въ своей бесѣдѣ затронули восточный вопросъ [3]). Передавали разныя подробности о наружности царя, его манерахъ, безграничномъ уваженіи къ императору Леопольду и т. п. Между прочимъ, разсказывали, что Петръ сильными жестами, большою подвижностью, старается скрывать судороги, бывшія дѣйствіемъ яда, даннаго ему будто еще въ дѣтствѣ. «Страсть царя работать на верфяхъ, писалъ папскій нунцій, также объясняется его болѣзненностью, такъ какъ онъ, вслѣдствіе дѣйствующаго въ тѣлѣ яда, принужденъ искать нѣкоторыя облегченія въ сильныхъ тѣлодвиженіяхъ». Затѣмъ, сказано кое-что объ умственныхъ способностяхъ Петра и о томъ, что онъ во внѣшнемъ обращеніи не столько варваръ, сколько образованный человѣкъ; къ этому, однако, прибавлено, что природная грубость нравовъ обнаруживается въ суровомъ обращеніи царя съ подчиненными, что царь имѣетъ свѣдѣнія въ области исторіи и географіи и стремится къ усовершенствованію своего образованія. Въ другомъ мѣстѣ нунцій пишетъ: «царь оказывается вовсе не такимъ, какимъ его описывали, по случаю его пребыванія при разныхъ дворахъ, но скорѣе учтивымъ, осторожнымъ, приличнымъ и скромнымъ».

Весьма любопытно замѣчаніе въ донесеніи венеціанскаго дипломата Рудзини: «можетъ быть во всей исторіи нѣтъ примѣра, чтобы государь безъ политическихъ причинъ и не ради дипломатическихъ переговоровъ, но только по своей наклонности и любознательности, предоставлялъ управленіе дѣлами въ своемъ государствѣ другимъ лицамъ и предпринялъ долгое и далекое путешествіе, въ качествѣ частнаго человѣка, въ свитѣ посольства, которое въ сущности служитъ ему свитой и средствомъ безопасности. Можетъ быть, тутъ дѣйствовало намѣреніе пошатнуть древнѣйшіе и важнѣйшіе обычаи, а можетъ быть, имѣлось въ виду заставить подданныхъ послѣдо-

[1]) Posselt II, 483.
[2]) Theiner, 371—372. Памятники дипломат. сношеній VIII, 1330 и слѣд.
[3]) Тамъ-же, 375. Донесеніе испанскаго посланника.

вать примѣру государя» и проч. Указавъ далѣе на пребываніе Петра въ Германіи, Голландіи и Англіи, Рудзини описываетъ личность царя: «хотя онъ вездѣ обнаруживалъ нѣкоторую странность нрава, но въ то же время выказывалъ необычайныя способности, которыя еще гораздо болѣе бросались бы въ глаза, при болѣе тщательномъ образованіи. Онъ вездѣ обращалъ особенное вниманіе на нравы и обычаи иностранцевъ, а также на полезнѣйшія учрежденія при управленіи государствомъ, тщательно осматривалъ все

Лордъ Кармартенъ.

Съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ.

относящееся къ военному искусству, особенно къ артиллеріи, болѣе же всего, къ морскому дѣлу и т. д.» [1]).

Послѣ свиданія съ императоромъ Леопольдомъ, Петръ былъ въ театрѣ; затѣмъ посѣтилъ арсеналъ, библіотеку, кунсткамеру, побывалъ съ визитами у императрицы и у римскаго короля Іосифа. Отношенія царя къ австрійскому двору были весьма дружескія и непринужденныя.

---

[1]) «Fontes rerum austriacarum». Zweite Abtheilung, 27 Bd. Wien, 1867, стр. 429—430.

За то въ области внѣшней политики не установилось полнаго согласія между императоромъ Леопольдомъ и царемъ. Петръ желалъ, чтобы императоръ продолжалъ и усилилъ военныя дѣйствія противъ турокъ, Леопольдъ же былъ склоненъ къ заключенію мира. Еще до открытія переговоровъ между русскими послами и министромъ императора, графомъ Кинскимъ, о дѣлахъ восточныхъ, Лефортъ требовалъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, намѣрена ли Австрія вообще продолжать войну, или нѣтъ. Въ личной бесѣдѣ съ Кинскимъ, Петръ замѣтилъ, что желалъ бы пріобрѣсти крѣпость Керчъ въ Крыму, давъ въ то же время почувствовать графу, что императору, какъ союзнику Московскаго государства, не слѣдуетъ заключать мира съ Портою, не настоявъ на этой уступкѣ въ пользу Россіи. Отвѣтъ графа Кинскаго былъ уклончивъ [1]).

Между тѣмъ, происходили разныя празднества. Въ день тезоименитства царя, 29 іюня, у него собралось болѣе 1000 гостей; были музыка, танцы и фейерверкъ. Достойно вниманія, что въ этотъ день, утромъ, царь присутствовалъ при католическомъ богослуженіи. Іезуитъ Вольфъ въ своей проповѣди восхвалялъ царя и, какъ сказано въ статейномъ спискѣ пословъ, «объявлялъ прилклады, дабы Господь Богъ, яко апостолу Петру далъ ключи, такъ бы далъ Великому Государю, Его Царскому Величеству, взять ключи и отверсть турскую область и ею обладать» [2]).

При дворѣ въ честь Петра было устроено особое празднество, такъ называемое «Wirthschaft» (11 іюля). На этомъ празднествѣ царь былъ въ фрисландскомъ костюмѣ. Безъ соблюденія особенныхъ формальностей, Петръ за ужиномъ выпилъ за здоровье радушнаго хозяина, а Леопольдъ осушилъ бокалъ за здоровье дорогого гостя. Послѣ ужина начался балъ. Петръ участвовалъ въ танцахъ съ замѣчательнымъ рвеніемъ [3]).

Три дня спустя, Леопольдъ посѣтилъ царя, соблюдая при этомъ строгое инкогнито. Затѣмъ только, а именно 18 іюля, происходила торжественная аудіенція русскихъ пословъ у императора. При этой церемоніи, самъ царь находился въ свитѣ посольства. Императоръ спросилъ, по обычаю, о здоровьѣ Россійскаго государя; послы отвѣчали, что какъ они съ Москвы поѣхали, Его Царское Величество остался въ желаемомъ здоровьѣ. За обѣдомъ, послѣдовавшимъ за

---

[1]) Устряловъ, III, 134 и слѣд. Соловьевъ, XIV, 261—262.

[2]) См. важные документы изъ Вѣнскаго архива, которыми пользовался Устряловъ, а также Памятники дипл. сношеній, VIII, 1362—64.

[3]) Испанскій посланникъ доносилъ, что царь «ballò senza fine e misura», Theiner, стр. 377.

Аудіенція Б. П. Шереметева у австрійскаго императора Леопольда.

Съ гравюры, приложенной къ книгѣ „Записка о путешествіи Шереметева“.

аудіенціею, Лефорту поднесли нѣсколько сортовъ вина; онъ попробовалъ каждаго сорта, нашелъ всѣ вина равно вкусными и на французскомъ языкѣ просилъ дозволенія дать отвѣдать ихъ своему доброму другу, стоявшему за его стуломъ: то былъ самъ царь [1]).

Празднество кончилось посѣщеніемъ царя римскимъ королемъ. Затѣмъ Петръ, въ сопровожденіи небольшой свиты, выѣхалъ изъ Вѣны. Извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ заставило его спѣшить возвращеніемъ въ Москву.

Въ католическихъ кружкахъ крайне сожалѣли, что не состоялась предположенная поѣздка въ Италію. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ царь сожалѣлъ объ этомъ. Особенно Венеція могла считаться одною изъ главныхъ цѣлей путешествія Петра. Венеціанская республика принимала дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ. Венеція могла бы сдѣлаться для царя полезною школою въ отношеніи къ морскому дѣлу. Ни въ Англіи, ни въ Голландіи, Петръ не видѣлъ галернаго флота, устройство котораго въ Россіи имѣло весьма важное значеніе для турецкой войны. Венеція же славилась своимъ галернымъ флотомъ. Во время путешествія Петра, весьма часто заходила рѣчь о предстоящемъ пребываніи его въ Венеціи. Въ бесѣдѣ съ венеціанскимъ дипломатомъ Рудзини, въ Вѣнѣ, царь говорилъ съ особеннымъ уваженіемъ о республикѣ, выразилъ благодарность за присылку ему оттуда инженеровъ и желаніе видѣть Венецію и ея богатый арсеналъ. До выѣзда изъ Вѣны, царь велѣлъ сообщить венеціанскому дипломату о своемъ крайнемъ сожалѣніи, что не имѣетъ возможности побывать въ Венеціи [2]).

Нѣкоторыя лица свиты Петра изъ Вѣны уже были отправлены въ Венецію. Тамъ были сдѣланы приготовленія для пріема царя. Правительство рѣшилось потратить для этой цѣли значительную сумму, намѣреваясь показать великолѣпный арсеналъ и богатыя верфи въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и блестящемъ состояніи. Число рабочихъ было значительно умножено къ этому времени. Въ арсеналѣ намѣревались въ присутствіи царя вылить нѣсколько пушекъ, съ надписями въ честь его, и поднести ихъ ему въ подарокъ.

Рѣшеніе отмѣнить путешествіе въ Италію послѣдовало совершенно неожиданно. 16-го іюля папскій нунцій писалъ, что въ этотъ самый день царь долженъ былъ отправиться въ Италію [3]), а

---

[1]) Устряловъ, III, 145—150. Пам. дипл. снош., VIII, 1368—75.

[2]) «Fontes rerum austriacarum», 430.

[3]) Theiner, 374. И для Меншикова», Alessandro Minshiof, Volontario», былъ приготовленъ паспортъ для путешествія въ Италію, см. Устрялова, III, 135.

19-го іюля Петръ выѣхалъ въ Москву; его сопровождали Лефортъ и Головинъ. Возницынъ остался въ Вѣнѣ для веденія переговоровъ о продолженіи турецкой войны.

Очевидно, опасенія, внушаемыя стрѣлецкимъ бунтомъ, заставляли Петра торопиться; онъ ѣхалъ очень быстро, день и ночь. Даже въ Краковѣ, гдѣ для царя былъ приготовленъ торжественный обѣдъ, онъ вовсе не останавливался. Однако, вскорѣ были получены болѣе утѣшительныя извѣстія, и это обстоятельство дало Петру возможность осмотрѣть въ Величкѣ извѣстныя соляныя копи; недалеко отъ города Бохни, онъ осмотрѣлъ находившуюся тамъ въ лагерѣ польскую армію.

Въ мѣстечкѣ Равѣ происходило затѣмъ (отъ 31-го іюля до 3-го августа) достопамятное свиданіе между Петромъ и польскимъ королемъ. Здѣсь оба государя рѣшили сдѣлать нападеніе на Швецію. Этимъ самымъ измѣнилась, такъ сказать, система внѣшней политики Россіи. До этого восточный вопросъ стоялъ на первомъ планѣ; теперь же началась борьба за балтійскіе берега.

Три дня, проведенные царемъ въ Равѣ, представляли собою цѣлый рядъ тайныхъ конференцій, шумныхъ увеселеній и военныхъ маневровъ. Петръ и Августъ понравились другъ другу: они обмѣнялись оружіемъ [1]).

Изъ донесеній папскаго нунція въ Польшѣ и іезуита Воты мы имѣемъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ любопытныхъ эпизодахъ, случившихся во время пребыванія царя въ Польшѣ.

Папскій нунцій видѣлъ Петра въ Замостьѣ, гдѣ ему былъ сдѣланъ великолѣпный пріемъ у пани Подскарбиной. Нунцій за столомъ сидѣлъ между Петромъ и Лефортомъ и старался, бесѣдуя съ ними, выхлопотать католическимъ миссіонерамъ свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Китай. Царь отвѣчалъ весьма благосклонно, но выразилъ желаніе, чтобы между миссіонерами не было французовъ.

Іезуитъ Вота уже ранѣе жилъ въ Москвѣ и былъ лично знакомъ съ Петромъ. Онъ видѣлъ царя въ Томашевѣ и бесѣдовалъ съ нимъ о турецкихъ дѣлахъ. Вота выразилъ надежду, что Петръ, вмѣстѣ съ королемъ польскимъ, покончитъ съ Турціею, на что царь, шутя, возразилъ, что дѣлежъ медвѣжьей шкуры происходитъ обы-

---

[1]) Корбъ «Diarium itineris», 5 сентября 1698 г.

кновенно не ранѣе, какъ послѣ убіенія звѣря. Съ особеннымъ удовольствіемъ іезуитъ Вота прибавилъ къ этому, что царь съ благоговѣніемъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи, охотно принялъ благословеніе отъ него и пр.

Эти, какъ казалось, особенно близкія отношенія царя къ представителямъ католицизма были, однако, нарушены отчасти слѣдующимъ весьма непріятнымъ эпизодомъ, случившимся въ Брестъ-Литовскѣ. Здѣсь представился царю католическій агентъ, монсиньоръ Залевскій, и, бесѣдуя съ Петромъ, какъ-то неосторожно

Императоръ австрійскій Леопольдъ I.
Съ гравированнаго портрета Шенка.

выразился о раздѣлѣ церквей, называя греческую церковь схизматическою. Царь очень обидѣлся и сказалъ, что не намѣренъ терпѣть такой грубости, и что, еслибъ эти выраженія были употреблены въ Москвѣ, виновникъ непремѣнно былъ бы казненъ смертью. Петръ до того былъ раздраженъ, что обратился къ виленской кастелянпіѣ, у которой гостилъ въ это время, съ просьбою позаботиться тотчасъ же объ удаленіи неучтиваго прелата, такъ какъ онъ, царь, не ручается за себя, если еще разъ увидитъ предъ собою виновника столь грубаго оскорбленія. Залевскій долженъ былъ уѣхать немедленно [1]).

---

[1]) Theiner, 380—383.

25-го августа, царь и его спутники прибыли въ Москву. Проводивъ Лефорта и Головина до ихъ квартиръ, царь отправился въ Преображенское.

Не даромъ за границею путешествію Петра приписывали громадное значеніе. Бломбергъ писалъ тогда же: «пребываніе Петра на западѣ не можетъ считаться неслыханнымъ фактомъ. Совершилось нѣкогда событіе, похожее на нынѣшнее путешествіе Петра: въ X вѣкѣ, одинъ русскій государь посѣтилъ дворъ императора Генриха IV, въ Вормсѣ». Очевидно, Бломбергъ имѣлъ въ виду появленіе великаго князя Изяслава Ярославовича въ западной Европѣ, въ 1075 году. То обстоятельство, что для пріисканія подходящаго факта нужно было обратиться къ столь отдаленному времени, лучше всего доказывало новость и значеніе появленія московскаго государя въ западной Европѣ.

Обыкновенно русскія посольства, отправляемыя за границу въ XVII вѣкѣ, производили странное впечатлѣніе ужь по одному тому, что костюмъ дипломатовъ и ихъ свиты былъ азіатскій. Русскіе дипломаты обыкновенно не знали западно-европейскихъ языковъ и объяснялись не иначе, какъ чрезъ толмачей. Все это начало измѣняться понемногу и именно по случаю путешествія Петра. Правда, Лефортъ, Головинъ и Возницынъ, особенно при торжественныхъ случаяхъ, были одѣты въ русское платье; самъ Петръ, напр., посѣщая въ первый разъ короля Вильгельма, былъ одѣтъ порусски; въ бесѣдѣ съ императоромъ Леопольдомъ онъ говорилъ порусски. Свита пословъ и царя состояла отчасти изъ татаръ, калмыковъ и пр. Но все таки Лефортъ владѣлъ другими языками; царь могъ свободно говорить поголландски, весьма часто одѣвался по западно-европейскому обычаю и вообще старался усвоить себѣ нравы голландцевъ, англичанъ и др.

Въ это время, на западѣ не рѣдко отзывались о Петрѣ, какъ о представителѣ прогресса, и обсуждали вопросъ о перемѣнахъ въ Россіи, которыхъ можно было ожидать, вслѣдствіе путешествія царя. Въ августѣ 1698 года, въ Торнѣ, въ гимназіи, происходилъ диспутъ, предметомъ котораго служило путешествіе Петра. Тутъ были защищаемы положенія въ родѣ слѣдующихъ: «по настоящее время русскіе пребывали во тьмѣ невѣжества; нынѣ же царь Петръ введетъ въ Россію искусства и науки и этимъ самымъ сдѣлается знаменитымъ государемъ». Въ другихъ тезисахъ пересчитываются главныя путевыя впечатлѣнія во время пребыванія царя въ Ке-

нигсбергѣ, въ Голландіи, Англіи и Вѣнѣ, и прибавлено замѣчаніе, что царь непремѣнно захочетъ ввести многое, видѣнное имъ, и въ Россіи. Россія, сказано въ послѣднемъ тезисѣ, приметъ совершенно иной видъ, посвящая себя изученію искусствъ, наукъ и военнаго дѣла [1]). Въ томъ же самомъ панегирическомъ духѣ написана брошюра, явившаяся по случаю пребыванія Петра, весною 1698 года, въ Дрезденѣ. Въ ней выражена надежда, что царь никогда не перестанетъ содѣйствовать просвѣщенію подданныхъ и пр. [2]).

Болѣе скептически къ этому предмету относился венеціанскій дипломатъ Рудзини, замѣчая: «нельзя сказать, окажутся ли наблюденія, сдѣланныя во время путешествія царя, и приглашеніе многихъ лицъ въ Россію, для обученія подданныхъ и для развитія ремеслъ, достаточнымъ средствомъ для превращенія этого варварскаго народа въ цивилизованный и для пробужденія въ немъ дѣятельности. Еслибы громаднымъ размѣрамъ этого царства соотвѣтствовали духъ и сила воли народа, то Московія была бы великою державою» [3]).

Мы видѣли, что Петръ, не только занимаясь техникою морского дѣла, но также и при посѣщеніи арсеналовъ, лабораторій и крѣпостей, производилъ впечатлѣніе спеціалиста, эксперта. Нельзя отрицать, что обращеніе особеннаго вниманія на технику военнаго дѣла находилось въ самой тѣсной связи съ тѣми политическими задачами, рѣшеніе которыхъ предстояло царю въ ближайшемъ будущемъ. Хотя его и не интересовали отвлеченные вопросы, но онъ все таки, въ бесѣдѣ съ людьми науки и искусства, производилъ впечатлѣніе человѣка чрезвычайно способнаго и многосторонне образованнаго. Витзенъ писалъ къ одному знакомому, что царь, въ бесѣдѣ о религіозныхъ вопросахъ, оказался весьма свѣдущимъ и подробно знакомымъ со священнымъ писаніемъ. Петръ не ограничивался изученіемъ артиллерійскаго искусства у людей, въ родѣ Штейтнера-фонъ-Штернфельда: онъ посѣщалъ библіотеки, осматривалъ нумизматическія коллекціи, бывалъ въ театрахъ и пр. Выдержавъ испытаніе, въ качествѣ корабельнаго плотника, у Геррита Клааса Пооля, онъ занимался зоологіею, анатоміею и хирургіею. Приготавливая въ химической лабораторіи фейерверки, онъ въ то же время учился дѣлать микроскопическія наблюденія. Его

---

[1]) Conjecturae aliquot de susceptis Magni Moscoviae ducis sc. itineribus (Въ Импер. Публ. Библ. въ Спб.).

[2]) См. загл. этой брошюры въ соч. Минцлофа «Pierre le Grand dans la litterature étrangère», стр. 234—235.

[3]) «Fontes rerum austriacarum» I, c. 431.

интересовала не только работа на желѣзныхъ заводахъ и въ кузницахъ, но также и искусство гравированія на мѣди и пр.

Гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ всѣ такаго рода спеціальныя знанія, имѣло для царя и для Россіи общее впечатлѣніе, которое Петръ вынесъ изъ посѣщенія западной Европы. Несравненно рельефнѣе, чѣмъ при посѣщеніи Нѣмецкой слободы, Петру должна была броситься въ глаза громадная разница между пріемами общежитія въ западной Европѣ и нравами и обычаями, господствовав-

Король польскій Августъ II.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

шими въ Московскомъ государствѣ. Ознакомившись столь подробно съ болѣе высокою культурою, царь не могъ не мечтать о преобразованіяхъ и у себя дома. И въ письмахъ Петра во время путешествія, и въ его административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ непосредственно послѣ возвращенія въ Россію, всюду замѣтны слѣды того вліянія, которое произвело на него пребываніе за границею.

Весьма важно было также, что около этого времени цѣлыя сотни русскихъ путешественниковъ находились за границею, и что, вслѣдствіе путешествія Петра, иностранцы цѣлыми сотнями стали пріѣзжать въ Россію. Еще до 1697 года было сдѣлано замѣчаніе,

что русскіе вельможи начали устраивать свои дома, свою домашнюю утварь, свои экипажи, на иностранный ладъ; такое вліяніе западно-европейскихъ обычаевъ отнынѣ должно было становиться сильнѣе и сильнѣе. Прежде было строжайше запрещено хвалить иноземные нравы; теперь же, мало по малу, измѣнялись въ этомъ отношеніи воззрѣнія и правительства, и подданныхъ.

Народъ, правда, продолжалъ коснѣть въ прежнихъ предразсудкахъ, осуждалъ путешествіе Петра и отрицалъ пользу нововведеній. Даже, какъ мы увидимъ ниже, въ массѣ распространилась молва, будто царь погибъ за границею, а вмѣсто него пріѣхалъ чужой, самозванецъ-нѣмецъ. Народъ жестоко ошибался. Петръ вернулся такимъ же, какимъ онъ уѣхалъ за границу, т. е. настоящимъ русскимъ. Путешествіе его было необходимымъ результатомъ всего предыдущаго развитія Россіи. Главная перемѣна, состоявшаяся, вслѣдствіе путешествія, въ самомъ Петрѣ, заключалась въ томъ, что онъ, уѣзжая за границу, хотѣлъ научиться прежде всего кораблестроенію, и возвратился на родину съ обширными и многосторонними познаніями; до этого путешествія онъ предоставлялъ завѣдываніе дѣлами другимъ лицамъ, а послѣ него онъ взялъ въ свои руки бразды правленія. Для Россіи этимъ самымъ настала новая эпоха.

ГЛАВА II.

Русскіе за границею.

Современники, зорко слѣдившіе за путешествіемъ Петра, имѣли полное право придавать особенное значеніе тому обстоятельству, что царь, не ограничиваясь своимъ собственнымъ пребываніемъ на западѣ, заставлялъ и многихъ своихъ подданныхъ отправляться за границу.

Здѣсь то именно царь столкнулся съ глубоко вкоренившимися предразсудками народа. Котошихинъ, въ своемъ сочиненіи о Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говоря о недостаткахъ русскаго народа, замѣчаетъ: «Благоразумный читателю! Чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылають, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [1]).

Нѣсколько десятилѣтій до Котошихина, произошелъ случай, доказывающій, что такого рода опасенія не были лишены основанія. При царѣ Борисѣ, были отправлены въ Германію, во Францію и

[1]) Котошихинъ, гл. IV, 24.

въ Англію пятнадцать молодыхъ людей для обученія. Изъ нихъ только одинъ возвратился въ Россію. Когда русское правительство требовало отъ англійскаго выдачи «ребятъ», оставшихся въ Англіи, англійскій дипломатъ отвѣчалъ, что русскіе не хотятъ возвратиться и что англійское правительство не хочетъ и не можетъ заставить ихъ покинуть Англію. Оказалось, что одинъ изъ этихъ «ребятъ» сдѣлался англійскимъ священникомъ, другой служилъ въ Ирландіи секретаремъ королевскимъ, третій былъ въ Индіи, гдѣ занимался торговлею, и проч. Узнали даже, что русскій, сдѣлавшійся англійскимъ священникомъ, «за англійскихъ гостей Бога молитъ, что вывезли его изъ Россіи, а на православную вѣру говоритъ многую хулу» [1]).

Въ то время каждый русскій, хвалившій чужія государства или желавшій ѣхать туда, считался преступникомъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, князя Хворостинина обвиняли въ ереси и вмѣняли въ преступленіе его желаніе отправиться за границу и выраженіе въ родѣ того, будто «на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить ему не съ кѣмъ». Чрезвычайно любопытно замѣчаніе князя Голицына, въ первой половинѣ XVII вѣка: «русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ польскими нельзя, ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ людей» [2]).

Нельзя не вспомнить при этомъ случаѣ, что наставниками молодого Ордына-Нащокина, бѣжавшаго за границу, были поляки. Лжедимитрій, находившійся подъ вліяніемъ польской цивилизаціи, упрекалъ бояръ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, и обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ они могли бы хотя нѣсколько образовать себя [3]).

При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, господствовали на этотъ счетъ мнѣнія, противоположныя воззрѣніямъ Бориса и Димитрія. Олеарій разсказываетъ, что, когда, однажды, какой-то новгородскій купецъ намѣревался отправить своего сына для обученія за границу, царь и патріархъ не хотѣли дозволить этого [4]).

Извѣстный Юрій Крижаничъ, который самъ своимъ богатымъ и многостороннимъ образованіемъ былъ обязанъ западу, ратовалъ противъ поѣздокъ за границу. Упадокъ и анархію Польши онъ

---

[1]) См. мою статью «Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи». Москва, 1878, стр. 7.

[2]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», IX, 461 и 473.

[3]) «Сказаніе совр. о Димитріѣ Самозванцѣ», I, 63.

[4]) Olearius. изд. 1663 г., 221.

приписывалъ обычаю молодыхъ дворянъ отправляться за границу. Поэтому-то онъ и предлагалъ запретить всѣмъ царскимъ подданнымъ «скитаніе по чужихъ земляхъ» [1]). И дѣйствительно, существовало что-то въ родѣ такого запрещенія. Шведскіе дипломаты, находившіеся въ Россіи въ XVII вѣкѣ, замѣтили, что русскимъ запрещено ѣздить за границу изъ опасенія, что они возлюбятъ учрежденія запада и возненавидятъ порядки Московскаго государства [2]). Котошихинъ пишетъ: «о поѣздѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по царскому указу и для торговли, ни для какихъ дѣлъ ѣхать не дозволено» [3]).

Поводомъ къ путешествіямъ русскихъ за границу въ XVII вѣкѣ служили дѣла дипломатическія и религіозныя цѣли. Русскіе дипломаты въ то время никогда не оставались долго за границею. Путешествія съ благочестивою цѣлью предпринимались не въ западную Европу, а въ турецкія владѣнія. Ни дипломаты, ни пилигримы не имѣли въ виду систематическаго изученія чего либо за границею.

До эпохи Петра, русскіе отправлялись за границу ради ученія въ самыхъ лишь рѣдкихъ исключеніяхъ. Зато иногда проживавшіе въ Москвѣ иностранцы посылались за границу, ради усовершенствованія въ какой либо наукѣ или въ какомъ либо мастерствѣ [4]).

Въ 1692 году, сынъ подъячаго посольскаго приказа, Петръ Постниковъ, былъ отправленъ за границу для изученія медицины. Въ г. Падуѣ, въ 1696 году, онъ пріобрѣлъ степень доктора. Затѣмъ, однако, сдѣлался не врачемъ, а дипломатомъ [5]).

Въ самомъ началѣ 1697 года, слѣдовательно, за нѣсколько недѣль до отъѣзда самого царя за границу, Петръ отправилъ 28 молодыхъ дворянъ въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 другихъ въ Англію и Голландію,—«учиться архитектуры и управленія корабельнаго». Всѣ они принадлежали къ знатнѣйшимъ въ то время фамиліямъ. Ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался замѣчательнымъ морякомъ; за то нѣкоторые, напримѣръ, Борисъ Куракинъ, Григорій Долгорукій, Петръ Толстой, Андрей Хилковъ и проч., прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ.

---

[1]) «О промыслѣ», 70 и 71. «Русское госуд. въ половинѣ XVII вѣка», I, 333.
[2]) Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», III, 541.
[3]) Котошихинъ, гл. IV, 24.
[4]) См. о такихъ примѣрахъ соч. Олеарія, нѣм. изд. 1663, стр. 221; Рихтера, «Gesch. d. Medicin in Russland», Moskau, 1815, II, 289—291, 361—368.
[5]) Richter. «Gesch d. Med.», II, 401—408. Памятн. дипл. сношеній, VIII, 699. Устряловъ, III, 489.

Слѣдовательно, та спеціальная цѣль, съ которою были отправлены эти молодые дворяне за границу, не была достигнута; за то результатъ пребыванія ихъ на западѣ оказался гораздо богаче и заключался въ многостороннемъ образованіи вообще. Отправляя молодыхъ дворянъ въ Венецію, Англію и Голландію съ цѣлью создать русскихъ моряковъ, Петръ какъ-то невольно создалъ школу государственныхъ дѣятелей.

Не легко разставались молодые русскіе аристократы съ родиною. Едва ли кто изъ нихъ зналъ какой нибудь иностранный

Петръ Андреевичъ Толстой.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

языкъ. Большею частью они были женаты, имѣли дѣтей, занимали должности стольниковъ и спальниковъ. Не легко было царедворцамъ, привыкшимъ къ праздной жизни, учиться ремеслу матросскому. Къ тому же, имъ грозили строгими наказаніями, въ случаѣ неуспѣшнаго ученія, неудовлетворительныхъ свидѣтельствъ со стороны иноземныхъ наставниковъ [1]).

Сохранилась инструкція, данная Петру Толстому, при отправленіи его за границу, въ 1697 году. Въ ней сказано, что онъ по-

[1]) См. донесеніе Плейера у Устрялова, III, 633.

сланъ «для науки воинскихъ дѣлъ». Онъ долженъ былъ научиться: 1) знать чертежи или карты, компасы «и прочіе признаки морскіе», 2) владѣть судномъ, знать спасти и инструменты, парусы, веревки и проч.; далѣе, ему предписывалось по возможности присутствовать въ битвахъ на морѣ; наконецъ, ему обѣщана особая награда, если онъ подробно изучитъ кораблестроеніе.

Отправленнымъ за границу молодымъ дворянамъ вмѣнялось въ обязанность привезти въ Россію «на своихъ проторяхъ» двухъ иностранныхъ мастеровъ; въ бо̀льшей части случаевъ, путешественники содержались не на счетъ казны, а изъ собственнаго кармана [1]).

За этой первой, какъ видно, довольно многочисленной группой путешественниковъ, уѣхавшихъ въ январѣ 1697 года, слѣдовала вторая, состоявшая изъ «волонтеровъ» при посольствѣ Лефорта, Головина и Возницына [2]). Въ іюлѣ 1697 года, т. е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда этой второй группы, австрійскій дипломатическій агентъ, Плейеръ, доносилъ императору Леопольду: «ежедневно отсюда молодые дворяне отправляются въ Голландію, Данію и Италію» [3]).

Во время своего пребыванія за границею, царь, по возможности, слѣдилъ за ученіемъ и занятіями своихъ подданныхъ за границею. Такъ, напр., онъ, въ августѣ 1697 года, писалъ къ Виніусу: «спальники, которые прежде насъ посланы сюды, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ перемѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать» и проч. Посылая князю Ромодановскому собственноручно составленный списокъ учащимся въ Голландіи русскимъ, Петръ сообщаетъ, что такіе-то «отданы на Остъиндскій дворъ къ корабельному дѣлу», другіе учатся «всякимъ водянымъ мельницамъ»; что тѣ «мачты дѣлаютъ», другіе опредѣлены «къ ботовому дѣлу», или «къ парусному дѣлу», или «блоки дѣлать», или «бомбардирству учиться», или «пошли на корабли въ разныя мѣста въ матросы», и проч. [4]).

Были случаи сопротивленія русскихъ, которыхъ заставляли учиться за границею [5]); разсказывали объ одномъ русскомъ дво-

---

[1]) См. статью Н. Попова о П. Толстомъ въ журналѣ «Атеней», 1859, стр. 301 и слѣдующія.

[2]) См. полный списокъ у Устрялова, III, 575—576.

[3]) Устряловъ, III, 637.

[4]) Тамъ-же, III, 426.

[5]) Штелинъ, «Анекдоты о Петрѣ Великомъ». Москва, 1830, III, 5.

рянинѣ, отправленномъ въ Венецію ради ученія, что онъ, изъ ненависти къ чужбинѣ и изъ опасенія впасть въ ересь латинянъ, не выходилъ изъ своей комнаты [1]). «И я, грѣшникъ, въ первое несчастіе опредѣленъ», говорилъ одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ, отправленныхъ за границу учиться. Другой писалъ изъ-за границы къ родственникамъ: «житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное... Наука определѣна самая премудрая; хотя мнѣ всѣ дни своего живота на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учиться языка, не знамо науки». Другіе жаловались на морскую болѣзнь и т. п. [2]).

Но были также случаи успѣшнаго и полезнаго ученія русскихъ за границею. Меншиковъ, назначенный царемъ учиться дѣланію мачтъ, успѣвалъ въ работѣ лучше всѣхъ. Головинъ, работавшій въ Саардамѣ, былъ веселъ и доволенъ. Объ одномъ изъ москвитянъ, учившихся въ Саардамѣ, сохранилось преданіе, что онъ работалъ на верфи весьма усердно, но, когда начинался роздыхъ, то къ нему являлся служитель съ умывальникомъ; господинъ умывалъ себѣ руки и перемѣнялъ платье. Любопытный примѣръ усердія представлялъ Петръ Андреевичъ Толстой. Онъ рѣшился пойдти, такъ сказать, на встрѣчу планамъ царя преобразователя. Будучи уже женатымъ и имѣя дѣтей, пятидесяти лѣтъ съ небольшимъ, онъ самъ вызвался ѣхать за границу для изученія морского дѣла. Въ то время, какъ другіе съ неудовольствіемъ покидали отечество для трудной и непривычной жизни за моремъ и возвращались въ Россію, не доучившись тому, чего требовалъ отъ нихъ Петръ, Толстой доказалъ своимъ путешествіемъ, что его способности равнялись скрывавшемуся въ немъ честолюбію. Онъ, чрезъ Польшу и Австрію, отправился въ Италію, по цѣлымъ мѣсяцамъ плавалъ по Адріатическому морю и получилъ свидѣтельство, что ознакомился совершенно съ морскимъ дѣломъ, картами морскихъ путей, названіемъ деревъ, парусовъ, веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ и проч. Побывавъ въ Мальтѣ, онъ получилъ свидѣтельство и оттуда, что встрѣчался съ турками и показалъ безстрашіе. Онъ отлично выучился итальянскому языку, въ Венеціи съ большимъ успѣхомъ занимался математикою и т. д. [3]).

---

[1]) Voltaire, «Hist. de Pierre le Grand», Paris, 1803, II, 208.

[2]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, 141—142.

[3]) См. статью Н. А. Попова о Толстомъ въ «Древней и Новой Россіи», 1875, I, 226.

Впрочемъ, русскіе, находившіеся за границею, учились не только морскому и военному дѣламъ, но также и другимъ предметамъ. Нѣкоторое число молодыхъ дворянъ было отправлено въ Берлинъ для изученія нѣмецкаго языка. Въ этомъ же городѣ нѣсколько русскихъ обучались «бомбардирству». Петру писали изъ Берлина, что о «Степанѣ Бужениновѣ съ товарищами свидѣтельствуетъ ихъ мастеръ, что они въ своемъ дѣлѣ исправны и начинаютъ геометрію учить» [1]). Объ Александрѣ Петровѣ, находившемся въ Ганноверѣ, доносилъ Лейбницъ, что тотъ уже успѣлъ выучиться нѣмецкому языку и перешелъ къ занятіямъ латинскимъ языкомъ [2]). Съ нѣкоторыми изъ этихъ молодыхъ людей Петръ самъ переписывался. Такъ, напримѣръ, въ отвѣтъ на письмо царя изъ Детфорда, Василій Корчминъ писалъ изъ Берлина: «мы съ Стенькою Бужениновымъ, благодаря Богу, по 20-е марта выучили фейерверкъ и всю артиллерію; нынѣ учимъ тригіометрію. Мастеръ нашъ—человѣкъ добрый, знаетъ много, намъ указываетъ хорошо... Изволишь писать, чтобы я увѣдомилъ, какъ Степанъ (т. е. Бужениновъ), не учась грамотѣ, гіометрію выучилъ, и я про то не вѣдаю: Богъ и слѣпцы просвѣщаетъ». Корчминъ жаловался, что учитель проситъ за ученье денегъ и требуетъ съ человѣка 100 талеровъ. Далѣе, ему поручено было собрать свѣдѣнія о жалованьѣ, которое получали офицеры и генералы въ арміи бранденбургскаго курфирста. Онъ и послалъ подробный списокъ всѣмъ этимъ даннымъ [3]).

И въ слѣдующее за путешествіемъ царя время не прекращалось отправленіе молодыхъ русскихъ за границу. Такъ, напр., въ 1703 году, 16 человѣкъ холмогорцевъ было отправлено въ Голландію, гдѣ въ то время находился вступившій въ русскую службу вице-адмиралъ Крюйсъ, которому и было поручено «раздать ихъ въ науки, кто куда годится». Около этого же времени, Петръ, желая доставить войскамъ своимъ хорошую школу и нуждаясь также въ деньгахъ, предлагалъ генеральнымъ штатамъ за деньги отрядъ русскаго войска на помощь противъ французовъ, но предложеніе это не было принято [4]).

Въ 1703 же году, одинъ русскій дворянинъ просилъ у царя дозволенія отправить своихъ малолѣтнихъ сыновей для воспитанія во Францію. Со стороны короля Людовика XIV было сдѣлано

---

[1]) Памятн. дипл. снош., VIII, 1221.
[2]) Guerrier, Leibniz, Beilagen, 34.
[3]) Устряловъ, III, 472—473.
[4]) Соловьевъ, XV, 57, 61.

Петру предложеніе прислать царевича Алексѣя для воспитанія въ Парижъ [1]). Еще раньше шла рѣчь объ отправленіи царевича, вмѣстѣ съ сыномъ Лефорта, въ Женеву [2]).

Мало по малу, русскіе дворяне начали привыкать къ мысли о необходимости ученія, о выгодахъ всесторонняго свѣтскаго образованія. Отецъ одного молодого аристократа, отправлешаго въ Голландію въ 1708 году, писалъ сыну между прочимъ: «нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не въ оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишься въ такихъ наукахъ, въ которыхъ тебѣ упражнятися довлѣетъ, дабы достойна себя сотворити ему, великому государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ тя изволитъ употребити; понеже великая есть и трудная преграда между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ». Затѣмъ отецъ совѣтуетъ сыну прилежно учиться нѣмецкому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, метематикѣ, архитектурѣ, фортификаціи, географіи, картографіи, астрономіи и пр. При этомъ сказано, что сынъ долженъ выучиться всему перечисленному не для того, чтобы сдѣлаться инженеромъ или морякомъ, но для того, чтобы имѣть возможность, при занятіи какой либо должности въ ратномъ дѣлѣ, судить о мѣрѣ добросовѣстности и правильности дѣйствій техниковъ-иностранцевъ.

Мало того, авторъ этого любопытнаго посланія къ сыну, отправленному въ Голландію для обученія, пишетъ: «не возбраняю же тебѣ между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія жизненныхъ въ тебѣ духовъ и честныя рекреаціи, имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и и пистолетомъ владѣти, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ копія съ различнымъ ружьемъ владѣть, и въ прочихъ подобныхъ тѣмъ честныхъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть» [3]).

Изъ этихъ замѣчаній видно, какъ измѣнился взглядъ русскаго высшаго общества на значеніе свѣтскаго образованія, въ эпоху царствованія Петра. Не задолго до этого, многіе русскіе считали «кавалерскія обученія» чѣмъ то въ родѣ ереси. Сообразно съ понятіями «домостроя», не только театръ, но даже «гуденіе, трубы, бубны, сопѣли, медвѣди, птицы и собаки ловчія, конское уриста-

---

[1]) Донесеніе Плейера у Устр. IV, 2, 622 и 623.

[2]) Устряловъ, III, 413.

[3]) Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ въ Москвѣ 1842, 295 и слѣд.—Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» т. CXII; стр. 779 я доказалъ, что авторомъ этого письма не могъ быть Иванъ Посошковъ, какъ полагалъ Погодинъ и какъ за нимъ думали весьма многіе ученые.

ніе» и т. п. считались грѣхомъ, достойнымъ вѣчнаго наказанія въ аду [1]). Незадолго до того времени, когда просвѣщенный вельможа совѣтовалъ сыну учиться иностраннымъ языкамъ и разнымъ наукамъ, раскольники ратовали противъ «нѣмецкихъ скверныхъ обычаевъ», противъ «любви къ западу», противъ «латинскихъ и нѣмецкихъ поступокъ» и пр.

Каково жилось русскимъ за границею и въ какой степени пребываніе тамъ могло быть весьма полезнымъ приготовленіемъ къ политической карьерѣ, видно изъ автобіографіи Ивана Ивановича Неплюева; онъ родился въ 1693 году, воспитывался въ училищѣ, устроенномъ какимъ то французомъ въ Москвѣ, и въ 1716 году, вмѣстѣ съ двадцатью другими воспитанниками этой школы, былъ отправленъ за границу для ученія. Сначала онъ отправился въ Венецію, гдѣ былъ въ дѣйствительной службѣ на тамошнемъ галерномъ флотѣ. Оттуда онъ и его товарищи поѣхали въ Испанію и учились тамъ въ морской академіи «солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать»; Неплюевъ разсказываетъ, что имъ было невозможно заниматься математикою, такъ какъ они не достаточно владѣли испанскимъ языкомъ. Въ 1720 году, они возвратились въ Россію. Во время своихъ переѣздовъ по Европѣ, они встрѣчали и другихъ русскихъ: въ Тулонѣ тогда жили 7 русскихъ гардемариновъ, которые учились во французской академіи «навигаціи, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строятся, боцманству и пр.». Въ Амстердамѣ, въ проѣздъ Неплюева съ товарищами, было около пятидесяти русскихъ; иные изъ нихъ учились «экипажеству и механикѣ», другіе «школьники»—всякимъ ремесламъ: мѣдному, столярному и судовымъ строеніямъ. По возвращеніи Неплюева въ Россію, самъ царь участвовалъ въ испытаніи, которому были подвергнуты онъ и его товарищи. При этомъ Петръ говорилъ: «видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству» [2]).

Число проживавшихъ въ Голландіи «школьниковъ» было дотого значительно, что къ нимъ былъ опредѣленъ особенный надзиратель, князь Иванъ Львовъ. До насъ дошли донесенія его къ царю, изъ которыхъ видно, что съ русскими, учившимися въ Голландіи и Англіи, случались непріятности. Молодежь входила въ долги; бы-

---

[1]) Домострой, изд. Яковлева, стр. 16.
[2]) «Рус. Арх.» 1871, 640.

вали драки, даже увѣчья. Львовъ спрашивалъ у царя инструкцій о планѣ ученія молодыхъ русскихъ, отправленныхъ за границу. Петръ отвѣчалъ: «учиться навигаціи зимой, а лѣтомъ ходить на морѣ, на всякихъ корабляхъ, и обучиться, чтобы возможно онымъ потомъ морскими офицерами быть».—Василій Васильевичъ Головинъ, въ своей автобіографіи объ ученіи въ Голландіи, замѣчаетъ лаконически: «въ Саардамѣ и въ Роттердамѣ учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи, съ 1713 по 1715 годъ, а потомъ возвращенъ въ Россію, гдѣ все-таки продолжалъ учиться въ морской академіи навигацкой наукѣ и солдатскому артикулу» и пр. Товарищами Головина въ Голландіи были люди изъ самыхъ знатныхъ фамилій: Нарышкины, Черкасскіе, Голицыны, Долгорукіе, Урусовы и пр. [1]).

Петръ все время зорко слѣдилъ за ученіемъ Русскихъ, отправленныхъ въ западную Европу. Кононъ Зотовъ, сынъ «нашшутѣйшаго всеяузскаго патріарха», учился за границею и писывалъ къ отцу о своихъ успѣхахъ; царь читалъ иногда эти письма, и однажды, похваливъ ревность молодого Зотова, выпилъ кубокъ за здоровье его. Довольно часто онъ и самъ писалъ къ Конону Зотову, который, находясь впослѣдствіи агентомъ царя во Франціи, давалъ Петру совѣты въ родѣ слѣдующихъ: «понеже офицеры въ адмиралтействѣ суть люди приказные, которые повинны юриспруденцію и прочія права твердо знать, того ради не худо бы, если бы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать двухъ или трехъ человѣкъ лучшихъ латинистовъ изъ средней статьи людей, т. е. не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ,—для того, что вездѣ породные презираютъ труды (хотя по пропорціи ихъ породъ и имѣнія, должны также быть и въ наукѣ отмѣнны предъ другими), а подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить,—и тѣхъ латинистовъ прислать сюда, дабы прошли оную науку и знали бы, какъ суды и всякія судейскія дѣла обходятся въ адмиралтействѣ. Я чаю, что сіе впредь нужно будетъ. Прошу милосердія въ винѣ моей дерзости: истинно, государь, сія дерзость не отъ единаго чего, только отъ усердія» и пр. [2]).

Въ 1716 году, по случаю учрежденія коллегій, было сдѣлано распоряженіе: «послать въ Кролевецъ (Кенигсбергъ) человѣкъ тридцать или сорокъ, выбравъ изъ молодыхъ подьячихъ, для наученія нѣмецкаго языка, дабы удобнѣе въ Коллегіумѣ были, и послать за

---

[1]) Пекарскій, 141—142.
[2]) Тамъ-же, 157.

ними надзирателя, чтобы не гуляли» [1]). Въ 1719 году, отправлено за границу около тридцати человѣкъ молодыхъ русскихъ, для изученія медицины подъ руководствомъ доктора Блументроста. Въ 1715 году, Петръ сдѣлалъ одному агенту, находившемуся за границею, слѣдующія замѣчанія: «ѣхать во Францію въ порты морскіе, а наипаче гдѣ главный флотъ ихъ, и тамъ, буде возможно и вольно жить и присматривать волонтирамъ, то быть волонтиромъ, буде же невозможно, то принять какую службу. Все, что по флоту надлежитъ на морѣ и въ портахъ, сыскать книги, также чего нѣтъ въ книгахъ, но отъ обычая чинятъ, то пополнить и все перевесть на славянской языкъ нашимъ штилемъ, токмо храня то, чтобъ дѣла не поронить, а за штилемъ ихъ не гнаться. Суворова и Туволкова отправить въ Мардикъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, также и на тотъ каналъ, который изъ океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ, чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могли тѣхъ фабрикъ учиться». Одному «ученику» было поручено въ Англіи учиться пушечному литью, однако въ Англіи находили, что это «несходно съ правами здѣшняго государства» [2]).

Поводы къ отправленію молодыхъ людей за границу становились все болѣе и болѣе разнообразными. Въ 1716 году, было велѣно «на Москвѣ выбрать изъ латинскихъ школъ изъ учениковъ робятъ добрыхъ, молодыхъ пять человѣкъ, для посылки въ Персиду для ученія языкамъ турецкому, арабскому и персидскому» [3]). Немного позже были отправлены: Земцовъ и Еропкинъ въ Италію, для обученія архитектурѣ, Никитинъ и Матвеевъ въ Голландію, для обученія живописи, Башмаковъ и нѣкоторые другіе также въ Голландію, для обученія каменщичьему ремеслу [4]). Во многихъ случаяхъ русскіе сами просили позволенія отправиться за границу. Братъ вышеупомянутаго Конона Зотова, Иванъ, просилъ позволенія ѣхать за границу лѣчиться [5]). Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, отправляя своего малолѣтняго сына за границу для воспитанія, просилъ царя: «повели, государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину [6]), чтобъ сына моего своею протекціею не оставилъ; по-

[1]) П. С. З. 2986 и 2987.
[2]) Соловьевъ, XVI, 311.
[3]) П. С. З. 2978.
[4]) Штелинъ, Анекдоты, I, № 100 и № 66.
[5]) Соловьевъ, XVI, 301.
[6]) Русскому послу въ Голландіи.

вели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его въ академію для сціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенія; умилостивься, государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который современемъ можетъ вашему величеству заслужить» [1]). Пріобрѣтшій впослѣдствіи, при императрицѣ Елизаветѣ, знаменитость министръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ во время Петра учился въ одной гимназіи въ Берлинѣ, а затѣмъ, впро-

Петръ I экзаменуетъ учениковъ, возвратившихся изъ-за границы.
Съ картины Н. Н. Каразина.

долженіе нѣсколькихъ лѣтъ, находился при англійскомъ дворѣ на службѣ [2]).

Въ 1722, 1723 и 1724 годахъ, пріѣхали изъ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые, учившіеся тамъ: «столяры домоваго дѣла трое, столяры кабинетнаго дѣла четверо, столяры, которые дѣлаютъ кровати, стулья и столы, двое, замочнаго мѣднаго дѣла четверо, мѣднаго литейнаго дѣла двое, грыдоровальнаго одинъ, инструментовъ математическихъ одинъ». Петръ велѣлъ построить имъ дворы и давать жалованье два года, а потомъ дать каждому

[1]) Соловьевъ, XVIII, 63.

[2]) Штелинъ, II, стр. 155. О пребываніи Бестужева въ Англіи см. нѣкоторыя любопытныя данныя въ донесеніяхъ Роботона, см. изд. Германа, «Zeitgenöss Ber. z. Gesch. Russlands», Leipzig, 1880, стр. 187—188, 197.

«на заводъ денегъ съ довольствомъ, дабы кормились своею работою, и о томъ имъ объявить, чтобъ заводились и учениковъ учили, а на жалованье бы впередъ не надѣялись» [1]).

Какъ видно, во время Петра, русскіе цѣлыми сотнями проживали за границею. Въ жизни каждаго изъ нихъ пребываніе въ западной Европѣ составляло эпоху. Русскіе дипломаты, до царствованія Петра бывшіе за границею лишь проѣздомъ, не могли въ такой мѣрѣ вникнуть въ самую суть западно-европейской цивилизаціи, какъ «ученики» Петровскаго времени, проживавшіе по нѣскольку лѣтъ въ Голландіи, Англіи, Франціи и Германіи, и невольно находившіеся подъ вліяніемъ той среды, которая ихъ окружала на западѣ и которая во многихъ отношеніяхъ отличалась отъ русскаго общества того времени.

Впрочемъ, «ученики», отправленные за границу, обыкновенно были плохо приготовлены къ ученію. Многіе изъ нихъ отличались грубостью нравовъ, нерадѣніемъ къ ученію, равнодушіемъ къ вопросамъ науки; нѣкоторые даже оказывались склонными къ преступнымъ дѣйствіямъ. Священникъ, находившійся при Александрѣ Петровѣ, который въ Ганноверѣ учился нѣмецкому и латинскому языкамъ, велъ себя въ высшей степени безнравственно и однажды пытался убить Петрова [2]). Зотовъ писалъ царю изъ Франціи: «господинъ маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги». Немногимъ позже новое письмо: «гардемаринъ Глѣбовъ поколoлъ шпагою гардемарина Барятинскаго и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ (французовъ) такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно, на поединкахъ, лицемъ къ лицу», и пр. Подобныя жалобы слышались и отъ русскаго посланника въ Англіи, Веселовскаго, который писалъ: «ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины... и хотя я ихъ добромъ и угрозами уговаривалъ, чтобъ они волѣ вашего величества послушны были, однакожъ они въ противности пребы-

[1]) Соловьевъ, XVIII, 187.
[2]) Письмо Рёбера къ Лейбницу въ соч. Герье, стр. 34.

ваютъ, надѣясь на то, что я ихъ наказать не могу безъ воли вашего величества, и что, по обычаю здѣшняго государства, наказывать иначе нельзя, какъ по суду» [1]). Львовъ, которому, какъ мы видѣли, былъ порученъ надзоръ надъ молодыми русскими, учившимися за границею, въ 1711 году, убѣдительно просилъ не посылать навигаторовъ въ Англію «для того, что и старые тамъ научились больше пить и деньги тратить». Графъ Литта писалъ изъ Англіи: «тщился я ублажить англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ». Львовъ совсѣмъ вышелъ изъ терпѣнія и писалъ: «изсушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое; я бы радъ, чтобъ они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости» и пр. [2]). И въ Голландіи происходили непріятности. Типографщикъ Копіевскій въ Амстердамѣ давалъ уроки русскимъ князьямъ и боярамъ, по повелѣнію царя; ученики потомъ разъѣхались, не сказавъ и спасибо своему наставнику, а двое изъ нихъ даже увезли у Копіевскаго, не заплативъ денегъ, четыре глобуса. Подобныхъ случаевъ было нѣсколько [3]). Даже на самого Львова присылались доносы, что онъ «хаживалъ самымъ нищенскимъ образомъ, всей Голландіи былъ на посмѣшище, бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ» и пр. Нѣкоторые изъ русскихъ за долги въ Англіи сидѣли подъ карауломъ; о какомъ-то Салтыковѣ писали, что онъ, «прибывъ въ Лондонъ, сдѣлалъ банкетъ про нечестныхъ женъ и имѣетъ метрессу, которая ему втрое коштуетъ, чѣмъ жалованье» [4]).

Впрочемъ, бывали случаи, что русскіе оставались безъ денегъ не по собственной винѣ. Сохранились нѣкоторыя письма «учениковъ», пребывавшихъ въ Италіи и во Франціи, къ самому царю, къ кабинетъ-секретарю Макарову, въ которыхъ они жаловались, что ихъ оставляютъ безъ денегъ и что, вслѣдствіе этого, они находятся въ отчаянномъ положеніи [5]).

Вообще говоря, русскіе, учившіеся за границею, не пользовались особенно хорошею репутаціею. Когда, въ 1698 году, началось въ Голландіи ученіе, было сдѣлано замѣчаніе, что русскіе ничему не учатся, что развѣ только царевичъ Александръ Имеретинскій

---

[1]) Соловьевъ, XVI, 302—303.
[2]) Пекарскій, I, 141.
[3]) Тамъ-же, I, 14.
[4]) Соловьевъ, XVI, 406.
[5]) Пекарскій, I, 158, 163.

обнаруживаетъ нѣкоторую охоту къ ученію, и что только самъ царь умѣетъ учиться, какъ слѣдуетъ [1]).

Нѣкоторые иностранцы, проживавшіе въ Россіи и наблюдавшіе за преобразованіями Петра, какъ, напр., ганноверскій резидентъ Веберъ и прусскій дипломатъ Фокеродтъ, сомнѣвались въ пользѣ отправленія молодыхъ русскихъ для ученія за границу. По ихъ мнѣнію, русскіе за границею обнаруживали особенную способность научиться всему худому, и что, усвоивъ себѣ за границею нѣкоторый внѣшній лоскъ, они остаются по прежнему невѣждами и, возвращаясь на родину, въ короткое время лишаются даже и этого внѣшняго лоска, пріобрѣтеннаго на западѣ. Техническое обученіе русскихъ, по мнѣнію Вебера, не оказывало ни малѣйшаго вліянія на ихъ нравственность и т. п. Достойно вниманія замѣчаніе Вебера, что было отправлено за границу для ученія «нѣсколько тысячъ» русскихъ [2]).

Эти взгляды оказываются односторонними, несправедливыми. И техническое образованіе, и внѣшній лоскъ въ пріемахъ общежитія въ большей части случаевъ не могли не оказывать нѣкотораго вліянія на развитіе и образованіе русскихъ путешественниковъ. Уже ознакомленіе съ иностранными языками должно было имѣть большое значеніе. Въ этомъ же отношеніи русскіе обнаруживали необычайную способность. Сынъ русскаго посланника въ Польшѣ, Тяпкина, однажды привѣтствовалъ короля Яна Собѣсскаго рѣчью, въ которой благодарилъ его за «науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ». Рѣчь эта говорилась по-латини, «довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ надлежитъ» [3]). Толстой и Неплюевъ, побывавшіе въ Италіи, именно благодаря совершенному знакомству съ итальянскимъ языкомъ, были способны занять трудный постъ русскаго посла въ Константинополѣ. Татищевъ столь охотно занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ, что, и во время своего пребыванія на Уралѣ для надзора надъ горными заводами, имѣлъ при себѣ двухъ студентовъ, для своего усовершенствованія въ знаніи латинскаго, французскаго, шведскаго и нѣмецкаго языковъ. Письма и записки русскихъ путешественниковъ изобилуютъ галлицизмами

---

[1]) Meermann. «Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, principalement en Hollande». Paris, 1812.

[2]) Weber, «Verändertes Russland», I, 12. Herrmann, «Zeitgenössische Berichte aus d. Zeit Peters d. Gr.» Leipzig, 1872, 107.

[3]) Соловьевъ, XII, 225.

и германизмами, словами и оборотами, заимствованными изъ итальянскаго, испанскаго и др. языковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ русскихъ, путешествовавшихъ за границею, имѣли полную возможность составить себѣ точное понятіе о выгодахъ и преимуществахъ западно-европейской цивилизаціи, о необходимости подражать во многомъ иностранцамъ. Такъ, напр., Шереметевъ, Курбатовъ, Татищевъ, Толстой своимъ многостороннимъ образованіемъ, развитіемъ своихъ политическихъ способностей, были главнымъ образомъ обязаны пребыванію за границею, изученію нравовъ, обычаевъ, учрежденій запада. Уваженіе къ другимъ народамъ у такихъ людей являлось весьма важнымъ результатомъ ближайшаго знакомства съ ними. Развитіе понятій о государственныхъ учрежденіяхъ и объ условіяхъ общественнаго развитія было плодомъ нагляднаго обученія, сопряженнаго съ такого рода путешествіями. Пребываніе за границею являлось самымъ удобнымъ средствомъ для избавленія отъ прежней замкнутости, для уничтоженія множества предразсудковъ и одностороннихъ воззрѣній, для устраненія, однимъ словомъ, началъ китаизма. Соприкосновеніе съ другими народами должно было содѣйствовать развитію сознанія о хорошихъ и дурныхъ чертахъ собственнаго національнаго характера.

Андрей Артамоновичъ Матвеевъ.
Съ гравированнаго портрета Колпакова.

Стоитъ только пересмотрѣть записки русскихъ людей, находившихся за границею, чтобы убѣдиться въ пользѣ такого непосредственнаго сближенія съ Европою. Изъ нихъ видно, что путешественники дѣлались болѣе опытными въ дѣлахъ внѣшней политики, въ пріемахъ дипломатическихъ сношеній; они кое-что узнавали объ исторіи и географіи тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжали и въ которыхъ проживали; они могли сравнивать западно-европейскій бытъ съ русскимъ, напр., въ отношеніи къ народному хозяйству; они видѣли на западѣ множество предметовъ роскоши, совсѣмъ до того неизвѣстныхъ въ Россіи, произведенія искусствъ, ученыя коллекціи и пр.; они знакомились съ богослуженіемъ разныхъ исповѣданій и пр.

Особеннымъ даромъ наблюденія отличался Петръ Андреевичъ Толстой, изъ путевыхъ записокъ котораго видно, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми новыми явленіями, окружавшими его въ Польшѣ, въ Силезіи, въ Австріи и въ Италіи, и какъ тщательно онъ осматривалъ церкви и монастыри, дворцы государей и вельможъ, дома частныхъ лицъ, гостинницы и больницы, сады и водопроводы, архитектурные памятники и промышленные заводы. Мы встрѣчаемъ его то въ академіи въ Ольмютцѣ, то при какомъ-то судебномъ слѣдствіи въ Венеціи, то онъ осматриваетъ библіотеку какого-то капуцинскаго монастыря, то присутствуетъ при докторскомъ диспутѣ въ одномъ изъ итальянскихъ университетовъ или посѣщаетъ аптекарскій садъ въ Падуѣ; онъ упоминаетъ о какой-то рукописи, приписываемой св. Амвросію, о математическихъ книгахъ, о гравюрахъ, о фрескахъ и пр. Мѣстами онъ сравниваетъ страны и народы между собою. Такъ, напр., не ускользнуло отъ его вниманія, что въ Силезіи и Моравіи народное богатство находилось на болѣе высокой степени, чѣмъ въ Польшѣ, что разныя ткани въ верхней Италіи продаются гораздо дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ; онъ предпочитаетъ жителей Милана венеціанцамъ и т. п. Ему не понравилась «пьяная глупость поляковъ», не успѣвшихъ построить мостъ черезъ Вислу; относительно политическаго быта въ Польшѣ онъ замѣчаетъ: «поляки дѣломъ своимъ во всемъ подобятся скотамъ, понеже не могутъ никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ боя и безъ драки». За то онъ удивлялся рабочей силѣ и предпріимчивости итальянцевъ, замѣчая: «всюду и во всемъ ищутъ прибыли». Его удивило то, что въ Польшѣ женщины разъѣзжаютъ по городу въ открытыхъ экипажахъ «и въ зазоръ себѣ того не ставятъ», что въ Вѣнѣ, по случаю процессіи, императоръ Леопольдъ шелъ самъ и свободно, т. е. что его не водили «подъ

руки», какъ это при подобныхъ случаяхъ бывало въ Россіи, что въ Венеціи не было пьяныхъ, что при азартныхъ играхъ въ Италіи не бывало обмана, что при судопроизводствѣ въ Неаполѣ всѣ держали себя чинно и что судья обращался съ обвиненными и свидѣтелями тихо и учтиво, не кричалъ на нихъ, не ругался. Особенно же любопытнымъ казалось Толстому, что въ Италіи народъ предается веселію «безъ страху», что тамъ существуетъ «вольность», что всѣ живутъ «безъ обиды» и «безъ тягостныхъ податей» и пр. [1]).

Одновременно съ Толстымъ, и бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ путешествовалъ по Польшѣ, Австріи и Италіи. Онъ не былъ «ученикомъ»; за то, быть можетъ, онъ имѣлъ отъ царя тайныя дипломатическія порученія. Въ его «путевой граматѣ» сказано, что онъ отпущенъ за границу «по его охотѣ», «для вѣдѣнія тамошнихъ странъ и государствъ». Какъ видно изъ «Записки путешествія» Шереметева, бояринъ имѣлъ случай бесѣдовать съ высокопоставленными лицами, напр., съ королемъ польскимъ, съ императоромъ, съ венеціанскими сенаторами, съ папою, съ мальтійскими рыцарями и пр. И Шереметевъ, подобно Толстому, оказывается хорошимъ наблюдателемъ. Такъ, напр., онъ замѣчаетъ разницу между архитектурою во Флоренціи, съ одной стороны, и въ Римѣ и Венеціи—съ другой. Особенно тщательно онъ осмотрѣлъ богоугодныя заведенія, больницы и сиротскіе дома въ Италіи и пр.

Не менѣе любопытны путевыя записки одного вельможи, бывшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи и особенно подробно описывающаго видѣнные имъ предметы роскоши, произведенія искусства, ученыя коллекціи и т. п. Этотъ путешественникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, отличался, очевидно, особенною любознательностью и воспріимчивостью. Онъ завелъ знакомство съ итальянскими аристократами-богачами, бывшими въ то же время и меценатами, живалъ въ великолѣпныхъ дворцахъ князей Памфили и Боргезе, сошелся съ кардиналами въ Римѣ, съ сенаторами во Флоренціи и пр. [2]).

Мы раньше говорили о тщательномъ воспитаніи, которое получилъ Андрей Артамоновичъ Матвеевъ. Нельзя удивляться тому, что онъ оказался хорошо приготовленнымъ для пребыванія за границею и что его разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него

---

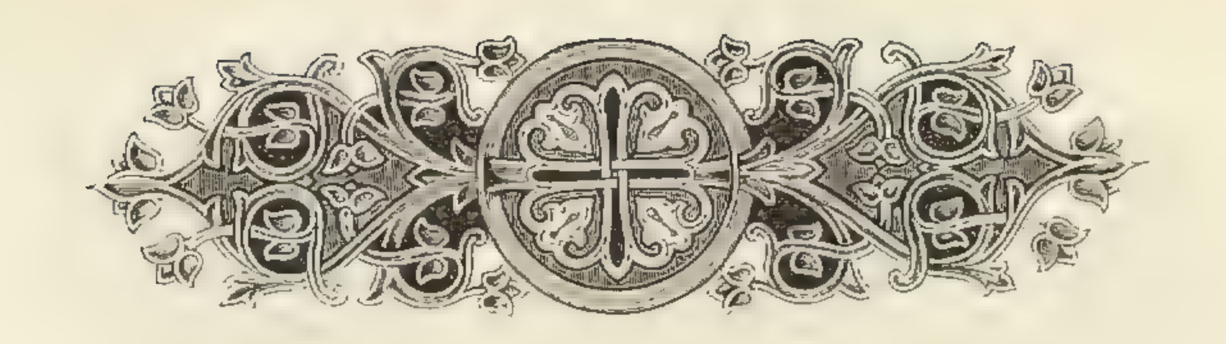
[1]) См. извлеченіе изъ записокъ Толстого въ «Атенеѣ» 1859 г., стр. 300 и слѣд.

[2]) См. нѣкоторыя подробности о путешествіи Шереметева и Незнакомца въ моей монографіи «Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1877 года (мартъ, апрѣль, іюль).

западно-европейскою культурою, оказывается особенно любопытнымъ. Онъ, въ первые годы XVIII вѣка нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Голландіи, Англіи, Франціи и Австріи. Кажется, ему особенно понравилась Франція. Хотя его и поразила въ этой странѣ бѣдность сельскаго населенія, страдавшаго отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, хотя онъ и порицалъ финансовую систему Франціи, но удивлялся тому, что во Франціи никто не можетъ безнаказанно нанесть обиду другому, что и самъ король не имѣетъ власти сдѣлать кому-либо «насилованіе», что не бываетъ случаевъ произвольной конфискаціи имущества, что принцы и вельможи не могутъ дѣлать народу «тѣсноты», что строжайше запрещено брать взятки и пр. Ничто, однако, такъ не интересовало Матвеева, какъ тщательность воспитанія дѣтей высшихъ классовъ общества во Франціи. Онъ разсказываетъ, что молодыхъ людей обучаютъ математикѣ, географіи, ариѳметикѣ, воинскимъ дѣламъ, конной ѣздѣ, танцамъ, пѣнію и пр., что и женщины занимаются науками и искусствомъ, не считая для себя «зазоромъ во всѣхъ честныхъ поведеніяхъ обращаться». Онъ говоритъ подробно о визитахъ и «ассамблеяхъ», о домашнемъ театрѣ у нѣкоторыхъ французскихъ вельможъ, о балахъ и маскарадахъ, о стараніи мужчинъ и женщинъ усовершенствоваться въ произношеніи французскаго языка и пр. Искусство французовъ бесѣдовать другъ съ другомъ восхищало Матвеева. Для него было столько же новымъ, сколько привлекательнымъ зрѣлищемъ, какъ въ салонной болтовнѣ мужчины и женщины говорили, по выраженію Матвеева, «со всякимъ сладкимъ и человѣколюбивымъ пріемствомъ и учтивостью [1]).

Какъ видно изъ всего сказаннаго, между русскими, находившимися за границею, были многіе, умѣвшіе цѣнить преимущества культуры западно-европейской. И они сами, и всѣ тѣ, кому они сообщали о видѣнномъ и слышанномъ ими за границею, учились смотрѣть на иныя государства и народы иначе, чѣмъ прежде. Слѣдствіемъ такихъ поѣздокъ было расширеніе кругозора русскихъ; благодаря имъ, обезпечивалось дальнѣйшее сближеніе съ западомъ.

[1]) Записки Матвеева напечатаны Пекарскимъ въ «Современникѣ» 1856 г., отд. II, стр. 39—66.



ГЛАВА III.

Иностранцы въ Россіи.

Нельзя было довольствоваться отправленіемъ молодыхъ русскихъ дворянъ для ученія за границу. Нужно было приглашать иностранныхъ наставниковъ въ Россію. Сотни и даже тысячи мастеровъ, ремесленниковъ, инженеровъ, моряковъ и пр. при Петрѣ пріѣхали въ Россію. Появленіе иноземцевъ въ Россіи было гораздо менѣе новымъ дѣломъ, чѣмъ появленіе русскихъ учениковъ въ западной Европѣ. Какъ мы видѣли, московскіе государи уже въ XV и XVI столѣтіяхъ приглашали изъ Италіи и Германіи артиллеристовъ и литейщиковъ, рудознатцевъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, аптекарей и врачей, архитекторовъ и оружейныхъ мастеровъ.

Борисъ Годуновъ намѣревался устроить въ Россіи высшія школы, по образцу германскихъ университетовъ, и въ 1600 году отправилъ иностранца Іогана Крамера за границу, для приглашенія профессоровъ. За границею тогда восхваляли царя Бориса за подобную мысль; одинъ профессоръ юриспруденціи назвалъ царя отцомъ отечества, просвѣщеннымъ государемъ и проч.; другой сравнивалъ его съ Нумою Помпиліемъ и т. п.

Въ то время, когда родился Петръ, число иностранцевъ вообще, проживавшихъ въ Россіи, по мнѣнію одного иностранца-

путешественника, доходило до 18,000 человѣкъ [1]). Это число увеличивалось постепенно въ теченіе царствованія Петра.

Еще до своего путешествія, царь, главнымъ образомъ чрезъ Лефорта, выписывалъ изъ-за границы фейерверкеровъ, инженеровъ, врачей, ремесленниковъ и военныхъ. Лефортъ, въ своихъ письмахъ къ родственникамъ и знакомымъ, выставлялъ на видъ, что иностранцы пользуются въ Россіи расположеніемъ правительства и получаютъ очень порядочное жалованье. Не мудрено, что между пріѣзжими иностранцами находились родственники Лефорта [2]). Азовскіе походы, сооруженіе флота, какъ мы видѣли, побудили царя вызвать значительное число инженеровъ, канонировъ, корабельныхъ капитановъ, плотниковъ, кузнечныхъ мастеровъ, канатниковъ, парусныхъ дѣлъ мастеровъ и проч. [3]).

Въ инструкціи посламъ, въ свитѣ которыхъ находился самъ царь, было сказано, что Лефортъ, Головинъ и Возницынъ должны «сыскать капитановъ добрыхъ, которые бы сами въ матрозахъ бывали», «поручиковъ и подпоручиковъ», «боцмановъ, констапелевъ, стурмановъ, матрозовъ», затѣмъ «ропшлагеровъ, маштъ-макеровъ, римакеровъ, блокъ-макеровъ, шлюпъ-макеровъ, пумпъ-макеровъ, маляровъ, кузнецовъ», «пушечныхъ мастеровъ, станочныхъ плотниковъ», «лѣкарей» и проч. [4]). Во время путешествія, Лефортъ постоянно былъ занятъ наймомъ иностранцевъ. Въ Ригѣ онъ «приговорилъ для садовнаго на Москвѣ строенія» садовника [5]), въ Кенигсбергѣ нанялъ нѣкоторое число музыкантовъ [6]). Самъ Петръ занимался выборомъ разныхъ мастеровъ для отправленія ихъ въ Россію, переписываясь объ этомъ предметѣ весьма усердно съ Виніусомъ. «Мы о семъ непрестанно печемся», пишетъ онъ 31-го августа 1697 года. Въ письмѣ отъ 10-го сентября сказано: «изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружье и замки, зѣло добрыхъ сыскали и пошлемъ, не мѣшкавъ; а мастеровъ же, которые льютъ пушки, бомбы и проч., еще не сыскали; а какъ сыщемъ, пришлемъ, не мѣшкавъ». Въ письмѣ отъ 29-го октября: «а что пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, что въ томъ дѣлѣ бургумистръ

---

1) См. мое соч. «Culturhistorische Studien», статья II, «Die Ausländer in Russland», Riga, 1878, 74. — Не слишкомъ ли высока эта цифра, встрѣчающаяся въ сочиненіи Рейтенфельса «De rebus moscoviticis»?

2) Posselt, II, 101—107, 110—120.

3) Устряловъ, II, 389—394.

4) Тамъ-же, III, 8—10.

5) «Пам. дипл. снош.», VIII, 772.

6) Тамъ-же, VIII, 833—34.

Вицынъ можетъ радѣніе показать и сыскать: о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ; и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля польскаго чрезъ его посла добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ». Объ этихъ «желѣзныхъ мастерахъ» Петръ писалъ изъ Детфорда, 29-го марта 1698 года: «здѣсь достать можно, только дороги; а въ Голландской землѣ отнюдь добиться не могли» и т. п. [1]). Лефортъ въ это время чуть не ежедневно былъ занятъ переговорами съ разными лицами, желавшими вступить въ русскую военную службу. Онъ писалъ своимъ родственникамъ, что имѣетъ порученіе приговорить до 300 офицеровъ [2]).

Въ Детфордѣ Петръ утвердилъ условія, на которыхъ соглашался вступить въ русскую службу одинъ изъ лучшихъ голландскихъ капитановъ, Корнелій Крейсъ (Cruys). Послѣдній же, по порученію царя, нанялъ: 3-хъ корабельныхъ капитановъ, 23 командировъ, 35 поручиковъ, 32 штурмановъ и подштурмановъ, 50 лекарей, 66 боцмановъ, 15 констапелей, 345 матросовъ и 4 «коковъ», или поваровъ. Офицеры были почти исключительно голландцы; матросы—отчасти шведы и датчане; между лекарями, при выборѣ которыхъ оказывалъ помощь профессоръ Рейшъ (Ruysch), были многіе французы [3]).

Въ Англіи было нанято 60 человѣкъ, между которыми замѣчательнѣйшею личностью былъ инженеръ Джонъ Перри, спеціалистъ при постройкѣ доковъ и каналовъ, авторъ богатой содержаніемъ книги о Россіи.

Служилые люди, нанятые въ Голландіи и Англіи, были отправлены на нѣсколькихъ корабляхъ къ Архангельску. На тѣхъ же корабляхъ, въ ящикахъ, сундукахъ и бочкахъ, подъ клеймомъ «П. М.» (Петру Михайловичу), были привезены въ Россію разныя вещи, купленныя въ Амстердамѣ и Лондонѣ «про обиходъ государя»: ружья, пистолеты, парусное полотно, гарусъ, компасы, пилы желѣзныя, плотничные иструменты, блоки, китовые усы, картузная бумага, корка, якори, пушки, дерево пакгоутъ и яспевое и пр. [4]).

Въ Саксоніи и въ Австріи Петръ, какъ кажется, не имѣлъ случая нанимать иностранцевъ; за то въ Польшѣ онъ приговорилъ

---

[1]) Устряловъ, III, 425, 427, 430, 434, 435, 437.

[2]) Posselt. II, 452—454.

[3]) Устряловъ, III, 104 и слѣд.

[4]) Тамъ-же, III, 110.

нѣкоторыхъ нѣмецкихъ офицеровъ ко вступленію въ русскую службу [1]). Какъ видно, и эта цѣль путешествія была достигнута совершенно. Поводомъ къ найму иностранцевъ служила турецкая война. Однако, за границею считали вѣроятнымъ, что пребываніе въ Россіи столь значительнаго числа иностранцевъ окажется средствомъ образованія народа. Поневолѣ, спеціалисты разнаго рода должны были сдѣлаться наставниками русскихъ въ области тактики, стратегіи, гражданской архитектуры, медицины и пр. Приглашая въ столь значительномъ числѣ иностранцевъ-техниковъ, Петръ не упускалъ изъ виду общеобразовательнаго вліянія, котораго можно было ожидать отъ такихъ мѣръ. Достопамятенъ въ этомъ отношеніи тонъ и характеръ указа 1702 года, въ которомъ говорится о необходимости приглашенія иностранцевъ и указано на начала вѣротерпимости, которыми руководствовался царь при этомъ случаѣ. Тутъ сказано, что правительство отмѣнило и уничтожило «древній обычай, посредствомъ котораго совершенно воспрещался иностранцамъ свободный въѣздъ въ Россію», и что такая мѣра вызвана искреннимъ желаніемъ царя, «какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе»; для достиженія этой цѣли, правительство «учинило нѣкоторыя перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться по нынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становится во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ». Далѣе сказано: «понеже здѣсь, въ столицѣ нашей, уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею церковью несогласныхъ христіанскихъ сектъ,— того ради и оное симъ вновь подтверждается, такимъ образомъ, что мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей [2]). Итакъ мы крѣпко того станемъ смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю, никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія, обезпокоенъ не былъ» и т. д. [3]).

Число иностранцевъ, вызываемыхъ въ Россію, росло постоянно. Турецкая война, въ концѣ XVII вѣка, шведская—въ началѣ XVIII,

[1]) Weber, «Verändertes Russland», III, 235.

[2]) Почти слово въ слово сходно съ знаменитымъ изреченіемъ Фридриха Великаго нѣсколько десятилѣтій позже: «in meinem Lande kann Jeder nach seiner Façon selig werden».

[3]) П. С. З. № 1910.

заставляли русское правительство надѣяться главнымъ образомъ на содѣйствіе иностранныхъ моряковъ, офицеровъ и инженеровъ. Затѣмъ, реформы Петра въ области администраціи и законодательства, народной экономіи, искусствъ, наукъ и пр., служили поводомъ къ приглашенію спеціалистовъ совершенно другого рода. Русскіе послы, находившіеся за границею, должны были приговаривать ко вступленію въ русскую службу, наприм., садовниковъ, земледѣльцевъ, форстмейстеровъ, плавильщиковъ мѣди, дѣлателей стали. Изъ

Адмиралъ Крюйсъ.

Съ рѣдкой голландской гравюры Кнюйна, находящейся въ коллекціи П. Я. Дашкова.

Англіи былъ вызванъ учитель математики Фергарсонъ. Когда царь рѣшилъ устроить коллегіи, то поручилъ генералу Вейде достать иностранныхъ ученыхъ, въ особенности юристовъ, «для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ» [1]). Резиденту при императорскомъ дворѣ, Веселовскому, царь писалъ: «старайся сыскать въ нашу службу изъ шрейберовъ (писарей) или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ, изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской, изъ бемчанъ (чеховъ), изъ шлепцевъ (силезцевъ) или моравцевъ, ко-

[1]) Соловьевъ, XVI, 186.

торые знаютъ по славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла здѣсь основать» [1]). По случаю кончины прусскаго короля Фридриха I, резидентъ Головкинъ писалъ: «многимъ людямъ нынѣшній король отъ двора своего отказалъ, и впредь чаемъ больше въ отставкѣ будетъ, между которыми есть много изъ мастеровыхъ людей, которые службу ищутъ; отпустите генерала Брюса въ Берлинъ для найму мастеровыхъ людей знатныхъ художествъ, которые у насъ потребны, а именно: архитекторы, столяры, мѣдники» и пр. [2]). Въ 1715 г. царь писалъ Зотову во Францію: «понеже король французскій умеръ, а наслѣдникъ зѣло молодъ, то чаю многіе мастеровые люди будутъ искать фортуны въ иныхъ государствахъ, чего для навѣдывайся о такихъ и пиши, дабы потребныхъ не пропустить». Затѣмъ были вызваны изъ Франціи нѣкоторые художники, напр., Растрелли, Лежандръ, Леблонъ, Луи Каравакъ, т. е. архитекторы, живописцы, рѣзчики, «миніатурные мастера», «историческіе маляры» и пр. [3]),

Между русскими и иностранцами, въ столь значительномъ числѣ пріѣзжавшими въ Россію, нерѣдко происходили столкновенія. Самъ Петръ относился къ «нѣмцамъ» иначе, чѣмъ подданные. Иногда онъ заступался за иностранцевъ предъ русскими чиновниками, относившимися неблагосклонно къ пріѣзжимъ западно-европейцамъ. Узнавъ однажды, что вызванныхъ изъ-за границы иностранцевъ задержали въ Ригѣ, онъ приказалъ рижскому губернатору немедленно отправить задержанныхъ иностранцевъ, замѣчая при этомъ, что иностранцы «въ задержаніи оныхъ кредитъ теряютъ, такъ что многіе, на то смотря, неохотно ѣдутъ, и для того гораздо ихъ опасись» [4]). Князя Голицына, разными притѣсненіями препятствовавшаго успѣшному ходу работъ англійскаго инженера Джона Перри при постройкѣ канала, царь отрѣшилъ отъ должности [5]).

Непріятности, которымъ довольно часто подвергались иностранцы въ Россіи, обсуждались въ печати. Завязалась по этому поводу отчаянная полемика между нѣкоторыми публицистами. Упрекали не только подданныхъ царя, но и самого Петра, въ дурномъ, варвар-

---

[1]) Соловьевъ, XVI, 187.
[2]) Тамъ-же, XXII, 12.
[3]) Тамъ-же, XVI, 319—320.
[4]) Восемнадцатый вѣкъ, IV, 23.
[5]) Джонъ Перри, нѣм. изд., стр. 7.

скомъ и недобросовѣстномъ обращеніи съ иностранцами, вступившими въ русскую службу.

Авторомъ довольно любопытнаго памфлета, «Посланіе знатнаго нѣмецкаго офицера къ одному вельможѣ о гнусныхъ поступкахъ москвитянъ съ чужестранными офицерами» [1]), былъ нѣкто Нейгебауеръ, находившійся нѣкоторое время въ русской службѣ, занимавшій должность воспитателя царевича Алексѣя и имѣвшій сильныя столкновенія съ русскими. Онъ долженъ былъ выѣхать изъ Россіи, и за границею напечаталъ нѣсколько брошюръ, имѣвшихъ цѣлью вредить Россіи и препятствовать вступленію въ русскую службу иностранцевъ. Всѣ эти брошюры отличаются чрезмѣрною рѣзкостью, односторонностью, пристрастіемъ. Нѣкоторыя изъ обвиненій, впрочемъ, имѣли основаніе. Довольно часто дѣйствительно не исполнялись обѣщанія, данныя иностранцамъ. Довольно часто ихъ подвергали произвольно и несправедливо тѣлеснымъ наказаніямъ, разнаго рода оскорбленіямъ и пр. Особенно рѣзко Нейгебауеръ осуждалъ образъ дѣйствій Меншикова, что, впрочемъ, какъ можно думать, объясняется личною ненавистью автора къ этому вельможѣ.

Брошюра Нейгебауера явилась въ разныхъ изданіяхъ; ее систематически распространяли за границею; такъ, напр., въ Гамбургѣ ее разносили безплатно по домамъ частныхъ лицъ; ее разсылали коронованнымъ лицамъ, сановникамъ разныхъ государствъ, посланникамъ разныхъ державъ.

Объ авторѣ можно судить по слѣдующему обстоятельству. До напечатанія перваго изданія этого памфлета, онъ послалъ списокъ его боярину Головину, сообщая, что эта брошюра случайно попалась ему въ руки и что онъ предлагаетъ свои услуги для опроверженія такихъ неблагопріятныхъ для Россіи слуховъ; за это онъ требовалъ, однако, для себя должности русскаго посла въ Китаѣ. Разумѣется, переговоры между Нейгебауеромъ и Головинымъ не повели въ желанной цѣли; литературный скандалъ оказался неминуемымъ; брошюра появилась въ печати [2]).

Хотя и цинизмъ, и раздраженіе въ тонѣ и характерѣ этой брошюры свидѣтельствовали объ односторонности взглядовъ автора, о преувеличеніи разсказанныхъ имъ фактовъ, тѣмъ не менѣе Петръ не могъ оставаться равнодушнымъ къ этому литературному эпизоду.

---

[1]) См. заглавія этихъ брошюръ въ соч. Минцлофа «Pierre le Grand dans la littérature étrangère», стр. 106. Біографическія данныя о Нейгебауерѣ см. у Поссельта, I, 563 и слѣд., и у Соловьева, XV, 106, 107.

[2]) См. ст. Пекарскаго въ «Отеч. Зап.» 1860, CXXXII, 689—727.

Именно въ это время онъ сильно нуждался въ содѣйствіи иностранцевъ въ борьбѣ съ Карломъ XII; онъ считалъ ихъ необходимыми сотрудниками въ дѣлѣ преобразованія; онъ долженъ былъ придавать значеніе господствовавшимъ на западѣ мнѣніямъ о Россіи. Слишкомъ неблагопріятные отзывы, чрезмѣрно невыгодные взгляды—могли препятствовать сближенію Россіи съ западною Европою, лишить Россію средствъ для дальнѣйшаго развитія. Поэтому Петръ считалъ необходимымъ оправдываться, возражать, полемизировать.

Уже въ 1702 году вступилъ въ русскую службу докторъ правъ Генрихъ фонъ Гюйсенъ, который обязался приглашать въ русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, художниковъ, берейторовъ и пр., переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи, склонять иностранныхъ ученыхъ, чтобы они посвящали царю или членамъ его семейства, или царскимъ министрамъ, свои сочиненія, также, чтобъ эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи и пр. [1]).

Барону Гюйсену было поручено возражать на брошюру Нейгебауера. Его сочиненіе явилось въ 1705 году. Оно отличалось спокойнымъ тономъ; въ немъ опровергались нѣкоторые факты, разсказанные Нейгебауеромъ. Останавливаясь особенно на вопросѣ о наказаніяхъ, которымъ подвергались иностранцы въ Россіи, онъ старался доказать, что иностранцы были виноваты и достойны наказанія. Далѣе Гюйсенъ говорилъ о личности Нейгебауера, выставляя на видъ его безнравственность, его раздраженіе, отсутствіе въ немъ безпристрастія [2]).

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы брошюра Гюйсена отличалась особенною силою аргументаціи, литературнымъ талантомъ. Она не могла уничтожить дѣйствія Нейгебауерова памфлета. Многія обвиненія, заключавшіяся въ послѣдней, не были опровергнуты; на другія Гюйсенъ возражалъ общими мѣстами. Нѣкоторыя замѣчанія Гюйсена о безусловно гуманномъ обращеніи съ военноплѣнными, о томъ, что иностранцамъ дозволено во всякое время возвратиться на родину, не соотвѣтствовали истинѣ. Было множество фактовъ, опровергавшихъ справедливость показаній Гюйсена.

---

[1]) Соловьевъ, XV, 115.

[2]) Заглавіе брошюры Гюйсена «Beantwortung des freventlichen und lügenhaften Pasquills». Онъ назвалъ себя псевдонимомъ Петерсеномъ. Нейгебауеръ написалъ возраженіе: «Der ehrliche Petersen wider den schelmischen». Altona, d. 10. September, 1705.

При всемъ томъ, однако, было важно развитіе, такъ сказать, оффиціозной русской печати въ западной Европѣ. И эта черта свидѣтельствовала объ успѣшномъ сближеніи Россіи съ прочими странами и народами. Кромѣ брошюры Гюйсена, явились нѣкоторыя другія сочиненія, написанныя подъ вліяніемъ русскаго правительства. Къ тому же, близкія отношенія царя къ прусскому и польскому королямъ дали возможность настоять на томъ, чтобы пам-

Баронъ Гюйсенъ.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

флетъ Нейгебауера, по крайней мѣрѣ въ Пруссіи и Саксоніи, былъ строго запрещенъ и даже сожженъ палачемъ. Далѣе, Гюйсену, въ 1705 году отправившемуся за границу, удалось подѣйствовать на издателя журнала «Europäische Fama», Рабенера, который съ того времени сталъ хвалить царя и Россію не только въ своемъ журналѣ, но и въ разныхъ особыхъ сочиненіяхъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что съ иностранцами въ Россіи довольно часто обращались строго и сурово, а иногда и несправедливо. Во многихъ случаяхъ строгость бывала необходима. Между пріѣзжими иностранцами были люди распутные, склонные къ пьянству, наси-

[1]) См. соч. Пекарскаго, I, 94. Минцлофъ, 9.

лію и разнымъ преступленіямъ [1]). Происходили многіе случаи дракъ, поединковъ, убійствъ и пр. Неумолимо строгая дисциплина въ войскѣ была необходима.

Однако, были тоже случаи, въ которыхъ съ людьми достойными и полезными поступали неблаговидно. Разсказы Нейгебауера о несправедливыхъ наказаніяхъ, которымъ подвергался вице-адмиралъ Крюйсъ, подтверждаются замѣчаніями въ донесеніяхъ австрійскаго дипломатическаго агента, Плейера [2]). Онъ же говоритъ, что довольно часто иностранцамъ не выплачивалось слѣдуемое имъ жалованье, что нарушались заключенные съ ними договоры и проч. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ справедливости показанія Джона Перри, что во время его четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Россіи сократили ему жалованье на нѣсколько тысячъ рублей. Подобныя жалобы повторялись часто, какъ видно между прочимъ изъ случаевъ съ математикомъ Фергарсономъ, съ голландскими купцами и пр. [3]).

Все это соотвѣтствуетъ господствовавшей въ то время въ Россіи ненависти къ иностранцамъ. Петръ въ этомъ отношеніи расходился съ подданными. Его твердое рѣшеніе употребить иностранцевъ, какъ сотрудниковъ въ дѣлѣ преобразованія, не могло встрѣтить сочувствія въ народѣ. Гнѣвъ на «нѣмцевъ» обнаруживался постоянно и обращался иногда и на самого государя, покровителя «еретиковъ». Однако царь былъ правъ, высоко цѣня заслуги иностранцевъ. Въ началѣ Сѣверной войны, онъ, для дипломатическихъ переговоровъ, нуждался въ содѣйствіи Паткуля, а при заключеніи мира, оказалъ царю весьма важныя услуги Остерманъ. Военные люди, въ родѣ Огильви, Рённе и др., впродолженіе войны считались необходимыми. И въ отношеніи къ земледѣлію и промышленности, и въ отношеніи къ наукамъ и искусствамъ, Петръ считалъ иностранцевъ полезными наставниками. Западно-европейскіе нравы и обычаи, какъ въ области государственныхъ учрежденій, такъ и въ пріемахъ общежитія, считались Петромъ образцовыми. Мы видѣли, что въ Россіи и до Петра существовала эта склонность къ западно-европейской цивилизаціи; не даромъ Шлейзингъ, въ началѣ 90-хъ годовъ XVII вѣка, замѣтилъ, что «русскіе уже многому успѣли научиться у иностранцевъ»; не даромъ также Нё-

[1]) См. указанія на отзывы современниковъ въ этомъ отношеніи въ моемъ сочиненіи «die Ausländer in Russland», въ «Culturhistorische Studien», Riga, 1878, II, 75.

[2]) Устряловъ, IV, 596.

[3]) См. соч. Джона Перри, нѣм. изд., 8 и слѣд., 57 и слѣд., 338 и слѣд. Донесеніе Плейера отъ 25 дек. 1707 года у Устрялова, IV, 2. 596.

вилъ, до преобразовательной дѣятельности Петра, восхваляя образъ мыслей и дѣйствій князя В. В. Голицына, выразился въ томъ же самомъ духѣ, какъ Шлейзингъ. Однако, при Петрѣ приглашеніе иностранцевъ въ Россію приняло гораздо большіе размѣры и поэтому такое довѣріе къ западу должно было вызвать въ народѣ негодованіе и сопротивленіе. Не всѣ въ той мѣрѣ, какъ извѣстный современникъ Петра, «крестьянинъ» Иванъ Посошковъ, были въ состояніи соединять сознаніе о народной самостоятельности съ пониманіемъ нуждъ русскаго государства и общества. Посошковъ писалъ: «много нѣмцы насъ умнѣе наукою, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно;» однако, именно въ сочиненіяхъ Посошкова, истиннаго патріота, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ предложенія, въ родѣ слѣдующихъ: «надлежитъ достать мастеровъ, которые умѣли бы дѣлать то и то»... «Надлежитъ призвать иноземцевъ, которые учили бы насъ тому и тому» и пр. Нѣкоторая зависимость отъ представителей болѣе высокой культуры, нѣкоторое ученіе у западно-европейскихъ наставниковъ были необходимымъ условіемъ для достиженія значенія и самостоятельности, и главное, равноправности въ семьѣ государствъ и народовъ.

ГЛАВА IV.

Начало преобразованій.

РАНѢЕ уже было сказано, что Петръ до Азовскихъ походовъ не занимался ни внѣшнею политикою, ни законодательствомъ и администраціею; затѣмъ, все вниманіе царя было обращено на турецкую войну, которая, какъ мы знаемъ, и побудила его отправиться за границу. По возвращеніи въ Россію, начинается новая эпоха его царствованія; съ этого времени, онъ началъ управлять всѣми дѣлами самолично и сдѣлался душою всѣхъ предпріятій въ области внѣшней политики, всѣхъ реформъ внутри государства. Начался настоящій процессъ преобразованія Россіи, требовавшій со стороны народа значительныхъ пожертвованій, но обѣщавшій ему великую будущность; настало переходное состояніе, сопряженное съ нарушеніемъ разныхъ правъ и интересовъ, съ уничтоженіемъ на долгое время прежняго покоя общества; открылась широкая законодательная дѣятельность преобразователя, казавшаяся народу проявленіемъ деспотизма и произвольной причуды.

Нельзя отрицать, что все это было сопряжено съ чрезвычайно крутыми мѣрами, что переходъ отъ стараго къ новому былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слишкомъ внезапенъ, что многія изъ

мѣръ и распоряженій царя производятъ впечатлѣніе революціонныхъ дѣйствій. Петръ во всѣхъ отношеніяхъ бралъ на себя самую тяжелую отвѣтственность. Въ частностяхъ онъ, здѣсь и тамъ, могъ ошибаться, увлекаясь, ожидая слишкомъ быстро результатовъ преобразованій, не взвѣшивая мѣры тягости многихъ нововведеній для народа. Въ главныхъ чертахъ, однако, его дѣятельность оказалась цѣлесообразною и плодотворною. Создавая новую Россію, Петръ не обращалъ вниманія на жалобы подданныхъ, не понимавшихъ смысла и значенія многихъ новшествъ, не постигавшихъ той цѣли, къ которой стремился государь, и жестоко страдавшихъ отъ чрезмѣрно насильственной опеки царя-воспитателя. Самъ же онъ руководствовался во все время отчаянной борьбы противъ старины чувствомъ долга, давая и себѣ, и народу, отчетъ въ своей

Бородовой знакъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи русскихъ монетъ" Шуберта.

дѣятельности, объясняя весьма часто, болѣе или менѣе подробно, необходимость коренной перемѣны.

Нѣтъ сомнѣнія, что начало преобразовательной дѣятельности Петра находилось въ самой тѣсной связи съ его путешествіемъ въ западную Европу. Реформы начались непосредственно послѣ возвращенія его въ Россію. Въ Англіи, Голландіи и Германіи онъ могъ собрать богатый запасъ свѣдѣній, новыхъ мыслей, смѣлыхъ проектовъ, примѣненіе которыхъ на практикѣ должно было составлять задачу Петра въ слѣдующее за путешествіемъ время. Мы видѣли, что многіе замѣчательные люди въ западной Европѣ, слѣдя за путешествіемъ Петра, не сомнѣвались въ томъ, что царь, тотчасъ же послѣ возвращенія въ Россію, приступитъ къ дѣлу преобразованія. Лейбницъ говорилъ, что Петръ, вполнѣ сознавая недостатки своего народа, непремѣнно постарается развить въ немъ новыя силы и способности и искоренить прежнее невѣжество и грубость нравовъ [1]. Въ этомъ же смыслѣ разсуждали въ Торнѣ, по случаю описаннаго нами раньше диспута, въ августѣ 1698 г.,

[1] Guerrier, I, 10.

т. е. какъ разъ въ то время, когда Петръ, послѣ долгаго отсутствія, явился въ Москву; въ этомъ же смыслѣ выразился англичанинъ Крёлль. «Путешествіе Петра, писалъ онъ, вызвано жаждою знанія, стремленіемъ къ образованію, желаніемъ развить народъ; совсѣмъ иначе, продолжаетъ онъ, смотрѣли на это предшественники Петра; они считали невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ своей безусловной власти». «Отъ этого путешествія, заключаетъ Крёлль, самые дальновидные люди ожидаютъ важныхъ результатовъ» [1]). Въ вышеупомянутой брошюрѣ Венделя, напечатанной въ 1698 году, по случаю пребыванія Петра въ Дрезденѣ, сказано, что Петръ, безъ сомнѣнія, «станетъ продолжать дѣйствовать въ пользу просвѣщенія народа» [2]).

Сохранилось извѣстіе, что Петръ, во время пребыванія въ Англіи, поручилъ одному ученому, Френсису Ли, составить обширный проектъ для важнѣйшихъ преобразованій въ Россіи. Къ сожалѣнію, о личности этого Фр. Ли намъ почти ничего неизвѣстно. Но мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ томъ, что его проектъ, какъ онъ самъ говоритъ, составленъ «по желанію царя» [3]).

Укажемъ вкратцѣ на содержаніе этого понынѣ остававшагося совсѣмъ незамѣченнымъ документа. Восхваливъ царя за предпринятое имъ путешествіе, отъ котораго, какъ полагаетъ авторъ, можно ожидать большой пользы для Московскаго государства, Ли продолжаетъ: царь долженъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы устроить семь различныхъ присутственныхъ мѣстъ (Colleges), въ которыхъ должна сосредоточиваться главная дѣятельность при преобразованіи государства. Коллегіи эти слѣдующія: 1) коллегія для поощренія ученія (for the advancement of learning); при устройствѣ школъ нужно обращать вниманіе на такія познанія, которыя допускаютъ примѣненіе къ практикѣ и этимъ самымъ приносятъ пользу. Такъ, напримѣръ, прикладная математика должна занять важное мѣсто въ ряду предметовъ ученія; 2) при учрежденіи «коллегіи для усовершенствованія природы» (for the improvement of nature), должны служить образцомъ королевскія общества въ Лондонѣ и во Франціи; она должна заняться составленіемъ проектовъ постройки новыхъ каналовъ и удобренія почвы, вопро-

---

[1]) Crull, «The ancient and present state of Muscovy», London, 1698, II, 207.

[2]) «Czarischer Majestät Bildniss» Dresden, 1698.

[3]) «At his own request». Сочиненіе Ли явилось въ 1752 году. Заглавіе его: «'Απολειπόμενα», or dissertations, theological, mathematical and physical». Проектъ напечатанъ въ видѣ приложенія, и былъ составленъ для царя «for the right framing of his government».

ства народнаго, въ особенности же сельскаго хозяйства, собраніемъ данныхъ о производительности страны, статистикою; 3) коллегія для поощренія художествъ (for the encouragement of arts) должна заниматься изслѣдованіемъ пользы и удобопримѣнимости новыхъ изобрѣтеній и открытій и давать привиллегіи и награды изобрѣтателямъ; 4) коллегія для развитія торговли (for the increase of merchandize) должна слѣдовать примѣру голландскихъ и англійскихъ компаній; далѣе, нужно имѣть въ виду мѣры для пониженія роста и пр.; 5) коллегія для улучшенія нравовъ (for the reformation of manners) должна заботиться объ усовершенствованіи нравственности въ народѣ, бороться съ пороками, награждать добродѣтель; нѣкоторые члены этой коллегіи должны постоянно, въ качествѣ «цензоровъ», объѣзжать весь край и доносить о состояніи нравственности въ разныхъ частяхъ государства. Должны быть раздаваемы награды, особенно добросовѣстнымъ и вѣрнымъ слугамъ и служанкамъ, дѣтямъ, отличающимся послушаніемъ, и пр.; 6) коллегія для законодательства (for the compilation of laws) должна постоянно заниматься кодификаціей, причемъ могутъ служить образцами Ѳеодосій и Юстиніанъ; 7) коллегія для распространенія христіанской религіи (for the propagation of the christian religion) имѣетъ исключительно духовную цѣль. Тутъ говорится о распространеніи св. писанія въ славянскомъ переводѣ во множествѣ экземпляровъ, о проповѣдываніи христіанской религіи между инородцами, объ учрежденіи въ Астрахани училища для изученія языковъ еврейскаго, персидскаго, татарскаго, арабскаго, китайскаго и для образованія миссіонеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ проектѣ Ли замѣчанія объ учрежденіи мѣстныхъ коллегій въ разныхъ частяхъ государства, о финансахъ, которыми должна заниматься вторая и четвертая коллегія, объ учрежденіи университетовъ, объ устройствѣ ссудныхъ кассъ для бѣдныхъ, объ уголовномъ судопроизводствѣ и пр.

Нельзя отрицать, что въ этомъ проектѣ ученаго англичанина проглядываетъ нѣкоторое доктринерство и обнаруживается незнакомство съ бытомъ русскаго народа. Авторъ, какъ оптимистъ, вовсе не упоминаетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бы бороться при осуществленіи проекта. Въ то же время, однако, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя мѣры и распоряженія Петра сооотвѣтствуютъ разнымъ предложеніямъ, заключающимся въ проектѣ Ли. При учрежденіи школъ, напр., Петръ обращалъ вниманіе на реальное обученіе, на прикладную математику; созданіемъ системы каналовъ онъ старался «усовершенствовать природу»; при учрежденіи академіи наукъ, ему отчасти служило образцомъ

англійское «королевское общество»; поощряя дѣятельность подданныхъ въ области внѣшней торговли, онъ имѣлъ въ виду акціонерныя общества голландской и англійской вестъ и остъиндскихъ компаній; «ревизіи» соотвѣтствовали предложеніямъ Ли относительно статистики; наконецъ, самое учрежденіе системы коллегій, въ 1715 году, было, въ сущности, осуществленіемъ основной идеи ученаго англійскаго богослова, съ которымъ Петръ познакомился въ Англіи, въ 1698 году.

Однако, самыя обширныя и коренныя реформы Петра относятся не ко времени, непосредственно слѣдующему за его первымъ пребываніемъ въ западной Европѣ. Хотя и можно удивляться тому, что Петръ даже въ первые годы Сѣверной войны могъ

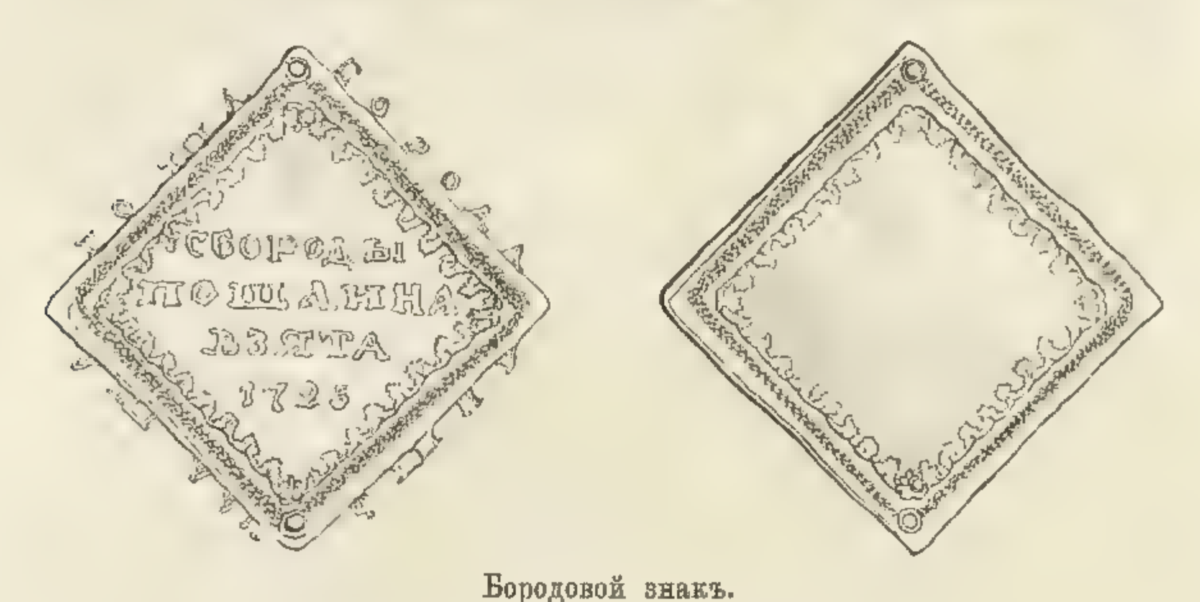
Бородовой знакъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи русскихъ монетъ“ Шуберта.

обращать столько вниманія на внутреннія дѣла, все-таки важнѣйшая дѣятельность его въ этомъ отношеніи началась лишь послѣ Полтавской битвы, обезпечившей существованіе Россіи, какъ великой державы, и давшей царю возможность и покой успѣшнѣе прежняго заняться законодательствомъ и администраціею, привести въ нѣкоторую систему дѣло реформы. Мѣры, принятыя царемъ впродолженіе перваго десятилѣтія послѣ путешествія на западъ, оказываются нѣкоторымъ образомъ безсвязными, отрывочными, произвольными, случайными, хотя въ нихъ всюду замѣтно желаніе пріурочиться къ западно-европейскимъ нравамъ и обычаямъ, подражать другимъ народамъ, напримѣръ, относительно внѣшней моды, календаря и пр.

Вопросъ о необходимости перемѣны русскаго платья былъ поднятъ уже за нѣсколько десятилѣтій до относящихся къ этому предмету указовъ Петра; а именно знаменитый «серблянинъ», Юрій Крижаничъ, преподававшій вообще цѣлую систему преобра-

зованій, говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ о русскомъ платьѣ совершенно въ духѣ Петра. Онъ находитъ русскій «строй власовъ, брады и платья мерзкимъ и непристойнымъ», «непригожимъ къ храбрости»; въ характерѣ русскаго платья онъ не находитъ «рѣзвости и свободы», а «рабскую неволю»; напрасно, замѣчаетъ Крижаничъ, русскіе въ своемъ платьѣ подражаютъ «варварскимъ народамъ, татарамъ и туркамъ», вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру «наиплеменитыхъ европцевъ»; затѣмъ онъ доказываетъ, что русское платье неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, не отличаясь ни дешевизною, ни прочностью, ни красотою, что оно «мягкоту и распусту (т. е. распущенность, изнѣженность) женскую показуетъ» и проч. Въ русскомъ платьѣ нѣтъ кармановъ, продолжаетъ онъ,



Бородовой знакъ.

С‍ъ рисунка, находящагося въ „Описаніи русскихъ монетъ" Шуберта.

поэтому русскіе прячутъ платокъ въ шапкѣ, ножи, бумаги и другія вещи въ сапогахъ; деньги берутъ въ ротъ. Къ тому же онъ находитъ, что русскіе обращаютъ слишкомъ большое вниманіе на драгоцѣнныя украшенія платья, замѣчая: «у иныхъ народовъ бисеръ есть женскій строй, и остудно (т. е. позорно) бы было мужу устроиться бисеромъ; а наши люди тый женскій строй безъ мѣры на клобукѣхъ и на козырѣхъ (т. е. на шапкахъ и воротникахъ) оказуютъ». Затѣмъ онъ разсказываетъ, что гдѣ-то за границею онъ видѣлъ русскихъ пословъ, ѣхавшихъ на торжественную аудіенцію въ азіатскомъ платьѣ и что при этомъ публика смотрѣла на русскихъ «не съ подивленіемъ, но паче съ пожалованіемъ» [1]). Кто

[1]) «Мнѣ есть сердце пукало отъ жалости».

не вѣритъ, говоритъ Крижаничъ далѣе, въ какой мѣрѣ некрасивымъ должно показаться другимъ народамъ русское платье, тотъ можетъ убѣдиться въ этомъ чрезъ сравненіе портретовъ государей разныхъ народовъ съ портретами русскихъ царей. Или, сказано у Крижанича, нужно перемѣнить платье, или же не имѣть никакихъ сношеній съ западною Европою. Дальнѣйшее отправленіе русскихъ пословъ за границу въ прежнемъ костюмѣ Крижаничъ считаетъ средствомъ лишиться уваженія другихъ народовъ. Онъ предлагаетъ, чтобы государь, своимъ примѣромъ, одѣваясь не попрежнему, а слѣдуя образцамъ западно-европейскихъ народовъ, подѣйствовалъ на своихъ подданныхъ, а далѣе, чтобы новое платье было введено и въ войскѣ. Такимъ путемъ, говоритъ онъ, Россія выразитъ свое желаніе и твердое намѣреніе отстать отъ прежней связи съ азіатскими народами, съ персіанами, турками и татарами, и примкнуть къ французамъ, нѣмцамъ и другимъ европейскимъ народамъ. Онъ сознавалъ, что придется упорно бороться съ предразсудками, съ вѣковыми привычками народа, но, говоритъ онъ: «кто скажетъ, что не слѣдуетъ нарушать старыхъ законовъ, тому мы отвѣчаемъ: старыхъ заблужденій не должно терпѣть» [1].

Мы видѣли, что въ высшихъ слояхъ русскаго общества, впродолженіе XVII вѣка, не разъ обнаруживалась склонность къ подражанію иноземцамъ: стригли бороды, носили польское платье и т. п. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ случилось, однажды, что протопопъ Аввакумъ не хотѣлъ благословить Матвея Шереметева, выбрившаго себѣ бороду [2]). Тогда же князь Кольцовъ-Мосальскій лишился мѣста за то, что подрѣзалъ у себя волосы [3]). При Θеодорѣ Алексѣевичѣ господствовали иныя правила. Въ 1681 году, царь издалъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ; въ охабнѣ или однорядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Патріархъ Іоакимъ сталъ ратовать: «еллинскій, блудническій, гнусный обычай брадобритія, древне многащє возбраняемый, во днѣхъ царя Алексѣя Михайловича совершенно искорененный, паки нынѣ начаша губити образъ, отъ Бога мужу дарованный». Онъ отлучалъ отъ церкви не только тѣхъ, которые брили бороды, но и тѣхъ, которые съ брадобрійцами общеніе имѣли [4]). Преемникъ Іоакима, Адріанъ,

[1]) Русское гос. въ пол. XVII стол., въ изд. Безсонова, I, 94—97, 124—143.
[2]) Соловьевъ, XIII, 208.
[3]) Тамъ-же, XIII, 148.
[4]) Тамъ-же, XIV, 278.

издалъ также сильное посланіе противъ брадобритія, «еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ»; патріархъ стращалъ русскихъ людей вопросомъ: «если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ: съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?» [1]).

Несмотря на все это, Петръ еще до своего путешествія за границу иногда одѣвался въ нѣмецкое платье. Въ Англіи разсказывали, что онъ, въ началѣ 1694 года, явился въ иностранномъ костюмѣ къ матери и встрѣтился тамъ съ патріархомъ, который сдѣлалъ царю замѣчаніе; Петръ посовѣтовалъ Адріану, вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись о дѣлахъ церкви [2]). Шлейзингъ разсказываетъ, что царь очень часто ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, «чего не дѣлалъ ни одинъ изъ прежнихъ государей, такъ какъ это считалось несогласнымъ съ ихъ религіею» [3]). Приглашая своихъ родственниковъ пріѣхать въ Россію, Лефортъ писалъ, весною 1693 года: «вы здѣсь найдете великодушнаго монарха, который покровительствуетъ иностранцамъ и постоянно одѣтъ à la française» [4]). На маневрахъ, въ 1694 году, «польскій король», Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ въ нѣмецкомъ платьѣ [5]).

По случаю аудіенціи Шереметева у Польскаго короля, императора, папы и гросмейстера Мальтійскаго ордена, въ 1697 году, самъ бояринъ, какъ видно изъ картинъ, помѣщенныхъ въ его запискахъ о путешествіи, носилъ западно-европейское платье и большой парикъ, между тѣмъ какъ его свита была одѣта во что-то среднее между нѣмецкою и русскою одеждою [6]). Находясь за границею, Петръ большею частью являлся въ костюмѣ шкипера. При первой аудіенціи русскихъ пословъ у Бранденбургскаго курфирста, въ Кенигсбергѣ, карлики, находившіеся въ свитѣ, были одѣты въ русское платье, при второй—они явились въ великолѣпномъ костюмѣ по западно-европейской модѣ [7]). За границею разсказывали во время путешествія Петра, что царь намѣренъ, по возвращеніи въ Россію, ввести тамъ брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья [8]).

---

[1]) Устряловъ, III, 193.

[2]) Crull, 206.

[3]) «Die beiden Zaren, Iwan und Peter», 1693, 10.

[4]) Posselt, II, 101. «Лефортъ самъ одѣвался не иначе, какъ «à la française». Posselt», II, 130.

[5]) Желябужскій, 33.

[6]) См. изображенія въ «Запискѣ путешествія графа Бориса Петровича Шереметева», Москва, 1773.

[7]) Weber, «Verändertes Russland», III, 321.

[8]) Blomberg: «The czar is resolved to bring the Muscovites to the German habit and has ordered their beards to be shaved».

Иностранцы, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, разсказываютъ, что, когда ожидали возвращенія царя, сановники были въ страшномъ волненіи. Бояре собирались по два раза въ день для совѣщаній; въ разныхъ приказахъ происходило что-то въ родѣ ревизій [1]).

25-го августа, вечеромъ, царь прибылъ въ Москву и тотчасъ же отправился въ Преображенское. На другой день, рано утромъ, вельможи, царедворцы, люди знатные и не-знатные явились въ

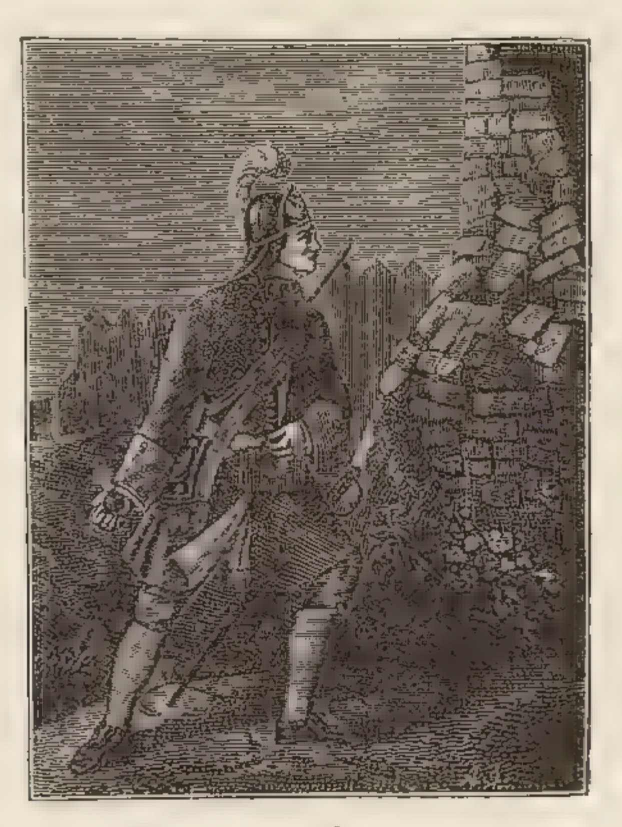
Фузелеръ Преображенскаго полка при Петрѣ Великомъ.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково разговаривалъ съ разными лицами; между тѣмъ, къ неописанному изумленію всѣхъ присутствующихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды; сначала онъ остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Ромодановскаго, послѣ того и прочихъ вельможъ, за исключеніемъ только двухъ, Стрѣшнева и Черкасскаго. Та же сцена повторилась дней черезъ пять, на пиру у Шеина. Гостей было множество. Нѣкоторые явились безъ бороды, но не мало было и бородачей. Среди всеобщаго веселья, царскій

[1]) Плейеръ у Устрялова, III, 637 и 640. Корбъ, «Diarium itineris, 27 авг. 1698 нов. ст.

шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого и мигомъ ее обрѣзывалъ. Три дня спустя, на вечерѣ у Лефорта, гдѣ между прочимъ присутствовали и обыватели нѣмецкой слободы съ женами, уже не видно было бородачей [1]).

Дошла очередь и до кафтановъ. По разсказу одного иностранца, Петръ, въ февралѣ 1699 года, на пиру, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ изъ гостей были, по тогдашнему обычаю, очень длинные рукава, взялъ ножницы, обрѣзалъ рукава и сказалъ, что такое платье



Гренадеръ Преображенскаго полка при Петрѣ Великомъ.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

мѣшаетъ работать, что такими рукавами можно легко задѣть за что-либо, опрокинуть что-либо и пр. [2]).

Все это могло казаться произвольною причудою, деспотическимъ проявленіемъ минутной выдумки; но все это имѣло глубокій смыслъ, важное историческое значеніе. Нашъ знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, пишетъ: «говоря о перемѣнѣ платья, мы должны замѣтить, что нельзя легко смотрѣть на это явленіе, ибо мы видимъ, что и въ платьѣ выражается извѣстное истори-

---

[1]) Единственнымъ источникомъ для этого разсказа служатъ записки австрійскихъ дипломатовъ, Гваріента и Корба.

[2]) Korb, Diarium, 22 февр. 1699.

ческое движеніе народовъ. Коснѣющій, полусонный азіятецъ носитъ длинное, спальное платье. Какъ скоро человѣчество, на европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную, подвижную жизнь, то происходитъ и перемѣна въ одеждѣ. Что̀ дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ въ длинномъ платьѣ, когда ему нужно работать? онъ подбираетъ полы своего платья. То же самое дѣлаетъ европейское человѣчество, стремясь къ своей новой, усиленной дѣятельности; оно подбираетъ, обрѣзываетъ полы своего длиннаго, вынесеннаго изъ Азіи платья... и Русскій народъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно, долженъ былъ и одѣться въ европейское платье, ибо вопросъ состоялъ въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать, европейскихъ или азіатскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи» [1]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о впечатлѣніи, произведенномъ такимъ образомъ дѣйствій царя на общество. Не сохранилось и точныхъ архивныхъ данныхъ о первыхъ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ, относившихся къ брадобритію. Австрійскій дипломатъ, Плейеръ, доносилъ императору Леопольду о введеніи налога на бороды; можно было также, какъ сказано у Плейера, внесеніемъ каштала пріобрѣсти право носить бороду: сохранился мѣдный знакъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ усовъ и бороды, подъ словами: деньги взяты, съ надписью на оборотѣ: «207 году» [2]). Изъ этого можно заключить, что, уже въ концѣ 1698 или въ первой половинѣ 1699 года, установлена была бородовая пошлина для желавшихъ спасти свои бороды. Кто именно платилъ ее и какъ была велика она, неизвѣстно, потому что первоначальный указъ о бородовой пошлинѣ не найденъ; вѣроятно, онъ касался не всѣхъ и былъ повторенъ въ началѣ 1701 года, какъ видно изъ приведеннаго замѣчанія Плейера. Въ 1705 году, царь предоставилъ своимъ подданнымъ на выборъ, или отказаться отъ бороды, или платить за нее ежегодную пошлину: гостямъ и гостинной сотнѣ по 100 рублей; царедворцамъ, людямъ дворовымъ, городовымъ, приказнымъ и служилымъ людямъ всякаго чина, также торговымъ второй статьи, по 60 р.; третьей статьѣ, посадскимъ, людямъ боярскимъ, ямщикамъ, извощикамъ и пр. по 30. Съ крестьянъ, при въѣздѣ въ городъ или при выѣздѣ за городъ, велѣно взыскивать у воротъ каждый разъ по 2 деньги. Заплатившимъ бородовую пошлину выдавались изъ земскаго при-

---

[1]) Соловьевъ, XV, 137.

[2]) Т. е. 7207 года по сотвореніи міра—1698—1699, по Рожд. Хр.

Преслѣдованіе русской одежды въ Петровское время.

Съ современной голландской гравюры.

каза мѣдные знаки. Бородачи обязаны были носить знаки при себѣ и возобновлять ихъ ежегодно [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе рѣшались платить эту высокую пошлину. Плейеръ замѣчаетъ, что эта пошлина составитъ очень порядочный доходъ, такъ какъ русскіе большею частью не захотятъ разстаться со своею бородою, и между ними есть даже такіе, которые скорѣе готовы отдать свою голову, нежели согласиться на брадобритіе [2]).

Что касается до введенія нѣмецкаго платья, то первый дошедшій до насъ указъ объ этомъ предметѣ относится къ 4-му января 1700 года: «боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и стольникамъ, и дворянамъ московскимъ, и дьякамъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ и пр. людямъ въ Москвѣ и въ городѣхъ, носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе—длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ». До масляницы, каждый долженъ былъ позаботиться о заказѣ или покупкѣ такого платья. Лѣтомъ всѣ должны были носить нѣмецкое платье. И женщины высшихъ классовъ общества должны были участвовать въ этой перемѣнѣ [3]). Плейеръ пишетъ, что сестры Петра тотчасъ же начали одѣваться въ иноземное платье [4]).

Кажется, этотъ указъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Курбатовъ, въ мартѣ 1700 года, писалъ царю, что надобно возобновить указы о платьѣ, хотя и съ пристрастіемъ, потому что подданные ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ по прежнему [5]). Указомъ 20-го августа 1700 года повелѣно: «для славы и красоты государства и воинскаго управленія, всѣхъ чиновъ людямъ, опричь духовнаго чина и церковныхъ причетниковъ, извощиковъ и пахотныхъ крестьянъ, платье носить венгерское и нѣмецкое... чтобы было къ воинскому дѣлу пристойное; а носить венгерское безсрочно для того, что... указъ сказанъ былъ прежде сего; а нѣмецкое носить декабря съ 1-го числа 1700; да и женамъ и дочерямъ носить платье венгерское и нѣмецкое января съ 1-го числа 1701 года, чтобъ онѣ были съ ними въ томъ платьѣ

---

[1]) П. С. З. № 2015, Устряловъ, III, 195. Пошлина оказывается очень высокою, если принять въ соображеніе величину тогдашней монетной единицы. Четверть ржи стоила въ то время 40—50 коп.

[2]) Устряловъ, IV, 2,552.

[3]) П. С. З. № 1741.

[4]) Устряловъ, III, 649.

[5]) Соловьевъ, XV, 136. Въ письмѣ Курбатова говорится о ножахъ.

равныя-жь, а не розныя» [1]). 26-го августа, прибиты были къ городскимъ воротамъ указы о платьѣ французскомъ и венгерскомъ и для образца повѣшены чучелы, т. е. образцы платью. Въ 1701 году, новый указъ: «всякихъ чиновъ людямъ носить платье нѣмецкое, верхнее—саксонское и французское, а исподнее—камзолы, и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки—нѣмецкіе, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ носить платье, и шапки, и контуши, а исподніе бостроги, и юпки, и башмаки—нѣ-

Фузелеръ драгунскаго полка при Петрѣ Великомъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

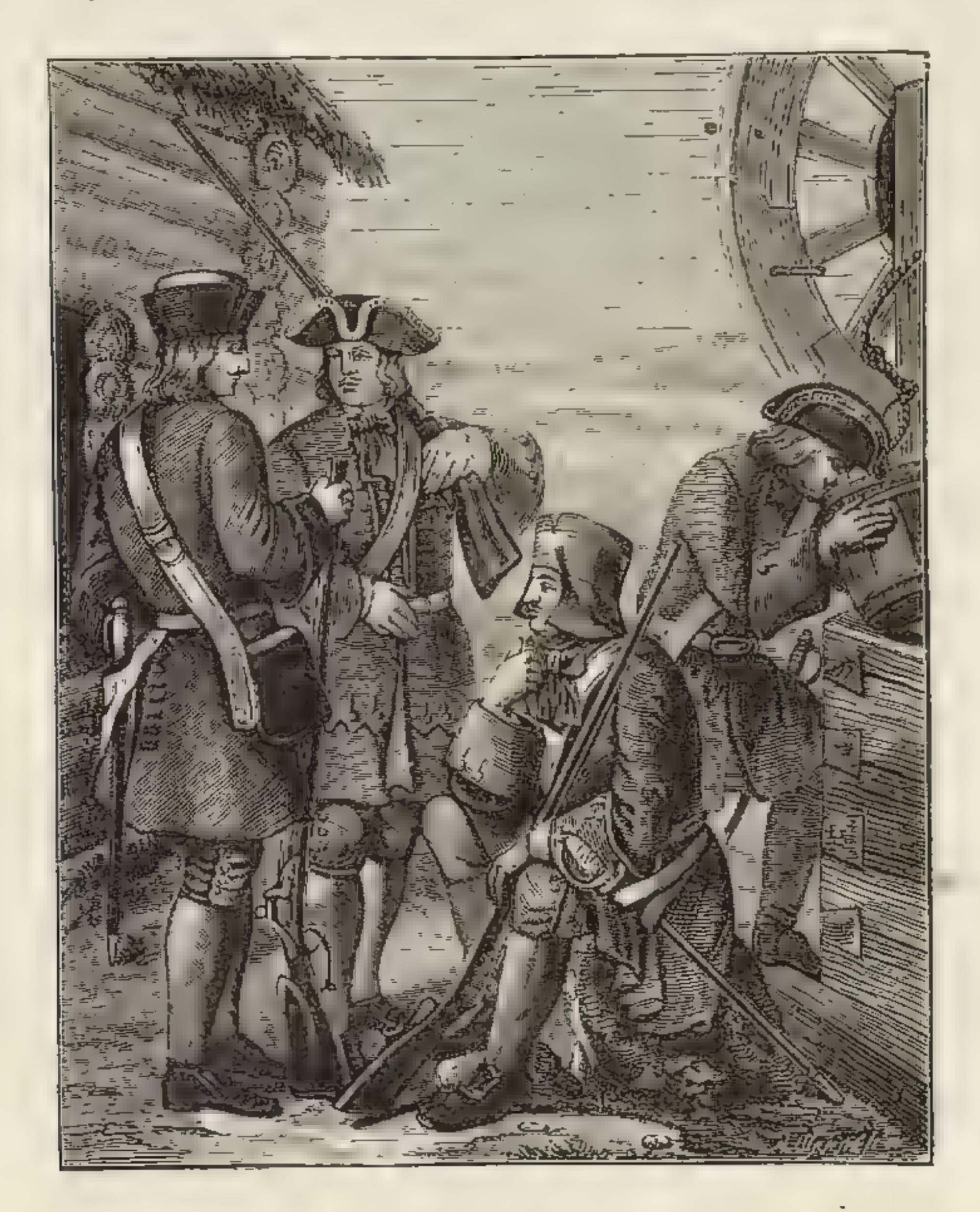
мецкіе-жь; а русскаго платья отнюдь не носить и на русскихъ сѣдлахъ не ѣздить. Съ ослушниковъ брать пошлину въ воротахъ, съ пѣшихъ по 40 копѣекъ, съ конныхъ по 2 рубля съ человѣка» и проч. [2]).

Высшіе классы общества: дворъ, войско, приказные люди, скоро привыкли къ новому платью. Масса народа уклонялась отъ уча-

[1]) Рукопись акад. II. № 157, у Устрялова, III, 350.
[2]) П. С. З. 1887. Указъ этотъ напечатанъ безъ обозначенія года и мѣсяца.

стія въ этой перемѣнѣ. Мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ на заявленія гнѣва и раздраженія въ толпѣ, вызванныя строгими мѣрами брадобритія и введенія иноземнаго платья.

Раскольники въ XVII столѣтіи считали табакъ «богомерзкою, проклятою, бѣсовскою травою». Однако, несмотря на это, употреб-



Фузелеры пѣхотныхъ армейскихъ полковъ Петровскаго времени.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

леніе табаку, уже въ первой половинѣ XVII вѣка, распространилось въ Россіи до такой степени, что, по свидѣтельству Олеарія, самые бѣдные люди покупали его на послѣднюю копѣйку [1]).

[1]) Olearius, изд. 1671, стр. 197.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ употребленіе табаку. Въ «Уложеніи» царя Алексѣя Михайловича законъ о запрещеніи подтвержденъ [1]). Но строгость правительства не могла истребить вкоренившейся страсти къ наркотическому свойству этого растенія. Иностранцы сообщаютъ намъ, какъ русскіе, вопреки запрещенію, тайно покупали отъ иностранныхъ купцовъ табакъ [2]). Въ то же самое время Юрій Крижаничъ старался доказать, что употребленіе табаку не можетъ считаться грѣхомъ. Запрещеніе курить и нюхать табакъ онъ называетъ «суетнымъ превѣріемъ» [3]).

При Петрѣ начали измѣняться воззрѣнія относительно этой привычки. Еще до отправленія за границу, царь дозволилъ привозъ табаку, причемъ, впрочемъ, должна была взиматься пошлина [4]). Нашлись спекуляторы, взявшіе на откупъ торговлю табакомъ.

Духовенство было крайне недовольно такимъ либеральнымъ отношеніемъ правительства къ этому вопросу. Корбъ разсказываетъ, что патріархъ предалъ анаѳемѣ одного богатаго русскаго купца, взявшаго на откупъ торговлю и заплатившаго при этомъ 15,000 рублей [5]). Однако трудно повѣрить, чтобы Адріанъ такъ открыто рѣшился противодѣйствовать волѣ строгаго царя.

Еще во время пребыванія въ Гаагѣ, царь вошелъ въ переговоры съ англійскими купцами, выразившими желаніе взять на откупъ торговлю табакомъ въ Россіи. Эти переговоры продолжались и въ бытность царя въ Лондонѣ. Во главѣ акціонернаго общества, съ которымъ, наконецъ, былъ заключенъ договоръ о монополіи при ввозѣ табака въ Россію, находился маркизъ Кармартенъ [6]). Сохранилось извѣстіе, что англійскимъ купцамъ, изъявившимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: «не опасайтесь, я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобъ патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель» [7]).

---

[1]) Уложеніе, гл. XXV, стр. 16.

[2]) Carlisle (Miège), «Relation des trois ambassades». Amsterdam, 1672, стр. 43.

[3]) О русск. госуд. I, 55. О промыслѣ, 77.

[4]) П. С. З. III, № 1570. См. письмо Петра къ Ромодановскому у Устрялова, III, 433. Дневникъ Гордона, II, 507. Поссельтъ, II, 727.

[5]) Diarium, стр. 186.

[6]) Пам. дипл. сношеній, VIII, 1050, 1185, 1213. Нѣкоторыя замѣтки въ донесеніяхъ Гофмана, въ сочиненіи Задлера о Петрѣ. Въ С.-Петерб. Публ. Библ. брошюра: «The case of the contractors with the Czar of Moscovy for the sole importation of Tabacco».

[7]) Соловьевъ, XV, 168.

Россія не довольствовалась привозомъ табаку изъ-за границы. Еще при Петрѣ началось разведеніе и распространеніе культуры этого растенія [1]).

Къ довольно важнымъ нововведеніямъ принадлежала и перемѣна въ лѣтосчисленіи. Въ ознаменованіе грядущаго перерожденія своего народа, Петръ хотѣлъ разграничить старое время отъ новаго рѣзкою чертою, и, 20 декабря 1699 года, повелѣлъ: по примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ, вести лѣтосчисленіе не отъ Сотворенія міра. какъ было до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и считать новый годъ не съ 1 сентября, а съ 1 января.

По разсказу Перри, Петръ, на возраженія русскихъ, что начало міра не могло случиться зимою, т. е. 1 января, а непремѣнно 1 сентября, т. е. во время жатвы и собиранія плодовъ, смѣясь, сталъ объяснять, показывая глобусъ, что Россія составляетъ лишь часть земного шара, что въ другихъ странахъ въ январѣ бываетъ тепло, что при времясчисленіи нужно принять въ соображеніе високосные дни и пр. [2]). Замѣчаніе Перри, что царь, при введеніи новаго календаря, руководствовался желаніемъ «сообразоваться и въ этомъ отношеніи съ остальной Европой», подтверждается царскимъ указомъ, въ которомъ указано на другія европейскія страны, а именно на примѣръ православныхъ народовъ, какъ-то: валаховъ. молдаванъ, сербовъ, болгаръ, малороссіянъ и грековъ. «А въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго вѣка», сказано далѣе въ указѣ, «въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ, знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чину, передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно, а людямъ скуднымъ комуждо хотя по древцу или вѣтви на вороты или надъ хороминою своею поставить и чтобъ то поспѣло нынѣ, будущаго января къ 1-му числу» и пр.. Затѣмъ, было предписано, какъ всѣ въ этотъ день должны поздравлять другъ друга «новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ», какая должна быть

---

[1]) См. мое соч. «Посошковъ какъ экономистъ», стр. 209 и слѣд.

[2]) Перри, нѣм. изд., 378.

*

стрѣльба изъ «пушечекъ и, буде у кого есть, и изъ мушкетовъ», иллюминація и пр. [1]).

Плейеръ разсказываетъ, какъ очевидецъ, объ этомъ празднествѣ. Пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на Красной площади, и изъ мелкаго ружья по частнымъ дворамъ не умолкала цѣлую не-

Офицеръ и солдаты артиллерійскаго полка Петровскаго времени.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

дѣлю. Ночью вездѣ горѣли огни и хлопали ракеты. Торжество заключилось 6-го января, въ день Богоявленія Господня, крестнымъ ходомъ на Іордань. Вопреки прежнему обычаю, царь не участвовалъ въ процессіи, а стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ при своемъ

[1]) Желябужскій, 158—160.

полкѣ, выстроенномъ, вмѣстѣ съ другими полками, на Москвѣ-рѣкѣ. Всѣ солдаты были хорошо обмундированы и вооружены. Но красивѣе всѣхъ былъ царскій «лейбъ-региментъ» (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ [1]).

Всѣ эти явленія доказывали, что въ самомъ началѣ XVIII вѣка, «вѣка просвѣщенія», Россія, подражая другимъ народамъ въ лѣтосчисленіи, въ нравахъ и обычаяхъ, находилась на общей съ ними почвѣ культурнаго развитія. Характеръ державной власти государя, до тѣхъ поръ въ значительной степени духовный, напоминавшій нѣкоторымъ образомъ роль жреца, калифа, измѣнился совершенно. Прежніе цари участвовали въ процессіяхъ, отчасти даже прислуживали патріархамъ. Петръ, въ офицерскомъ мундирѣ, былъ лишь скромнымъ зрителемъ духовнаго дѣйствія. Онъ, какъ представитель власти, служилъ государству. Во всемъ этомъ проявлялся процессъ секуляризаціи Россіи, заключался протестъ противъ византійскихъ началъ, господствовавшихъ до того въ жизни Московскаго государства.

Знамя Преображенскаго полка въ 1701 году.

Съ рисунка, находящагося въ «Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ».

Важное преобразованіе коснулось духовенства. Въ октябрѣ 1700 года, умеръ патріархъ Адріанъ. Петръ, находившійся въ то время подъ Нарвою, получилъ отъ Курбатова письмо слѣдующаго содержанія: «избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для сбора долговой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго; тамъ большіе безпорядки... Изъ архіереевъ для временнаго управленія, думаю, хорошъ будетъ Холмогорскій (Аѳанасій); изъ мірскихъ, для

[1]) Устряловъ, III, 648.

смотрѣнія за казною и сбора ея, очень хорошъ бояринъ Ив. Александровичъ Мусинъ-Пушкинъ или стольникъ Дм. Петровичъ Протасьевъ» [1]). Въ свою очередь, бояринъ Стрѣшневъ, въ письмѣ къ царю, предлагалъ тотчасъ же назначить патріарха, указывая при этомъ на нѣкоторыхъ кандидатовъ [2]).

Нѣсколько недѣль Петръ медлилъ рѣшеніемъ. 16-го декабря 1700 года, состоялся указъ: Патріаршему Приказу и Разряду не быть; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, который съ тѣхъ поръ назывался «Екзархомъ святѣйшаго Патріаршаго Престола, блюстителемъ и администраторомъ». Въ январѣ 1701 года, указано было «вѣдать св. патріарха домы, архіерейскія и монастырскія дѣла боярину Ивану Александровичу Мусину-Пушкину; сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ Патріаршій Разрядъ, и писать Монастырскимъ Приказомъ» [3]).

Бояринъ Мусинъ-Пушкинъ считался человѣкомъ многосторонне образованнымъ; Плейеръ пишетъ о его занятіяхъ «философскими и богословскими науками», о его знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ и пр. [4]).

Мы видѣли, что, въ 1690 году, Петръ не имѣлъ вліянія на рѣшеніе вопроса о назначеніи патріарха, оставался, такъ сказать, въ меньшинствѣ и могъ быть недоволенъ назначеніемъ Адріана. Кандидатъ Петра, Маркеллъ, не сдѣлался патріархомъ именно потому, что былъ человѣкомъ ученымъ и просвѣщеннымъ. Теперь же въ рѣшеніи Петромъ вопроса о патріаршествѣ заключалась чрезвычайно важная реформа. Яворскій, по своимъ способностямъ и познаніямъ, въ глазахъ государя, былъ лучшимъ кандидатомъ. Къ тому же, сдѣлавшись не патріархомъ, а лишь «блюстителемъ патріаршихъ дѣлъ», онъ долженъ былъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти. Съ учрежденіемъ Монастырскаго Приказа, съ назначеніемъ Мусина-Пушкина, управленіе духовными дѣлами перешло, главнымъ образомъ, въ руки свѣтской власти; люди, завѣдовавшіе Монастырскимъ Приказомъ, находились въ полной зависимости отъ царя. Современники-иностранцы смотрѣли на эту перемѣну, какъ на проявленіе начала цезаропапизма [5]). Ходили слухи

---

[1]) Соловьевъ, XV, 117.
[2]) Устряловъ, IV, 2, 162—163.
[3]) П. С. З., 1818 и 1829.
[4]) Устряловъ, IV, 2, 554.
[5]) Перри, нѣм. изд., 328 и 329.

о намѣреніи царя конфисковать имущество церквей и монастырей и замѣнить прежніе доходы духовенства царскимъ жалованьемъ [1]).

Патріаршество, введенное въ 1589 году, окончательно и формально было отмѣнено лишь «духовнымъ регламентомъ», въ концѣ царствованія Петра. Въ сущности же этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ въ 1700 году. Высшее духовное мѣсто оставалось упраздненнымъ. Не разъ впродолженіе XVII вѣка, патріархи становились опасными соперниками царя. Патріархъ Филаретъ превосходилъ царя Михаила умомъ, способностями, значеніемъ и вліяніемъ; не безъ труда, царь Алексѣй освободился отъ совмѣстничества патріарха Никона. Историческія воспоминанія служили урокомъ для Петра: мы знаемъ, что ему хорошо были извѣстны всѣ подробности исторіи съ Никономъ [2]). Мысль Курбатова отложить избраніе патріарха, замѣчаетъ Соловьевъ, не могла не понравиться Петру, если только эта мысль не была уже у него прежде. Враги преобразованій постоянно вооружались противъ нихъ во имя религіи, во имя древняго благочестія, которому измѣнялъ царь, другъ еретиковъ нѣмцевъ. Было извѣстно, что духовенство смотрѣло очень неблагосклонно на нововведенія и на новыхъ учителей; патріархъ Іоакимъ вооружался противъ пріема иностранцевъ въ русскую службу; патріархъ Адріанъ писалъ сильныя выходки противъ брадобритія, но потомъ замолкъ. Отъ него Петръ не могъ ожидать противодѣйствія своимъ планамъ; но могъ ли онъ быть увѣренъ въ его преемникѣ? гдѣ найдти такого архіерея, который бы вполнѣ сочувствовалъ преобразованіямъ? а если нѣтъ, то патріархъ, по своему значенію, будетъ необходимо нравственною опорою недовольныхъ; царь въ постоянномъ отсутствіи изъ Москвы; безъ царя патріархъ на первомъ планѣ, и, если этотъ патріархъ не сочувствуетъ царю, которымъ многіе недовольны,—благоразумно ли было къ сильной борьбѣ внѣшней и внутренней присоединять возможность борьбы съ патріархомъ [3])? Такого рода соображенія должны были заставить царя приступить къ важной перемѣнѣ—отмѣнѣ патріаршескаго сана.

Выше уже было замѣчено, что въ то время, когда, въ девяностыхъ годахъ, Петръ бывалъ постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой

---

[1]) Донесеніе Плейера у Устрялова, IV, 2, 554. Письмо фанъ-деръ-Гульста, тамъ-же, 669.

[2]) «Русскій Архивъ», 1863, стр. 627, и «Русскій Вѣстникъ» 1864 г. (XLIX), стр. 320—333.

[3]) Соловьевъ, XV, 117—118.

слободѣ, завязались близкія сношенія между нимъ и Анною Монсъ. Это обстоятельство не могло не повредить супружескимъ отношеніямъ Петра къ царицѣ Евдокіи.

Царица считалась современниками женщиною умною, но не отличавшеюся красотою [1]). Когда, гораздо позже, въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ долгаго времени несчастій, она находилась нѣкоторое время при дворѣ внука, императора Петра II, она производила впечатлѣніе женщины добродушной и опытной въ свѣтскихъ дѣлахъ [2]). Однако не могло быть и рѣчи о какомъ-либо образованіи ея, о какихъ-либо свѣдѣніяхъ, о способности сочувствовать обширнымъ планамъ царя-преобразователя. Сохранились нѣкоторыя письма царицы къ Петру, писанныя въ первое время брака; они ограничиваются обыкновенными фразами. Евдокія называетъ въ нихъ мужа, между прочимъ, своимъ «лапушкой». Нѣжныя слова, въ родѣ «свѣтъ мой», «радость моя» и т. п., встрѣчаемыя въ этихъ краткихъ и безсодержательныхъ запискахъ, не свидѣтельствуютъ еще объ особенно глубокихъ чувствахъ: подобныя выраженія въ то время считались необходимою принадлежностью эпистолярнаго стиля въ сношеніяхъ между родными.

Какъ бы то ни было, Петръ, вскорѣ послѣ брака, началъ пренебрегать супругою; въ народѣ знали объ этомъ и порицали юнаго царя [3]). Особенно Плещеевъ и Лефортъ обвинялись въ обращеніи вниманія царя на нѣкоторыхъ отличавшихся красотою обитательницъ Нѣмецкой слободы [4]). Разсказывали также, что сестра Петра, Наталья, сѣяла раздоръ между царемъ и Евдокіею. Однако эти данныя заимствованы изъ довольно мутнаго источника, именно изъ показаній женщинъ, подвергнутыхъ пыткѣ, по случаю стрѣлецкаго розыска, въ 1698 году [5]). Гораздо вѣроятнѣе разсказы современниковъ, утверждающихъ, что царица отталкивала отъ себя мужа ревностью и ненавистью къ иностранцамъ. Какъ кажется, существовалъ нѣкоторый антагонизмъ между царемъ и его товарищами, съ одной стороны, и родственниками царицы, съ другой. Петръ не ладилъ съ однимъ изъ братьевъ царицы [6]), а ея дядю, Петра Абрамовича Лопухина, въ началѣ 1695 года, пытали «въ го-

[1]) Замѣчанія Кохена въ сочиненіи Бергмана о Петрѣ Вел., I, 167.

[2]) Письма леди Рондо, изд. Шубинскаго, 32.

[3]) См. ст. Соловьева, «Школа Посошкова» въ «Библіографическихъ Запискахъ», 1861, № 5.

[4]) Alex. Gordon, «Gesch. Peters d. Gr.». Leipzig, 1755, I, 142.

[5]) Устряловъ, III, 190.

[6]) Кохенъ, у Бергмана, I, 186.

сударственномъ великомъ дѣлѣ», а на другой день онъ умеръ [1]). Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ эпизодѣ мы не имѣемъ. Въ народѣ прошелъ слухъ, что царь собственноручно пыталъ несчастнаго, «обливалъ его двойнымъ виномъ и жегъ» [2]). Другой Лопухинъ, нѣсколько позже, называлъ царя «сыномъ еретическимъ», «исчадіемъ

Царица Евдокія Ѳеодоровна.

Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову.

антихриста», обвиняя его въ томъ, что онъ «извелъ» В. В. Голицына, П. А. Лопухина и пр. [3]). Когда, наканунѣ отправленія Петра за границу, весною 1697 года, изъ Москвы сочли нужнымъ удалить нѣкоторыхъ ненадежныхъ людей, были назначены: отецъ царицы, Ѳедоръ Абрамовичъ Лопухинъ—воеводою въ Тотьму, его братъ,

[1]) Желябужскій, 40.

[2]) Соловьевъ, XIV. Приложенія VI.

[3]) Тамъ-же.

Василій Абрамовичъ—воеводою въ Чаронду, другой братъ, Сергѣй Абрамовичъ,—стольникомъ въ Вязьму [1]).

За границу также проникли слухи о холодности отношеній между Петромъ и Евдокіею [2]). Когда въ Вѣнѣ, послѣ аудіенціи пословъ, былъ торжественный обѣдъ, по предварительно составленной программѣ, комиссаръ аудіенціи, баронъ Кенигсакеръ, долженъ былъ провозгласить здоровье царицы Евдокіи, но этого тоста не было предложено, быть можетъ, потому, что знали о натянутыхъ отношеніяхъ между Петромъ и Евдокіею [3]).

Еще находясь въ Лондонѣ, Петръ послалъ повелѣніе боярамъ, Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрѣшневу, также духовнику царицы, склонить ее къ добровольному постриженію. Стрѣшневъ отвѣчалъ, что она «упрямится». По возвращеніи изъ Лондона въ Амстердамъ, Петръ писалъ Ромодановскому: «пожалуй, сдѣлай то, о чемъ тебѣ станетъ говорить Тихонъ Никитичъ». Царица не соглашалась [4]).

Возвратившись въ Москву, въ концѣ августа 1698 года, Петръ тотчасъ же побывалъ у Анны Монсъ. Австрійскій посолъ Гваріентъ, разсказывая объ этомъ, замѣчаетъ, что царь, какъ видно, «одержимъ прежнею неугасимою страстью» [5]). Патріархъ, какъ разсказывали, явившись къ Петру, извинялся въ томъ, что не успѣлъ склонить царицу къ удаленію въ монастырь, причемъ обвинялъ нѣкоторыхъ бояръ и архіереевъ, старавшихся будто бы помѣшать этому дѣлу. Далѣе, носился слухъ, что Петръ въ домѣ почтмейстера Виніуса, въ теченіи четырехъ часовъ, бесѣдовалъ съ Евдокіею, уговаривая ее [6]).

Три недѣли спустя, сестра царя, Наталья, взяла отъ Евдокіи сына ея, царевича Алексѣя, изъ кремлевскихъ чертоговъ въ свои хоромы, въ село Преображенское. Евдокія же была отправлена въ самой простой каретѣ, безъ свиты, въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь; тамъ, черезъ десять мѣсяцевъ, по именному царскому повелѣнію, она была пострижена подъ именемъ инокини Елены. Мало того: царь оставилъ ее безъ денежныхъ средствъ, такъ что бывшая царица принуждена была обращаться къ брату своему,

[1]) Соловьевъ, XIV, 285—286.

[2]) Кто-то писалъ Лейбницу: «On dit qu'il n'aime guères la Tsarisse sa femme»; 27-го ноября 1697 года. См. соч. Герье, II, 31.

[3]) Устряловъ, III, 150.

[4]) Тамъ-же, III, 189.

[5]) «Von der alten unerloschenen Passion regirt». Устряловъ, III, 621.

[6]) Донесеніе Гваріента у Устрялова, III, 622 и 623.

Абраму Лопухину, съ тайными просьбами о присылкѣ съѣстныхъ припасовъ [1]).

Царевичу Алексѣю, во время окончательнаго разлада отца съ матерью, было восемь лѣтъ. Соловьевъ пишетъ: «въ древней лѣтописи русской находится любопытный разсказъ, какъ великій князь Владиміръ разлюбилъ жену свою Рогнеду, какъ та хотѣла его за это убить, не успѣла и приговорена была мужемъ къ смерти; но, когда Владиміръ вошелъ въ комнату Рогнеды, чтобъ убить ее, то къ нему на встрѣчу вышелъ маленькій сынъ ихъ, Изяславъ, и, подавая мечъ Владиміру, сказалъ: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ? Владиміръ понялъ смыслъ словъ сына и отказался отъ намѣренія убить жену. Но обыкновенно мужья и жены, когда ссорятся, забываютъ, что они не одни; и Петръ, постригая жену, забылъ, что онъ не одинъ, что у него оставался сынъ отъ нея» [2]).

Связь между Петромъ и Анною Монсъ продолжалась около десяти лѣтъ. Монсъ иногда являлась при большихъ празднествахъ, къ которымъ приглашались иностранные дипломаты [3]). Родственники ея получали въ даръ дома и вотчины. Сохранились нѣкоторыя записки ея подруги, Елены Фадемрехтъ, къ царю; между прочимъ, она пишетъ: «свѣту моему, любезнѣйшему сыночку, чернобровенькому, черноглазенькому, вострочку дорогому» и пр. [4]). Анна Монсъ впослѣдствіи вышла замужъ за прусскаго посланника и вскорѣ послѣ этого умерла [5]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ охотно находился въ обществѣ иностранокъ. Плейеръ пишетъ, что въ то время, когда Петръ работалъ на верфяхъ въ Воронежѣ, тамъ присутствовали и «женщины-нѣмки». То были обывательницы Нѣмецкой слободы. Когда нѣкоторыя изъ нихъ захворали, Петръ на нѣсколько дней отложилъ свой отъѣздъ изъ Воронежа [6]). Нѣтъ сомнѣнія, что это общество нравилось царю и потому, что представительницы Нѣмецкой слободы отличались отъ тогдашнихъ русскихъ женщинъ большимъ образованіемъ и внѣшнимъ лоскомъ пріемовъ общежитія. Мы знаемъ, какое было въ ту пору положеніе русскихъ женщинъ; ихъ ничему

---

[1]) Устряловъ, III, 190.
[2]) Соловьевъ, XIV, 286—287.
[3]) Korb. Diarium, 84 и 87.
[4]) Устряловъ, IV, 2, 292.
[5]) Устряловъ, IV, 1, 145 и слѣд. Соловьевъ, XVI, 68 и слѣд. Нѣкоторыя любопытныя данныя см. въ соч. Скайлера «Peter the Great», въ журналѣ «Scribner's Monthly Magazine», Dec. 1880, 215.
[6]) Устряловъ, IV, 2, 255 и 562.

не обучали; онѣ почти никогда не являлись въ обществѣ мужчинъ; коснѣя въ нравственномъ и умственномъ застоѣ, онѣ были скорѣе рабынями, нежели подругами, товарищами своихъ мужей.

Нужно было думать о средствахъ къ развитію въ женщинахъ самостоятельной воли, умственныхъ способностей, склонности къ усвоенію внѣшнихъ формъ цивилизаціи.

Здѣсь, главнымъ образомъ, можно было помочь дѣлу перемѣною въ характерѣ заключенія браковъ. Въ этомъ отношеніи достоенъ вниманія указъ патріарха Адріана, запрещающій священникамъ вѣнчать молодыхъ, не убѣдившись въ добровольномъ согласіи на бракъ жениха и невѣсты [1]). Гораздо болѣе основательно и цѣлесообразно взялся за дѣло Петръ, опредѣливъ указомъ, въ апрѣлѣ 1702 года, что каждому вѣнчанію за шесть недѣль должно предшествовать обрученіе, дабы женихъ и невѣста могли распознать другъ друга и, въ случаѣ нелюбви, заблаговременно отказаться отъ вступленія въ бракъ [2]).

Перри пишетъ, что около этого же времени русскія женщины, по желанію царя, стали являться на вечерахъ и семейныхъ праздникахъ [3]). Мы уже видѣли выше, что сестры Петра начали одѣваться въ нѣмецкое платье; въ 1701 году, съ трехъ племянницъ его, дочерей царя Ивана, были списаны портреты извѣстнымъ художникомъ, Ле-Брюйномъ; царевны при этомъ случаѣ имѣли «Coiffure à l'antique»; царь мечталъ о заключеніи браковъ царевенъ съ иностранными принцами. Позже Петръ познакомился съ маріенбургскою плѣнницею, Екатериною, исторія которой тѣсно связана съ весьма важными явленіями въ исторіи женщины въ Россіи. Нельзя удивляться тому, что русскія женщины въ высшихъ классахъ общества большею частью были довольны нововведеніями, доставлявшими имъ противъ прежняго гораздо болѣе выгодное положеніе, что они охотно являлись на устраиваемыя, по приказанію Петра, «ассамблеи», что они, мало по малу, становились способными оказывать нѣкоторое вліяніе на дѣла, что, наконецъ, впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, онѣ играли первенствующую роль въ исторіи Россіи.

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 154—155.

[2]) П. С. З., 1907. И Плейеръ пишетъ объ этомъ указѣ, см. Устряловъ, IV, 2, 576.

[3]) Перри, нѣм. изд., стр. 315.

ПИСЬМО

царицы Евдокіи Θеодоровны къ Петру Великому.

Со снимка, приложеннаго къ „Исторія Петра Великаго“ Устрялова.

Гдарю моему радосте, ц'рю петру алексѣевичу здравствуй свѣтъ мой намножество лѣтъ просимъ млсти пожалуй Гдарь буди кнамъ не замешкавъ а я при млсти матушкиной жива женишка твоя дунка челомъ бьетъ.

Исторія Петра чуть ли не на каждомъ шагу представляетъ собою крайности. Тотъ самый царь, который, немедленно послѣ возвращенія изъ-за границы, грозно свирѣпствовалъ противъ стрѣльцовъ, участвуя самолично въ пыткахъ и казняхъ, оказывался въ то же время во многихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и законахъ представителемъ гуманности и просвѣщенія.

До сихъ поръ царя считали полубогомъ. Никто не приближался къ его дворцу, не обнаживъ головы; всѣ обращавшіеся къ нему падали ницъ и пр. Петръ желалъ измѣнить все это: 30-го декабря 1701 года, запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣна, зимою снимать шапки передъ дворцомъ. Петръ говорилъ: «какое же различіе между Богомъ и царемъ, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-то почесть свойственна царю» [1]).

Между тѣмъ, какъ русскіе вельможи привыкли окружать себя многочисленною дворнею, Петръ обыкновенно являлся съ небольшою свитою. Около этого же времени, царь, по случаю возгорѣвшейся войны со Швеціею, хотѣлъ было приказать дворянамъ: отпустить на волю лишнихъ дворовыхъ людей, чтобы сіи послѣдніе могли служить въ войскѣ. Совѣтники царя уговорили его отказаться отъ исполненія этого намѣренія [2]).

Къ этому же времени относится стараніе царя убавить число нищенствующихъ монаховъ, также число лишнихъ писцовъ и подъячихъ въ приказахъ; далѣе, онъ стремился развить промышленную и торговую дѣятельность русскихъ; имъ внушалось «торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, компаніями»; чрезъ учрежденіе ратушъ и бурмистрскихъ палатъ, царь надѣялся пріучить подданныхъ къ нѣкоторому самоуправленію и проч. Рядомъ съ введеніемъ гербоваго сбора, съ разными мѣрами для улучшенія военнаго устройства, съ учрежденіемъ коммиссіи для составленія Уложенія, причемъ образцами должны были служить французскіе, англійскіе и шотландскіе законы, шло учрежденіе ариѳметическихъ и навигаторскихъ школъ, составленіе русскихъ учебниковъ по разнымъ предметамъ, переводовъ иностранныхъ трудовъ на русскій языкъ, устройство типографій. Изъ множества писемъ Петра къ разнымъ лицамъ видно, въ какой степени царь во всѣхъ этихъ мѣрахъ принималъ самоличное участіе, какъ онъ

---

[1]) Соловьевъ, XV, 115.

[2]) Перри, нѣм. изд., стр. 321, и донесеніе Плейера, у Устрялова, IV, 2, 576.

зналъ обо всемъ происходившемъ, какъ иниціатива во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ принадлежала исключительно ему. То онъ мечталъ о перестройкѣ Кремля по образцамъ нѣмецкой архитектуры или Версальскаго замка, то бесѣдовалъ съ патріархомъ Адріаномъ, объ учрежденіи въ Москвѣ университета въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Иностранцы, слѣдя за всѣмъ этимъ, не могли надивиться кипучей дѣятельности, смѣлой предпріимчивости царя; дипломаты, въ каждомъ донесеніи своимъ правительствамъ, сообщали новыя извѣстія о задумываемыхъ царемъ проектахъ. Такъ, напримѣръ, Плейеръ, въ своихъ письмахъ къ императору Леопольду, пишетъ то объ учрежденіи Петромъ Андреевскаго ордена, то о его намѣреніи учредить «Академію всѣхъ факультетовъ для русскаго дворянства», то о предположеніи вызвать изъ-за границы профессоровъ астрономіи и математики, то о желаніи пригласить изъ-за границы труппу актеровъ и актрисъ и пр.

Какъ видно, надежды Лейбница и его единомышленниковъ на плодотворную дѣятельность Петра въ ближайшемъ будущемъ не оказались тщетными. Царь принимался за дѣло преобразованія, хотя и далеко не систематически, но энергично и упорно. Многія реформы могли казаться какъ бы случайными; многіе указы и распоряженія имѣли характеръ афоризмовъ; въ отношеніи къ разнымъ мѣрамъ, царь останавливался на половинѣ дороги. Къ тому же, Петру приходилось бороться съ ужасными затрудненіями. Съ одной стороны, вопросы внѣшней политики, а главнымъ образомъ событія Сѣверной войны, отвлекали его вниманіе въ совершенно иномъ направленіи; съ другой,—оказывалась необходимою отчаянная борьба царя-преобразователя противъ реакціонныхъ элементовъ въ народѣ, противъ сторонниковъ началъ татарско-византійской эпохи исторіи Россіи.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

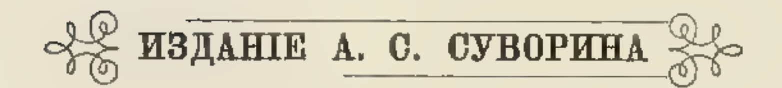
ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ
А. Г. БРИКНЕРА,
профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

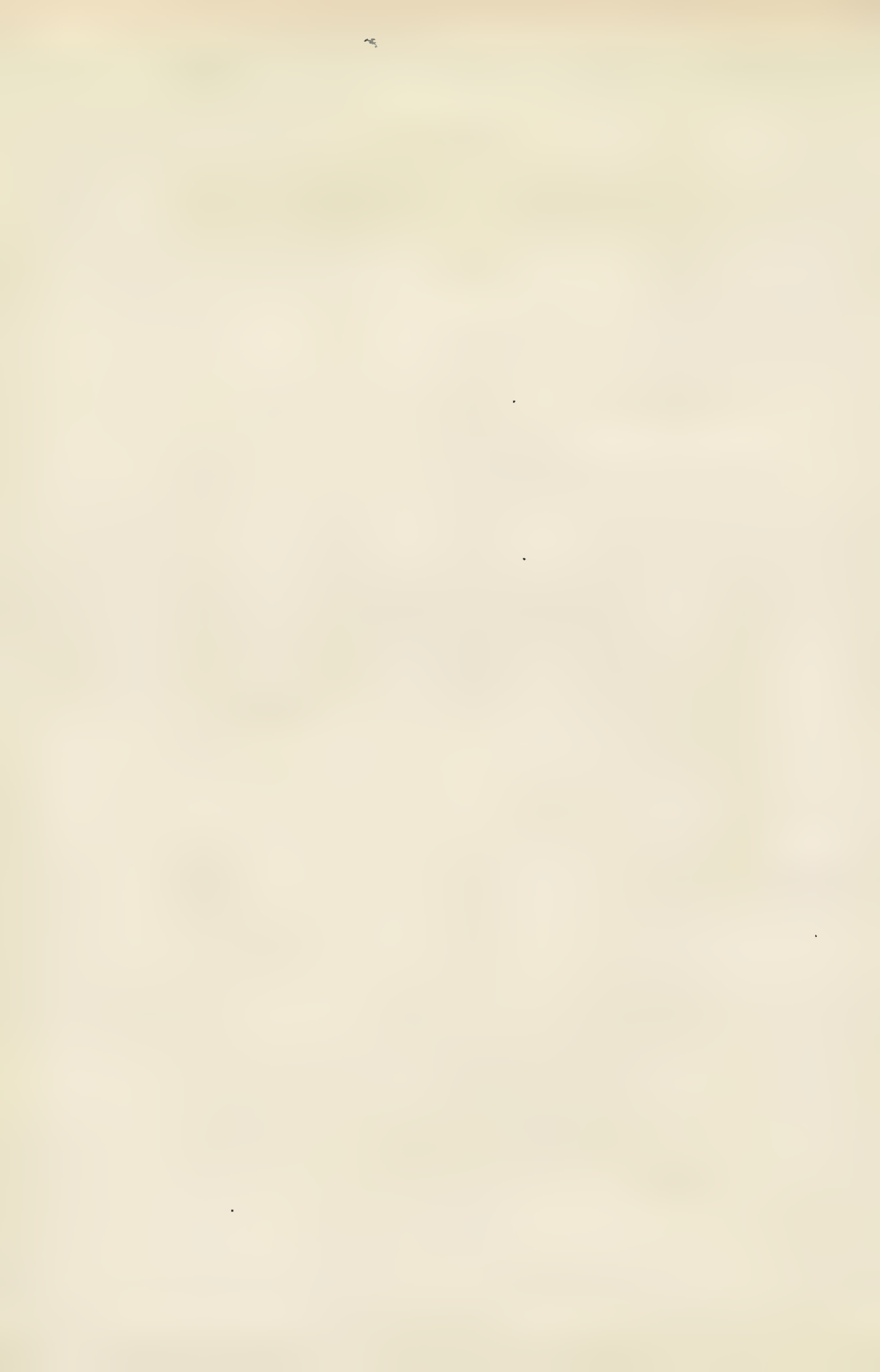
ПАННЕМАКЕРА и МАТТЭ въ Парижѣ; КЕЗЕВЕРГА и ЭРТЕЛЯ въ Лейпцигѣ; КЛОССА и ХЕЛЬМА въ Штутгартѣ; ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА и ВИНКЛЕРА въ Петербургѣ.

Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА**.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1882

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ



ГЛАВА I.

Признаки неудовольствія.

Какъ въ области внѣшней политики, такъ и въ области администраціи и законодательства, происходили важныя перемѣны. Взятіе Азова потребовало отъ народа значительныхъ пожертвованій. Преобразованія царя не нравились массѣ. Нельзя было ожидать, чтобы общество могло понять глубокій смыслъ реформъ Петра: онѣ возбуждали общій ропотъ.

Впослѣдствіи царь иногда, обнародывая новые указы, приступая къ кореннымъ реформамъ въ области внутренней политики, объяснялъ болѣе или менѣе подробно, въ указахъ же, необходимость преобразованій и сообщалъ свои соображенія относительно той или другой мѣры. Престолъ при немъ часто превращался въ каѳедру, съ которой царь преподавалъ своему народу нѣкоторыя важнѣйшія начала политическаго и общественнаго прогресса. Прислушиваясь въ церквахъ къ чтенію царскихъ манифестовъ, указовъ, распоряженій, даже и низшіе классы общества имѣли возможность вникнуть въ образъ мыслей царя-преобразователя, ознакомиться съ его воззрѣніями, свыкнуться съ началами его радикализма.

Мы, однако, не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о томъ, что̀ происходило въ умахъ русскихъ людей въ первое время преобра-

зованій при Петрѣ. Правительство не допускало ни малѣйшаго возраженія на свои мѣропріятія и чрезвычайно строго преслѣдовало и наказывало недовольныхъ. На царѣ лежала вся отвѣтственность; онъ не обращалъ и не могъ обращать вниманія на образъ мыслей толпы, коснѣвшей въ вѣковыхъ предразсудкахъ.

Тѣмъ не менѣе, народъ, котораго заставляли насильно повиноваться волѣ царя, не переставалъ судить о законодательной и административной дѣятельности правительства, осуждать многія мѣры строгаго начальства, порицать образъ дѣйствій Петра. Негодованіе на царя становилось общимъ особенно тогда, когда новыя распоряженія имѣли отношеніе къ церкви и религіи.

Въ бóльшей части случаевъ, правительство не узнавало вовсе о тайныхъ порывахъ раздраженія въ обществѣ. Петръ не имѣлъ возможности прислушиваться къ заявленіямъ какой либо партіи; направленіе общественнаго мнѣнія доходило до свѣдѣнія правительства, главнымъ образомъ, въ застѣнкахъ Преображенскаго Тайнаго Приказа; публицистики не было; общимъ правиломъ было глубокое молчаніе. По временамъ, однако, раздраженіе доходило до возмущеній и открытыхъ сопротивленій. Заговоры и бунты, неосторожныя рѣчи недовольныхъ, революціонныя движенія въ различныхъ классахъ общества, безпрестанныя полицейскія распоряженія для подавленія мятежнаго духа, доказываютъ, каково было броженіе умовъ. Иванъ Посошковъ былъ правъ, утверждая съ сожалѣніемъ: «нашъ монархъ на гору аще самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ» [1]).

Любопытно, что тотъ же самый Посошковъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи сторонникомъ царя, въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка принадлежалъ къ недовольнымъ, разсуждавшимъ о недостаткахъ и порокахъ государя, роптавшимъ на Петра и его образъ дѣйствій, несогласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями и желаніями народа.

Изъ дѣлъ Тайнаго Преображенскаго Приказа мы узнаёмъ о слѣдующемъ эпизодѣ.

Въ концѣ 1696 или въ началѣ 1697 года, у монаха Авраамія, бывшаго прежде келаремъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, а потомъ строителемъ въ московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, бывали часто, какъ «друзья и хлѣбоядцы давны», подъячіе Никифоръ Креневъ и Игнатій Бубновъ, стряпчій Кузьма Рудневъ, «да села Покровскаго крестьяне, Ивашка да Ромашка Посошковы».

---

[1]) Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ I, 95.

Изложеніе бесѣдъ, происходившихъ въ этомъ кружкѣ и относившихся къ современнымъ политическимъ событіямъ, составляло содержаніе тетрадей, которыя монахъ Авраамій осмѣлился подать самому государю Петру.

Въ этихъ тетрадяхъ было сказано, что именно поведеніе Петра соблазняло народъ. «Въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ, на кого надѣялись и ждали; какъ великій государь возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда, оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее; но, возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное».

Трудно понять, какимъ образомъ монахъ Авраамій могъ отважиться на подвигъ, который, при тогдашнихъ пріемахъ уголовнаго судопроизводства, не могъ не вовлечь всѣхъ участвовавшихъ въ подобныхъ бесѣдахъ въ страшную бѣду. Авраамія взяли, разумѣется, тотчасъ же. На пыткѣ онъ назвалъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ, которые, «бывая у него въ Андреевскомъ монастырѣ, такія слова, что въ тетрадяхъ написано, говаривали». Друзья Авраамія были также арестованы и подвергнуты допросу.

Креневъ показалъ, что говорили о потѣхахъ царя подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ, про судей, что безъ мзды дѣла не дѣлаютъ; далѣе сознался, что самъ говорилъ: еслибъ посажены были и судьи и дано-бъ имъ жалованье, чѣмъ имъ сытыми быть, а мзды не брать, и то-бъ было добро.

Рудневъ показалъ, что говорили: государь не изволитъ жить въ своихъ государственныхъ чертогахъ на Москвѣ, и мнится имъ, что отъ того на Москвѣ небытія у него въ законномъ супружествѣ чадородіе престало быть, и о томъ въ народѣ вельми тужатъ.

Бубновъ показалъ, что говорили о потѣхахъ непотребныхъ подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ для того, что многіе были биты, а иные и ограблены, да въ тѣхъ же походахъ князь Иванъ Долгоруковъ застрѣленъ, и тѣ потѣхи людямъ не въ радость; говорили про дьяковъ и подъячихъ, что умножились; про упрямство великаго государя, что не изволитъ никого слушаться, и про нововзысканныхъ и непородныхъ людей, и что великій государь въ Преображенскомъ Приказѣ самъ пытаетъ и казнитъ; говорили про морскія поѣздки, которыя также не нравились народу.

Авраамій считалъ непригожимъ, что въ тріумфальномъ входѣ въ Москву, послѣ взятія Азова, царь шелъ пѣшкомъ, а Шеинъ и Лефортъ ѣхали.

Этотъ эпизодъ кончился обыкновеннымъ образомъ: Бубновъ, Креневъ и Рудневъ были биты кнутомъ и сосланы въ Азовъ, исправлять обязанности подъячихъ; Авраамій сосланъ въ Голутвинъ монастырь. Посошковы остались безъ наказанія [1]).

Нельзя удивляться тому, что «потѣхи» Петра, Кожуховскій и Семеновскій походы, вызывали негодованіе массы народа. Для этихъ походовъ, значеніе которыхъ оставалось непостижимымъ для толпы, для подъема обоза, перевозки орудій, военныхъ снарядовъ, провіанта, требовалось нѣсколько сотъ подводъ. При всѣхъ схваткахъ было довольно много раненыхъ и обожженныхъ порохомъ; много несчастій случалось оттого, что самопалы разрывались въ рукахъ стрѣлковъ. Даже среди иностранцевъ рѣзко осуждали маневры, устраиваемые царемъ [2]).

Что касается до упрека, будто Петръ самъ пыталъ и казнилъ людей, то онъ повторяется неоднократно и впослѣдствіи, особенно послѣ возвращенія Петра изъ-за границы, по случаю страшнаго стрѣлецкаго розыска. Мы помнимъ, что и прежде въ народѣ ходилъ слухъ, будто царь собственноручно замучилъ своего дядю, Петра Лопухина [3]).

Достоенъ вниманія упрекъ относительно скромности царя, шедшаго пѣшкомъ за экипажами Шеина и Лефорта при торжественномъ входѣ въ Москву, послѣ взятія Азова. Потомству нравится именно эта скромность Петра, медленно дослуживавшагося до высшихъ чиновъ, опредѣлявшаго этимъ самымъ совсѣмъ новыя, неслыханныя до того отношенія личности государя къ рѣшаемымъ имъ задачамъ. Но въ то время, народъ, привыкшій видѣть своего государя на первомъ мѣстѣ, окруженнымъ всѣмъ великолѣпіемъ, всею пышностью царскаго сана, считавшій царя полубогомъ, гнушался такимъ униженіемъ его.

Народъ ожидалъ отъ царя совсѣмъ иныхъ преобразованій, особенно же усиленнаго контроля надъ недобросовѣстностью чиновнаго люда. Пока, однако, царь вовсе не заботился о дѣлахъ внутренней политики и скорѣе думалъ о войскѣ и флотѣ. Сооруженіе послѣдняго оставалось также совершенно непонятнымъ для народа яв-

---

[1]) См. Соловьева «Ист. Россіи» XIV, 243. Уже прежде Соловьевъ напечаталъ объ этомъ эпизодѣ статью въ «Библіографич. Запискахъ» 1861, № 5, «Школа Посошкова».

[2]) Петръ Лефортъ писалъ къ отцу: «Ces divertissement ne valents à rien... on peut jouer à mauvais tour... cela coûte beaucoup aux bourgeois etc.» см. соч. Поссельта, II, 217.

[3]) Соловьевъ, «Исторія Россіи» XIV, Приложенія VI.

леніемъ; турецкая война была весьма тягостна для всѣхъ платящихъ налоги и служащихъ въ войскѣ. Участіе царя въ увеселеніяхъ иностранцевъ въ Нѣмецкой слободѣ вызывало также всеобщее негодованіе.

Неизвѣстно откуда распространился слухъ, будто царь Иванъ Алексѣевичъ извѣщалъ всему народу: «братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ нѣмцами». На кружечномъ дворѣ разсказывали, что государь безпрестанно бываетъ у еретиковъ въ слободѣ; бывшій тутъ иконникъ замѣтилъ: «не честь онъ, государь, дѣлаетъ,—безчестье себѣ» [1]).

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на существованіе разлада между Петромъ и Иваномъ. Въ народѣ же недовольные Петромъ легко могли надѣяться на Ивана. Впослѣдствіи являлись Лжеиваны. Въ глазахъ народа, Иванъ, остававшійся дома, соблюдавшій прежнія формы придворнаго этикета, не имѣвшій никакихъ сношеній съ еретиками-нѣмцами, могъ казаться представителемъ той старины, за которую стоялъ народъ. О ненавистныхъ новшествахъ Петра знали всѣ, о болѣзненности, ничтожности Ивана—весьма немногіе.

Впрочемъ, даже и за границею говорили и писали о какомъ-то личномъ антагонизмѣ между братьями, какъ это видно изъ одной современной брошюры, въ которой разсказано объ убіеніи Ивана Петромъ [2]).

Заглавіе этой брошюры: «Храбрый московскій царь и завоеваніе турецкой крѣпости Азова», не соотвѣтствуетъ содержанію. О покореніи Азова въ ней почти вовсе не говорится; за то въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждается образъ дѣйствій Петра по случаю переворота 1689 года. Сочиненіе написано въ формѣ бесѣды нѣкоторыхъ лицъ, русскихъ и иностранцевъ, обсуждающихъ вопросъ: насколько Петръ имѣлъ право лишить Софью и Ивана жизни. Въ самомъ фактѣ совершенія такого преступленія собесѣдники не сомнѣваются. Польскій дворянинъ старается доказать, что царь не имѣлъ ни малѣйшаго права убить своихъ ближайшихъ родственниковъ. Московскій бояринъ, напротивъ, утверждаетъ, что Петру нечего заботиться о народной молвѣ и что устройство въ Россіи временнаго двоевластія было ошибкою. Создать, какъ онъ

[1]) Соловьевъ, «Ист. Россіи» XIV, 241—242.

[2]) См. заглавіе этой брошюры въ сочиненіи Минцлофа «Pierre le Grand dans la littérature étrangère», стр. 231. Она явилась въ «годъ взятія Азова». См. мой разборъ этой брошюры въ Журн. Мин. Нар. Пр. CCIV, отд. 2, стр. 287—293.

выражается, «двуглавое чудовищное тѣло» [1]), значило подвергнуть государство ужаснымъ опасностямъ. Русскіе, защищая Петра, остаются въ меньшинствѣ. Нѣмецкій учитель, постоянно указывающій на примѣры исторіи и приводящій въ изобиліи цитаты изъ сочиненій классическихъ писателей древности, въ заключеніе ссылается на слова Плутарха, въ его «Бесѣдѣ семи мудрецовъ», что тираны рѣдко доживаютъ до глубокой старости, и высказываетъ предположеніе, что царствованіе Петра скоро кончится [2]).

И дѣйствительно, Россіи грозила опасность ужаснаго кризиса.

23-го февраля 1697 года, т. е. за двѣ недѣли до отъѣзда Петра за границу, на пиру у Лефорта, царю донесли, что думный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ умертвить его. Разсказываютъ, что Петръ немедленно, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, отправился въ домъ Цыклера и самолично арестовалъ преступниковъ [3]).

Заговорщиками оказались: стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ и двое родовитыхъ русскихъ вельможъ, Алексѣй Соковнинъ и Ѳедоръ Пушкинъ.

Цыклеръ въ первый стрѣлецкій бунтъ, въ 1682 году, служилъ орудіемъ Милославскихъ и царевны Софьи; по его показанію передъ смертью, царевна, во время ея регентства, «его призывала и говаривала почасту, чтобъ онъ надъ государемъ учинилъ убійство»; въ 1689 году, онъ, какъ мы знаемъ, спѣшилъ перейдти на сторону Петра и уже въ самомъ началѣ борьбы царя съ сестрою очутился въ Троицѣ; надежда Цыклера, что онъ этимъ самымъ обратитъ на себя вниманіе царя, не исполнилась; онъ, между прочимъ, жаловался, что Петръ, бывавшій часто въ гостяхъ у разныхъ лицъ, никогда не посѣщалъ его. Затѣмъ его постигла бѣда: его назначили на службу въ Азовъ для надзора надъ сооруженіемъ въ этомъ мѣстѣ укрѣпленій; такое назначеніе считалось тогда чѣмъ-то въ родѣ ссылки. Онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми стрѣльцами, говорилъ съ ними о возможности скоропостижной кончины царя, стараясь разузнать, кого они пожелали бы возвести

[1]) Corpus biceps monstrosum.

[2]) Подробности объ этой брошюрѣ см. въ соч. Минцлофа «Pierre le Grand dans la littérrature étrangère», 209—210.

[3]) См. разсказъ Гордона у Устрялова, III, 388. Доносчики, Елизарьевъ и Силинъ, были награждены; см. П. С. З., V, № 2877. Легендарныя черты арестованія Цыклера разсказаны у Штелина. Гораздо правдоподобнѣе разсказъ у Перри.

Арестъ Цыклера.

Рисунокъ художника Загорскаго. Гравюра Клосса въ Штутгартѣ.

на престолъ; при этомъ разсуждалось о возможности воцаренія боярина Шеина, или боярина Шереметева [1]), о возведеніи на престолъ малолѣтняго царевича Алексѣя и о назначеніи царевны Софьи регентшею, а Василія Васильевича Голицына опять главнымъ министромъ. Нѣкоторые стрѣльцы и казаки на допросѣ дали слѣдующія показанія о рѣчахъ Цыклера: «что можно царя изрѣзать ножей въ пять; извѣстно государю, прибавилъ Цыклеръ, что у него. Ивана, жена и дочь хороши, и хотѣлъ государь къ нему быть и надъ женою его и надъ дочерью учинить блудное дѣло, и въ то число онъ, Иванъ, надъ нимъ, государемъ, знаетъ что сдѣлать». Цыклеръ сознался, что говорилъ: «какъ буду на Дону у городового дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ донскими казаками пойду къ Москвѣ, для ея разоренія, и буду дѣлать то же, что и Стенька Разинъ». Также онъ объявилъ: «научалъ я государя убить за то, что называлъ онъ меня бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ивана Милославскаго»; по показаніямъ другихъ, Цыклеръ говорилъ: «въ государствѣ нынѣ многое нестроеніе для того, что государь ѣдетъ за море, и посылаетъ посломъ Лефорта, и въ ту посылку тощитъ казну многую» и пр.

Цыклеръ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Соковнинымъ и Пушкинымъ. Соковнинъ принадлежалъ къ семьѣ, занимавшей важное мѣсто въ исторіи раскола. Онъ самъ былъ старовѣръ; его сестры у раскольниковъ пользовались большимъ уваженіемъ; его дѣти были отправлены за границу учиться, что въ то время считалось тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ всей семьѣ, и шуринъ его, Пушкинъ, долженъ былъ, по приказанію царя, отправить своихъ сыновей за границу; онъ задумалъ было ослушаться, оставить сыновей въ Россіи, но навлекъ на себя гнѣвъ государя; онъ же говорилъ про государя, что «живетъ небреженіемъ, не христіански, и казну тощитъ».

Заговорщики надѣялись на мятежный духъ въ стрѣлецкомъ войскѣ и между казаками. Достойно вниманія замѣчаніе Соковнина, что стрѣльцамъ нечего ждать, потому что имъ во всякомъ случаѣ не миновать погибели и т. п. [2]).

---

[1]) О кандидатурѣ Шереметева говорится не только въ слѣдственномъ дѣлѣ Цыклера, Соковнина и Пушкина, но и въ находящихся въ вѣнскомъ архивѣ донесеніяхъ какого-то иностранца; см. соч. Поссельта о Лефортѣ, II, 565.

[2]) Подробныя данныя о заговорѣ, заимствованныя изъ архивныхъ дѣлъ, сообщены Соловьевымъ, XIV, 244—249. Эти документы не были извѣстны Устрялову. Впрочемъ, о многихъ подробностяхъ было извѣстно уже раньше изъ записокъ Желябужскаго, 106—111.

Какъ видно, личный гнѣвъ заговорщиковъ на царя происходилъ отъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій. Отправленіе молодыхъ дворянъ за границу, путешествіе царя—вызвали общій ропотъ. Джонъ Перри, пріѣхавшій въ Россію вскорѣ послѣ этого эпизода и узнавшій кое-какія подробности о дѣлѣ Цыклера, Соковнина и Пушкина, также замѣчаетъ, что заговоръ былъ выраженіемъ негодованія вельможъ, порицавшихъ нововведенія [1]). Плейеръ, находившійся въ то время въ Москвѣ, придаетъ этому эпизоду особенное значеніе, утверждая, что преступный умыселъ былъ направленъ противъ Петра, всего царскаго семейства, всѣхъ лицъ, приближенныхъ къ царю, и, наконецъ, противъ всѣхъ иностранцевъ [2]).

Очевидно, существовала нѣкоторая связь между заговоромъ 1697 года и событіями 1682 года. Въ обоихъ случаяхъ встрѣчается желаніе замѣнить Петра другимъ лицомъ. Недовольные царемъ легко могли подумать о воцареніи Софьи. Цыклеръ былъ клевретомъ Софьи и Милославскихъ, товарищемъ Шакловитаго. Мы не знаемъ о какомъ-либо участіи Софьи въ дѣлѣ 1697 года. Однако есть извѣстіе, что на Софью и нѣкоторыхъ изъ ея сестеръ пало подозрѣніе при розыскѣ Цыклера, Соковнина и Пушкина, и что, вслѣдствіе этого, были усилены караулы у Новодѣвичьяго монастыря [3]).

По случаю казни заговорщиковъ, 4-го марта 1697 года, обнаружилась личная ненависть Петра къ дядѣ царевны Софьи, Ивану Милославскому, который умеръ уже въ 1685 году. Было выкопано тѣло его изъ могилы и привезено въ Преображенское на свиньяхъ; гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнниковъ и, когда имъ сѣкли головы, кровь лилась на трупъ Ивана Милославскаго [4]). Головы преступниковъ были воткнуты на рожны столба, поставленнаго на Красной площади [5]). Родственники ихъ были сосланы въ отдаленныя мѣста.

Что же касается стрѣлецкаго войска, то съ нимъ, тотчасъ же послѣ казни заговорщиковъ, произошла весьма важная перемѣна. Желябужскій пишетъ: «и марта въ 8-й день, на стѣнной караулъ вверхъ шли комнатные стольники пѣши строемъ. перемѣнили съ

[1]) Перри, нѣм. изд., 241.

[2]) «Letzlich wider alle sich hier befindende Teutsche»; см. Устрялова, III, 634.

[3]) Устряловъ, III, 196.

[4]) Разсказывали также, что послѣ этого останки Милославскаго по частямъ были зарыты подъ поломъ различныхъ застѣнковъ; см. у Туманскаго, I, 227.

[5]) Описаніе казни у Гордона, III, 92, и у Желябужскаго, 112.

карауловъ полковниковъ; также и по всѣмъ воротамъ стояли все Преображенскіе и Семеновскіе солдаты» [1]). Стрѣльцовъ удалили, выслали на службу въ другія мѣста. Очевидно, они не пользовались довѣріемъ правительства. По разсказу одного современника-очевидца, въ Кремлѣ и вообще въ столицѣ важнѣйшіе посты были ввѣрены полкамъ, находившимся подъ командою иностранныхъ офицеровъ [2]).

Царь поднялъ знамя западно-европейской культуры. Офицеры-иностранцы окружали, защищали это знамя. Національное войско, сторонники прошедшаго, очутились въ ссылкѣ. Борьба между царемъ и стрѣльцами становилась неминуемою.

Намѣреніе Петра уѣхать за границу возбудило общее негодованіе. Однако ропотъ подданныхъ не могъ остановить его. Спустя нѣсколько дней послѣ казни заговорщиковъ, онъ отправился въ путь.

Предпріятіе царя можно было считать весьма отважнымъ. Подъ самою столицею, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, жила опальная царевна, Софья. Она легко могла сдѣлаться средоточіемъ движенія въ стрѣлецкомъ войскѣ, разбросанномъ по окраинамъ Россіи; къ тому-же было замѣтно броженіе умовъ среди казаковъ и раскольниковъ. Между вельможами было также много недовольныхъ.

Нѣсколько десятилѣтій позже, когда внукъ Петра Великаго, императоръ Петръ III, намѣревался отправиться за границу для веденія въ Голштиніи войны съ Даніею, Фридрихъ Великій старался уговорить своего друга и союзника остаться дома, указывая на опасность лишиться престола во время отсутствія и совѣтуя ему, для убавленія опасности, по крайней мѣрѣ взять съ собою всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно подозрѣвать въ склонности къ измѣнѣ [3]).

Въ томъ обстоятельствѣ, что Петръ Великій отправилъ за границу множество молодыхъ дворянъ, что онъ взялъ съ собою «волонтёровъ», современники видѣли подобную-же мѣру предосторожности. Въ одной современной англійской книгѣ сказано, что рус-

---

[1]) Желябужскаго записки, 113.

[2]) Плейеръ писалъ 8 іюля 1697 г.: «Die Strelzen, als Werkzeuge dieser und aller Rebellionen seind aus Moskau zu dienst und weitentlegene stätter auf ewig verschicket und werden alle Posten sowohl in der Residenz, als auch der ganzen Statt durch des Czaren seine 4 geworbenen leibregimenter unter Commando lauter Teutschen officier bewachet». Устряловъ, III, 637.

[3]) «Русская Старина», мартъ, 1871.

скіе, находившіеся за границею, должны были служить царю какъ-бы порукою вѣрности ихъ родственниковъ, остававшихся въ Россіи [1]).

Отсутствіе Петра изъ столицы, еще ранѣе поѣздки его за границу, считалось дѣломъ не безопаснымъ. Францъ Лефортъ, сообщая своимъ родственникамъ о путешествіи Петра въ Архангельскъ, въ 1694 году, замѣчаетъ, что, послѣ укомплектованія войска новыми полками, нѣтъ болѣе основанія опасаться чего-либо во время отсутствія царя [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что Лефортъ говорилъ о возможности стрѣлецкаго бунта.

И дѣйствительно, опасность грозила царю не столько со стороны вельможъ, родственниковъ молодыхъ людей, отправленныхъ за границу, сколько со стороны низшихъ слоевъ общества, со стороны стрѣльцовъ и казаковъ, находившихся въ самой тѣсной связи съ крестьянами и черныю въ городахъ.

Во время пребыванія Петра на западѣ, нѣсколько разъ были распространяемы слухи о возмущеніи въ Московскомъ государствѣ. Какъ только царь въ Детфордѣ, близъ Лондона, принялся за черченіе корабельныхъ плановъ, за математическія выкладки, тайный агентъ при цесарскомъ дворѣ, переводчикъ Адамъ Штилле, донесъ ему, что въ Вѣнѣ появился какой-то польскій ксёндзъ, который разгласилъ, будто въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ, царевна Софья возведена на престолъ, князь Василій Голицынъ, освобожденный изъ ссылки, вступилъ въ управленіе государствомъ, и весь народъ уже присягнулъ царевнѣ; въ доказательство этого, онъ предъявилъ какія-то письма и требовалъ даже аудіенціи у цесаря, въ чемъ ему, однакожъ, было отказано. По словамъ Штилле, въ Вѣнѣ только и было разговоровъ, что о Московскихъ происшествіяхъ.

Получая изъ Москвы съ каждою почтою успокоительныя извѣстія, царь не вѣрилъ разглашеніямъ ксёндза и не думалъ изъ-за пустого слуха прерывать свои занятія. Онъ только требовалъ чрезъ Лефорта отъ цесарскихъ министровъ задержанія ксёндза, какъ злодѣя и возмутителя. На это требованіе цесарскіе министры отозвались, что особы духовныя суду и расправѣ ихъ не подлежатъ [3]).

Пока подобные слухи оказывались лишенными всякаго основанія. Однако разсказы о броженіи умовъ въ Московскомъ государствѣ, о разныхъ признакахъ повсемѣстнаго неудовольствія не

---

[1]) Crull, 206. «To serve him as pledges of their parents fidelity during his stay in foreign countries». См. также соч. Вебера «Veründertes Russland», III, 221.

[2]) Posselt, II, 296.

[3]) Устряловъ, III, 98—99.

прекращались. Такъ, напримѣръ, въ Вѣнѣ ходилъ слухъ, что русскіе будто-бы въ высшей степени раздражены склонностью царя къ католицизму [1]).

Наконецъ, царь изъ достовѣрнаго источника узналъ о стрѣлецкомъ бунтѣ. Нужно было отказаться отъ путешествія въ Италію и спѣшить возвращеніемъ въ Москву. На пути туда, онъ узналъ, что крайняя опасность уже миновала; но впослѣдствіи онъ могъ составить себѣ болѣе точное понятіе о страшныхъ размѣрахъ, которые приняла борьба противъ новизны, и объ упорствѣ и негодованіи своихъ противниковъ. Сперва онъ долженъ былъ бороться со стрѣльцами; затѣмъ очередь дошла до казаковъ и раскольниковъ и, наконецъ, ему пришлось столкнуться съ сыномъ, устраненіемъ котораго отъ престола Петръ надѣялся обезпечить успѣшный ходъ преобразованія Россіи.

[1]) Theiner, 374.

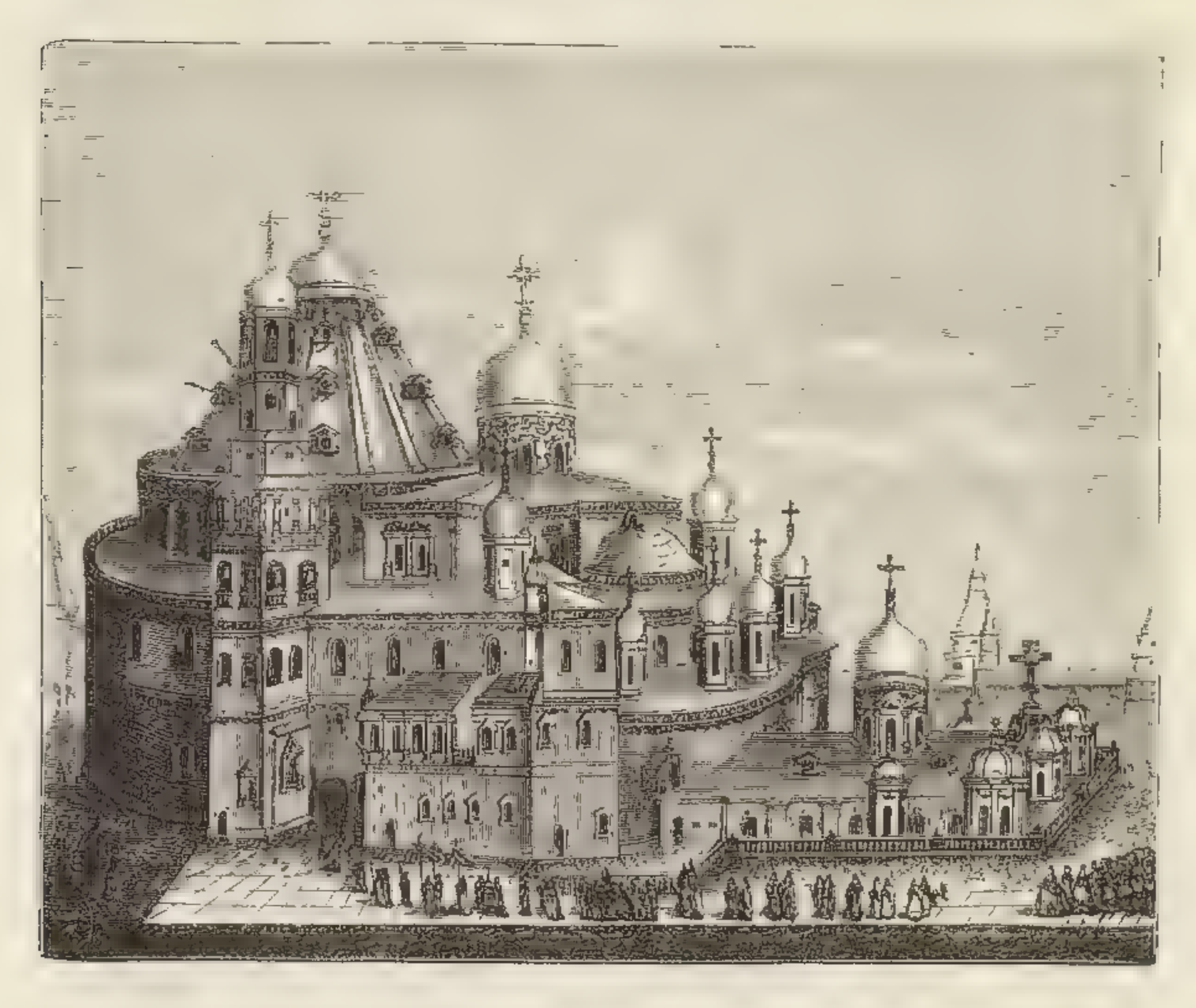
ГЛАВА II.

Стрѣлецкій бунтъ 1698 года.

Стрѣльцы не разъ, при прежнихъ безпорядкахъ, служили орудіемъ возстаній. Они усиливали шайки Стеньки Разина; въ 1682 году, они, въ борьбѣ придворныхъ партій, взяли на себя роль палачей; на ихъ помощь разсчитывалъ Шакловитый въ 1689 году, для спасенія Софьи въ борьбѣ съ Петромъ; при содѣйствіи стрѣльцовъ, Соковнинъ, Цыклеръ и Пушкинъ надѣялись погубить царя въ 1697 году.

По мѣрѣ необходимости преобразованія войска, привилегіи стрѣльцовъ должны были рушиться. Петръ имѣлъ право требовать, чтобы «русскіе янычары» превратились въ настоящихъ солдатъ, безусловно покорныхъ государственной власти. Поэтому ихъ положеніе, основанное на прежнихъ льготахъ, становилось сначала шаткимъ, наконецъ, невозможнымъ. Еще до катастрофы стрѣлецкаго войска, современники могли видѣть, что оно не имѣло будущности; не даромъ Соковнинъ, хорошо понимавшій неизбѣжность гибели стрѣльцовъ, замѣтилъ, что они, рѣшаясь на отчаянныя дѣйствія, ничѣмъ не рискуютъ, потому что, такъ или иначе, «впредь имъ погибнуть же».

На маневрахъ, устраиваемыхъ Петромъ до Азовскихъ походовъ, стрѣлецкое войско обыкновенно бывало побѣждаемо. Нѣтъ сомнѣнія, что новые солдатскіе полки, организованные по западноевропейскимъ образцамъ, превосходили стрѣльцовъ знаніемъ дѣла, дисциплиною, ловкостью. Во время Азовскихъ походовъ, стрѣлецкіе полки, строптивостью, своеволіемъ, неохотою къ военнымъ дѣйствіямъ, не разъ возбуждали крайній гнѣвъ царя. Бывали случаи



Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современнаго гравированнаго вида.

строгаго наказанія стрѣльцовъ за непослушаніе [1]. При всемъ томъ, стрѣлецкіе полки, особенно во время перваго Азовскаго похода, понесли страшныя потери. Офицеры не щадили жизни солдатъ, подвергая ихъ, иногда безъ особенной необходимости, разнымъ опасностямъ. Многіе стрѣльцы гибли, вслѣдствіе недостатковъ военной администраціи. Не безъ основанія стрѣлецкое войско считало себя

[1] Дневникъ Гордона, II, 593, 598.

оскорбленнымъ невниманіемъ начальства; неудовольствіе и ропотъ между стрѣльцами были общимъ и частымъ явленіемъ.

Правительство знало о настроеніи умовъ въ стрѣлецкомъ войскѣ. Какъ смотрѣли близкіе къ царю люди на стрѣльцовъ, на ихъ отношенія къ правительству, всего лучше видно изъ письма Виніуса къ Петру, гдѣ сказано, что, по полученіи извѣстія о взятіи Азова, даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ радовались [1]).

Въ прежнее время походы для войска бывали менѣе тяжелыми. Стрѣльцы, по временамъ, могли возвращаться домой, къ своимъ семействамъ. Теперь же, послѣ взятія Азова, ихъ задержали тамъ для охраны города, потомъ заставили работать надъ его укрѣпленіями. Послѣ дѣла Цыклера, Соковнина и Пушкина, тѣ стрѣлецкіе полки, которые находились въ то время въ Москвѣ, были отправлены въ отдаленныя мѣста, для охраны южной границы противъ набѣговъ татаръ, или къ польско-литовской окраинѣ, для наблюденія за Польшей. Однѣ лишь жены и дѣти стрѣльцовъ оставались въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Такимъ образомъ, положеніе стрѣльцовъ становилось все хуже и хуже. Нѣсколько лѣтъ сряду продолжалась непрерывно утомительная служба. Постоянно повторялись жалобы стрѣльцовъ на суровое и невнимательное съ ними обращеніе, на чрезмѣрную строгость начальниковъ. Можно было ожидать вспышки, взрыва.

Во время бунта 1698 года, стрѣльцами были высказаны, между прочимъ, слѣдующія жалобы: «будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика-иноземца, Францка Лефорта, чтобы благочестію великое препятствіе учинить, чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, подвелъ онъ, Францко, подъ стѣну безвременно, и, ставя въ самыхъ нужныхъ въ крови мѣстѣхъ, побито ихъ множество; его-жь умышленіемъ дѣланъ подкопъ подъ ихъ шанцы, и тѣмъ подкопомъ онъ ихъ же побилъ человѣкъ съ 300 и больше» и пр. Въ этомъ же тонѣ идутъ и дальнѣйшія жалобы на Лефорта, который будто хотѣлъ «до конца погубить всѣхъ стрѣльцовъ», который виноватъ, что они, идя степью, «ѣли мертвечину и премножество ихъ пропало». Наконецъ, сказано въ челобитной: «всему народу чинится наглость, слышно, что идутъ къ Москвѣ нѣмцы, и то знатно послѣдуя брадобритію и табаку во всесовершенное благочестія испровер женіе» [2]).

Какъ видно, исходною точкою жалобъ стрѣльцовъ были страданія ихъ во время походовъ; въ сущности же, въ нихъ слы-

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 263.
[2]) Устряловъ, III, 171—172.

нится ненависть къ иностранцамъ, считавшимся виновниками всѣхъ бѣдствій.

Эта ненависть существовала издавна. Впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій до стрѣлецкаго бунта 1698 года, Нѣмецкая слобода служила предметомъ общаго негодованія. Уже въ самомъ началѣ XVII вѣка, при каждомъ случаѣ ослабленія государственной власти, жизнь иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, находилась въ крайней опасности. Нападенія на «нѣмцевъ» повторялись и въ смутное время, при Борисѣ и Лжедимитріѣ, и при разныхъ бунтахъ во время царствованія Алексѣя Михайловича, и во время террора, въ 1682 году.

Эпоха Петра не могла не разжечь еще болѣе ненависти къ иностранцамъ. Въ дневникѣ Корба, пребывавшаго въ Россіи въ 1698 и 1699 годахъ, разсказаны многіе случаи, свидѣтельствующіе объ ужасномъ раздраженіи народа противъ нѣмцевъ. Даже государственные люди, каковы были Ордынъ-Нащокинъ и др., иногда возставали противъ введенія иноземныхъ обычаевъ. Юрій Крижаничъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ ратовалъ противъ «ксеномании», т. е. противъ приглашенія иностранцевъ въ Россію, указывая при этомъ на заслуживающій, по его мнѣнію, одобренія примѣръ китайскаго правительства, не впускающаго иностранцевъ въ страну. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ сторонниковъ Петра, напримѣръ, Ивана Посошкова, Стефана Яворскаго и др., также встрѣчаются сильныя выходки противъ иностранцевъ.

Не мудрено, что въ то время, когда царь бывалъ постояннымъ гостемъ у еретиковъ-нѣмцевъ, когда онъ учился у Лефорта и Гордона, когда эти послѣдніе считались виновниками Азовскихъ походовъ и путешествія царя въ западную Европу, гнѣвъ народа, сторонниковъ прошедшаго, представителей привилегированнаго войска, обрушился на «еретиковъ», сдѣлавшихся пріятелями, совѣтниками, наставниками царя.

Весьма важнымъ источникомъ для исторіи стрѣлецкаго бунта служатъ донесенія находившагося въ это время въ Россіи императорскаго посла Гваріента, а также записки находившагося въ его свитѣ Корба. Здѣсь именно обращается особенное вниманіе на національное значеніе этого событія.

Въ своемъ донесеніи отъ 17-го октября 1698 года, слѣдовательно въ то время, когда путемъ страшнаго розыска правительство узнало о размѣрахъ и значеніи бунта и когда уже начались казни преступниковъ, Гваріентъ писалъ императору слѣдующее: «вліяніе Лефорта, внушеніе царю мысли о поѣздкѣ за границу и

другіе такого рода преступные факты [1]) вывели изъ терпѣнія стрѣльцовъ; нѣмцевъ, проживающихъ въ Московскомъ государствѣ въ большомъ числѣ, ненавидятъ тѣмъ болѣе, что царь чтитъ ихъ, оказывая русскимъ презрѣніе; поэтому стрѣльцы рѣшились сжечь Нѣмецкую слободу и перерѣзать всѣхъ иностранцевъ». Ко всему этому, однако, Гваріентъ прибавляетъ: правленіе бояръ, во время пребыванія царя за границею, оказалось тягостнымъ и произвольнымъ, такъ что многіе люди, чрезъ насиліе при собираніи налоговъ, оскудѣли; поэтому въ толпѣ было рѣшено убить нѣкоторыхъ бояръ. Наконецъ, Гваріентъ еще упоминаетъ о намѣреніи возвести на престолъ царевну Софью и назначить Голицына министромъ [2]).

Все это вполнѣ согласуется съ результатами допросовъ преступниковъ. Во всѣхъ взбунтовавшихся стрѣлецкихъ полкахъ только и было рѣчи, что государя за моремъ не стало, а царевича хотятъ удушить бояре; только и думы было среди стрѣльцовъ —идти къ Москвѣ, бояръ перебить, Кокуй, т. е. Нѣмецкую слободу, разорить, нѣмцевъ перерѣзать, дома разграбить [3]).

Стрѣльцы мечтали о чемъ-то похожемъ на Сицилійскую вечерню, о борьбѣ низшихъ слоевъ противъ высшихъ, о перемѣнѣ на престолѣ. Поводомъ къ такой революціонной программѣ служило суровое съ ними обращеніе правительства.

При страшномъ стрѣлецкомъ розыскѣ, Петръ не столько обращалъ вниманіе на ненависть стрѣльцовъ къ иноземцамъ, сколько на вопросъ, намѣревались ли бунтовщики возвести на престолъ царевну Софью, или нѣтъ, и въ какой мѣрѣ принимали участіе въ этомъ дѣлѣ сама царевна и ея сестры.

Нельзя сказать, чтобы произведенное съ величайшею строгостью слѣдствіе привело въ ясность эти вопросы. Преданіе, какъ кажется, приписываетъ царевнѣ Софьѣ слишкомъ важную долю въ предпріятіяхъ стрѣльцовъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и послѣ государственнаго переворота 1689 года между Петромъ и Софьею сохранились чрезвычайно натянутыя отношенія. Царевна содержалась подъ арестомъ. Разсказываютъ, что Петръ, до отъѣзда за границу, побывалъ у сестры въ кельѣ для прощанія, но нашелъ ее до того надменною, холодною и непримиримою, что въ крайнемъ волненіи вышелъ изъ

[1]) Straffbare Proceduren.
[2]) Устряловъ, III, 628.
[3]) Тамъ-же, III, 161.

Новодѣвичьяго монастыря [1]). Впрочемъ, анекдотическія черты такого рода не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Еще менѣе вниманія заслуживаетъ другой разсказъ, будто преданные царевнѣ стрѣльцы, подкопавшись подъ монастырь, разломали снизу полъ въ той комнатѣ, гдѣ она содержалась, увели ее подземнымъ ходомъ и пр. [2]).

Зато нельзя сомнѣваться въ существованіи тайныхъ сношеній между Софьею и стрѣльцами. Положеніе Софьи и ея сестеръ, послѣ 1689 года, было очень тяжело. Царевны оказались въ опалѣ и беззащитными. Онѣ не могли не желать какой-либо перемѣны. До нихъ доходили слухи о всеобщемъ ропотѣ. Недовольныя стрѣльчихи сообщали служанкамъ царевенъ о повсемѣстномъ волненіи. Въ апрѣлѣ 1697 года, даже между солдатами Лефортова полка шла рѣчь, чтобы подать челобитную царевнѣ Софьѣ объ улучшеніи ихъ положенія. Многія стрѣльчихи, по особой благосклонности постельницъ, бывали въ хоромахъ царевенъ почти ежедневно, приносили городскія вѣсти и сами разглашали по слободамъ, что̀ имъ скажутъ въ Верху [3]).

Особенно опасными сдѣлались четыре стрѣлецкіе полка: Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка. Они были отправлены въ Азовъ. Когда на смѣну имъ были посланы другіе полки, они надѣялись, что имъ будетъ дозволено возвратиться въ Москву; однако, вдругъ имъ приказали идти въ Великія-Луки, къ Литовской границѣ. Они повиновались, но многимъ стало невыносимо: въ мартѣ 1698 года, 175 человѣкъ самовольно ушли изъ Великихъ-Лукъ въ Москву, бить челомъ отъ лица всѣхъ товарищей, чтобъ ихъ отпустили по домамъ. Такой случай самовольнаго побѣга требовалъ строгаго взысканія. Однако, бояре, на которыхъ лежала въ этомъ отношеніи тяжелая отвѣтственность, дѣйствовали слабо, нерѣшительно. Они велѣли арестовать четырехъ выборныхъ, но стрѣльцы отбили своихъ товарищей, буянили, не хотѣли возвратиться къ своимъ полкамъ. Гордонъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, какъ вельможи страшно перепугались, между тѣмъ какъ онъ самъ не придавалъ этому эпизоду особеннаго значенія, указывая на слабость партіи недовольныхъ и на отсутствіе въ ней передового человѣка. При всемъ томъ, однако, онъ принялъ нѣко-

---

[1]) См. разсказы, собранные Карабановымъ въ «Русской Старинѣ», II, стр. 585.

[2]) Штелинъ, «Анекдоты о Петрѣ Великомъ», I, 35—37. Напрасно Соловьевъ, XIV, 263, замѣчаетъ: «мы не имѣемъ никакого права отвергнуть это извѣстіе»;— при розыскѣ нѣтъ и слѣдовъ этого эпизода.

[3]) Соловьевъ, XIV, 266. Устряловъ, III, 157.

торыя мѣры предосторожности. На этотъ разъ дѣло кончилось скоро. Стрѣльцовъ уговорили вернуться къ своимъ полкамъ.

Изъ бумагъ слѣдственнаго дѣла, однако, видно, что во время пребыванія своего въ Москвѣ стрѣльцы имѣли сношенія съ царевнами. Два стрѣльца, Проскуряковъ и Тума, успѣли чрезъ знакомую имъ стрѣльчиху доставить царевнамъ письмо съ челобитною о стрѣлецкихъ нуждахъ. Содержаніе письма и челобитной неизвѣстно; полагали, однако, что стрѣльцы звали Софью на царство. Передавали и содержаніе отвѣта царевны, въ которомъ она приглашала стрѣльцовъ идти къ Москвѣ и изъявляла готовность исполнить ихъ желаніе. Обо всемъ этомъ мы знаемъ лишь изъ показаній въ застѣнкѣ стрѣльцовъ и прочихъ обвиненныхъ. Письмо Софьи не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ копіи. Поэтому нѣтъ возможности судить положительно о мѣрѣ участія Софьи въ бунтѣ [1]).

Также неизвѣстно, какимъ образомъ распространилась молва, что государя за моремъ не стало. Она быстро разнеслась по всей Москвѣ и привела въ недоумѣніе бояръ-правителей, которые, не получивъ три-четыре заграничныя почты, за весеннею распутицею, крѣпко встревожились и перепугались. Петръ, крайне раздраженный малодушіемъ бояръ, отвѣчалъ на письмо Ромодановскаго, отъ 8-го апрѣля 1698 года, слѣдующее: «въ томъ же письмѣ объявленъ бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ [2]). А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались) и для того боясь, и въ дѣло не вступаешь; воистину, скорѣе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни одинъ не умеръ: всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій! Мало-ль живетъ, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ» [3]). И Виніуса, который въ крайнемъ безпокойствѣ писалъ къ Лефорту о замедленіи почты, Петръ упрекнулъ въ трусости, замѣчая между прочимъ: «я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить: а ты самъ предводитель имъ въ яму» [4]).

---

[1]) Устряловъ, III, 159.

[2]) Изъ этого замѣчанія можно заключить, что до отъѣзда царя за границу между нимъ и Ромодановскимъ было говорено о мѣрахъ на случай бунта.

[3]) Устряловъ, III, 439.

[4]) Тамъ-же, III, 440.

Разглашеніе молвы о кончинѣ царя могло содѣйствовать усиленію мятежнаго духа. Но появились и другіе слухи. Разсказывали, будто царевна Марѳа Алексѣевна велѣла своей постельницѣ Клушиной шепнуть одной стрѣльчихѣ: у насъ въ Верху позамялось: хотѣли было бояре государя-царевича удушить. Хорошо, кабы подошли стрѣльцы». Передавали далѣе, что бояре царицу Евдокію «по щекамъ били» и пр. [1]).

Все это происходило весною 1698 года; но настоящій бунтъ начался только черезъ нѣсколько недѣль. Стрѣлецкіе полки подъ начальствомъ Ромодановскаго сына стояли близь Торопца. Сюда поспѣшили прійдти стрѣльцы, бывшіе въ Москвѣ и находившіеся тамъ въ сношеніяхъ съ царевнами. Правительство издало въ Москвѣ указъ отъ 28 мая, которымъ объявлялось, что стрѣльцы должны оставаться въ пограничныхъ городахъ, а бѣгавшихъ въ Москву стрѣльцовъ велѣно сослать въ малороссійскіе города на вѣчное житье. Когда, однако, около пятидесяти бѣжавшихъ въ Москву стрѣльцовъ были арестованы для отправленія въ ссылку, товарищи отбили ихъ. Волненіе быстро усиливалось. Ромодановскій не имѣлъ возможности схватить виновныхъ. Разумѣется, бѣгуны, по инстинкту самосохраненія, должны были всячески возбуждать къ бунту остальныхъ. Наконецъ мятежъ вспыхнулъ. Одинъ изъ ходившихъ въ Москву, стрѣлецъ Масловъ, взобравшись на телѣгу, началъ читать письмо отъ царевны Софьи, въ которомъ она убѣждала стрѣльцовъ прійдти къ Москвѣ, стать таборомъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и просить ее снова на державство, а если солдаты станутъ не пускать ихъ въ Москву, то биться съ ними.

Стрѣльцы порѣшили: «идти къ Москвѣ, разорить Нѣмецкую слободу и побить нѣмцевъ за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло, побить и бояръ; послать и въ иные полки, чтобъ и они шли къ Москвѣ для того, что стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ; и къ донскимъ козакамъ вѣдомость послать; а если царевна въ правительство не вступится и по коихъ мѣстъ возмужаетъ царевичъ, можно взять и князя Василія Голицына: онъ къ стрѣльцамъ и въ крымскихъ походахъ, и на Москвѣ, милосердъ былъ, а по коихъ мѣстъ государь здравствуетъ, и намъ Москвы не видать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами» и пр. [2]).

[1]) Устряловъ, III, 160.
[2]) Соловьевъ, XIV, 271.

Когда въ Москвѣ узнали, что стрѣльцы идутъ къ столицѣ, то на многихъ жителей напалъ такой страхъ, что они съ имуществомъ бѣжали по деревнямъ. И теперь особенно перепугались высшіе сановники, тотчасъ рѣшившіе въ совѣтѣ отправить на встрѣчу приближавшимся стрѣльцамъ отрядъ войска изъ конницы и пѣхоты. Начальство надъ этимъ войскомъ было ввѣрено боярину Шеину съ двумя генералами: Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ. Душою всѣхъ дѣйствій былъ Гордонъ.

Узнавъ, что стрѣльцы спѣшатъ занять Воскресенскій монастырь, Гордонъ старался предупредить ихъ и отрѣзать имъ дорогу къ этому важному мѣсту. Эта цѣль была достигнута. Если бы стрѣльцы успѣли овладѣть монастыремъ, то, подъ защитой его твердынь, могли бы разбить войско, оставшееся вѣрнымъ Петру. Встрѣтившись съ мятежниками, Гордонъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ ихъ станъ, стараясь убѣжденіями и угрозами отклонить ихъ отъ бунта. Однако стрѣльцы, не сознавая опасности своего положенія и не умѣя оцѣнить превосходства силъ и средствъ, находившихся въ распоряженіи Гордона, надѣялись на успѣхъ, повторяли свои жалобы и понапрасну теряли время, такъ что Гордонъ, не упуская изъ виду ничего, что̀ могло служить ему для обороны и быть обращено во вредъ врагамъ, занялъ весьма выгодныя позиціи. Особенно искусно разставилъ пушки полковникъ Крагге, такъ что, успѣхъ битвы, сдѣлавшейся неминуемою, принадлежалъ главнымъ образомъ артиллеріи.

18-го іюня, произошла развязка. Утромъ въ этотъ день Гордонъ еще разъ отправился въ станъ мятежниковъ и со всевозможнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ ихъ къ покорности, но тщетно. Стрѣльцы отвѣчали, что или умрутъ, или будутъ въ Москвѣ. Гордонъ повторилъ имъ, что къ Москвѣ ихъ не пропустятъ. Истощивъ всѣ средства къ мирному соглашенію, Гордонъ открылъ военныя дѣйствія и велѣлъ сдѣлать залпъ изъ 25 орудій; однако ядра перелетѣли чрезъ головы стрѣльцовъ. Завязалось настоящее сраженіе, продолжавшееся не болѣе часа. Почти всѣ бунтовщики, послѣ данныхъ по нимъ четырехъ залповъ, которые произвели не малое опустошеніе въ ихъ рядахъ, были окружены, переловлены и заключены въ Воскресенскій монастырь.

Въ розыскѣ, начавшемся тотчасъ же послѣ битвы, участвовалъ и Гордонъ. Къ сожалѣнію, его письмо къ царю съ донесеніемъ о всемъ случившемся до насъ не дошло [1]). Показанія подвергнутыхъ

[1]) Устряловъ, III, 176—178.

пыткѣ стрѣльцовъ не компрометировали царевны Софьи: ни одинъ изъ нихъ не памекнулъ про ея письмо. По распоряженію бояръ, было повѣшено 56 стрѣльцовъ; но остальныхъ ожидалъ еще болѣе грозный розыскъ, которымъ руководилъ самъ царь.

Получивъ въ Вѣнѣ, отъ князя-кесаря Ромодановскаго, извѣстіе о бунтѣ и движеніи стрѣльцовъ къ Москвѣ, Петръ отвѣчалъ ему: «пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича ростетъ: въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете».

Очевидно, царь былъ страшно взволнованъ. Понятіе о «сѣмени Милославскаго» для него было тѣсно связано съ борьбою противъ него самого, противъ дѣла преобразованія. Можно было ожидать чрезвычайно строгихъ мѣръ. Петръ считалъ стрѣльцовъ лишь орудіемъ какой-то враждебной ему партіи. Его занималъ вопросъ о томъ, кто руководилъ стрѣльцами, кто подкапывался подъ его престолъ. Отъ раздраженнаго царя, являвшагося также представителемъ партіи, нельзя было ожидать спокойной, безпристрастной расправы. Не даромъ онъ считалъ стрѣльцовъ сторонниками реакціонныхъ стремленій. Единомышленники царя раздѣляли его ненависть къ стрѣльцамъ. Виніусъ писалъ Петру: «ни одинъ не ушелъ; по розыску, пущіе изъ нихъ посланы въ путь иной, темной жизни съ возвѣщеніемъ своей братьѣ такимъ же, которые, мню, и въ адъ посажены въ особыхъ мѣстахъ для того, что, чаю, и сатана боится, чтобъ въ адѣ не учинили бунту и его самого не выгнали изъ его державы» [1]).

Въ концѣ августа, Петръ прибылъ въ Москву. Около половины сентября, начался розыскъ подъ личнымъ наблюденіемъ царя, рѣшившагося дѣйствовать строже прежнихъ слѣдователей, занимавшихся этимъ дѣломъ [2]).

Съ давнихъ поръ, уголовное судопроизводство въ московскомъ государствѣ отличалось жестокостью, громаднымъ и сложнымъ приборомъ застѣнковъ и палачей. Существовали разные способы истязаній преступниковъ. Нельзя сказать, чтобы Петръ, участвуя лично въ розыскѣ и руководя имъ, прибавилъ что-либо къ издавна существовавшимъ пріемамъ практики уголовнаго террора. По случаю коломенскаго бунта, 1662 года, число жертвъ, подвергнутыхъ ужас-

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 257.
[2]) Гордонъ, III, 216.

нымъ пыткамъ и казнямъ, доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Тогда, однако, не нашлось современника, который начертилъ бы столь подробно и рельефно мрачную картину этого печальнаго эпизода, какъ это было сдѣлано Корбомъ относительно ужасной драмы, происходившей осенью 1698 года. Петръ въ сущности не былъ строже своихъ предшественниковъ, не былъ строже самого народа, который въ подобныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ маѣ 1682 г., разыгрывалъ роль палача, замучивая самыми звѣрскими истязаніями доктора фонъ-Гадена, Ивана Нарышкина и др. При всемъ томъ, розыскъ 1698 года былъ ужасенъ, во первыхъ, по громадному числу истязуемыхъ и казненныхъ, во вторыхъ, по многимъ случаямъ повторенія пытки надъ лицами, уже не разъ и ужасно пострадавшими, въ третьихъ—потому, что въ числѣ несчастныхъ находилось не мало женщинъ, въ четвертыхъ же, въ особенности, по личному присутствію при всѣхъ этихъ ужасахъ вѣнценосца.

Однако непосредственное, самоличное участіе Петра въ дѣлѣ розыска въ данномъ случаѣ соотвѣтствовало не только нѣкоторымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ всего событія, напр., опасности, грозившей царю лично отъ царевны Софьи, но еще гораздо болѣе индивидуальности, праву, страсти къ личной иниціативѣ царя. Онъ обыкновенно зналъ обо всемъ, заботился обо всемъ, участвовалъ во всѣхъ видахъ труда, строилъ корабли наравнѣ съ плотниками, дѣйствовалъ во время битвы въ качествѣ обыкновеннаго артиллериста, на морѣ служилъ матросомъ, при вопросахъ, касавшихся законодательства и администраціи, входилъ во всѣ частности. Такимъ образомъ, онъ, когда дѣло шло о стрѣлецкомъ розыскѣ, невольно долженъ былъ участвовать во всѣхъ подробностяхъ дѣла, руководить допросами, присутствовать при пыткахъ и казняхъ.

Притомъ, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. На царѣ лежала тяжелая отвѣтственность. Дѣло преобразованія находилось въ нѣкоторой опасности. Тѣ лица, которыя во время пребыванія Петра за границею управляли государствомъ, не съумѣли, по его мнѣнію, оцѣнить мѣру опасности, грозившей государству со стороны стрѣлецкаго бунта. Пользуясь одновременно находившеюся въ его рукахъ безусловною, неограниченною властью, а также и безъ того ужасными способами уголовнаго судопроизводства, царь, не безъ личнаго раздраженія и гнѣва, приступилъ къ розыску. Поэтому нельзя удивляться, что при такихъ условіяхъ судебное слѣдствіе походило нѣсколько на политическую мѣру въ отчаянной борьбѣ съ противниками, что наказаніе побѣжден-

ныхъ получило характеръ мести, что высшій судья, пренебрегая своимъ достоинствомъ какъ государя, походилъ на палача.

О впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ стрѣлецкимъ розыскомъ, можно судить по нѣкоторымъ замѣткамъ въ запискахъ, донесеніяхъ, дневникахъ Корба, Гваріента, Желябужскаго, Гордона. О размѣрахъ кровопролитія, истязаній и казней свидѣтельствуютъ архивныя данныя, которыя были изслѣдованы Устряловымъ и Соловьевымъ. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, по нѣскольку часовъ ежедневно, не прекращалась работа судей и палачей въ застѣнкахъ, которыхъ, по современнымъ источникамъ, насчитывалось до 14 (а по одному извѣстію—до 20). Патріархъ Адріанъ вздумалъ умѣрить гнѣвъ царя, укротить его строгость и, поднявъ икону Богородицы, отправился въ Преображенское къ Петру, который, однако, завидѣвъ патріарха, закричалъ ему: «къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходить сюда? убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ» [1]).

Слѣдствіе привело лишь къ общимъ результатамъ. Оказалось невозможнымъ опредѣлить въ точности мѣру участія Софьи въ бунтѣ. Вопросъ о мятежномъ посланіи ея къ стрѣльцамъ долженъ и въ настоящее время считаться открытымъ [2]). Гордонъ былъ правъ, не придавая стрѣлецкому бунту особеннаго значенія, потому что стрѣльцамъ не доставало предводителя.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ иностранцевъ, находившихся въ то время въ Москвѣ, говорится объ участіи въ дѣлѣ стрѣльцовъ нѣкоторыхъ вельможъ, о пыткахъ кое-какихъ бояръ и т. п. [3]). Эти свѣдѣнія не подтверждаются архивными матеріалами.

Число казненныхъ въ сентябрѣ и октябрѣ доходило до тысячи; то были почти исключительно стрѣльцы, или другія лица низшаго сословія, а также нѣкоторые священники, участіе которыхъ въ бунтѣ заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что они до битвы при Воскресенскомъ монастырѣ отслужили молебенъ. Ихъ наказали особенно строго, медленною смертью—колесованіемъ и проч. [4]). Въ февралѣ 1699 года, было казнено еще нѣсколько сотъ человѣкъ.

---

[1]) Korb, Diarium, 6—7 окт. 1698.

[2]) Устряловъ и Соловьевъ не сомнѣвались въ существованіи письма. Аристовъ отрицаетъ вину царевны.

[3]) Плейеръ въ донесеніи отъ 10-го декабря 1698 г.—Перри, нѣм. изд., 290.

[4]) Устряловъ, III, 405—407.

*

Вопросъ о самоличномъ, собственноручномъ участіи Петра въ казняхъ долженъ оставаться открытымъ. Гваріентъ и Корбъ разсказывали объ этомъ не какъ очевидцы, а по слухамъ. Въ запискахъ Желябужскаго, Гордона и прочихъ современниковъ не говорится объ этомъ. Соловьевъ вѣритъ разсказу австрійскихъ дипломатовъ, что Петръ собственноручно отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ, что онъ заставлялъ Ромодановскаго, Голицына, Меншикова дѣлать тоже самое. Другіе историки, напр., Устряловъ, Поссельтъ, быть можетъ, слишкомъ рѣшительно, отрицаютъ возможность подобныхъ фактовъ.

Какъ-бы то ни было, извѣстіе объ ужасахъ въ Москвѣ произвело въ западной Европѣ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Отзывъ епископа Бёрнета о Петрѣ Великомъ, приведенный нами выше, въ главѣ о путешествіи Петра, составленъ подъ вліяніемъ разсказовъ объ ужасахъ стрѣлецкаго розыска. Лейбницъ, имѣвшій весьма высокое понятіе о способностяхъ Петра, о его склонности къ реформамъ, стремленіи къ просвѣщенію, въ письмѣ къ Витзену, порицалъ образъ дѣйствій царя и выразилъ опасеніе, что такой терроръ вмѣсто того, чтобы укротить мятежный духъ въ народѣ, скорѣе будетъ содѣйствовать распространенію въ странѣ всеобщей ненависти къ царю. Къ этому Лейбницъ прибавилъ: «я отъ души желаю, чтобы Богъ сохранилъ этого государя и чтобы его наслѣдники продолжали начатое имъ дѣло преобразованія». Витзенъ старался успокоить Лейбница относительно ожидаемыхъ послѣдствій чрезмѣрной строгости царя, замѣчая: «нѣтъ основанія опасаться какихъ либо враждебныхъ дѣйствій со стороны семействъ казненныхъ преступниковъ; въ Московскомъ государствѣ существуетъ обычай отправлять въ Сибирь и въ прочія самыя отдаленныя мѣста женъ, дѣтей и вообще всѣхъ родственниковъ казненныхъ преступниковъ» [1]).

Спрашивалось: не слѣдовало-ли, напротивъ, ожидать самыхъ опасныхъ послѣдствій отъ такого распространенія наказанія на нѣсколько тысячъ семействъ? Въ дневникѣ Гордона встрѣчается (14-го ноября 1698 года) слѣдующая многознаменательная замѣтка: «было запрещено принимать у себя женъ и дѣтей казненныхъ стрѣльцовъ» [2]). Такимъ образомъ, тысячи женщинъ, дѣтей, вообще родственниковъ стрѣльцовъ, оказались какъ-бы обреченными на вѣрную погибель. Лишенные средствъ, крова, хлѣба, они уми-

---

[1]) Герье, 29 и 30.

[2]) Гордонъ, III, 222.

Казнь стрѣльцовъ.

Съ современной гравюры, приложенной къ „Дневнику Корба“.

рали медленною смертью отъ холода и голода, возбуждая своими страданіями гнѣвъ народа на неумолимо строгое правительство.

Къ тому-же, слѣдствіе вообще прекратилось не скоро. Много лѣтъ спустя, именно въ 1707 году, былъ казненъ стрѣлецъ Масловъ, сообщившій, лѣтомъ 1698 года, своимъ товарищамъ мнимое или настоящее посланіе къ стрѣльцамъ царевны Софьи [1]).

Кромѣ розыска въ Москвѣ, происходилъ розыскъ и въ Азовѣ. Когда въ Черкасскѣ на Дону узнали о пораженіи стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, казаки говорили: «если великій государь къ заговѣнью къ Москвѣ не будетъ, и вѣстей никакихъ не будетъ, то нечего государя и ждать! а боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть... Москву намъ очищать, а какъ будетъ то время, что идти намъ къ Москвѣ, будемъ и городовыхъ людей съ собою брать и воеводъ будемъ рубить или въ воду сажать». Одновременно съ казаками, начали говорить и стрѣльцы: «отцовъ нашихъ и братьевъ и сродичевъ порубили, а мы въ Азовѣ зачтемъ, начальныхъ людей побьемъ». Одинъ монахъ говорилъ стрѣльцамъ: «дураки вы, что за свои головы не умѣете стоять; васъ и остальныхъ всѣхъ нѣмцы порубятъ, а донскіе казаки давно готовы». Стрѣлецъ Пареенъ Тимоѳеевъ говорилъ: «когда бунтовалъ Разинъ и я ходилъ съ нимъ-же: еще я на старости тряхну!» а другой стрѣлецъ, Бугаевъ, толковалъ: «стрѣльцамъ ни въ Москвѣ, ни въ Азовѣ житья нигдѣ нѣтъ: на Москвѣ отъ бояръ, что у нихъ жалованье отняли безъ указу; въ Азовѣ отъ нѣмецъ, что ихъ на работѣ бьютъ и заставливаютъ работать безвременно. На Москвѣ бояре, въ Азовѣ нѣмцы, въ землѣ черви, въ водѣ черти».

Вслѣдъ за азовскимъ, произошелъ еще новый розыскъ. Стрѣлецкій полковой попъ донесъ, что въ Змієвѣ, въ шинкѣ, стрѣльцы толковали о своей бѣдѣ, сбирались со всѣми своими полками, стоявшими въ Малороссіи, идти къ Москвѣ. Хотѣли убить боярина Стрѣшнева за то, что у стрѣльцовъ хлѣба убавилъ, Шеина за то, что ходилъ подъ Воскресенскій монастырь, Якова Ѳедоровича Долгорукаго

[1]) Укажемъ на нѣкоторыя подробности дѣла Маслова въ доказательство того, что пользованіе протоколами, составленными при допросахъ, какъ историческимъ матеріаломъ, требуетъ крайней осторожности. Въ сентябрѣ 1698 года, Масловъ на пыткѣ показалъ, что имѣлъ въ рукахъ письмо царевны и уничтожилъ его; 30-го января 1700 года, онъ показалъ, что отдалъ письмо своему родственнику, Жукову. Послѣдній запирался сначала въ полученіи письма, но на третьей пыткѣ показалъ, что дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ это письмо и бросилъ его въ Двину; при слѣдующихъ пыткахъ, однако, онъ опять отрицалъ полученіе письма и проч. Маслову было 6 застѣнковъ, 2 подъема, 97 ударовъ; Жукову—7 застѣнковъ, 4 подъема, 99 ударовъ; онъ былъ жженъ головнею и пр. Устряловъ, III, 240—242.

за то, что «выбилъ стрѣльцовъ въ дождь и въ слякоть». Стрѣльцы говорили: «чѣмъ было намъ татаръ рубить, пойдемъ къ Москвѣ бояръ рубить» [1]).

Стрѣлецъ Жукова полка, Кривой, содержавшійся въ Вологодской тюрьмѣ, съ звѣрскимъ бѣшенствомъ кричалъ предъ другими колодниками и посторонними людьми: «нынѣ нашу братью, стрѣльцовъ, прирубили, а остальныхъ посылаютъ въ Сибирь: только нашей братьи во всѣхъ сторонахъ и въ Сибири осталось много. И въ Москвѣ у насъ зубы есть, будетъ въ нашихъ рукахъ и тотъ, кто насъ пласталъ и вѣшалъ. Самому ему торчать на колѣ» [2]).

При такихъ обстоятельствахъ, нужно было разъ на всегда покончить съ «русскими янычарами». Послѣ того, какъ, въ началѣ 1697 года, ихъ удалили изъ Москвы и принудили къ пребыванію на пограничныхъ постахъ, они сдѣлались еще болѣе опасными. Въ іюнѣ 1699 года, царь повелѣлъ: «всѣхъ стрѣльцовъ изъ Москвы и Азова распустить по городамъ въ посадъ, куда кто похочетъ; безъ проѣзжихъ листовъ никуда ихъ изъ посадовъ не отпускать». Само собою разумѣется, что ружья, сабли и всѣ казенныя вещи у нихъ были отобраны. Такимъ образомъ, по выраженію Петра, скасовано было 16 полковъ, и московскіе стрѣльцы, разсѣянные по всему государству, изъ царскихъ тѣлохранителей обратились въ посадскихъ. Строго запрещено было принимать ихъ въ солдатскую службу, конечно, изъ опасенія, чтобы ратные люди не заразились ихъ злонравіемъ, и, какъ скоро обнаружилось, что нѣкоторые изъ старыхъ стрѣльцовъ записались въ солдаты, сказываясь посадскими разныхъ городовъ, царь велѣлъ сослать ихъ на каторгу. Скоро исчезли и послѣдніе слѣды прежняго стрѣлецкаго войска [3]).

Оставалось покончить съ царевною Софьею. Иностранцы-современники сообщаютъ намъ, что гнѣвъ царя на сестру, по случаю стрѣлецкаго бунта, не имѣлъ предѣловъ. Гваріентъ писалъ о намѣреніи царя, на устроенной нарочно для этой цѣли эстрадѣ, собственноручно убить Софью въ глазахъ всего народа [4]). Этотъ нелѣпый разсказъ впослѣдствіи былъ часто повторяемъ въ разныхъ видахъ; передавали, что Лефортъ убѣдилъ царя отказаться

[1]) Соловьевъ, XIV, 281—282.
[2]) Устряловъ, III, 243.
[3]) Тамъ-же, III, 244.
[4]) Тамъ-же, III, 630.

отъ столь ужаснаго намѣренія и оставить царевну въ живыхъ; разглашали о чудесномъ спасеніи царевны, уже приговоренной къ смертной казни, какою-то двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой, и проч. [1]). Корбъ пишетъ, 11-го октября 1698 года, о рѣшеніи царя предоставить судъ надъ царевною собранію, составленному изъ представителей разныхъ сословій [2]). О намѣреніи созвать такой соборъ въ другихъ источникахъ не упоминается [3]).

Во время розыска, Софья, на вопросъ о письмѣ, отвѣчала брату: «письма я никакого не посылала, но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею».

Чтобы уничтожить связь между этимъ прошедшимъ и будущимъ, чтобы впредь никто не могъ желать видѣть её во главѣ правительства, лучшимъ средствомъ было постриженіе. Софья была пострижена подъ именемъ Сусанны и оставлена на житье въ томъ-же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ сотни солдатъ. Сестры ея могли ѣздить въ монастырь только на Свѣтлой недѣлѣ и въ монастырскій праздникъ Смоленской Божіей Матери (28-го іюля), да еще въ случаѣ болѣзни монахини Сусанны. Петръ самъ назначилъ довѣренныхъ людей, которыхъ можно было посылать съ спросомъ о ея здоровьѣ, и приписалъ: «а пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы хорошо, лишь-бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ Спаси отъ бѣдъ, а въ паперти деньги на убійство даютъ» [4]).

Софья скончалась 3-го іюля 1704 года и была погребена въ церкви Смоленской Богородицы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ [5]).

Царевна Марѳа, находившаяся также въ сношеніяхъ со стрѣльцами, была пострижена въ монахини въ Александровской слободѣ, въ Успенской обители, подъ именемъ Маргариты. Тамъ она скончалась, въ 1707 году [6]).

---

[1]) «Анекдоты Штелина», III, № 3 (изд. 1830 г.).

[2]) Diarium itineris, 11-го октября 1698 года.

[3]) Соловьевъ, XIV, 283 и прил. VIII, не сомнѣвается въ фактѣ собора. Указывая на разсказъ Корба, онъ замѣчаетъ: «форма собора ясна: заѣзжій иностранецъ не могъ этого выдумать».

[4]) Соловьевъ, XIV, 283.

[5]) См. надпись на гробницѣ, изъ которой видно, что Софья была пострижена 21-го октября 1698 года; у Устрялова, III, 407—408. О кончинѣ Софьи Ромодановскій писалъ царю; см. Устрялова, IV, 2, 313.

[6]) Устряловъ, III, 237 и 408.

Борьба за престолъ, начавшаяся въ 1682 году, кончилась въ 1698 году катастрофою стрѣльцовъ и царевны Софьи. Петръ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Со стороны царевны и ея союзниковъ, «русскихъ янычаръ», царю болѣе уже не грозила никакая опасность. Этимъ самымъ, однако, еще не прекратилась борьба съ враждебными царю-преобразователю въ государствѣ и обществѣ элементами. И до стрѣлецкаго розыска Петръ не пользовался популярностью въ народѣ. Ненависть къ неумолимо строгому государю росла, вслѣдствіе кровавой драмы 1698 года. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы казненныхъ стрѣльцовъ не убирались съ мѣстъ казни. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы трехъ стрѣльцовъ, повѣшенныхъ у самыхъ оконъ кельи царевны Софьи, держали въ рукахъ челобитныя, «а въ тѣхъ челобитныхъ написано было противъ ихъ повинки». Все это могло служить нагляднымъ свидѣтельствомъ, чего можно было ожидать отъ грознаго царя, въ случаѣ непослушанія и противодѣйствія его преобразованіямъ.

Въ Москвѣ съ тѣхъ поръ бунта при Петрѣ не было. Зато происходили разныя вспышки въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ не было недостатка въ горючемъ веществѣ, въ элементахъ, готовыхъ объявить войну и царю, и правительству, и вообще началамъ порядка и прогресса. Вездѣ были слышны рѣчи недовольныхъ, раздраженныхъ, опальныхъ. Здѣсь и тамъ мятежный духъ выражался въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Приходилось продолжать кровавыя упражненія въ застѣнкахъ. Царь оставался побѣдителемъ, но его побѣда была куплена дорогою цѣною: потоками крови и общею ненавистью народа.

ГЛАВА III.

Общій ропотъ.

Народъ, зорко слѣдившій за борьбой, происходившей между царемъ и стрѣлецкимъ войскомъ, оправдывалъ образъ дѣйствій мятежниковъ, рѣзко порицая жестокость государя. Говорить громко объ этихъ событіяхъ было опасно. Зато въ частныхъ бесѣдахъ раздавались жалобы, угрозы, проклятія. Самымъ любимымъ предметомъ разговоровъ въ тѣснѣйшихъ кружкахъ единомышленниковъ была ненависть къ царю, заставлявшая противниковъ послѣдняго останавливаться на вопросѣ о его кровожадности и его охотѣ мучить людей. Таково содержаніе многихъ бесѣдъ, о которыхъ правительство узнавало чрезъ доносчиковъ и которыя сдѣлались извѣстными потомству черезъ допросы въ застѣнкахъ.

Особенно много, часто и съ крайнимъ раздраженіемъ говорили о казняхъ стрѣльцовъ. Происходили сборища недовольныхъ. Вездѣ разсуждали тайно объ ужасныхъ современныхъ событіяхъ.

Когда стрѣльцовъ толпами начали свозить въ Москву для розысковъ, то въ народѣ пошелъ слухъ, что по нимъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ. Жена стряпчаго конюха, Аксинья, говорила

своему крѣпостному человѣку Гаврилѣ: «видишь, онъ (царь) стрѣльцовъ не любитъ, сталъ ихъ переводить; ужо онъ всѣхъ ихъ переведетъ»; Гаврила отвѣчалъ: «чего хотѣть отъ бусурмана; онъ обусурманился: въ среду и пятницу мясо ѣстъ; коли сталъ стрѣльцовъ переводить, переведетъ и всѣхъ; уже ожидовѣлъ и безъ того жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить». Аксинья прибавила съ ругательствомъ, что, когда царь какихъ-то преступниковъ «до Яузскихъ воротъ велѣлъ бить кнутомъ, какъ ихъ били и онъ за ними самъ шелъ». Аксинью и Гаврилу казнили смертью.

Въ народѣ сочувствовали другимъ членамъ царской фамиліи и говорили: «не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена». Стрѣлецкія жены разсказывали: «царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ихъ (царевенъ) поморилъ съ голоду; еслибъ-де не монастыри насъ кормили, мы бы давно съ голоду померли, и царевичъ ей сказалъ: дай-де мнѣ сроку, я-де ихъ подберу»... «Государь свою царицу послалъ въ Суздаль, и везли ее одну, только съ постельницею, да съ дѣвицею, мимо ихъ стрѣлецкихъ слободъ, въ худой кареткѣ и на худыхъ лошадяхъ... Царевичъ плакалъ и тосковалъ»... «Государь нѣмецъ любитъ, а царевичъ нѣмецъ не любитъ; приходилъ къ нему нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на томъ нѣмчинѣ платье сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего ты къ нему ходишь: покамѣсть я живъ, потамѣсть и вы».

По случаю казней стрѣльцовъ, какія-то женщины говорили: «государь съ молодыхъ лѣтъ бараны рубилъ, и нынѣ ту руку натвердилъ надъ стрѣльцами. Котораго дня государь и князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій крови изопьютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ и хлѣбъ не ѣстся».

Ко всему этому прибавилось раздраженіе по поводу разныхъ новшествъ, вводимыхъ царемъ послѣ возвращенія его изъ-за границы. Роптали на царя, что «бороды брѣетъ и съ нѣмцами водится, и вѣра стала нѣмецкая». О патріархѣ говорили: «какой-де онъ патріархъ?—живетъ изъ куска: спать бы ему да ѣсть, да бережетъ-де мантіи да клобука бѣлова, затѣмъ-де онъ и не обличаетъ, а власти всѣ подкупныя». За такія слова виновныхъ жгли огнемъ, наказывали кнутомъ, ссылали на каторгу.

По случаю распространенія обычая употреблять табакъ, ревнители отеческихъ преданій порицали не только государя, но и духовенство, не препятствовавшее этому злу. Говорили: «какой то

нынѣ государь, что пустилъ такую проклятую табаку въ міръ: нынѣшніе попы волки и церкви божіей обругатели» и пр. [1]).

Однако, бывали случаи, когда именно попы тайными внушеніями поддерживали суевѣрный ужасъ черни и дерзко осуждали въ своихъ приходахъ образъ дѣйствій государя. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Романовѣ попъ Вакула не допустилъ, однажды, солдата Кокорева къ св. кресту и назвалъ его врагомъ и бусурманомъ за то, что онъ былъ съ выстриженною бородою. Когда же Кокоревъ въ оправданіе свое сказалъ: «нынѣ на Москвѣ бояре и князи бороды брѣютъ, по волѣ царя», то Вакула называлъ послѣдняго «сумасбродомъ» [2]).

Англичанинъ Перри разсказываетъ о разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ особенно осуждали царя за брадобритіе, прибавляя къ этому, что всѣ старанія открыть сочинителей памфлетовъ, оставались тщетными. Многіе простодушные суевѣры едва ли не до самой смерти оплакивали потерю бороды. «На Камышенкѣ», пишетъ Перри, «я зналъ одного русскаго плотника, уже преклонныхъ лѣтъ, и очень любилъ его за исправность. Въ послѣдствіи онъ встрѣтился мнѣ въ Воронежѣ, вскорѣ послѣ того, какъ въ цирюльнѣ обрѣзали ему бороду. Я въ шутку сказалъ ему, что онъ помолодѣлъ, и спросилъ: «куда же дѣвалась твоя борода»? «Вотъ она», отвѣчалъ плотникъ, вынимая ее изъ-за пазухи: «я запру ее въ сундукъ и велю положить ее съ собою въ гробъ, чтобы предстать съ нею на страшный судъ. Вся наша братья сдѣлаетъ то же» [3]).

Иностранцы не безъ опасенія наблюдали за повсемѣстнымъ раздраженіемъ въ народѣ. Въ своемъ донесеніи императору, отъ 7-го марта 1700 г., Плейеръ писалъ, что царь во время поста ѣстъ скоромное и дозволяетъ всѣмъ и каждому слѣдовать его примѣру. Это сообщеніе было писано въ шифрахъ, какъ и слѣдующее: къ Плейеру приходилъ какой-то казакъ, жалуясь на государя, который лишилъ казаковъ всѣхъ прежнихъ правъ, и прибавляя къ этому, что казаки готовы скоро перейдти къ непріятелю [4]). Саксонскій дипломатическій агентъ, баронъ Лангенъ, доносилъ королю Августу, 3-го августа 1700 года, что ходятъ слухи о новомъ большомъ заговорѣ, что происходятъ многочисленные аресты, что вездѣ народъ крайне раздраженъ брадобритіемъ и перемѣною платья, по

[1]) Соловьевъ, XIV, 294—296.
[2]) Устряловъ, III, 196 и IV, 2. 183—191.
[3]) Перри, нѣм. изд. 310, 330.
[4]) Устряловъ, III, 651.

что вся эта ненависть къ царю и его преобразованіямъ не можетъ остановить хода реформы, такъ какъ царь твердо рѣшилъ искоренить отвращеніе русскихъ къ иностранцамъ и пріучить своихъ подданныхъ къ новымъ нравамъ и обычаямъ въ духѣ западноевропейской культуры [1]).

Когда Петръ заботился объ учрежденіи въ Амстердамѣ русской типографіи, для распространенія въ народѣ книгъ, и вообще старался о народномъ образованіи, нѣкто Бло (Bleau) писалъ, весною 1700 года, къ одному пріятелю: «москвитяне, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука»! [2]).

Въ сущности, противники Петра большею частью ограничивались пассивною ролью, жалобами, угрозами. Приступали къ враждебнымъ дѣйствіямъ лишь въ видѣ исключенія. Условія не благопріятствовали образованію политическихъ партій, организаціи систематическихъ дѣйствій противъ правительства. Не было и лицъ, способныхъ стать во главѣ недовольныхъ, составить что-либо похожее на программу, противоположную предначертаніямъ царя. Къ тому же, большая часть современниковъ, видя ломку существующаго, не была въ состояніи составить себѣ какое-либо понятіе о цѣли, къ которой стремился Петръ. Масса какъ-то инстинктивно возставала противъ преобразованія; однако, почти всѣ ограничивались лишь ропотомъ, хулою. Въ центрѣ Россіи мятежный духъ обнаруживался лишь въ неосторожныхъ рѣчахъ, въ словахъ, свидѣтельствовавшихъ о крайнемъ раздраженіи. Во всемъ этомъ еще не заключалось особенной опасности для государства. Революціонныя вспышки происходили лишь на юго-востокѣ, гдѣ шайки казаковъ и раскольниковъ приступали къ открытымъ мятежамъ, гдѣ инородцы доставляли обильный матеріалъ для увеличенія мятежныхъ скопищъ. Крестьянскіе бунты, казацкія вспышки, по временамъ появленіе самозванца или распространеніе слуха о появленіи таковаго — вотъ средства, которыя выставлялъ народъ для борьбы противъ грознаго царя.

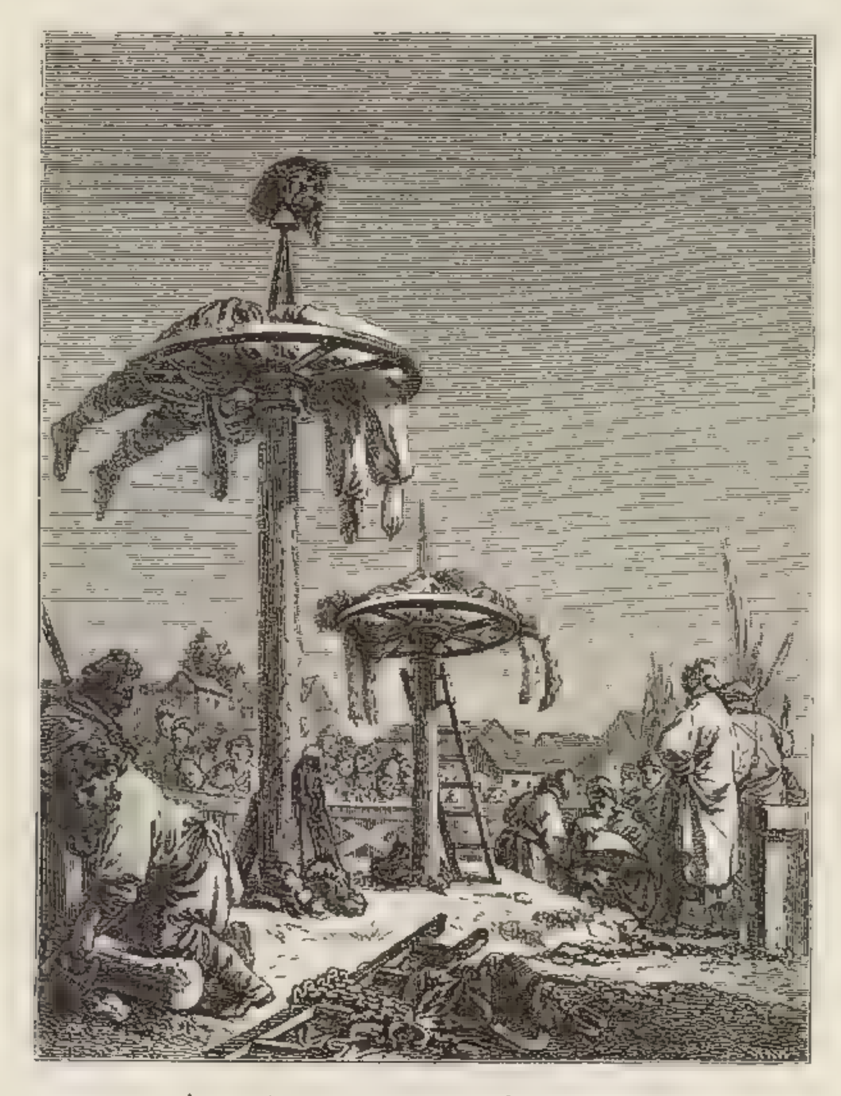
Укажемъ для охарактеризованія общаго настроенія умовъ на нѣкоторые случаи выраженія негодованія на царя и его дѣйствія. Каждый изъ этихъ случаевъ представляетъ собою примѣръ уголовнаго слѣдствія, страшныхъ пытокъ, изысканныхъ истязаній, казней и ссылокъ. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній обо всемъ этомъ служатъ дѣла Тайнаго Преображенскаго Приказа.

---

[1]) Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», IV, 97.

[2]) Пекарскій, «Наука и лит. при П. В.» I, 12.

Нововведенія продолжались; къ тому же началась война, потребовавшая большихъ пожертвованій людьми и деньгами; рекрутская повинность впервые предстала народу со всею своею печальною обстановкою, и ропотъ усиливался. Крестьянинъ ропталъ: «какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали; тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы; отдыху



Казнь колесованіемъ.

Съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.

нашей братьѣ нѣтъ». Сынъ боярскій говорилъ: «какой-де онъ государь? — нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные; нигдѣ отъ него не уйдешь; всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу; нигдѣ его не убьютъ; какъ бы убили, такъ бы и служба минула и черни бы легче было». Крестьянки и солдатскія жены кричали: «какой онъ царь?—онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ

въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ». Холопъ говорилъ: «если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ и одинъ, и нѣмцамъ нынѣ времени не стало, потому что у него тесть Лефортъ умеръ; какой онъ царь?—врагъ, оторокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы». Монахъ говорилъ: «навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станетъ ихъ солить». Другой монахъ отвѣчалъ на это: «эти полти даромъ не пройдутъ; быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ». Нищій говорилъ: «нѣмцы его обошли: часъ добрый найдетъ—все хорошо, а иной найдетъ—такъ рветъ и мечетъ: да вотъ уже и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ». Слышались слова: «міроѣдъ!—весь міръ переѣлъ; на него, кутилку, переводу нѣтъ; только переводитъ добрыя головы»!

«И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, замѣчаетъ Соловьевъ, сообщая эти любопытныя подробности, были сильныя жалобы на отягощеніе народное, жалобы, оканчивавшіяся бунтами. Но при этихъ жалобахъ народъ обыкновенно щадилъ особу царя, складывалъ всю вину на бояръ. Петръ не пользовался этимъ преимуществомъ, потому что сблизился съ нѣмцами, ѣздилъ въ ихъ землю, обрился, одѣлся по-нѣмецки, другихъ заставлялъ дѣлать то же, царицу сослалъ въ монастырь, вмѣсто нея взялъ нѣмку «Монсову».

Все это считалось народомъ ересью, и этимъ объясняются попытки поднять православныхъ противъ брадобритія. Въ маѣ мѣсяцѣ 1700 года, въ семи верстахъ отъ Троицкаго монастыря, на большой московской дорогѣ, у Креста, прибили листъ противъ брадобритія. Въ Суздалѣ подкинутъ былъ точно такой же листъ у городскихъ воротъ, во время проѣзда чрезъ нихъ келейника архіерейскаго казначея; въ Юрьевѣ-Польскомъ тотъ же листъ явился прибитымъ у воротъ Архангельскаго монастыря. Высказывались опасенія, что дѣло не ограничится одними бородами; монахъ говорилъ: «государь ѣздилъ за море, возлюбилъ вѣру нѣмецкую: будетъ то, что станутъ по средамъ и пятницамъ бѣлицы и старцы ѣсть молоко».

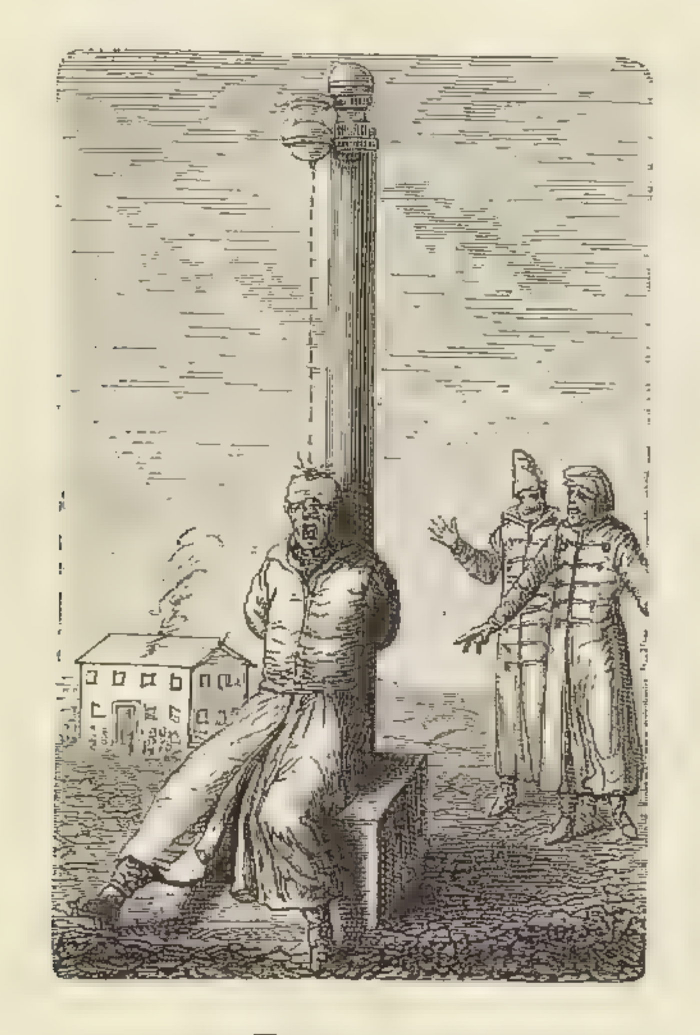
Петръ во всѣхъ отношеніяхъ отличался отъ прежнихъ царей. Потому-то столь часто въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа встрѣчается сознаніе въ томъ, что подсудимые и ихъ знакомые обсуждали вопросъ: «какой онъ царь»? не находя на него отвѣта. Народъ видѣлъ, что происходитъ нѣчто необыкновенное. Стараніе объяснить все происходившее могло повести къ страннымъ вы-

думкамъ. Народная фантазія стала работать надъ объясненіемъ поразительнаго, страшнаго явленія, и первое объясненіе было высказано: «нѣмцы его обошли, испортили». Но на этомъ не остановились; фантазія разыгрывалась все больше и больше; являлся вопросъ: прямой ли это царь, сынъ Алексѣя Михайловича и Натальи Кирилловны?

Въ 1701 году, князь Василій Сонцевъ былъ казненъ за два разбоя, за два убійства и за непристойныя слова, что царевна Софья называла Петра стрѣлецкимъ сыномъ. Но вымыселъ отъявленнаго негодяя или озлобленной сестры не могъ имѣть ходу, ибо не объяснялъ того, что именно нужно было объяснить -почему Петръ полюбилъ все нѣмецкое! Наконецъ, народная фантазія создала объясненіе: Петръ не родился отъ Натальи и былъ подмѣненъ царицѣ, родившей дѣвочку. Объясненіе пошло въ ходъ съ дополненіемъ, что Петръ былъ сынъ Лефорта. Бабы, стирая бѣлье, толковали: «крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, да съ нихъ же берутъ сухари; всѣ на государя встали и возопіяли: какой-де онъ царь? родился отъ нѣмки беззаконной; онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта, и въ то число говорила: ты-де не сынъ мой,—замѣненный. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ нѣмки».

Но и на этомъ фантазія не остановилась. Царь ввелъ брадобритіе и нѣмецкое платье, царицу отослалъ, взялъ дѣвицу Монсъ, стрѣльцовъ переказнилъ—все это сдѣлалъ по возвращеніи изъ-за границы: но онъ ли это пріѣхалъ? Нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали на Русь другого, своего нѣмца же, чтобъ обусурманить православныхъ. Сначала, вѣроятно, на основаніи слуховъ о встрѣченныхъ Петромъ непріятностяхъ въ Ригѣ,—создалась слѣдующая сказка: «какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ со сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя, и она имъ сказала: подите посмотрите: буде онъ валяется, и для вашего прошенья выпущу; и князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: томенъ, государыня! и она имъ сказала: коли томенъ, и вы его выньте, и они его, вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ

нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю, къ постели, говорилъ: царь, государь, изволь встать и выйдти: ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится; и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постель легъ на его мѣсто и бояре пришли и того стрѣльца, съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ



Пытка водой.

Съ рисунка, сдѣланнаго шведомъ Пальмквистомъ въ 1674 году.

море». Сказка не говорила, что̀ сдѣлалось потомъ съ Петромъ, и люди, враждебные преобразованію, стали распространять слухъ, что онъ погибъ за границею, а на его мѣсто явился нѣмчинъ. «Это не нашъ государь,—нѣмецъ;—а нашъ царь въ нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ».

Противники преобразованія не остановились и на нѣмецкомъ происхожденіи Петра. Мы знаемъ, что въ Россіи были люди, которые давно уже толковали объ антихристѣ, видѣли его и въ Ни-

конѣ и даже въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: понятно, что они заговорили еще громче о пришествіи антихриста, когда увидали такую полную перемѣну старины, совершенную сыномъ Алексѣя [1]). Особенно среди раскольниковъ придавали всѣмъ перемѣнамъ религіозное значеніе, во всѣхъ мѣропріятіяхъ правительства видѣли проявленіе ереси.

Казнь повѣшеніемъ за ребро и закапываніемъ въ землю.
Съ рѣдчайшей французской гравюры начала XVIII ст., находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.

Въ іюнѣ 1700 г., въ Преображенскій Приказъ былъ поданъ доносъ на «книгописца Гришку Талицкаго»: «слышатъ отъ него про государя всякія непристойныя слова; хочетъ онъ печатать тетради и, напечатавъ, бросать въ народъ». Талицкій узналъ, что его ищутъ въ Преображенскомъ, и скрылся, но потомъ былъ отысканъ, под-

[1]) Соловьевъ, XV, 129—132.

вергнутъ пыткѣ и признался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ въ міръ пришелъ, т. е. государь, также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступить приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ. Списки съ своихъ сочиненій давалъ своимъ единомышленникамъ и друзьямъ и за то бралъ съ нихъ деньги. О послѣднемъ времени и антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, хотѣлъ на нихъ печатать листы и отдавать ихъ безденежно, къ возмущенію на государево убійство. Затѣмъ онъ мечталъ объ избраніи на царство бояриа князя Михаила Алегуковича Черкасскаго.

У Талицкаго были единомышленники. Отъ епископа Тамбовскаго, Игнатія, онъ получалъ деньги, и за эти деньги написалъ епископу тетради и разговаривалъ съ нимъ объ антихристистѣ. Талицкій уличалъ Игнатія въ томъ, что, когда онъ слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ.

Попъ Андрей показалъ, что Талицкій государя антихристомъ называлъ, и говорилъ: «какой онъ царь? самъ людей мучитъ!» Говорилъ и про царевича: «отъ недобраго корня и отрасль недобрая; какъ я съ Москвы скроюсь, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе».

Монахъ Матвей показалъ: Талицкій пришелъ къ нему въ келью, принесъ съ собою тетрадку объ исчисленіи лѣтъ, и говорилъ: «питаться стало нечѣмъ, а вы что спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ».

Бояре приговорили: Гришку Талицкаго съ пятью товарищами казнить смертью; другихъ бить кнутомъ и сослать въ Сибирь; Тамбовскаго епископа, Игнатія, разстриженнаго, сослать въ Соловки въ тюрьму [1]).

Казнь Талицкаго и его товарищей была особенно мучительна и продолжалась нѣсколько часовъ: ихъ жгли медленнымъ огнемъ. Правительство впослѣдствіи старалось вредить памяти о Талицкомъ разсказомъ, что Талицкій «во время казни, копченіемъ творимой, не стерпя того, покаялся и былъ снятъ съ онаго» и пр. Раскаяніе Талицкаго при копченіи живымъ едва ли могло имѣть какое нибудь значеніе.

Зато въ народѣ Талицкаго считали мученикомъ, погибшимъ за вѣру, и разсказывали, что, когда во время слѣдствія онъ спо-

[1]) Соловьевъ, XV, 132—134. О подробностяхъ казни см. Штраленберга: «Das nord-und östliche Theil von Europa und Asien», 248. П. С. З. № 3891.

рилъ со Стефаномъ Яворскимъ, то превосходилъ послѣдняго ученостью и діалектикою, не уступалъ ни въ чемъ митрополиту, котораго называлъ пророкомъ Вааловымъ, и пр. Правительство распорядилось поэтому напечатаніемъ сочиненія Яворскаго «Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка», въ которомъ заключалось опроверженіе ученій Талицкаго [1]. Въ кругахъ иностранцевъ смѣялись надъ сочиненіемъ Яворскаго [2]; народъ же оставался большею частью высокаго мнѣнія о Талицкомъ, о которомъ вспоминали и впослѣдствіи. О Талицкомъ, какъ о человѣкѣ великаго ума, говорилъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, а въ 1750 году о немъ требовала свѣдѣній императрица Елизавета.

Ученіе раскольниковъ находило самую удобную почву въ воззрѣніяхъ народа, глубоко предубѣжденнаго противъ иностранцевъ, «поганыхъ, зловѣрныхъ». Масса народа коснѣла въ своей старинной исключительности и односторонности. Сознаніе народа было устремлено не впередъ, а назадъ, и поэтому всѣ нововведенія Петра могли казаться нарушеніемъ вѣры, страшнымъ грѣхомъ. Петръ и не думалъ вовсе поколебать или измѣнить господствующее начало духовной жизни Россіи, вѣру, христіанство, однако, его реформы казались народу несогласными съ религіею и поэтому возбуждали рѣшительное, фанатическое упорство. Русскіе люди не могли отдѣлить божіе отъ кесарева, религіозное отъ гражданскаго, церковное отъ государственнаго. Народъ не зналъ другого различія національнаго, кромѣ вѣры православной. О такомъ настроеніи умовъ свидѣтельствуютъ сочиненія расколоучителей, распространенныя немедленно послѣ введенія Петромъ брадобритія, нѣмецкаго платья, новаго лѣтосчисленія и пр. Вотъ образчикъ этой публицистики, заключающей въ себѣ протестъ противъ новаго правительства, противъ западно-европейскихъ началъ государства, противъ реформъ Петра. «Мы», сказано въ одномъ изъ такихъ сочиненій, появившихся въ это время, «смотряюще не дремательнымъ окомъ, познаваемъ, яко отъ лѣтъ почислу 1666 конецъ пріяша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ: егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной

---

[1] См. Пекарскаго, II, 77—82 и 543.

[2] Фокеродтъ въ изд. Германа «Zeitgenössische Berichte». Особенно забавнымъ казалось Фокеродту, что Яворскій основывалъ свое доказательство, что Петръ не можетъ быть антихристомъ, на томъ обстоятельствѣ, что путемъ кабалистики изъ имени Петра нельзя вывести многознаменательной цифры 666, указывающей на антихриста.

*

вѣры, а послѣ его въ третьихъ воцарствова на престолѣ всея Руссіи сынъ его первородный, Петръ, и нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Руссіи въ 1700 году возобновили; уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую и пр... въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ 1-й день Генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ, виватъ новый годъ! отъ того дни разосла свои указы во всю Руссію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву и пр... Оле, благоразумныя чада, вонмите здѣсь, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господнія лѣта истреблени, а сатанины извѣщены... Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ... понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Руссіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая» и пр. и пр. [1]).

Множество слѣдственныхъ дѣлъ свидѣтельствуетъ о распространеніи подобныхъ мнѣній въ народѣ. Какой то подъячій Павелъ называлъ царя «нѣмцовымъ сыномъ» и упрекалъ его въ томъ, что онъ «въ великій постъ яйца и мясо кушаетъ». Какой-то крестьянинъ говорилъ, въ 1707 г.: «какъ де великій государь изволилъ итти съ Воронежа къ Москвѣ въ Филиповъ постъ и изволилъ быть въ кончинѣ Франца Яковлевича (Лефорта), въ селѣ Богоявленскомъ, и стоялъ на Вотчинниковѣ дворѣ, то онъ кушалъ скоромное» [2]). Несмотря на книгу Стефана Яворскаго, въ народѣ продолжали считать Петра антихристомъ. Мысль эта не умирала въ людяхъ, страдавшихъ боязнію новаго. Въ 1704 году, въ Симоновомъ монастырѣ, хлѣбенный старецъ Захарія говорилъ: «Талицкій нынѣ мученикъ святъ; вотъ нынѣ затѣяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе? вотъ нынѣ проклятый табакъ пьютъ!» Въ Олонецкомъ уѣздѣ говорилъ одинъ дьячекъ: «на Москвѣ нынѣ изволилъ государь лѣтопись отъ Рож-

---

[1]) Щаповъ, «Русскій расколъ старообрядства», Казань, 1859, стр. 106—109.
[2]) Устряловъ, IV, 202—204, 228.

дества Христова 1700 года, да платья носить венгерскія». Священникъ къ этому прибавилъ: «слышно, что и Великаго поста недѣля убавлена, и послѣ Свѣтлаго Воскресенія и Ѳоминой недѣли учнутъ межъ говѣнья въ среды и пятки мясо и млеко ѣсть во весь годъ». На это замѣтилъ дьячекъ: «какъ будутъ эти указы присланы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойду и я съ ними жить и горѣть» и прочее. Ка-

Публичныя наказанія въ Россіи въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ „Путешествіи" Олеарія.

кой-то монахъ говорилъ стрѣльцу, въ 1704 году: «нынѣ службы частыя; какое нынѣ христіанство? нынѣ вѣра все по новому; у меня есть книги старыя; а нынѣ эти книги жгутъ»... «Какой онъ намъ, христіанамъ, государь? онъ не государь, —латышъ: поста никакого не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы; писано объ немъ именно въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрометываетъ, и ногою запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ; а стрѣльцовъ онъ пе-

реказнилъ за то, что они его еретичества знали, а они, стрѣльцы, прямые христіане были, а не бусурманы; а солдаты всѣ бусурманы: поста не имѣютъ; прямаго государя христіанскаго, царя Іоанна Алексѣевича, извелъ онъ же, льстецъ. Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, да кудряхъ, бороды брѣютъ». Про Меншикова монахъ говорилъ: «онъ не просто живетъ, отъ Христа отвергся, для того отъ государя имѣетъ милость великую, а нынѣ за нимъ бѣси ходятъ и его берегутъ» и пр.

Перемѣна платья возбудила страшное негодованіе. Одѣваться нѣмцемъ для русскаго было тяжело и убыточно, и, даже оставляя въ сторонѣ суевѣрную привязанность къ старинѣ, перемѣна эта могла возбуждать сильное раздраженіе. Дмитровскій посадскій Большаковъ, надѣвая новую шубу, сказалъ съ сильною бранью: «кто это платье завелъ, того бы повѣсилъ»; а жена его прибавила: «прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ». Нижегородскій посадскій, Андрей Ивановъ, пришелъ въ Москву извѣщать государя, что онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую: велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое, табакъ тянуть, и потому, для обличенія его, государя, онъ и пришелъ [1]).

Жаловались и на небывалыя тягости и поборы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, одинъ сельскій священникъ говорилъ другому: «Богъ знаетъ, что у насъ въ царствѣ стало: украйня наша пропала вся отъ податей, такія подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей братьи, священниковъ, дошло, начали брать у насъ съ бань, съ пчелъ, съ избъ деньги; этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали; никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ!» Другой священникъ говорилъ отставному прапорщику, Аникѣ Акимовичу Попову: «въ міру у насъ стало нынѣ тяжело... въ книгахъ писано, что антихристъ скоро родится отъ племени Данова». Аника отвѣчалъ: «антихристъ уже есть; у насъ въ царствѣ не государь царствуетъ,—антихристъ» и пр. Священникъ замѣтилъ: «въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости, и нынѣ міру очень тяжко стало, того и жди, что отъ Бога станутъ отвращать». Игуменъ Троицкаго Смоленскаго монастыря говорилъ: «государь безвинно людямъ Божіимъ кровь проливаетъ и церкви Божіи разоряетъ: куда ему шведское царство подъ себя подбить? Чтобъ и своего царства не потерялъ!» Въ Москвѣ, недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на нѣмку,

---

[1]) Соловьевъ, XV, 135—137.

Анну Монсъ. «Видишь», говорили они, «какое бусурманское житье на Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ нѣмецкой земли нѣмку Монсову, и живетъ она въ лафертовскихъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той-же нѣмки». Недовольные настоящимъ утѣшали себя будущимъ: между ними ходили слухи, что наслѣдникъ также недоволенъ, что онъ окружилъ себя всегдашними представителями недовольныхъ—казаками, и ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго царя: «царевичъ на Москвѣ гуляетъ съ донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина, и мигнетъ казакамъ, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ: это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говоритъ, что мнѣ не батюшка и не царь» [1]).

Жалобы продолжались и впослѣдствіи. Раскольники писали о Петрѣ: «по духовному и по гражданскому расположенію состави многія регламенты и разосла многія указы во всю Россію со многимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ и устави Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ, тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися» и проч. Когда начались ревизіи, раскольники кричали: «мы таковому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ... ибо мы отъ крещенія записаны есьмы въ книги животныя у Царя Небеснаго... зрите человѣцы и вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтахъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ до скончанія вѣка... онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ-же, православнымъ христіанамъ, подобаетъ всеусердно держаться отеческаго наказанія» и пр. [2]).

У астраханскаго подъячаго, Кочергина, найдено было письмо, заговоръ, оканчивавшійся словами: «онъ-бы, оберегатель мой, повсегда бодръ былъ, а монархъ нашъ, царь Петръ, буди проклятъ трижды». Тяглецъ Садовой слободы, Василій Волкъ, «при исповѣди царское величество называлъ антихристомъ, потому что велѣлъ бороды брить, и нѣмецкое платье носить, и службы великія, и податьми, и поборами солдатскими, и иными нападками народъ весь разоренъ, и въ приказахъ судьи дѣлаютъ неправды и берутъ

---

[1]) Соловьевъ, XVI, 30—32.
[2]) Щаповъ, 108—109.

многія взятки, а онъ, государь, судей отъ того не унимаетъ и за ними не смотритъ» и проч. Попъ Будаковскій говорилъ: «какой онъ царь? лучшихъ бояръ велѣлъ посадить на колья, Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти; но Москва у насъ безъ государя не будетъ». Разглашали, что Петръ какую-то Бутурлину довелъ до смерти, въ Измайловѣ бояръ канатомъ таскалъ изъ проруби въ прорубь и пр. [1]).

Когда Петръ, въ послѣднее время своего царствованія, издалъ указъ о наслѣдіи престола, раскольники толковали: «взялъ за себя шведку, и крестъ цѣлуютъ за шведа; одно конечно—станетъ царствовать шведъ». Монахи говорили: «видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ?» Были случаи, что недовольные запирались въ хоромахъ, поджигали подъ собою порохъ и т. п. [2]). Здѣсь и тамъ, по случаю собиранія налоговъ, доходило до сопротивленія вооруженною рукою [3]). Особенное озлобленіе возбуждалось рекрутскою повинностью. Новобранцевъ худо кормили. Они умирали массами. Когда собирали рекрутъ, ихъ сначала выводили изъ домовъ скованными, въ городахъ содержали ихъ по тюрьмамъ и острогамъ, изнуряли худою пищею. Не мудрено, что при этомъ многіе спасались бѣгствомъ, образовывали шайки разбойниковъ, приставали къ «воровскимъ людямъ» [4]). Бывали случаи, что новобранцамъ накладывали на лѣвую руку раскаленнымъ желѣзомъ небольшія клейма, ради болѣе успѣшнаго преслѣдованія дезертировъ. Въ народѣ-же это клеймо называли «печатью антихриста» [5]).

Повсемѣстное, общее раздраженіе возростало съ каждымъ случаемъ преслѣдованія недовольныхъ властями. Число-же людей, страдавшихъ въ застѣнкахъ, росло по мѣрѣ того, какъ правительство своими нововведеніями возбуждало все болѣе и болѣе неудовольствіе въ разныхъ классахъ общества. При тогдашнихъ пріемахъ уголовнаго судопроизводства, пощады не было [6]). Борьба между правительствомъ и обществомъ становилась все болѣе и болѣе ожесточенною. Насилію судей, приказныхъ людей, офицеровъ, воеводъ, соотвѣтствовала склонность къ насилію, грабежу, убій-

[1]) Соловьевъ, XVI, 304—305.
[2]) Тамъ-же, XVIII, 238—239.
[3]) «Русская Старина», XII, 381.
[4]) Соловьевъ, XVI, 202 и 203.
[5]) «Русскій Архивъ» 1873 г., 2068 и слѣд. и 2296 и слѣд.
[6]) Сборникъ такихъ фактовъ въ статьѣ М. Семевскаго, въ журналѣ «Свѣточъ», III, отд. II и IV.

ствамъ въ массѣ народа. Особенно-же на юго-востокѣ государства, въ степной окраинѣ, на Волгѣ, на Дону, на Уралѣ, въ странѣ казаковъ, инородцевъ, бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, ожесточеніе доходило до открытаго бунта.

Не мудрено, что при такомъ броженіи умовъ, при подобной шаткости въ государствѣ, современники считали возможнымъ, что царствованіе Петра не будетъ продолжительно. Когда, въ 1707 г., начались переговоры о женитьбѣ царевича Алексѣя на Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской принцессѣ, тайный совѣтникъ Шлейницъ, въ запискѣ отъ 16-го октября 1707 года, обратилъ вниманіе своего правительства на крайне опасное положеніе, въ которомъ находился въ то время московскій царь: онъ высказывалъ убѣжденіе, что при страшныхъ бунтахъ, повторяющихся въ Россіи, при общемъ неудовольствіи, господствующемъ въ этомъ государствѣ, не должно думать о вступленіи въ родственныя отношенія съ царемъ московскимъ [1]).

[1]) Герье, 82.

ГЛАВА IV.

Бунты на юго-востокѣ.

Уже до Петра, бѣглецы изъ общества, которое или имъ не нравилось, или ихъ преслѣдовало, находили убѣжище на юго-востокѣ. Къ степнымъ казакамъ приставали охотно всѣ недовольные люди съ казацкимъ характеромъ. Сюда бѣжали крестьяне, которымъ не жилось у своихъ господъ, раскольники, преслѣдуемые церковью, опальные, преступники, рекруты. Отсюда толпы недовольныхъ старались возбуждать низшіе классы противъ высшихъ. Отсюда, не разъ впродолженіе XVII вѣка, шли ко всѣмъ недовольнымъ въ Московскомъ государствѣ граматы, въ которыхъ вмѣстѣ съ воззваніемъ «стоять за домъ Богородицы» встрѣчается приглашеніе убивать бояръ и воеводъ, грабить богатыхъ, возставать противъ правительства вообще. Здѣсь до Петра свирѣпствовали шайки Стеньки Разина, а послѣ него—полчища Пугачева. Здѣсь и при немъ оказывались неизбѣжными безпорядки, принимавшіе большіе размѣры и грозившіе страшною опасностью самому центру государства. Отсюда мятежъ не разъ собирался двинуться на Москву, въ надеждѣ воспользоваться общимъ неудовольствіемъ и «заколыхать всѣмъ государствомъ». До Петра трудно было правительству бороться съ этими революціонными элементами. Войско состояло изъ стрѣльцовъ, которые легко приста-

вали къ казакамъ; они вышли изъ тѣхъ-же слоевъ общества, какъ и казаки, привыкли владѣть оружіемъ, были недисциплинированы, полуказаки. И въ Смутное время, и при Стенькѣ Разинѣ, и при Петрѣ, недовольные въ государствѣ были готовы дѣйствовать за-одно съ мятежными казацкими шайками. Заслышавъ приближеніе этихъ шаекъ, крестьяне побивали помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ, чернь въ городахъ бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей; поднимались инородцы: мордва, чуваши, черемисы, татары, башкиры, калмыки. Со временъ Стеньки Разина, число недовольныхъ возросло до громадныхъ размѣровъ; раскольниковъ было множество; бѣглые стрѣльцы вооружали всѣхъ и каждаго противъ ненавистнаго имъ правительства. Въ предводителяхъ мятежа не было недостатка. Постоянно являлись въ этихъ мѣстахъ похожіе другъ на друга атаманы, въ родѣ Заруцкаго, Болотникова, Разина и пр. Здѣсь усиливались толпы недовольныхъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ 1682 и 1698 годовъ. Ко всему этому присоединилось общее раздраженіе по поводу нововведеній Петра. Такимъ образомъ, дѣло дошло до астраханскаго бунта, до казацкаго возстанія на Дону при Булавинѣ, до мятежей инородцевъ, между которыми опаснѣйшими оказались башкиры.

Укажемъ на нѣкоторые признаки общаго броженія на юго-востокѣ еще до начала этихъ бунтовъ.

Уже въ 1700 году, образовались довольно значительныя разбойническія шайки на Дону и на Медвѣдицѣ. Атаманами были между прочимъ раскольники. Ненависть къ боярству, склонность дѣйствовать заодно съ самозванцами не переставали проявляться на Дону. Въ августѣ 1701 года, велѣно было взять въ Преображенскій Приказъ съ Дона казаковъ, оказавшихся виновными въ непригожихъ словахъ, въ распущеніи разныхъ опасныхъ слуховъ, въ возбужденіи общаго неудовольствія. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ. Пришелъ нѣкто Авилка изъ Іерусалима и сказывалъ про царя Ивана; Авилку донскіе казаки почитаютъ за святого, потому что онъ имъ пророчествуетъ: въ первый Азовскій походъ сказалъ, что Азова не возьмутъ, а во второй сказалъ, что возьмутъ; Авилка держится раскола». Другой говорилъ про Петра: «онъ не царь, антихристъ; царица Наталья родила царевну-дѣвицу, а вмѣсто той царевны своровали бояре, подмѣнили иноземца, Франдова сына Лефорта». Третій говорилъ: «Азову за

государемъ не долго быть: донскіе казаки, взявъ его, передадутся къ турскому султану по прежнему». Недовольные казаки говорили: «теперь намъ на Дону отъ государя тѣсно становится; какъ онъ будетъ на Донъ, мы его приберемъ въ руки и отдадимъ турецкому салтану; а прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходитъ онъ по Дону въ шлюпкѣ съ малыми людьми» [1]).

Однако, пока на Дону не доходило до бунта. Донцы оставались спокойными даже во время астраханскаго бунта, въ 1705 г.

Въ половинѣ 1705 года, когда царь находился съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ углу государства, — въ Астрахани. Мѣсто было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ, вслѣдствіе чего астраханскій бунтъ и не носитъ вполнѣ мѣстнаго характера. Зачинщиками были: купецъ Яковъ Носовъ изъ Ярославля, Артемій Анцыферовъ изъ Москвы, разные посадскіе люди изъ Нижняго Новгорода, Павлова, Углича, Симбирска, а также и астраханскіе жители, стрѣльцы, солдаты и пр.

Однимъ изъ главныхъ разгласителей ложныхъ слуховъ былъ пришедшій изъ Москвы стрѣлецкій сынъ, Степанъ. Двое дядей Степана были казнены въ Москвѣ; онъ остался съ матерью и слышалъ однажды, какъ жена какого-то столяра разговаривала съ его матерью: «стрѣльцовъ всѣхъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь; какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ тожь время боярыня или боярыня родила сына, и того сына взяли къ царицѣ». Выросши, Степанъ отправился въ Астрахань; на дорогѣ туда, въ Коломнѣ, онъ зашелъ къ дядѣ, Сутоняю, который говорилъ ему: «сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей смутишь; и Донъ и Яикъ потянутъ съ вами-же; кому противъ васъ быть противнымъ? государь бьется съ шведомъ, города всѣ пусты, которые малые люди и есть, и тѣ того-же желаютъ и ради вамъ будутъ; можно старую вѣру утвердить». Дядя далъ Степану письмо, въ которомъ говорилось, что Москвою завладѣли четыре боярина столбовые и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти. Пріѣхавъ въ Астрахань, Степанъ началъ разглашать эти слухи; иные унимали его, другіе поддакивали; онъ сталъ говорить громче и нашелъ единомышленниковъ.

---

[1]) Соловьевъ, XV, 161—163.

Въ іюлѣ прошла въ Астрахани молва, что государя не стало и для того воевода астраханскій, Тимоѳей Ржевскій, и начальные люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить и въ нѣмецкомъ платьѣ ходить. Недовольные жаловались на новыя пошлины. Однажды, къ толпѣ, собравшейся у Никольской церкви, вышелъ пономарь этой церкви, вынесъ книгу и началъ читать о брадобритіи: «хорошо», говорилъ пономарь, «за это и постоять, хотя-бъ и умереть: вотъ о томъ и въ книгѣ написано». Сильное впечатлѣніе произвелъ поступокъ цѣловальника, стрѣльца Григо-

Астрахань въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры.

рія Ефвтифеева, который долженъ былъ собирать пошлины съ русскаго платья: онъ пошлинъ собирать не сталъ, бороды себѣ не выбрилъ и на вопросъ воеводы, для чего онъ это дѣлаетъ,—отвѣчалъ: «хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду». Воевода велѣлъ посадить его подъ караулъ.

Въ концѣ іюля, на торгу пошла молва, что запрещено играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ, которыхъ пришлютъ изъ Казани. Астраханцы пришли въ ужасъ и рѣшили выдать своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣе замужъ, до указа, чтобы потомъ не выдавать ихъ за нѣмцевъ. 29-го іюля, въ воскресенье, было съиграно около ста сва-

дебъ; на каждой не обошлось безъ пира; разгорячепныхъ виномъ легко было поднять на бунтъ.

Ночью, у Никольской церкви собралось человѣкъ съ 300, которые вломились въ Кремль и убили нѣсколькихъ офицеровъ, между которыми были и иностранцы. Жену одного капитана, Мейера, убили за то, что она за нѣсколько времени до бунта говорила какому-то стрѣльцу: «станете и вы въ постъ мясо ѣсть».

Буйство продолжалось и на слѣдующій день. Раздавались крики: «надобно идти въ Москву провѣдать про государя, живъ-ли онъ?» Другіе кричали: «онъ живъ, да въ заточеніи въ Стекольномъ, закладенъ въ столпъ, а на Москвѣ не прямой государь». Искали ненавистнаго всѣмъ воеводу Ржевскаго, который сребролюбіемъ и недобросовѣстностью навлекъ на себя общее негодованіе. Его нашли на воеводскомъ дворѣ за поварнею, въ курятникѣ, привели въ кругъ и убили. Затѣмъ введены были казацкіе порядки. Какъ скоро покончили съ царскимъ воеводою, приступили къ выбору своихъ начальниковъ. Главнымъ старшиною сдѣлался ярославскій гость, Яковъ Носовъ. Какъ онъ, такъ и его помощникъ, астраханскій бурмистръ Ганчиковъ, принадлежали къ раскольникамъ [1]).

Извѣстіе о событіяхъ въ Астрахани произвело въ столицѣ глубокое впечатлѣніе. Плейеръ высказалъ опасеніе, что этотъ бунтъ можетъ сдѣлаться ужаснымъ и для самой Москвы. Онъ-же узналъ кое-что о причинахъ бунта. По его разсказу, не столько бороды и платье, сколько финансовыя притѣсненія, чрезмѣрные налоги и поборы, послужили поводомъ къ раздраженію народа. Онъ говоритъ о новой подати, которую должны были платить башкиры, о соляной пошлинѣ, оказавшейся гибельною для рыбнаго промысла, о разныхъ налогахъ на печи, бани и мосты, на разныя стѣснительныя распоряженія правительства относительно торговли рыбою, а также и о высокой пошлинѣ на бороды [2]).

О причинахъ бунта начальники мятежниковъ въ граматахъ, разосланныхъ къ казакамъ для того, чтобы поднять ихъ за старину, говорили слѣдующее: «стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьѣ не пущали, а которые въ церковь Божію ходили, и у тѣхъ платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и

---

[1]) Соловьевъ, XV, 142—144. О Носовѣ, какъ о раскольникѣ, говорятъ Перри и Шереметевъ.

[2]) Устряловъ, IV, 2, 650.

выбивали вонъ и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ и дѣтямъ чинили воеводы, и начальные люди покланялись и насъ кланяться заставливали. И мы за вѣру христіанскую стали, и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли... а мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумірскихъ боговъ. Да на насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ-же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ-же хлѣбное жалованье безъ указу отняли. И мы о томъ многое время терпѣли и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобы намъ вѣры христіанской не отбыть и болванамъ кумірскимъ богамъ не покланяться и напрасно смертію душею съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стало намъ быть тягость великая, и мы того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изначальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ-же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ отъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и по три человѣка на дворы и тамошнимъ жителямъ и женамъ и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательства» [1]).

Трудно судить о мѣрѣ легковѣрія астраханцевъ въ отношеніи къ «нѣмцамъ въ Казани» или къ «кумірскимъ богамъ начальныхъ людей». Но достойна вниманія склонность народа придавать всякому мятежному дѣйствію религіозное значеніе. О способѣ происхожденія такихъ нелѣпыхъ слуховъ, какъ разсказы о болванахъ, можно судить по слѣдующему объясненію этого страннаго недоразумѣнія. Въ Москвѣ любопытствовали знать, что такое за кумірскіе боги, о которыхъ писали астраханцы? Одинъ изъ нихъ посланныхъ объяснилъ дѣло: кумірами бунтовщики называли столярной работы личины деревянныя, на которыя у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей накладывались парики для сбереженія, чтобы не мялись.

Грамата астраханцевъ къ казакамъ на Терекѣ произвела сильное волненіе. Тамъ произошли буйства; подполковникъ Некрасовъ былъ убитъ; мятежники, такъ-же какъ и въ Астрахани, приступили къ избранію начальныхъ людей. Но на Терекѣ далеко не всѣ думали одинаково: казаки и московскіе стрѣльцы были за бунтъ, а терскіе стрѣльцы, конные и пѣшіе, съ ними не тянули. Въ Астрахани была получена очень неудовлетворительная грамата отъ терскихъ атамановъ и казаковъ: «мы рады за вѣру Христову

---

[1]) Соловьевъ, XV, 144.

и за брадобритіе, и за табакъ, и за нѣмецкое платье, мужеское и женское, и за отлученіе церкви Божіей стоять и умирать; но вы, все великое астраханское войско и все православное христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать: сами вы знаете, что насъ малое число» и проч. Зато Красный и Черный Яръ объявили себя за Астрахань. Краснoярцы взбунтовались всѣмъ городомъ, сковали воеводу за налоги и отправили его въ Астрахань съ челобитчиками на него: тамъ челобитья были найдены справедливыми и воевода убитъ.

Въ другихъ мѣстахъ астраханцы не находили, однако-жъ, союзниковъ. Такъ, напримѣръ, жители Царицына писали: «мы къ вашему союзу пристать не хотимъ... вы къ намъ писали, будто стали за православную вѣру: и мы, Божіею милостью, въ городѣ Царицынѣ всѣ христіане и никакого раскола не имѣемъ и кумірскимъ богамъ не поклоняемся» и пр.

Весьма ловко распорядился Ѳедоръ Матвеевичъ Апраксинъ, находившійся въ то время въ Воронежѣ. Узнавъ объ астраханскомъ бунтѣ, онъ написалъ въ Черкасскъ, чтобы тамошнее правительство послало отъ себя во всѣ казачьи городки добрыхъ казаковъ, человѣка по два или больше, съ подтвержденіемъ, чтобъ нигдѣ къ астраханцамъ не приставали. Донскіе казаки дали знать, что у нихъ бунта не будетъ, потому что имъ отъ великаго государя никакого утѣсненія нѣтъ, что до сихъ поръ о бородахъ и о платьѣ имъ указу не прислано, и платье они носятъ по своему древнему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое нравится и пр.

Такимъ образомъ, бунтъ былъ остановленъ въ самомъ началѣ несогласіемъ донскихъ казаковъ въ немъ участвовать; а между тѣмъ Петръ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ его потушенію. Сначала предположили употребить для борьбы съ астраханцами донскихъ казаковъ. Въ Москвѣ разсказывали, будто калмыцкій ханъ Аюка съ 12,000 калмыковъ разбилъ мятежниковъ на голову [1]). На казаковъ и на калмыковъ, однако, нельзя было надѣяться. Хотя въ то время, по случаю шведской войны, правительство и нуждалось въ регулярномъ войскѣ, но царь, находившійся въ Митавѣ, когда узналъ объ астраханскомъ бунтѣ, тотчасъ же рѣшился отправить туда Шереметева съ нѣсколькими полками. Эта мѣра служитъ свидѣтельствомъ значенія, которое

[1]) Устряловъ, IV, 2, 646—646, донесенія Плейера.

царь придавалъ безпорядкамъ на юго-восточной окраинѣ. Изъ письма Петра къ бояришу Стрѣшневу видно, что царь считалъ положеніе даже самой столицы далеко не безопаснымъ. «Совѣтую вамъ», сказано тутъ, «чтобъ, деньги изъ приказовъ собравъ, вывезти изъ Москвы, или-бъ съ вѣрными людьми тайно гдѣ положили или закопали, всякаго ради случая; такожъ и ружье лучше-бъ чтобъ не на Москвѣ было. Почты, кои ходятъ за рубежъ и къ городу (Архангельску), задержать до времени [1]).

Царицынъ въ XVII столѣтіи.
Съ современной голландской гравюры Фонъ-деръ-Аа.

Несмотря на утѣшительное извѣстіе, что на Дону все тихо и спокойно, Петръ писалъ Шереметеву: «для Бога, не мѣшкай, какъ обѣщался, и тотчасъ пойди въ Казань». Однако, радостная вѣсть, что казаки отвергли предложеніе астраханцевъ, все таки успокоила царя. Онъ писалъ къ Апраксину: «изъ вашихъ писемъ я выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ конецъ гнѣвъ свой

[1]) Соловьевъ, XV, 149.

пролити, и онымъ уже чрезъ 25 лѣтъ губительнымъ псамъ волю и въ невинныхъ кровяхъ утѣху подать изволилъ, и чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушити изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ» [1]).

Петръ самъ хотѣлъ заняться разслѣдованіемъ причинъ астраханскаго бунта, и потому распорядился, чтобы нѣкоторые бунтовщики, уже арестованные, были отправлены къ нему въ Гродно [2]).

Между тѣмъ, еще до прибытія Шереметева въ Астрахань, были сдѣланы попытки покончить съ мятежниками мирнымъ путемъ. Петръ отправилъ въ Астрахань, съ тамошнимъ жителемъ, Кисельниковымъ, грамату съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей и, перехвативъ главныхъ заводчиковъ, прислать ихъ въ Москву, чѣмъ заслужатъ прощеніе. Когда Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань, тамъ рѣшили написать повинную къ государю и для ея поднесенія выбрали восемъ человѣкъ, которыхъ и отправили вмѣстѣ съ Кисельниковымъ.

Въ повинной изложены были слѣдующія жалобы астраханцевъ: междоусобіе учинилось за брадобритіе и нѣмецкое платье, и отъ многихъ налоговъ и обидъ начальныхъ людей. Воевода Ржевскій посылалъ капитана Глазунова да астраханца Евреинова къ церквамъ и по большимъ улицамъ, и у мужескаго и у женскаго пола платье обрѣзывали не по подобію и обнажали предъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ. Ржевскій стрѣльцамъ хлѣбнаго жалованья давать не велѣлъ, бралъ налоги съ бань, съ погребовъ, подымныхъ, валешныхъ, отъ точенья топоровъ и ножей, отъ битья бумаги, съ варенья пивъ и брагъ; тѣхъ, которымъ платить нечѣмъ, воевода сажалъ за караулъ и билъ на правежѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали. Ржевскій бралъ на откупъ пошлины и бралъ вдвое и втрое больше, чѣмъ слѣдовало. Служилыхъ людей онъ посылалъ зимнимъ путемъ для рубки дровъ, и многіе отъ стужи помирали, да и про домашній свой обиходъ для дровъ и сѣна и травы ихъ посылалъ же; а полковники и начальные люди—нѣмцы, ругаючись христіанству, многія тягости имъ чинили и безвинно били, и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли, и всякое ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили. Полковникъ Девинь съ иноземцами начальными людьми заставляли ихъ дѣлать самыя нечистыя работы, били ихъ по щекамъ и палками, и велѣли дѣлать безвре-

---

[1]) Соловьевъ, XV, 149.
[2]) Устряловъ, IV, 2, 105 и 106.

менно нѣмецкое платье и усы и бороды брили и щипцами рвали насильствомъ и пр.

Повинная подѣйствовала на бояръ въ Москвѣ. Головинъ просилъ царя о безусловномъ помилованіи бунтовщиковъ, сознавая, что и со стороны представителей власти было сдѣлано очень много для возбужденія неудовольствія. «Въ насъ не безъ воровъ было» [1]), писалъ Головинъ царю.

Петръ сначала послушался совѣта Головина. Челобитчиковъ отпустили съ граматою, въ которой заключалось всепрощеніе [2]). Есть извѣстіе, что король польскій заступился за астраханцевъ и упросилъ царя поступить съ ними менѣе строго [3]).

Шереметеву царь писалъ: «всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать и, взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить»... «и зачинщиковъ причинныхъ ничѣмъ не озлоблять и только ихъ препоручить и дать имъ жить на свободѣ и всяко тщитися, чтобъ ласкою ихъ привлечь»... «и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспрiимать и то... если они весьма упорно явятся и не покорятся, чего мы, по отпискамъ ихъ къ намъ, не чаемъ» [4]).

Вышло именно такъ, какъ Петръ не чаялъ. Въ Астрахани были двѣ партіи; одна часть жителей, во главѣ которой находилось духовенство, была расположена къ примиренію, другая—все еще надѣялась на успѣхъ въ открытой борьбѣ съ властью и, очевидно, разсчитывала на немногочисленность войска, которымъ располагалъ Шереметевъ. Митрополитъ Самсонъ и Георгій Дашковъ, строитель Астраханскаго-Троицкаго монастыря, находились въ перепискѣ съ бояриномъ.

Когда Шереметевъ приближался къ Астрахани, на встрѣчу къ нему являлись духовныя лица, нѣкоторые стрѣлецкіе пятидесятники и десятники и разные инородцы, съ объявленіемъ, что весь народъ астраханскій готовъ его встрѣтить. Несмотря на это, однако, приходилось до вступленія въ городъ вести переговоры съ астраханцами, между которыми заводчики бунта пользовались большимъ уваженіемъ. Когда отъ имени Шереметева въ Астрахань къ старшинѣ, Якову Носову, пріѣхалъ сызранскій посадскій человѣкъ, Данила Бородулинъ, то Носовъ говорилъ ему въ кругу, при всѣхъ:

---

[1]) Соловьевъ, XV, 154—152.
[2]) Тамъ-же, XV, 152.
[3]) Устряловъ, IV, 2, 651—652, донесеніе Плейера.
[4]) Соловьевъ, XV, 154—155.

*

«здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру, коли-нибудь намъ всѣмъ умереть будетъ, да не вовсе бы и не всякій такъ, какъ нынѣ нареченный царь, который называется царемъ, а христіанскую вѣру порудилъ: онъ же умеръ душею и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть». Далѣе Носовъ говорилъ тихонько: «вѣдь мы неспроста зачали! Это дѣло великое: есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди... есть у насъ письмо изъ Московскаго государства отъ столпа отъ сущихъ христіанъ, которые стоятъ за вѣру же христіанскую». Когда Бородулинъ, взявъ ковшъ вина, сказалъ: «дай Боже благочестивому государю многолѣтно и благополучно здравствовать»! — на это отозвался старшина, московскій стрѣлецъ Иванъ Луковниковъ: «какой онъ государь благочестивый, — онъ, неочесливый, полатынилъ всю нашу вѣру»! Въ кругу раздавались бранные крики на государя: «не сила Божія ему помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и облатынилъ, обмѣнный онъ царь. Идти ли намъ, нѣтъ ли, до самой столицы, до родни его, до нѣмецкой слободы и корень бы весь вывести; всѣ тѣ ереси отъ еретика, отъ Александра Меншикова. И чрезъ нѣсколько дней Яковъ Носовъ, при подобномъ же случаѣ, говорилъ о Петрѣ: «я про его здоровье пить не стану: какъ намъ пить про такого православныхъ христіанъ ругателя? что вы не образумитесь? вѣдь вы и всѣ пропали; обольстили васъ начальные люди милостію; пропали вы душею и тѣломъ». Ко всему этому Носовъ, наконецъ, прибавилъ угрозу: «на весну и мы къ вамъ будемъ».

Развязка приближалась. Когда Шереметевъ еще болѣе подошелъ къ Астрахани и послалъ туда письмо, чтобъ перестали бунтовать, отвѣта не было, но пришло нѣсколько дворянъ съ вѣстью, что мятежники готовятся къ отчаянной борьбѣ. Приходилось сражаться съ бунтовщиками, причемъ повторилось явленіе, положившее конецъ стрѣлецкому бунту 1698 года близъ Воскресенскаго монастыря. Царскія войска дали залпъ; бунтовщики побѣжали, покинувъ пушки и знамена. Сначала они еще намѣревались защищаться въ Кремлѣ, но въ тотъ же самый день вышли оттуда съ просьбою о прощеніи. Шереметевъ велѣлъ всѣмъ положить оружіе и на другой день занялъ Кремль: на его пути, по обѣимъ сторонамъ улицы, астраханцы лежали на землѣ.

Шереметевъ въ этой схваткѣ потерялъ 20 человѣкъ убитыми и 53 ранеными. Въ Москвѣ говорили, что убитыхъ и раненыхъ мятежниковъ было до 4,000, но эта цифра едва ли можетъ соотвѣтствовать истинѣ. Такому же мнѣнію подлежитъ разсказъ

Плейера о немедленной, послѣ взятія Кремля, казни 200 человѣкъ [1]). Изъ письма Шереметева къ Головину, напротивъ, видно, что нужно было дѣйствовать крайне осторожно, потому что Носовъ, какъ писалъ Шереметевъ, «великій воръ и раскольникъ, и нынѣ при немъ всѣ его боятся и въ шапкѣ съ нимъ никто гово-

Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Съ гравированнаго портрета Антипьева (при книгѣ „Письма Петра I къ Шереметеву").

рить не можетъ». Замѣчателенъ отзывъ Шереметева о бунтовщикахъ вообще: «я такова многолюдства и сумасброднаго люду отъ роду не видалъ, и надуты страшною злобою, и весьма насъ имѣютъ за отпадшихъ отъ благочестія. Какъ надуты и утверждены въ таковой бездѣлицѣ!»

---

[1]) Устряловъ, IV, 653.

Окончаніе дѣла совершенно походило на печальный исходъ стрѣлецкаго бунта 1698 года. Участники бунта были перехвачены и отправлены въ Москву: здѣсь ихъ колесовано, казнено и умерло во время продолжительнаго розыска 365 человѣкъ. Очевидно, правительство, повторяя допросы и пытки, надѣялось открыть какую-нибудь связь между астраханскимъ бунтомъ и какимъ-либо революціоннымъ элементомъ въ центрѣ государства. Шереметевъ вступилъ въ Астрахань 12-го марта 1706 года; два года позже—8-го февраля 1708 года, происходили послѣднія казни: 70 человѣкъ были обезглавлены, пять колесованы, 45 повѣшены; до этого, между прочимъ, по свидѣтельству Плейера, 28-го ноября 1707 года, были казнены 30 человѣкъ обезглавленіемъ, 60 человѣкъ повѣшеніемъ.

Во все время до окончательной побѣды, одержанной надъ мятежниками, Петръ сильно безпокоился. Извѣстіе объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ чрезвычайно обрадовало царя. Онъ писалъ Шереметеву: «письма ваши принялъ, и за неизреченную Божію милость Господа Бога благодарили съ изряднымъ тріумфомъ, которою викторіею надъ сими проклятыми воры вамъ, яко виновнымъ оной викторіи, поздравляемъ; за который вашъ трудъ Господь Богъ вамъ заплатитъ, и мы не оставимъ». А къ Меншикову: «Min Bruder! Я не могу оставить вамъ безъ объявленія, какимъ образомъ проклятые астраханцы, послѣ присылки повинныя, наглости дѣлали. Богъ чудно смирилъ ихъ: ибо вящше 10,000 человѣкъ было, нашихъ же около трехъ, а такъ ихъ побили, что Земляной городъ приступомъ взяли» и пр. [1]).

Въ 1707 году, явилась новая забота—бунтъ инородцевъ. Уже съ 1705 года между башкирами обнаружилось сильное волненіе. Движеніе приняло бо́льшіе размѣры вскорѣ послѣ побѣды надъ астраханцами. Приходилось отправлять противъ нихъ войска и сражаться съ ними. Не безъ труда удалось справиться съ «башкирскимъ воровствомъ», при помощи оставшихся вѣрными правительству калмыковъ. И въ башкирскомъ бунтѣ, какъ и въ астраханскомъ, важнѣйшими причинами раздраженія были злоупотребленія представителей власти [2]).

---

[1]) Устряловъ, IV, 1, 505.

[2]) Подробности см. у Соловьева, XV, 233—237, по неизвѣстнымъ до того дѣловымъ бумагамъ. О дальнѣйшихъ башкирскихъ бунтахъ, въ 1712 г. и слѣд., см. Соловьева, XVI, 385 и пр.

Въ то время, когда башкиры начали уже успокоиваться, запылалъ бунтъ на Дону. Населеніе по рѣкамъ: Бузулуку, Медвѣдицѣ, Битюгу, Хопру, Донцу, состояло почти исключительно изъ бѣглецовъ. Верховые казачьи городки не могли нравиться правительству: жители ихъ весьма часто были готовы возставать вооруженною рукою противъ власти. Чѣмъ строже къ нимъ относился царь, тѣмъ опаснѣе становились эти противугосударственные элементы на юго-восточной окраинѣ. На донскихъ казаковъ и впродолженіе всего XVII вѣка была плохая надежда. Всегда они отличались своевольствомъ, нѣкоторою независимостью, иногда буйствомъ. При Петрѣ усиленіе центральной власти, перемѣна въ отношеніяхъ ея къ казацкимъ порядкамъ въ духѣ преобразованія, чрезмѣрная строгость государства, солидарность казацкаго элемента со стрѣльцами, лишенными прежнихъ льготъ и отправленными именно въ крайніе предѣлы государства—могли повести легко къ повторенію явленій временъ Стеньки Разина. Петръ требовалъ то выдачи бѣглыхъ крестьянъ, то разныхъ мѣръ для усиленія контроля надъ казацкимъ населеніемъ, то болѣе точнаго исполненія царскихъ указовъ вообще. Не мудрено, что люди на Дону, и прежде иногда склонные къ союзу съ татарами, турками и Персіею, мечтали о бунтѣ и измѣнѣ. Мы упомянули выше, что Плейеръ изъ устъ одного казака узналъ о готовности его товарищей отложиться отъ Московскаго государства и отдаться въ подданство султана.

При такомъ настроеніи умовъ на Дону и его притокахъ, неучастіе жителей этихъ мѣстъ въ астраханскомъ бунтѣ могло считаться особеннымъ счастіемъ. За это неучастіе царь, не задолго до того обращавшійся къ казакамъ съ строгими указами о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и объ уничтоженіи казацкихъ городковъ, «поселенныхъ не по указу», наградилъ казаковъ новыми и драгоцѣнными войсковыми клейнотами и знаменами. Въ то же самое время, однако, повторялись прежнія требованія: свесть городки, построенные послѣ азовскихъ походовъ не по указу, переписать всѣхъ жильцовъ, выслать новопришлыхъ людей въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ.

Не только эти указы не были приведены въ исполненіе, но бѣгство крестьянъ принимало именно въ это время все большіе размѣры. Бѣжали не одни крестьяне, но и работники съ публичныхъ работъ, забравши деньги впередъ, солдаты и стрѣльцы изъ Азова, множество драгуновъ изъ арміи Шереметева, когда онъ шелъ изъ Астрахани въ Кіевъ.

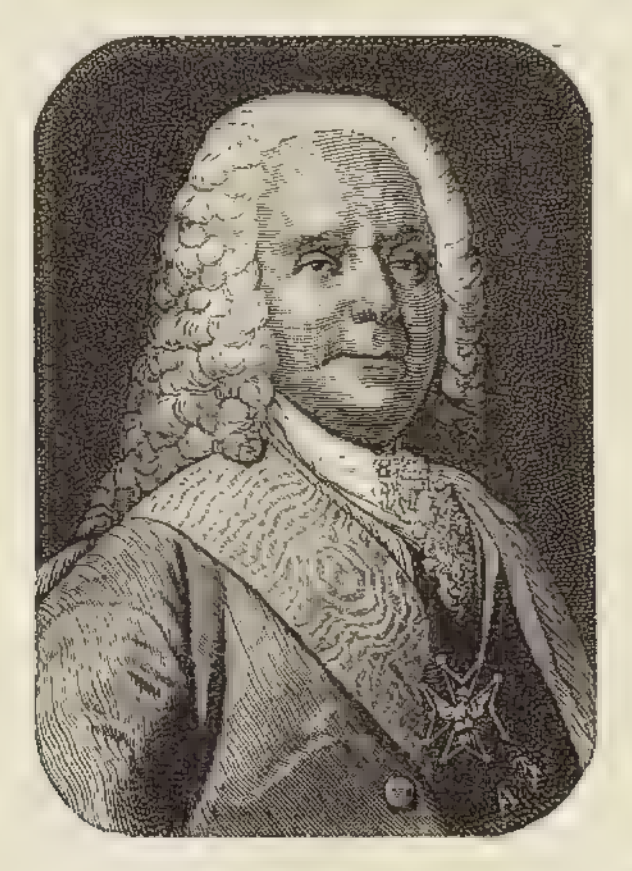
Царь не хотѣлъ терпѣть всего этого болѣе, особенно когда нужда въ служилыхъ и платящихъ людяхъ увеличивалась все болѣе и болѣе, и, въ 1707 году, отправилъ на Донъ полковника, князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, съ отрядомъ войска для отысканія бѣглецовъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Такая мѣра, однако, считалась какъ-бы нарушеніемъ казацкихъ правъ и поэтому возбудила сильное негодованіе во всемъ мѣстномъ населеніи. Начали говорить на Дону, что астраханцы были правы, возставая противъ государя, и что послѣдній напрасно наказалъ ихъ. Нашелся и второй Разинъ. Атаманъ Кондратій Булавинъ, 9-го октября 1707 года, на рѣкѣ Айдарѣ, напалъ на отрядъ князя Долгорукаго и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Затѣмъ, Булавинъ пошелъ по донецкимъ городкамъ, разсылая призывныя граматы. Готовыхъ дѣйствовать за одно съ Булавинымъ нашлось очень много. Въ этихъ мѣстахъ подвиги Стеньки Разина были еще въ свѣжей памяти. Старики, участвовавшіе теперь въ булавинскомъ бунтѣ, были когда-то товарищами знаменитаго атамана эпохи царя Алексѣя Михайловича. Булавинъ хвалился, что къ нему пристанутъ астраханцы, запорожцы и терчане.

Однако, нашлись и противники бунта. Они сдѣлали нападеніе на шайки Булавина, побили многихъ приверженцевъ атамана, переказнили взятыхъ въ плѣнъ и сообщили царю о подробностяхъ своего подвига, такъ что Петръ, успокоившись, писалъ къ Меншикову: «и такъ, сіе дѣло милостію Божіею все окончилось».

Однако, дѣло кончилось не такъ скоро. Хотя Булавинъ на нѣкоторое время скрылся и поселился у запорожцевъ, но скоро снова явился на притокахъ Дона и около него собралось тотчасъ же нѣсколько сотъ «гультяевъ». Въ призывныхъ граматахъ атамана довольно наивно и простодушно указана цѣль предпріятія: «атаманы молодцы, дорожние охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ, Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины самарскія». Все это, однако, не мѣшало обычному ханжеству, заставлявшему Булавина въ другихъ граматахъ говорить: «стоять со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресв. Богородицы, и за истинную вѣру христіанскую, и за благочестиваго царя, и за свои души и головы... а которымъ худымъ людемъ и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и нѣмцомъ, за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать того ради, что они вводятъ всѣхъ въ еллин-

скую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменами и чудесы прелестными» и пр. Какъ на лучшихъ союзниковъ было указываемо, между прочимъ, на «всякихъ черныхъ людей», а къ тому еще велѣно было: «а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, и тѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы выпустить тотчасъ, безъ задержанія» [1]).

Бунтъ могъ сдѣлаться особенно опаснымъ для Азова. Булавинъ велѣлъ насильно взять въ полки рабочихъ, которые готовили на



Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Хопрѣ лѣсъ въ отпускъ къ Азову. Такимъ образомъ, могла остановиться постройка укрѣпленій и флота въ Азовѣ. Это важное мѣсто было отрѣзано бунтомъ отъ сообщенія съ центральною властью.

Азовскій губернаторъ, Иванъ Андреевичъ Толстой, выслалъ противъ бунтовщиковъ войско, на которое, однако, нельзя было надѣяться, такъ какъ многіе изъ солдатъ и казаковъ перешли къ бунтовщикамъ; остальные были разбиты Булавинымъ на рѣчкѣ

[1]) Соловьевъ, XV, 242—244.

Лисоваткѣ (8-го апрѣля 1708 г.). Слѣдствіемъ побѣды, одержанной бунтовщиками, было то, что за Булавина поднялись три рѣки— Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица. Между сторонниками мятежа было множество раскольниковъ. Броженіе стало распространяться до центральныхъ мѣстъ государства. Воры готовились идти къ Тамбову, къ Тулѣ, къ Козлову. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ жители нѣкоторыхъ деревень склонились къ бунту, выбрали между собою атамановъ и есауловъ и начали чинить расправу по казацкому обычаю. Разнеслись слухи, что хотятъ убить всѣхъ бояръ, прибыльщиковъ, подъячихъ.

Въ другомъ направленіи бунтъ принималъ все бо́льшіе размѣры. Въ воззваніи Булавина къ кубанскимъ казакамъ сказано, между прочимъ, что бояре рѣшили всю рѣку Донъ разорить: «и стали было бороды и усы брить, такъ и вѣру христіанскую перемѣнить и пустынниковъ, которые живутъ въ пустыняхъ, ради имени Господня, и хотѣли было христіанскую вѣру ввесть въ еллинскую вѣру»... О начальныхъ людяхъ сказано: «многія станицы огнемъ выжгли и многихъ старожилыхъ казаковъ кнутомъ били, губы и носы рѣзали и младенцевъ по деревнямъ вѣшали» и пр. Въ другой граматѣ, къ старшинамъ кубанскихъ казаковъ, сказано, между прочимъ: «нынѣ на рѣкѣ у насъ казаковъ въ единомъ согласіи тысячъ со сто и больше; а напередъ что будетъ, про то Богъ вѣсть, потому что много русскіе люди бѣгутъ къ намъ на Донъ денно и нощно съ женами и дѣтьми отъ изгоны царя нашего и отъ неправедныхъ судей, потому что они вѣру христіанскую у насъ отнимаютъ. А если нашъ царь на насъ съ гнѣвомъ поступитъ, и то будетъ турской царь владѣть Азовомъ и Троицкимъ городами; а нынѣ мы въ Азовъ и въ Троицкой съ Руси никакихъ припасовъ не пропущаемъ, покамѣстъ съ нами азовской и троицкой воевода въ согласіе къ намъ придетъ... а если намъ не станетъ жаловать или станетъ намъ на рѣкѣ какое утѣсненіе чинить, и мы войскомъ отъ него отложимся и будемъ милости просить у Всевышняго Творца нашего, Владыки, также и у турскаго царя, чтобъ турскій царь насъ отъ себя не отринулъ, и потому мы отъ своего государя отложимся, что нашу вѣру въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ отнимаетъ бороды и усы» и пр. Ко всему этому прибавлена просьба отправить копіи съ этого письма къ одному турецкому пашѣ и къ разнымъ татарскимъ мурзамъ, а подлинное письмо отправить къ султану въ Царьградъ. Въ особой припискѣ сказано: «по семъ писаніи войсковой атаманъ Кондратій Афанасьевъ и все войско донское у тебя, турскаго салтана, ми-

лости прося, и челомъ бью. А нашему государю въ мирномъ состояніи отнюдь не вѣрь, потому что онъ многія земли разорилъ, за мирнымъ состояніемъ и нынѣ разоряетъ, также и на твое величество и на царство готовитъ корабли и каторги, и иные многіе воинскіе суды и всякой воинской снарядъ готовитъ» [1]).

Намъ не извѣстно, узналъ-ли Петръ о такихъ измѣнническихъ сношеніяхъ бунтовщиковъ съ турками. Однако, онъ принялъ рѣшительныя мѣры. Отправляя князя Василія Владиміровича Долгорукаго, брата убитаго бунтовщиками, съ войскомъ для борьбы съ ними, онъ писалъ ему, что нужно «сей огонь за разъ утушить». Въ инструкціи Долгорукому было сказано: «городки и деревни (на Хопрѣ и пр.) жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей; ибо сія сарынь кромѣ жесточи, не можетъ унята быть».

Изъ разныхъ писемъ царя къ Меншикову, Долгорукому, Толстому и пр. видно, какъ сильно онъ безпокоился и что особенно тяжелою заботою была мысль объ Азовѣ. «Смотри неусыпно», писалъ царь Долгорукому, «чтобъ надъ Азовомъ и Таганрогомъ оной воръ чего не учинилъ прежде вашего приходу»; затѣмъ онъ совѣтовалъ ласково поступать съ тѣми, которые пристали къ бунту, но принесли повинную и т. д. Къ Меншикову онъ писалъ: «ежели сохранитъ Господь Богъ Азовъ и Таганрогъ, то имъ (бунтовщикамъ) множиться отнюдь нельзя, понеже сверху войска, а снизу сіи города; на Волгу и Астрахань нѣтъ имъ надежды, и для того мусятъ (должны) пропасть» и пр. Петръ немного позже, въ другомъ письмѣ къ Меншикову, выразилъ надежду, что война въ Польшѣ не помѣшаетъ ему на нѣкоторое время отправиться на Донъ, «истребить сей огонь и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ учинить».

Между тѣмъ Булавинъ дѣйствовалъ успѣшно, занялъ важный городъ Черкасскъ и собиралъ все бо̀льшія и бо̀льшія силы. Петръ былъ очень встревоженъ и писалъ къ Меншикову: «воръ Булавинъ Черкасской взялъ и старшинъ пяти человѣкъ побилъ до смерти, и писалъ въ Азовъ войсковую отписку, что они ничего противнаго чинить не будутъ; однакожь чаю, сіе оной дьяволъ чинитъ, дабы оплошить въ Азовѣ и тайно возмутить, также и къ Москвѣ послана отъ нихъ станица съ оправданіемъ, съ отпискою; однакожь сему въ подкопѣ лежащему фитилю вѣрить не надобно; того

---

[1]) «Русская Старина», 1870, II, 5—7.

*

ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ помощію Божію безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, коково тотъ край намъ надобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу» [1]).

Однако счастье измѣнило Булавину. Его шайки нѣсколько разъ были разбиваемы отправленными противъ нихъ отрядами войска. Долгорукій дѣйствовалъ довольно успѣшно и собирался было вѣшать 143 взятыхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ, когда получилъ письмо отъ Петра со внушеніемъ поступать милостиво, жестокостями не усиливать слуховъ о томъ, что Долгорукій мститъ за убіеніе брата.

Булавинъ сдѣлалъ ошибку, раздѣливъ свои войска на нѣсколько отрядовъ. Если-бы онъ со всѣми силами своей голытьбы бросился на Волгу и пошелъ вверхъ этою рѣкою, то его движеніе, при незатихшемъ еще башкирскомъ бунтѣ, при вступленіи Карла XII въ русскіе предѣлы и при внутреннемъ неудовольствіи, возбужденномъ преобразованіями и тягостями, могло-бы сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ [2]).

Неудачи лишили Булавина довѣрія. Между казаками всегда находились готовые къ измѣнѣ, къ выдачѣ своихъ атамановъ власти, надѣясь черезъ это на выигрышъ для себя. Нѣкоторые казаки написали челобитную и отправили ее къ царю. Въ ней они жаловались на страшныя насилія Булавина и его товарищей, разсказывали, что сіи послѣдніе многихъ людей въ воду сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство чинили. При всемъ томъ, однако, челобитчики считали себя въ правѣ вступить какъ-бы въ формальные переговоры съ правительствомъ. Въ концѣ челобитной сказано: «мы желаемъ тебѣ служить по прежнему; но чтобъ твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили; а буде они насильно поступятъ и какое разоренье учинятъ, въ томъ воля твоя: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ».

Петръ, получивъ челобитную, велѣлъ Долгорукому прекратить военныя дѣйствія. Очевидно, царь надѣялся на сдѣлку съ мятежниками. Однако, положеніе Долгорукаго было чрезвычайно затруднительно. Отъ Толстого онъ получалъ изъ Азова тревожныя письма, заставлявшія его дѣйствовать; движенія Булавина опять становились опасными, особенно для Азова. Петръ, наконецъ, пре-

[1]) Соловьевъ, XV, 252.
[2]) Тамъ-же, XV, 254.

доставилъ Долгорукову дѣйствовать по усмотрѣнію, «ибо издали такъ нельзя знать, какъ тамъ будучи» [1]).

Послѣ этого, царскимъ войскамъ удалось въ разныхъ мѣстахъ разбить шайки бунтовщиковъ. Нападеніе, сдѣланное послѣдними на Азовъ, не имѣло успѣха, хотя они ворвались было на мгновеніе въ Матросскую слободу и вся крѣпость находилась въ крайней опасности. Разбитые бѣглые казаки собирались захватить Булавина для выдачи его правительству. Видя себя окруженнымъ измѣнниками, атаманъ застрѣлился изъ пистолета (въ іюлѣ 1708 г.). Мятежъ, однако, этимъ не прекратился. Другіе атаманы, Голый, Драный, Хохлачъ и пр., продолжали то, что начато Булавинымъ. Петръ опять прислалъ строгіе наказы: разорять городки, казнить жителей ихъ и пр. Долгорукій охотно исполнялъ, сколько могъ, эти приказанія. Съ Волги приближался князь Хованскій. Особенно кровопролитною была битва при Паншинѣ на Дону (23-го августа), гдѣ вмѣстѣ съ казаками-бунтовщиками сражались противъ царскаго войска многіе бѣглые драгуны и солдаты, служившіе до этого въ полкахъ Шереметева. Однако, побѣда была совершенная. Хованскій послѣ этого выжегъ 8 городковъ; 39 городковъ били челомъ и приведены къ присягѣ; столь же успѣшно дѣйствовалъ, въ свою очередь, и Долгорукій. Съ ворами дѣлалась строгая расправа. Нѣкоторыхъ преступниковъ четвертовали, другихъ, цѣлыми сотнями, вѣшали, поставивъ висѣлицы на плотахъ и пуская ихъ по Дону внизъ, для внушенія всему населенію о судьбѣ, ожидавшей его, въ случаѣ упорства. Уничтожая разные городки и отправляя всѣхъ мущинъ въ Астрахань для наказанія, Апраксинъ писалъ къ царю о старикахъ, женщинахъ и дѣтяхъ: «тѣ и сами исчезнутъ», т. е. пропадутъ голодною смертью, холодомъ и пр.

Таковы были пріемы, употребляемые правительствомъ въ борьбѣ съ этими противогосударственными элементами. Кротость считалась невозможною. И дѣйствительно, каждое послабленіе, каждая уступка казались опасными. И безъ того шайки недовольныхъ продолжали дѣйствовать до глубокой осени. Атаманъ Голый еще нѣкоторое время разсылалъ граматы, съ повтореніемъ избитыхъ фразъ о томъ, что-де нужно стоять за домъ Богородицы и не допускать введенія эллинской вѣры и пр. Приходилось продолжать борьбу съ бунтовщиками до окончательнаго истребленія ихъ. Въ одномъ сраженіи, до трехъ тысячъ приверженцевъ Голаго были убиты; многіе утонули или погибли во время бѣгства.

---

[1]) Соловьевъ, XV, 257.

Побѣда государства надъ казачествомъ была дѣломъ необходимости. Казачество, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, усиливалось на счетъ государства, вытягивая изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы. Государство, усиленное при Петрѣ личностью государя и нуждаясь въ служебныхъ и производительныхъ силахъ для собственныхъ цѣлей, не могло позволить казачеству похищать у себя эти силы. Если казачество было побѣждено уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то подавно оно оказалось слабѣйшимъ при Петрѣ: царское войско при Петрѣ было иное, чѣмъ при отцѣ его; эта перемѣна давала возможность горсти царскаго войска разбивать вдвое сильнѣйшихъ казаковъ; притомъ, еслибъ дѣло затянулось, Петръ самъ хотѣлъ ѣхать на Донъ, чего бы не сдѣлалъ отецъ его [1]). Побѣда царя надъ казаками, отрицавшими возможность, необходимость преобразованія и представлявшими собою протестъ противъ началъ цивилизаціи и прогресса, была необходима для дальнѣйшихъ успѣховъ въ области внѣшней политики и для продолженія дѣла реформы. Хотя и впослѣдствіи именно въ этомъ юго-восточномъ краѣ повторялись явленія, похожія на Разинскій и Булавинскій бунты, все-таки пока Петръ могъ спокойнѣе продолжать работу дальнѣйшаго преобразованія.

Оставалось, однако, бороться съ опасностью, угрожавшею государству съ совсѣмъ иной стороны.

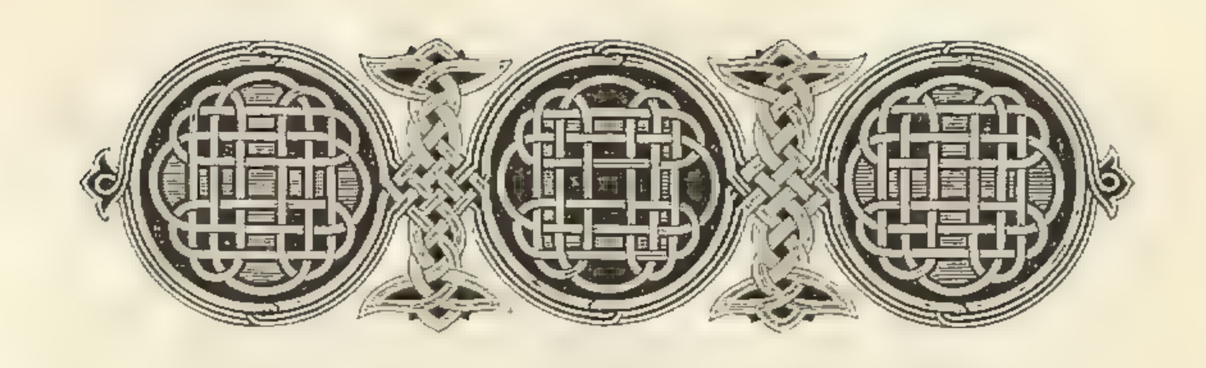
Когда въ Москвѣ была получена вѣсть о самоубійствѣ Булавина и о разбитіи его войска, царевичъ Алексѣй, сообщая объ этомъ князю Меншикову, поздравилъ его «съ сею викторіею» [2]).

Въ ту пору еще нельзя было предвидѣть той борьбы между царевичемъ и Петромъ, которая могла сдѣлаться еще гораздо опаснѣе столкновеній со стрѣльцами, астраханцами и казаками.

---

[1]) Соловьевъ, XV, 267.

[2]) «Русская Старина», 1870 г., II, 12—13.



ГЛАВА V.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

КОГДА, вскорѣ послѣ государственнаго переворота 1689 года, начались преобразованія, столь не нравившіяся массѣ, народъ надѣялся, какъ на избавителя, на царя Ивана Алексѣевича. Послѣ кончины послѣдняго, недовольные стали ожидать спасенія отъ царевича Алексѣя. Еще въ то время, когда царевичъ былъ мальчикомъ, народъ обращалъ на него особенное вниманіе. Говорили, что Алексѣй ненавидитъ иностранцевъ, не одобряетъ образа дѣйствій отца и намѣревается погубить тѣхъ бояръ и сановниковъ, которые служили покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Петра при исполненіи его плановъ.

Надежда на реакціонное движеніе противъ преобразованій Петра, на участіе наслѣдника престола въ такихъ дѣйствіяхъ—могла сдѣлаться опасною не только для царя, но и для его сына. Имя Алексѣя могло сдѣлаться знаменемъ заговора противъ Петра. Антагонизмъ такого рода легко могъ повести къ личной враждѣ между отцомъ и сыномъ. Уже довольно рано стали думать о возможности такой борьбы, рѣшительнаго разлада между Петромъ и Алексѣемъ.

Въ 1705 году, Андрей Артамоновичъ Матвеевъ, находившійся въ Парижѣ, доносилъ о странномъ слухѣ, распространившемся

при французскомъ дворѣ: то былъ переводъ народной русской пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, приложенной теперь къ Петру; великій государь при нѣкоторыхъ забавахъ разгнѣвался на сына своего и велѣлъ Меншикову казнить его; но Меншиковъ, умилосердясь, приказалъ вмѣсто царевича повѣсить рядового солдата. На другой день государь хватился: гдѣ мой сынъ? Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ казненъ по указу; царь былъ внѣ себя отъ печали; тогда Меншиковъ приводитъ къ нему живаго царевича, что учинило радость неисповѣдимую. Когда французы спрашивали у Матвеева, правда ли это, онъ отвѣчалъ, что всѣ эти плевелы разсѣваются шведами, и прямой христіанинъ такой лжи не повѣритъ, потому что это выше натуры не только для монарха, но самаго простолюдина [1]).

Въ 1705 году, нельзя было предвидѣть, что черезъ тринадцать лѣтъ позже осуществится, хотя въ нѣсколько иномъ видѣ, басня, забавлявшая французскій дворъ, и что катастрофа царевича окажется вовсе не «выше натуры монарха».

Единственнымъ средствомъ для избѣжанія антагонизма между Петромъ и Алексѣемъ было бы цѣлесообразное, вполнѣ соотвѣтствовавшее духу и направленію царя воспитаніе царевича, развитіе въ немъ склонности къ пріемамъ западно-европейской цивилизаціи, любви къ труду и познаніямъ, обученіе его тѣмъ самымъ наукамъ и ремесламъ, которыми занимался отецъ.

Сначала можно было считать вѣроятнымъ осуществленіе всего этого. Неоднократно возникало предложеніе отправить царевича за границу. Въ 1699 году, Петръ намѣревался послать его въ Дрезденъ, гдѣ онъ долженъ былъ воспитываться вмѣстѣ съ сыномъ Лефорта. Въ 1701 году, австрійскимъ дворомъ было сдѣлано предложеніе прислать царевича для воспитанія въ Вѣну. Немного позже, Людовикъ XIV выразилъ желаніе, чтобы Алексѣй пріѣхалъ въ Парижъ и воспитывался при французскомъ дворѣ [2]).

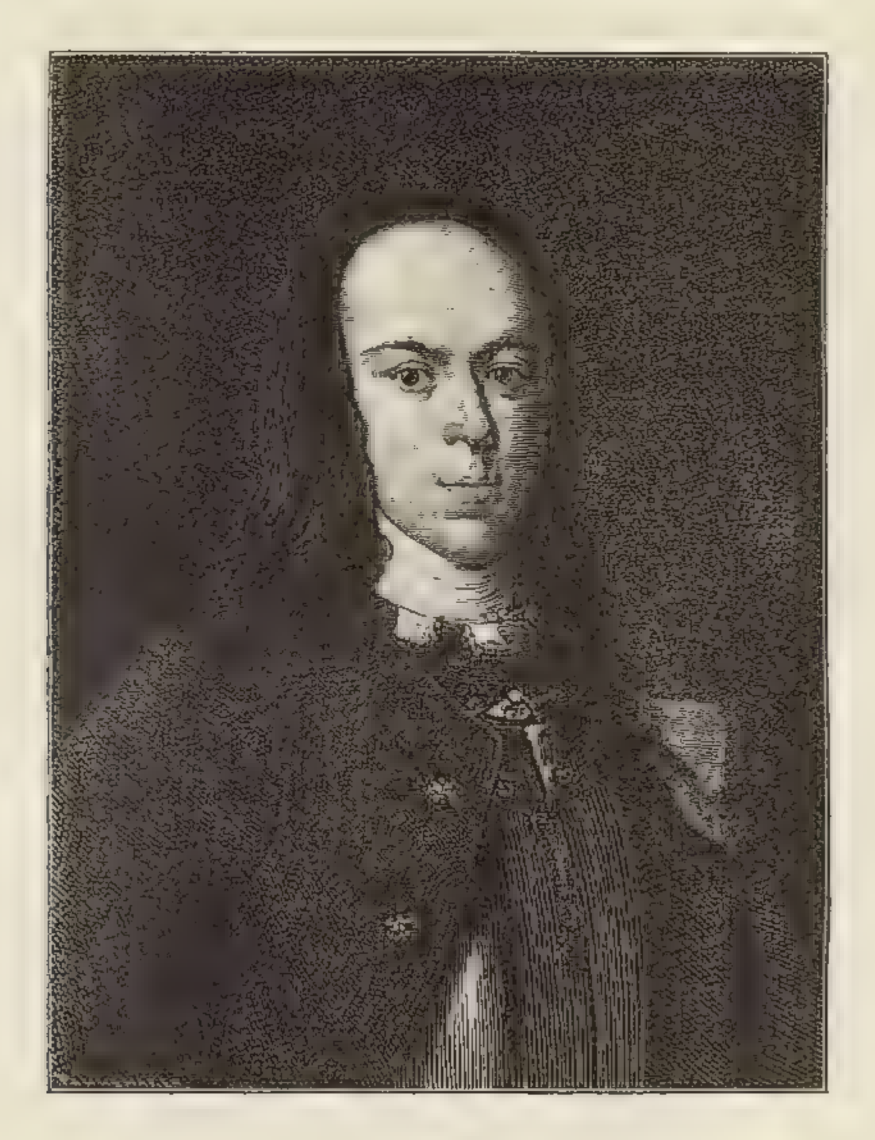
Хотя все это и оказалось неудобоосуществимымъ, однако же царевичъ, оставаясь въ Россіи, находился подъ надзоромъ иностранныхъ учителей и воспитателей. Послѣ того, какъ онъ долженъ былъ разстаться съ матерью, онъ жилъ у тетки, царевны Натальи Алексѣевны, и получилъ первоначальное образованіе отъ русскаго наставника, Вяземскаго. Въ 1701 году, къ нему былъ опредѣленъ для наставленія «въ наукахъ и нравоученіи»

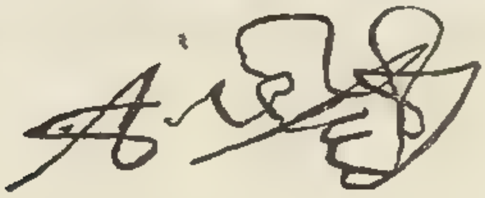
---

[1]) Соловьевъ, XV, 73.

[2]) Устряловъ, IV, 1, 206, 229—230, 234. IV, 2, 622.

нѣмецъ Нейгебауеръ, воспитанникъ лейпцигскаго университета. Однако, уже черезъ годъ, между Вяземскимъ и Нейгебауеромъ произошло сильное столкновеніе, имѣвшее слѣдствіемъ удаленіе послѣдняго [1]).





Царевичъ Алексѣй Петровичъ.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Затѣмъ воспитателемъ царевича сдѣлался баронъ Гюйсенъ, получившій образованіе въ лучшихъ европейскихъ университетахъ и вступившій въ русскую службу лѣтомъ 1702 года. Гюйсенъ

[1]) См. подробности у Соловьева, XV, 107—109.

составилъ весьма подробный и обширный планъ ученія, который, однако, оставался на бумагѣ, особенно потому, что царевичъ, по желанію Петра, участвовалъ въ походахъ. Тогда какъ Нейгебауеръ не ладилъ съ Меншиковымъ, Гюйсенъ настаивалъ на томъ, чтобы именно послѣднему былъ порученъ надзоръ надъ ходомъ образованія и воспитанія царевича. Разсказывали, однако, что Меншиковъ обращался съ царевичемъ весьма грубо и жестоко,дралъ его за волосы и пр. [1]).

Впрочемъ и самъ царь въ обращеніи съ сыномъ былъ крайне суровъ. Гюйсенъ разсказываетъ какъ очевидецъ, что Петръ, въ 1704 году, послѣ взятія Нарвы, говорилъ Алексѣю: «ты долженъ убѣдиться, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру»; наставляя сына, какъ онъ долженъ поступать, дѣйствовать, учиться, Петръ прибавилъ: «если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, я не признаю тебя своимъ сыномъ; я буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя и въ сей, и въ будущей жизни» [2]).

Какъ видно, уже въ то время, вмѣсто мягкихъ, ласковыхъ отношеній, между отцомъ и сыномъ господствовали, съ одной стороны, строгость, съ другой—страхъ. Къ тому же, воспитаніе царевича оставалось отрывочнымъ, неполнымъ, случайнымъ. Наставникъ его, Гюйсенъ, по желанію Петра, уже въ началѣ 1705 года, отправился въ Берлинъ и Вѣну въ качествѣ дипломата; въ то самое время, когда Алексѣй, какъ 15-лѣтній юноша, нуждался въ полезномъ наставникѣ, въ систематическомъ ученіи, онъ, живя въ Москвѣ, былъ предоставленъ самому себѣ и вліянію людей, случайно окружавшихъ его. Царевичъ упрекалъ Меншикова въ томъ, что онъ нарочно развилъ въ немъ склонность къ пьянству и къ праздности, не заботясь о его воспитаніи; упрекъ этотъ былъ повторяемъ неоднократно и разными современниками [3]).

Еслибы самъ царь могъ заботиться о воспитаніи царевича, если бы послѣдній выросъ въ политической и военной школѣ отца, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, онъ, быть можетъ, развился бы иначе и соотвѣтствовалъ бы болѣе требованіямъ гроз-

---

[1]) Плейеръ узналъ о такомъ эпизодѣ въ лагерѣ въ 1703, именно, что Меншиковъ «den zarischen Prinzen bei den Haaren zur Erde gerissen habe». Устряловъ, IV, 2, 613.

[2]) Устряловъ, VI, 16.

[3]) «Здоровье мое съ намѣреніемъ разстроили пьянствомъ», говорилъ царевичъ въ Вѣнѣ, въ 1717 году; см. Устрялова, VI, 66. Бюшингъ «Magazin» III, 196. Плейеръ у Устрялова, VI, 306.

наго родителя. Но Петръ бо́льшею частью былъ въ отсутствіи, озабоченный Сѣверною войною; до сраженія при Полтавѣ, опасное положеніе, въ которомъ находилось государство, требовало крайняго напряженія умственныхъ и нравственныхъ способностей царя и лишало его возможности исполнять долгъ отца и воспитателя. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Петръ и Алексѣй встрѣчались лишь въ исключительныхъ случаяхъ; между ними не существовало какихъ либо болѣе близкихъ сношеній; въ то время, когда Петръ былъ занятъ самыми смѣлыми предпріятіями въ области восточнаго и балтійскаго вопросовъ, трудился надъ самыми сложными задачами преобразованія Россіи и обезпеченія ея будущности, царевичъ оставался дома, въ кругу людей, нелюбившихъ Петра, недовольныхъ его образомъ дѣйствій, направленіемъ его политики, людей, соединявшихъ нѣкоторую ограниченность умственнаго кругозора и рѣшительную предвзятость мнѣній въ области духовной съ грубымъ нравомъ и склонностью къ бражничанью.

Въ Москвѣ Алексѣй жилъ среди родныхъ, которые, какъ, напр., сестры царя, или родственники царицы Евдокіи, участвовали въ кое-какихъ направленныхъ противъ царя козняхъ и сдѣлались жертвами гнѣва Петра. Въ Москвѣ почти всѣ были страшно утомлены неусыпною, кипучею дѣятельностью государственнаго организма; каждый день можно было ожидать чего либо новаго, необычайнаго; роптали на постоянные денежные поборы, на рекрутчину, на непрерывную опасность во время войны съ Швеціею. Отдыха не предвидѣлось; на него можно было надѣятся лишь въ будущее царствованіе, и вотъ всѣ люди, жаждавшіе отдыха, обращаются къ наслѣднику. Надежда есть: царевичъ не склоненъ къ дѣламъ отцовскимъ, не охотникъ разъѣзжать безъ устали отъ одного конца Россіи въ другой, не любитъ моря, не любитъ войны; при немъ все будетъ мирно и спокойно [1]).

Царевичъ не былъ лишенъ дарованій. Онъ умѣлъ цѣнить значеніе образованія и много занимался чтеніемъ книгъ, но бо́льшею частью книгъ богословскаго содержанія, походя въ этомъ отношеніи на дѣда, царя Алексѣя, или на дядю, царя Ѳеодора. Такимъ образомъ, умственное направленіе царевича нисколько не соотвѣтствовало цѣлямъ Петра. Умная бесѣда съ духовными лицами, углубленіе въ вопросы догматики и схоластики доставляли царевичу болѣе удовольствія, нежели поѣздки по морю или участіе въ тру-

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 129.

дахъ административныхъ и законодательныхъ. Черченіе, математика, прикладныя науки нравились Алексѣю гораздо менѣе, чѣмъ тонкости богословскихъ диспутовъ или подробности церковной исторіи. Отвлеченныя науки, риторика, метафизика и пр., однако, не могли считаться особенно полезнымъ пособіемъ при развитіи и воспитаніи наслѣдника русскаго престола. Для того, чтобы сдѣлаться способнымъ продолжать начатое Петромъ, для поддержанія значенія Россіи въ системѣ европейскихъ державъ, для обезпеченія участія Россіи въ результатахъ западно-европейской культуры, для рѣшенія сложныхъ вопросовъ законодательства и администраціи, царевичъ нуждался въ совершенно иномъ приготовленіи, въ совсѣмъ иныхъ средствахъ эрудиціи. Между тѣмъ какъ Петръ, живя заграницею, работалъ на верфяхъ, занимался въ кабинетахъ и лабораторіяхъ натуралистовъ, Алексѣй, напр., въ 1712 году, находясь въ Германіи, обратился къ ученому богослову Гейнекціусу съ просьбою написать для него катехизисъ по ученію православной церкви; въ то самое время, когда Петръ доставалъ и читалъ сочиненія по артиллеріи, баллистикѣ и пиротехникѣ, сынъ его углублялся въ книги о небесной маннѣ, въ житія святыхъ, въ правила Бенедиктинскаго ордена, или въ знаменитый трудъ Ѳомы Кемпійскаго; Петръ осматривалъ арсеналы и доки, фабрики и мастерскія, между тѣмъ какъ Алексѣй дѣлалъ выписки изъ церковно-историческаго труда Баронія «Annales ecclesiastici»; Петръ старался составить себѣ точное понятіе о государственномъ и общественномъ строѣ Англіи, Франціи и Голландіи и пр.; Алексѣй же былъ занятъ вопросомъ средневѣковой исторіи, изучая воззрѣнія прежнихъ вѣковъ на понятіе о грѣхѣ, или убѣжденія прежнихъ поколѣній въ отношеніи къ соблюденію поста и пр. Предпріимчивость, физическая сила и энергія Петра были противоположны нѣкоторой мягкости, вялости, тѣлесной слабости царевича. Сынъ, такъ сказать, принадлежалъ къ прежнему, отжившему свой вѣкъ поколѣнію, тогда какъ отецъ былъ какъ-то моложе, свѣжѣе его и находился въ самой тѣсной связи съ современными идеями просвѣщенія и прогресса. Міръ, въ которомъ жилъ Алексѣй, сдѣлался анахронизмомъ, вслѣдствіе чего царевичъ оказался неспособнымъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, въ чемъ нуждалась Россія; его взоры были обращены не впередъ, а назадъ, и поэтому онъ не годился въ кормчіе государственнаго судна; живя преданіями византійской старины, онъ скорѣе могъ сдѣлаться монахомъ или священникомъ, нежели полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Столкно-

веніе между напитаннымъ духомъ реакціи сыномъ и быстро стремившимся впередъ отцомъ становилось неизбѣжнымъ [1]).

Самъ Алексѣй, наканунѣ своей кончины, сообщилъ нѣкоторыя подробности о вредномъ вліяніи на него лицъ, его окружавшихъ. Правда, эта записка царевича составлена послѣ страшныхъ истязаній, быть можетъ, въ значительной степени при внушеніи допрашивавшаго царевича Петра Андреевича Толстого. Въ сущности, однако, важнѣйшія показанія въ этой запискѣ вполнѣ согласуются съ тѣми данными о воспитаніи Алексѣя, о которыхъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ. Тутъ между прочимъ сказано: «моего къ отцу моему непослушанія и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно—причина та, что со младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ничему не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я и отъ натуры склоненъ... а потомъ, Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и черпцами, и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, въ томъ мнѣ не только не претили, но и сами тожь со мною охотно дѣлали... а когда уже было мнѣ приказано въ Москвѣ государственное правленіе въ отсутствіе отца моего, тогда я, получа свою волю, и въ бóльшія забавы съ попами и чернцами и съ другими людьми впалъ и пр.» [2]).

Не разъ нами было указываемо выше на антагонизмъ между царемъ и духовною жизнью народа. Мы видѣли, какъ часто ненависть къ царю, неодобрѣніе его преобразованій принимали видъ религіознаго протеста; возстанія происходили во имя благочестія; царя считали антихристомъ; бунтовщики говорили объ обязанности «стоять за домъ Богородицы». Нельзя отрицать существованія нѣкоторой связи между царевичемъ Алексѣемъ и сторонниками такихъ началъ средневѣковаго византійскаго застоя. Не даромъ онъ интересовался личностью и судьбою Талицкаго, доказывавшаго, что съ царствованія Петра, началось время антихриста. При такихъ обстоятельствахъ, близкое знакомство царевича съ попами и монахами могло считатся дѣломъ опаснымъ и для него самого, и для всего государства. Въ то самое время, когда

---

[1]) О книгахъ царевича см. соч. Погодина и акты, собранные Есиповымъ въ «Чтеніяхъ М. О. И и Др.» 1861, III, между прочимъ въ расходной книгѣ царевича 1714 г. 88—115. Выписки изъ Баронія у Устрялова, VI, 324—326, и у Погодина 144—163, а также 170—173. О книгахъ царевича см. также соч. Пекарскаго, «Наука и лит. при П. В.» I, 46—47.

[2]) Устряловъ, VI, 528.

Алексѣй, по лѣтамъ своимъ, могъ бы приступить къ участію въ дѣлахъ и сдѣлаться помощникомъ отца, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего духовника, Якова Игнатьева, принадлежавшаго къ реакціонной партіи и бывшаго средоточіемъ того кружка поповъ и чернецовъ, въ которомъ вращался особенно охотно злосчастный наслѣдникъ престола.

Соловьевъ сравниваетъ дружбу царевича съ Яковомъ Игнатьевымъ съ отношеніями, когда-то существовавшими между Никономъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Какъ Никонъ для царя Алексѣя былъ собинный пріятель, такъ и внукъ царя, въ письмахъ къ протопопу Якову Игнатьеву, увѣряетъ его въ безусловномъ довѣріи и уваженіи. Въ одномъ изъ этихъ писемъ изъ за границы сказано: «аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то ужь мнѣ весьма въ Россійское государство не желательно возвращеніе» и пр.

Алексѣй и Яковъ Игнатьевъ были одинаковаго мнѣнія о Петрѣ: однажды Алексѣй покаялся своему духовнику, что желаетъ отцу своему смерти; духовникъ отвѣчалъ: «Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много».

Яковъ Игнатьевъ служилъ посредникомъ въ тайныхъ сношеніяхъ царевича съ его матерью, царицею Евдокіею, находившеюся въ Суздальскомъ монастырѣ. Мы знаемъ навѣрное лишь объ одномъ посѣщеніи Алексѣемъ бывшей царицы въ Суздалѣ, въ 1706 году; намъ извѣстно также, что царь, узнавъ объ этомъ, изъявлялъ сыну гнѣвъ за тайное посѣщеніе матери. Не разъ происходили обмѣны письмами и подарками. Такъ, напр., царевичъ, чрезъ тетку, царевну Марью Алексѣевну, доставлялъ матери деньги. Однако, онъ въ этомъ отношеніи до такой степени боялся гнѣва отца, что, однажды, самъ умолялъ своихъ друзей прекратить всякую связь съ бывшею царицею Евдокіею.

Вообще, дѣйствія Алексѣя, въ особенности же его сношенія съ близкими пріятелями, отличались нѣкоторою таинственностью. Въ письмахъ царевича къ Якову Игнатьеву и на оборотъ встрѣчаются условные термины, затемняющіе смыслъ для лицъ, непосвященныхъ въ тайны той «компаніи», къ которой принадлежали царевичъ и его духовникъ. Но не было ни заговора, ни тайнаго бунта, ни какой либо политической программы. «Компанія» состояла изъ лицъ, недовольныхъ царемъ, царицею, Меншиковымъ и пр., но ограничивавшихся лишь тайною бесѣдою, заявленіями своего раздраженія въ тѣснѣйшемъ кругу пріятелей, тихою жалобою на личное притѣсненіе, на частныя нужды.

Слѣдующій эпизодъ лучше всего характеризуетъ эту таинственность дружескихъ отношеній царевича къ духовнику. Находясь за границею, Алексѣй писалъ къ Якову Игнатьеву: «священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ... пріищи священника, кому можно тайну сію повѣрить, не стараго и чтобъ незнаемый былъ всѣми. И изволь ему объявить, чтобъ онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложа священническіе признаки, т. е., обрилъ бороду и усы, такожде и гуменца заростить, или всю голову обрить и надѣть волосы накладные и, нѣмецкое платье надѣвъ, отправь его ко мнѣ курьеромъ... а священникомъ бы отнюдь не назывался... а у меня онъ будетъ за служителя, и кромѣ меня и Никифора (Вяземскаго) сія тайны вѣдать никто не будетъ. А на Москвѣ, какъ возможно, сіе тайно держи; и не бралъ бы ничего съ собою надлежащаго іерею, ни требника, только бы нѣсколько частицъ причастныхъ, а книги я всѣ имѣю. Пожалуй, яви милосердіе къ душѣ моей, не даждь умереть безъ покаянія! мнѣ онъ не для чево иного, только для смертнаго случая, такожде и здоровому для исповѣди тайной» и пр.

Здѣсь суевѣрная привязанность къ внѣшней обрядности церковной тѣсно связана съ нѣкоторою склонностью къ обману. Подробности въ письмѣ къ Игнатьеву походятъ на пріемы заговорщиковъ. Самое же дѣло не представляетъ собою ни малѣйшей тѣни какого либо опаснаго политическаго предпріятія. Форма дѣйствія могла считаться преступною; самое же дѣйствіе было совершенно невиннымъ и находилось въ тѣсной связи съ наивною, простодушною религіозностью царевича. Попирая ногами обыкновенныя правила нравственности, рѣшаясь на довольно сложный и требовавшій обстоятельныхъ приготовленій обманъ, Алексѣй имѣлъ въ виду высокую цѣль, — спасеніе души; удовлетворяя своимъ потребностямъ внѣшняго благочестія, онъ легко могъ столкнуться съ гражданскими правилами. Въ этой готовности набожнаго царевича дѣйствовать обманомъ проглядываетъ нѣкоторый іезуитизмъ. Религіозный фанатизмъ не только не мѣшалъ ему, но даже заставлялъ его прибѣгать къ притворству, къ хитрости, къ окольнымъ путямъ. Ложь такого рода въ отношеніи къ свѣтской власти въ тѣхъ кружкахъ, къ которымъ принадлежалъ царевичъ, не считалась грѣхомъ. Рабское пронырство, хитрая мелочность у этихъ людей замѣняли достоинство и благородство открытаго образа дѣйствій.

Друзья царевича имѣли разныя прозвища, какъ то: отецъ Корова, Адъ, Жибанда, Засыпка, Бритый и пр. Въ своихъ пись-

махъ они иногда употребляли шифры. О политикѣ тутъ, однако, почти вовсе не было рѣчи; за то говорилось о дѣлахъ духовныхъ, о попойкахъ и пр. Къ этому кружку принадлежали между прочимъ: мужъ мамки царевича, его дядька, Никифоръ Вяземскій, Нарышкины; изъ духовныхъ лицъ нельзя не упомянуть объ архіепископѣ Крутицкомъ. Зато Стефанъ Яворскій, завѣдовавшій патріаршими дѣлами, оставался чуждымъ «компаніи» царевича.

Нельзя удивляться тому, что въ этомъ кружкѣ не одобряли проекта женить царевича на Вольфенбюттельской принцессѣ, и что здѣсь было высказано желаніе склонить невѣсту Алексѣя къ принятію православія. Царевичъ переписывался объ этомъ дѣлѣ съ Яковомъ Игнатьевымъ.

Дворецъ царевича Алексѣя Петровича въ Петербургѣ.
Съ рисунка, приложеннаго къ „Описанію Петербурга" Рубана.

Связь Алексѣя съ духовенствомъ не имѣла особеннаго политическаго значенія. Только однажды, во время пребыванія царевича за границею, въ 1712 году, митрополитъ рязанскій, администраторъ русской церкви, Стефанъ Яворскій, въ Успенскомъ храмѣ, въ проповѣди намекнулъ на положеніе царевича, причемъ говорилъ и объ общей тягости и о нѣкоторыхъ мѣрахъ Петра. Въ проповѣди между прочимъ было сказано: «не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется. Миръ есть сокровище неоцѣненное: но тіи только симъ сокровищемъ богатятся, которые любятъ Господень законъ» и пр. Довольно рѣзко Яворскій затѣмъ порицалъ учрежденіе фискаловъ; наконецъ же, въ молитвѣ къ св. Алексѣю сказано: «ты оставилъ еси домъ свой—онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты

удалился еси родителей—онъ такожде и пр.; покрый своего тезоименника, нашу едину надежду» и т. д. [1]). Сенаторамъ, присутствовавшимъ въ храмѣ, проповѣдь эта не понравилась, и они стали укорять за нее архіерея. Въ письмахъ къ царю, Яворскій дол-

Кронъ-принцесса Шарлотта.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

женъ былъ оправдывать свой неосторожный поступокъ. На царевича же этотъ эпизодъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ досталъ себѣ списокъ проповѣди и молитвы и списалъ его [2]).

[1]) Устряловъ, VI, 31.
[2]) Тамъ-же, VI, 506.

Впослѣдствіи, при допросѣ, Алексѣй показалъ, что Стефанъ Яворскій говаривалъ ему: «надобно-де тебѣ себя беречь; будетъ-де тебя—не будетъ, отцу-де другой жены не дадутъ; развѣ-де мать твою изъ монастыря брать; только-де тому не быть, и не льзя-де тому статься, а наслѣдство-де надобно» [1]).

Все это, какъ видно, были лишь частные разговоры. Друзья царевича постоянно возвращались къ любимой мысли о предстоявшей будто бы въ ближайшемъ будущемъ кончинѣ Петра. Бывали случаи пророчества и объясненія словъ, относившихся къ этому событію. Ожидали также примиренія царя съ Евдокіею. Такого рода мысли встрѣчаются не только въ бесѣдахъ Алексѣя съ пріятелями и съ царевною Марьею Алексѣевною, но также и въ бесѣдахъ Ростовскаго епископа Досиѳея съ Евдокіею, и въ бесѣдахъ Евдокіи съ ея любовникомъ, Глѣбовымъ.

Во все это время Петръ мало заботился о сынѣ. Лишь въ видѣ исключенія онъ старался привлечь его къ участію въ дѣлахъ, давая ему разныя порученія.

Такъ, напр., въ 1707 году, Алексѣй долженъ былъ въ Смоленскѣ заботиться о собраніи и прокормленіи войска. Довольно большое число краткихъ записокъ царевича къ отцу, въ это время, заключаютъ въ себѣ лишь самыя необходимыя замѣтки о дѣлахъ и постоянно повторяемый въ одномъ и томъ же оборотѣ вопросъ о здоровьѣ отца [2]). Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, насколько труды Алексѣя въ области военной администраціи удовлетворяли царя. Немного позже, царь поручилъ Алексѣю надзирать надъ фортификаціонными работами въ Москвѣ: царь опасался, что Карлъ XII сдѣлаетъ нападеніе на древнюю столицу. Однажды, царь былъ очень недоволенъ царевичемъ и писалъ: «оставя дѣло, ходишь за бездѣльемъ» [3]). Подробностей о причинахъ гнѣва Петра мы не имѣемъ.

Поручая сыну разныя работы, царь въ то же время требовалъ, чтобы Алексѣй продолжалъ учиться. Вяземскій, между прочимъ, писалъ однажды, что царевичъ занимается географіею, нѣмецкою грамматикою и ариѳметикою. Въ 1709 году, Алексѣю было поручено повести въ Украйну отрядъ новобранцевъ. Въ мѣстечкѣ Сумахъ онъ заболѣлъ опасно и послѣ болѣзни поправлялся очень медленно.

---

[1]) Устряловъ, VI, 512.

[2]) Письма эти изданы г. Мурзакевичемъ, въ 1849 году, въ Одессѣ.

[3]) Устряловъ, VI, 309.

Къ 1707 году относится начало переговоровъ о бракѣ царевича съ принцессою Шарлоттою Вольфенбюттельскою. Какъ кажется, царевичъ узналъ объ этихъ переговорахъ лишь въ то время, когда, въ 1709 году, ему приходилось отправиться за границу. Въ разныхъ письмахъ Петра, царевича, Меншикова, относившихся къ этому путешествію, ни слова не говорилось о проектѣ женитьбы. Поводомъ къ поѣздкѣ въ Германію служили учебныя занятія Алексѣя. Не раньше какъ въ 1710 году, онъ писалъ къ Якову Игнатьеву о своей невѣстѣ, съ которою впервые видѣлся въ мѣстечкѣ Шлакенвертѣ, близъ Карлсбада: «на той княжнѣ давно уже меня сватали, однако жь, мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто.... я писалъ батюшкѣ, что я его воли согласую, чтобъ меня женилъ на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ и лучше мнѣ здѣсь не сыскать».» Быть можетъ, различіе вѣры безпокоило царевича. По крайней мѣрѣ, онъ прибавилъ: «прошу васъ, пожалуй, помолись: буде есть воля Божія,—чтобъ сіе совершилъ, а будетъ нѣтъ,—чтобъ разрушилъ» [1]).

Дѣдъ невѣсты, герцогъ Антонъ Ульрихъ, писалъ въ то время: «русскіе не хотятъ этого брака, опасаясь, что много потеряютъ съ утратою кровнаго союза съ своимъ государемъ, и люди, пользующіеся довѣріемъ царевича, стараются религіозными внушеніями отклонить его отъ заключенія брака, которымъ, по мнѣнію ихъ, чужеземцы думаютъ господствовать въ Россіи. Царевичъ вѣритъ имъ» и пр. [2]).

Отзывы невѣсты царевича о немъ въ это время были благопріятны. Сообщая, что онъ учится танцовать и французскому языку, бываетъ на охотѣ и въ театрѣ, она хвалитъ его прилежаніе. Однако, онъ былъ застѣнчивъ и холоденъ. «Онъ кажется равнодушнымъ ко всѣмъ женщинамъ», писала Шарлотта. Впрочемъ, узнали кое-что о любви царевича къ какой-то княжнѣ Трубецкой, которую Петръ выдалъ замужъ за одного вельможу.

Бракъ Алексѣя былъ совершенъ 14-го октября 1711 года, въ Торгау. Все, казалось, уладилось, какъ нельзя лучше. Говорили до свадьбы, что Алексѣй страстно любитъ свою невѣсту. Даже отношенія царевича къ отцу въ это время казались удовлетворительными. Алексѣй переписывался до свадьбы съ отцомъ о частностяхъ брачнаго договора. Царь пріѣхалъ въ Торгау, чтобы при-

---

[1]) «Чтенія М. О. И. и Др.» 1861, III, 51.
[2]) Устряловъ, VI, 24.

сутствовать при свадебной церемоніи, и ласково обращался съ кронпринцессою. Однако, на четвертый день послѣ свадьбы, Алексѣй, по желанію отца, долженъ былъ отправиться въ Померанію для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Шарлотта, нѣкоторое время жившая въ Торнѣ, переписывалась съ мужемъ и, между прочимъ, не безъ удовольствія узнала о горячемъ спорѣ, происходившемъ въ лагерѣ близь Штетина изъ за кронпринцессы между Меншиковымъ и царевичемъ. Когда Меншиковъ позволилъ себѣ выразиться не совсѣмъ лестно о Шарлоттѣ, Алексѣй рѣзко порицалъ дерзость свѣтлѣйшаго князя. Узнавъ, что царевичъ долженъ участвовать въ нападеніи на островъ Рюгенъ, Шарлотта сильно безпокоилась, и вообще обнаруживала дружбу и любовь къ мужу [1]).

Мало по малу, однако, отношенія между супругами становились хуже, и они окончательно охладѣли другъ къ другу. Царевичъ обращался съ женою неласково и даже грубо. Она, въ свою очередь, была раздражительна. Алексѣй, своими попойками въ кругу недостойныхъ пріятелей, подавалъ поводъ къ неудовольствію кронпринцессы. Однажды, возвращаясь съ подобной пирушки въ нетрезвомъ видѣ, Алексѣй въ сердцахъ говоритъ своему камердинеру: «жену мнѣ на шею чертовку навязали; какъ де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ-де со мною говорить» [2]).

Алексѣй началъ хворать, какъ говорили, чахоткою и отправился для леченія въ Карлсбадъ. Только въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ мужа, Шарлотта узнала о его намѣреніи отправиться за границу. Во время пребыванія Алексѣя въ чужихъ краяхъ, она, кажется, не получила ни одного письма отъ него и даже не знала точно о его мѣстопребываніи. Во время отсутствія мужа, она родила дочь, Наталью (12-го іюля 1714 г.). Въ декабрѣ 1714 года, Алексѣй возвратился въ Петербургъ. Въ первое время послѣ пріѣзда изъ-за границы онъ былъ ласковъ въ обращеніи съ женою, но скоро у него появилась любовница, Евфросинья, крѣпостная дѣвка учителя царевича, Никифора Вяземскаго; къ тому же, онъ началъ сильно пьянствовать. Весною 1715 года, онъ заболѣлъ опасно, однако поправился.

12-го октября 1715 года, Шарлотта родила сына, Петра, а 22-го октября скончалась. Она не была въ состояніи содѣйствовать развитію царевича и не имѣла никакого вліянія на него. Какъ и прежде, онъ былъ предоставленъ самому себѣ и вліянію недостойныхъ пріятелей.

---

[1]) Герье, «Die Kronprinzessin Charlotte, 86—91.

[2]) Устряловъ, VI, 35.

На слѣдующій день послѣ погребенія кронпринцессы, Екатерина также родила сына, Петра. Разладъ между царемъ и наслѣдникомъ престола становился неизбѣжнымъ.

Не только между духовными лицами было много недовольныхъ, но и нѣкоторые вельможи рѣзко порицали образъ дѣйствій Петра и этимъ самымъ содѣйствовали развитію антагонизма, и безъ того существовавшаго между царемъ и его сыномъ. Такъ, напримѣръ, однажды, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій сказалъ Алексѣю: «ты умнѣе отца; отецъ твой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше». Князь Голицынъ доставалъ для царевича у кіевскихъ монаховъ разныя книги и при этомъ случаѣ говорилъ о монахахъ царевичу: «они-де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ». Даже фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, однажды, совѣтовалъ царевичу держать при дворѣ отца человѣка, который бы узнавалъ обо всемъ, что тамъ говорится относительно Алексѣя. Князь Борисъ Куракинъ, однажды, спросилъ царевича въ Помераніи: «добра къ тебѣ мачиха? «Добра», отвѣчалъ Алексѣй. Куракинъ замѣтилъ на это: «покамѣсть у ней сына нѣтъ, то къ тебѣ добра, а какъ у ней сынъ будетъ, не такова будетъ». Семенъ Нарышкинъ, однажды, говорилъ царевичу: «горько намъ! царь говоритъ: что̀ вы дома дѣлаете? Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть. Онъ нашихъ нуждъ не знаетъ». Царевичъ вполнѣ сочувствовалъ этимъ людямъ, стремившимся отъ общественной дѣятельности, отъ службы—домой, къ домашнимъ занятіямъ. «У него вездѣ все готово», возразилъ Алексѣй Нарышкину: «то-то онъ нашихъ нуждъ не знаетъ». Наслѣдникъ русскаго, петровскаго престола, замѣчаетъ Соловьевъ, становился совершенно на точку зрѣнія частнаго человѣка, приравнивалъ себя къ нему, говорилъ о «нашихъ нуждахъ». Сынъ царя и героя-преобразователя имѣлъ скромную природу частнаго человѣка, заботящагося прежде всего о мелочахъ домашняго хозяйства [1]).

Между тѣмъ, какъ Петръ постоянно былъ занятъ мыслію о нуждахъ государства, всецѣло посвящая себя службѣ и неусыпно исполняя свой долгъ предъ народомъ, сынъ его оставался чуждымъ такой любви къ отечеству и пониманію обязанностей государя. Замѣчая эту разницу между собою и наслѣдникомъ престола, царь невольно долженъ былъ предвидѣть опасность, грозившую государству отъ Алексѣя. Поэтому, вопросъ о нравствен-

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 151—154.

номъ правѣ Алексѣя на престолонаслѣдіе становился жгучимъ, животрепещущимъ.

Нѣкоторыя попытки Петра пріучить Алексѣя къ труду оказались тщетными. Когда, однажды, въ 1713 году, царевичъ опасался, что отецъ заставитъ его чертить при себѣ, Алексѣй, не выучившись, какъ слѣдовало, черченію, прострѣлилъ себѣ правую руку, чтобы избавиться отъ опаснаго экзамена [1]). Бывали случаи, что царевичъ принималъ лекарства съ цѣлью захворать и этимъ освободиться отъ исполненія данныхъ ему порученій. Справедливо онъ, однажды, сказалъ о себѣ Кикину: «правда, природнымъ умомъ я не дуракъ, только труда никакого понести не могу» [2]). Теща царевича, принцесса Вольфенбюттельская, въ 1717 году, въ Вѣнѣ, говорила Толстому: «я натуру царевичеву знаю; отецъ напрасно трудится и принуждаетъ его къ воинскимъ дѣламъ: онъ лучше желаетъ имѣть въ рукахъ четки, нежели пистоли» [3]). Противоположность нравовъ скоро породила ненависть между отцемъ и сыномъ. Алексѣй самъ говорилъ, что «не только дѣла воинскія и прочія отца его дѣла, но и самая его особа зѣло ему омерзѣла, и для того всегда желалъ быть въ отлученіи». Когда его звали обѣдать къ отцу или къ Меншикову, когда звали на любимый отцовскій праздникъ,—на спускъ корабля, то онъ говорилъ: «лучше-бъ я на каторгѣ былъ или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ тамъ быть» [4]).

Однако, при всемъ томъ, царевичъ не исключительно думалъ о тишинѣ и покоѣ и о частной жизни. Его не покидала мысль о будущемъ царствованіи. Въ тѣсномъ кругу пріятелей или въ въ бесѣдѣ съ любовницею, Евфросиньею, онъ говорилъ, между прочимъ: «близкіе къ отцу люди будутъ сидѣть на копьяхъ, Петербургъ не будетъ долго за нами». Когда его остерегали, что опасно такъ говорить, слова передадутся и тѣ люди будутъ въ сомнѣніи, перестанутъ къ нему ѣздить, царевичъ отвѣчалъ: «я плюю на всѣхъ; здорова бы была мнѣ чернь». Евфросинья показала впослѣдствіи, что «царевичъ говаривалъ: когда онъ будетъ государемъ, и тогда будетъ жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставитъ простой городъ; также и корабли оставитъ и держать ихъ не будетъ; а и войска-де станетъ держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хотѣлъ, а хотѣлъ доволь-

---

[1]) Устряловъ, VI, 529.
[2]) Тамъ же, VI, 175.
[3]) Тамъ-же, VI, 106.
[4]) Соловьевъ, XVII, 149.

ствоваться старымъ владѣніемъ, и намѣренъ былъ жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ» и пр. [1]).

Ко всему этому присоединилось убѣжденіе царевича, что Петра скоро не станетъ. Ему сказали, что у царя эпилепсія и что «у кого оная болѣзнь въ лѣтахъ случится, тѣ недолго живутъ»; поэтому, онъ «думалъ, что и велико года на два продолжится животъ его» [2]).

Это убѣжденіе о предстоявшей въ ближайшемъ будущемъ кончинѣ Петра давало царевичу поводъ отказываться отъ какихъ-либо дѣйствій. Составленіе политической программы, или какого-либо заговора вообще, не соотвѣтствовало пассивной натурѣ Алексѣя. Страдая неловкостью своего положенія, онъ ждалъ лучшаго времени. О систематической оппозиціи, объ открытомъ протестѣ противъ воли отца не могло быть и рѣчи;—для этого у него недоставало ни мужества, ни ума.

Петръ находился совсѣмъ въ другомъ положеніи. Не имѣя привычки ждать, находиться подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, предоставить неизвѣстной будущности рѣшеніе столь важныхъ вопросовъ, каковъ былъ вопросъ о судьбѣ Россіи послѣ его кончины, онъ долженъ былъ дѣйствовать рѣшительно, быстро. Уже въ 1704 году, какъ мы видѣли выше, онъ говорилъ сыну: «если ты не захочешь дѣлать то, чего желаю, я не признаю тебя своимъ сыномъ». Съ тѣхъ поръ сдѣлалось яснымъ, что Алексѣй не хотѣлъ дѣлать того, чего желалъ отъ него отецъ, и потому приходилось исполнить угрозу и не признать сына наслѣдникомъ престола.

Въ день погребенія кронпринцессы, Петръ отдалъ сыну письмо, въ которомъ указывалось на неспособность Алексѣя управлять государствомъ, на его неохоту къ ученію, на отвращеніе къ воинскимъ дѣламъ и пр. Далѣе, царь говорилъ о важныхъ успѣхахъ своего царствованія, о превращеніи Россіи при немъ въ великую державу и о необходимости дальнѣйшаго сохраненія величія и славы Россіи. Затѣмъ, сказано: «сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ)! Еще же и сіе вспомяну, какова злаго нрава и упря-

---

[1]) Устряловъ, VI, 240.
[2]) Чтенія, 1861 г., III, 190.

маго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ, къ тому же столько лѣтъ почитай не говорю съ тобою; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на-сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только-бъ дома жить и веселиться» и пр. Въ заключеніе сказано: «я за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, то я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу изволшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю,

Развалины замка Эренберга.

Съ рисунка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова.

то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

Какъ видно, съ давнихъ уже поръ между отцемъ и сыномъ раскрылась бездна. Царь прежде бранивалъ и бивалъ Алексѣя; затѣмъ, не говорилъ съ нимъ ни слова впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. При тогдашнихъ пріемахъ педагогики, царь могъ позаботиться о напечатаніи этого письма, не подозрѣвая, что указаніемъ на суровое и холодное обращеніе съ сыномъ онъ винилъ во всемъ дѣлѣ и себя самого.

Царь писалъ: «не мни, что одинъ ты у меня сынъ... лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный». На другой день, послѣ отдачи этого письма, царица Екатерина родила сына, Петра Петровича.

Куракинъ, какъ выше было сказано, говорилъ Алексѣю, что мачиха къ нему добра, пока у нея нѣтъ собственнаго сына. Теперь же у нея былъ сынъ. Въ кружкахъ дипломатовъ разсказывали, что Екатерина была крайне недовольна рожденіемъ сына у Алексѣя, и что именно раздраженіе, проявленное мачихой по этому поводу, сдѣлалось одною изъ причинъ преждевременной кончины кронпринцессы [1]). Въ этомъ же смыслѣ выразился позже и самъ Алексѣй, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ [2]).

На письмѣ царя къ Алексѣю показано число 11-го октября, когда еще у Алексѣя не было сына. Оно было отдано 27-го октя-

Видъ Ст.-Эльмо.

Съ рисунка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова.

бря, наканунѣ рожденія Петра Петровича. Въ новѣйшее время это обстоятельство вызвало слѣдующее объясненіе: Петръ подписалъ свое письмо заднимъ числомъ, до рожденія внука; иначе бы можно было думать, что царь осердился на сына въ сущности за то, что у этого сына родился наслѣдникъ, именно въ то время, когда и Екатерина могла родить сына и пр. [3]). Мы не беремся проникнуть въ тайну мыслей царя. Быть можетъ, Соловьевъ правъ, объясняя позднюю отдачу письма болѣзнію Петра [4]).

---

[1]) Донесеніе Плейера у Устрялова, VI, 343.

[2]) Устряловъ, VI, 67.

[3]) Погодинъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г., I, 51—56, и Костомаровъ въ «Древней и новой Россіи» 1875 г., I, 49.

[4]) Соловьевъ, XVII, приложеніе X.

Прочитавъ письмо отца, Алексѣй совѣтовался съ друзьями. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій говорилъ ему: «давай писемъ хоть тысячу; еще когда-то будетъ! старая пословица: улита ѣдетъ, коли-то будетъ» и пр. Черезъ три дня послѣ полученія отцовскаго письма, царевичъ написалъ отвѣтъ, въ которомъ, указывая на свою умственную и тѣлесную слабость, отказывался торжественно и формально отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе. «Правленіе толикаго народа требуетъ не такого гнилого человѣка, какъ я», говорилъ царевичъ въ этомъ письмѣ, и къ тому же замѣтилъ: «хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай Боже здоровье».

Письмо сына почему-то не понравилось царю. Онъ о немъ говорилъ съ княземъ Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, который, послѣ этой бесѣды, придя къ Алексѣю, говорилъ ему: «я тебя у отца съ плахи снялъ».

Нѣсколько дней спустя, Петръ заболѣлъ опасно, однако, поправился. 16-го января, онъ написалъ сыну «послѣднее напоминаніе еще». Тутъ прямо выражено сомнѣніе въ искренности клятвы сына, отказавшагося отъ престолонаслѣдія. «Такожъ», сказано далѣе, «хотя-бъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются». Упрекая придирчиво сына въ томъ, что онъ въ своемъ отвѣтѣ будто не упомянулъ о своей негодности и о своей неохотѣ къ дѣлу, хотя тотъ и назвалъ себя «гнилымъ человѣкомъ», Петръ въ раздраженіи, съ каждою минутою все болѣе и болѣе усиливавшемся, писалъ: «ты ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно: но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ, или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю».

Какъ видно, Петръ, разъ рѣшившись устранить Алексѣя отъ престолонаслѣдія, долженъ былъ идти все дальше и дальше. Отреченіе отъ права на престолонаслѣдіе не могло казаться достаточнымъ обезпеченіемъ будущности Россіи; Алексѣй, въ глазахъ весьма многихъ, могъ все-таки оставаться законнымъ претендентомъ; зато

заключеніе въ монастырь могло служить средствомъ для достиженія желанной цѣли, иначе «духъ Петра не могъ быть спокоенъ». Намекъ въ концѣ письма: «я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю», служитъ комментаріемъ къ вышеупомянутому замѣчанію князя Долгорукаго: «я тебя у отца съ плахи снялъ». Если оказывались не достаточно цѣлесообразными формальное отреченіе отъ права престолонаслѣдія, или даже заключеніе царевича въ монастырь, то оставалось для того, чтобы «духъ царя могъ быть спокоенъ», только одно—казнить царевича.

Опять друзья Алексѣя совѣтовали ему уступать пока, покориться временно волѣ отца, надѣясь на перемѣну обстоятельствъ въ будущемъ. Кикинъ говорилъ Алексѣю: «вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ, можно его и снять». Вяземскій совѣтовалъ царевичу: «когда иной дороги нѣтъ, то идти въ монастырь; да пошли по отца духовнаго и скажи ему, что ты принужденъ идти въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ».

На другой же день, Алексѣй написалъ отцу: «желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія».

Петръ очутился въ чрезвычайно неловкомъ положеніи. Онъ видѣлъ, что на искренность и этого заявленія царевича нельзя было надѣяться. Такимъ путемъ невозможно было достигнуть желанной цѣли. Духъ царя не могъ быть спокоенъ. Къ тому же, пока не было ни малѣйшаго повода «поступить съ царевичемъ, какъ съ злодѣемъ». Приходилось ждать. Вопросъ о будущности Россіи оставался открытымъ.

Въ это время обстоятельства внѣшней политики требовали поѣздки царя за границу. До отъѣзда, Петръ побывалъ у царевича и спросилъ о его рѣшеніи. Царевичъ отвѣчалъ, что не можетъ быть наслѣдникомъ по слабости и желаетъ идти въ монастырь. «Одумайся, не спѣши», говорилъ ему отецъ. «Лучше бы взяться за прямую дорогу, чѣмъ идти въ чернецы. Подожду еще полгода». Объ этой бесѣдѣ не сохранилось подробныхъ данныхъ. Только изъ разговора царевича съ Яковомъ Игнатьевымъ можно заключить, что при этомъ случаѣ, какъ кажется, былъ затронутъ вопросъ о возможности второго брака царевича [1]).

Въ это время Алексѣй уже былъ занятъ мыслію о бѣгствѣ за границу. Виновникомъ такого проекта былъ Александръ Кикинъ, находившійся на службѣ у царевны Маріи Алексѣевны, бывшій прежде въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ царю и далеко

---

[1]) Чтенія, 1861 г., III, 362.

*

превосходившій царевича умомъ и способностями. Кикинъ уже въ 1714 году, по случаю поѣздки царевича въ Карлсбадъ, совѣтовалъ ему оставаться подольше за границею, для избѣжанія столкновеній съ отцомъ. Послѣ возвращенія Алексѣя въ Россію, въ концѣ 1714 года, Кикинъ говорилъ ему: «напрасно ты ни съ кѣмъ не видался отъ французскаго двора и туда не уѣхалъ: король человѣкъ великодушный; онъ и королей подъ своей протекціей держитъ, а тебя ему не великое дѣло продержать» [1]).

Скоро послѣ отъѣзда за границу царя, отправилась въ Карлсбадъ сестра его, царевна Марья Алексѣевна. Кикинъ, находившійся при ней, на прощаніи говорилъ Алексѣю: «я тебѣ мѣсто какое нибудь сыщу».

Немного позже, 12-го іюля 1716 года, скончалась въ Петербургѣ другая сестра царя, Наталья Алексѣевна. При этомъ случаѣ голландскій резидентъ, де-Би, доносилъ своему правительству: «особы знатныя и достойныя вѣры говорили мнѣ, что покойная великая княжна Наталья, умирая, сказала царевичу: пока я была жива, я удерживала брата отъ враждебныхъ намѣреній противъ тебя; но теперь умираю, и время тебѣ самому о себѣ промыслить; лучше всего, при первомъ случаѣ, отдайся подъ покровительство императора» [2]).

Есть извѣстіе, что царевичъ обращался къ шведскому министру Гёрцу съ просьбою о шведской помощи, и что Гёрцъ уговорилъ Карла XII войдти въ сношеніе съ Алексѣемъ, при посредствѣ Понятовскаго, пригласить его въ Швецію и обѣщать помощь, и, когда Алексѣй послѣ того бѣжалъ въ Австрію и Италію и затѣмъ отдался Толстому и Румянцеву, то Гёрцъ жаловался, что изъ неумѣстнаго мягкосердечія упущенъ отличный случай получить выгодныя условія мира [3]). Мы не имѣемъ возможности провѣрить эти данныя другими источниками. Впрочемъ, нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого факта можно считать слѣдующій намекъ въ письмѣ Петра къ Екатеринѣ изъ Ревеля, отъ 1-го августа 1718 г., гдѣ, очевидно, идетъ рѣчь о царевичѣ: «я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось» [4]).

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 161.

[2]) Тамъ-же, XVII, 172.

[3]) См. донесеніе французскаго посланника въ Стокгольмѣ и письмо Гёрца къ королю въ сочиненіи Фрикселя о Карлѣ XII. Нѣмецкій переводъ Іенсенъ-Туша, V, 202.

[4]) Письма русскихъ государей, Москва, 1861 г., I, 78. И издатель этихъ писемъ, и Соловьевъ, XVII, 228, относятъ это выраженіе къ сношеніямъ Алексѣя съ Швеціею.

Во все это время, царевича не покидала надежда на скорую кончину царя. Разныя лица говорили ему о пророчествахъ и сновидѣніяхъ, не оставлявшихъ будто никакого сомнѣнія въ предстоявшей перемѣнѣ. Поэтому, для Алексѣя важнѣйшимъ дѣломъ было избѣгать открытой борьбы съ отцомъ, выиграть время. Вскорѣ, однако, его испугало новое письмо отца, который, 26-го августа 1716 года, писалъ изъ Копенгагена, что теперь нужно рѣшиться: или постричься, или безостановочно отправиться къ отцу. Алексѣй объявилъ, что ѣдетъ къ отцу, но рѣшился бѣжать къ императору Карлу VI, своему родственнику (императрица была родною сестрою супруги Алексѣя, Шарлотты).

Алексѣй намѣревался на время укрыться за границею во владѣніяхъ императора. По смерти отца, онъ предполагалъ возвратиться въ Россію, гдѣ разсчитывалъ на расположеніе къ нему нѣкоторыхъ сенаторовъ, архіереевъ и военачальниковъ; впослѣдствіи, онъ объявилъ, что предполагалъ довольствоваться лишь регентствомъ во время малолѣтства брата, Петра Петровича, въ сущности не претендуя на корону [1]).

Этотъ проектъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой долѣ политическаго честолюбія въ Алексѣѣ. Онъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ по крайней мѣрѣ въ качествѣ регента участвовать въ управленіи государствомъ. Въ то же самое время, однако, этотъ проектъ отнюдь не можетъ быть названъ политическимъ заговоромъ, представляя собою не столько какое-либо дѣйствіе, сколько, напротивъ, противоположность дѣйствія; главная черта въ этомъ планѣ—нѣкоторая пассивность, выжиданіе лучшихъ обстоятельствъ. Приверженцы, на расположеніе которыхъ въ неопредѣленномъ будущемъ разсчитывалъ царевичъ, никоимъ образомъ не могли считаться какою-либо политическою партіею; весьма немногія лица знали о намѣреніи Алексѣя бѣжать за границу; но они никакъ не заслуживали названія преступниковъ, участвовавшихъ въ какомъ-либо заговорѣ. Все было построено на предположеніи, что царь скоро умретъ своею смертью, на довольно шаткихъ надеждахъ и желаніяхъ. Для составленія точно опредѣленной политической программы, царевичу не доставало ни силы воли, ни умственныхъ способностей, ни опытности въ дѣлахъ. Наивность политическихъ разсчетовъ царевича обнаруживается именно въ обращеніи главнаго вниманія на ненависть вельможъ къ Меншикову и на расположеніе нѣкоторыхъ элементовъ въ народѣ къ царевичу.

---

[1]) Устряловъ, VI, 509 и слѣд.

Нельзя не замѣтить далѣе въ образѣ дѣйствій царевича нѣкоторой доли іезуитизма. Онъ поступилъ бы честно, объявивъ отцу, что не намѣренъ отказаться отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе. Однако, Алексѣй долженъ былъ знать отца, знать, что явное противорѣчіе неминуемо вовлекло бы его въ страшную бѣду, что открытый протестъ повелъ бы немедленно къ кровавой развязкѣ, къ неизбѣжной гибели. Алексѣй не могъ и думать о геройскомъ подвигѣ, такъ сказать, самовольной трагической кончины. Съ другой стороны, онъ и не думалъ о формальномъ заговорѣ, объ открытомъ мятежѣ, объ отчаянной борьбѣ съ отцомъ. Такимъ образомъ, ему оставалось сдѣлаться государственнымъ преступникомъ лишь настолько, насколько имъ можетъ считаться дезертиръ.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что, если бы надежда царевича на скорую кончину царя исполнилась, его прочія предположенія едва ли обманули бы его. Меншиковъ былъ ненавидимъ многими; Екатерина между вельможами имѣла лишь весьма немногихъ приверженцевъ; первое мѣсто возлѣ юнаго императора Петра Петровича легко могло бы принадлежать Алексѣю.

Однако, въ разсчетахъ царевича оказалась крупная ошибка. Царь оставался въ живыхъ. Борьба между отцомъ и сыномъ должна была кончиться катастрофою для послѣдняго.

26-го сентября, Алексѣй выѣхалъ изъ Петербурга. Прощаясь съ сенаторами, онъ сказалъ на ухо князю Якову Долгорукому: «пожалуй, меня не оставь!» «всегда радъ», отвѣчалъ Долгорукій, «только больше не говори: другіе смотрятъ на насъ».

На пути, близъ Либавы, онъ встрѣтился съ возвращавшеюся изъ Карлсбада теткою, Маріею Алексѣевною. «Ужь я себя чуть знаю отъ горести», говорилъ онъ ей, «я бы радъ куды скрыться». При этихъ словахъ онъ заплакалъ. «Куды тебѣ отъ отца уйти?— вездѣ тебя найдутъ», сказала тетка. Затѣмъ, она внушала племяннику, чтобы онъ не забывалъ своей матери; говорила и о новой столицѣ: «Петербургъ не устоитъ за нами: быть ему пусту» и пр.

Въ Либавѣ царевичъ видѣлъ Кикина, который говорилъ, что нашелъ для царевича мѣсто: «поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю: тамъ не выдадутъ; если отецъ къ тебѣ пришлетъ кого-нибудь уговаривать тебя, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично. Отецъ тебя не пострижетъ нынѣ, а хочетъ тебя при себѣ держать неотступно и съ собою возить всюду, чтобъ ты отъ волокиты умеръ, понеже ты труда не понесешь, и нынѣ тебя зовутъ для того, и тебѣ, кромѣ побѣгу, спастись ничѣмъ инымъ нельзя».

Такимъ образомъ, царевичъ, показывая видъ, что ѣдетъ къ отцу, скрылся и тайно отправился въ Вѣну. Такъ какъ лишь два, три лица знали о его побѣгѣ, то друзья и родственники царевича въ Петербургѣ и въ Россіи вообще начали сильно безпокоиться. Дядя его, Иванъ Лопухинъ, обратился къ Плейеру съ вопросомъ, не извѣстно ли ему что либо о мѣстопребываніи Алексѣя. И Петръ, въ свою очередь, въ разныхъ направленіяхъ разсылалъ лазутчиковъ, чтобы развѣдать, гдѣ находится царевичъ.

Алексѣй же, вмѣстѣ съ Евфросиньею, переодѣтою пажемъ, пребывалъ, подъ именемъ Коханскаго, въ Вѣнѣ, гдѣ русскій резидентъ Веселовскій долго не зналъ о томъ, потому что императорскій дворъ старался скрывать мѣстопребываніе царевича.

Въ Вѣнѣ Алексѣй обратился сначала къ вицеканцлеру Шёнборну; съ императоромъ онъ, однако, не видѣлся. Карлъ VI распорядился отправить царевича сначала въ Вейербургъ, близъ Вѣны, затѣмъ, въ Эренбергскій замокъ, въ Тиролѣ, наконецъ, въ Ст.-Эльмо, близъ Неаполя. Несмотря на всѣ старанія императорскаго правительства скрыть отъ царя мѣстопребываніе Алексѣя, эмиссары Петра, Толстой и Румянцевъ, узнали точно обо всемъ и убѣдили императора въ необходимости дозволить имъ доступъ къ царевичу въ Ст.-Эльмо, для веденія съ нимъ переговоровъ о возвращеніи въ Россію. При этомъ случаѣ, особенно Толстой, обнаруживая необычайную опытность и ловкость, уговаривалъ Алексѣя къ возвращенію въ Россію, чѣмъ оказалъ царю существенную услугу.

При этомъ случаѣ обнаруживается слабость нрава Алексѣя, въ противоположность твердости воли и послѣдовательности дѣйствій Петра. Заступничество, оказанное Алексѣю императоромъ, главою христіанства, не имѣло никакого значенія предъ неумолимо строгимъ требованіемъ, чтобы царевичъ покорился волѣ отца. Тотъ самый Алексѣй, который въ Вѣнѣ и Эренбергѣ слезно и на колѣняхъ просилъ императорскихъ сановниковъ защитить его отъ грознаго родителя, теперь рѣшился возвратиться къ Петру. Во время пребыванія въ Ст.-Эльмо, онъ написалъ посланія къ сенаторамъ и духовенству въ Россіи, въ которыхъ просилъ разсчитывать на него въ будущемъ, и въ то же время выразилъ надежду на расположеніе къ нему архіереевъ и вельможъ [1]); все это теперь было забыто. Тотъ самый Алексѣй, который при каждомъ извѣстіи о какихъ либо безпорядкахъ въ Россіи, о мятежномъ духѣ

---

[1]) Императорское правительство не сочло удобнымъ отправить по адресу эти посланія; онѣ и теперь находятся въ вѣнскомъ архивѣ, см. Устрялова, VI, 91—92.

русскаго войска въ Мекленбургѣ, о болѣзни брата, Петра Петровича, радовался и разсчитывалъ на разныя перемѣны — теперь упалъ духомъ чрезвычайно быстро, при одномъ заявленіи Толстого, что Петръ непремѣнно съумѣетъ захватить царевича гдѣ бы то ни было, что онъ и безъ того намѣревается побывать въ Италіи и будетъ также въ Неаполѣ. Царевичъ, высказывавшій въ бесѣдахъ съ императорскими сановниками, что никогда не должно полагаться на обѣщанія царя, теперь повѣрилъ словамъ Толстого и письму Петра, въ которыхъ было сказано, что царевичъ останется безъ наказанія. Не даромъ тѣ лица въ Австріи, которыя имѣли дѣло съ царевичемъ, были о немъ невысокаго мнѣнія. Шёнборнъ, говоря о «непостоянствѣ» Алексѣя, замѣтилъ: «царевичъ не имѣетъ довольно ума, чтобы надѣяться отъ него какой либо пользы» [1]).

Для императорскаго двора готовность царевича возвратиться въ Россію могла считаться выгодою. Въ Вѣнѣ опасались гнѣва Петра. Императоръ обратился къ англійскому правительству съ вопросомъ, можно ли, въ случаѣ надобности, надѣяться на содѣйствіе Англіи для защиты Алексѣя. Въ конференціи австрійскихъ министровъ было высказано опасеніе, что «царь, не получивъ отъ императорскаго двора удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ герцогство, и тамъ останется до выдачи ему сына; а по своему характеру, онъ можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ» [2]).

Въ письмѣ Петра къ сыну изъ Спа, отъ 10-го іюля 1717 г., было сказано, между прочимъ: «буде побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ; но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаю тебя вѣчно, а яко государь твой—за измѣнника объявляю и не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ» [3]).

Царевичъ, въ свою очередь, въ это время ласкалъ себя надеждою, что ему будетъ дозволено жить гдѣ либо въ уединеніи, частнымъ человѣкомъ, женившись на страстно любимой имъ Евфро-

---

[1]) Устряловъ, VI, 127.
[2]) Тамъ-же, XI, 104.
[3]) Тамъ-же, VI, 389.

синьѣ. Весьма благоразумно Толстой представлялъ царю: «ежели нѣтъ въ томъ какой либо противности, чтобъ изволилъ на то позволить, для того, что онъ (царевичъ) тѣмъ весьма покажетъ себя во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки» [1]).

авдотья

Царица Евдокія Ѳеодоровна въ монашескомъ платьѣ.

Съ портрета, находящагося въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Быть можетъ, сама Евфросинья имѣла важную долю въ рѣшеніи царевича покориться волѣ отца. Она впослѣдствіи показала: «царевичъ хотѣлъ изъ цесарской протекціи уѣхать къ папѣ римскому, но я его удержала» [2]).

[1]) Устряловъ, VI, 409.
[2]) Тамъ же, VI, 501.

Такимъ образомъ, злосчастный Алексѣй, въ сопровожденіи Румянцева и Толстого, изъ Неаполя отправился въ путь въ Россію. Евфросинья, по случаю беременности, должна была путешествовать медленнѣе. Его любовь къ ней высказывалась въ самыхъ нѣжныхъ письмахъ; еще изъ Твери, въ послѣднемъ письмѣ къ Евфросиньѣ, царевичъ писалъ: «слава Богу, все хорошо, и чаю, меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою, будетъ Богъ изволитъ, въ деревнѣ и ни до чего намъ дѣла не будетъ» [1]).

Не имѣть ни до чего дѣла, быть уволеннымъ отъ всего—вотъ въ чемъ заключались, главнымъ образомъ, надежды царевича. Посланія къ архіереямъ и сенаторамъ, писанныя въ Ст.-Эльмо, были послѣднимъ проявленіемъ слабыхъ слѣдовъ политической энергіи царевича. Онъ былъ готовъ совершенно отказаться отъ роли претендента, довольствуясь скромною жизнью въ кругу семьи, дома, безъ всякихъ заботъ о государственныхъ дѣлахъ. Трудно понять, какимъ образомъ онъ, зная нравъ Петра, могъ надѣяться на такую будущность, не чуя грозившей ему бѣды, не взвѣшивая страшной опасности своего положенія.

Бѣгство царевича надѣлало довольно много шуму. Однако, сравнительно поздно въ Россіи начали разсуждать объ этомъ важномъ предметѣ. Не раньше, какъ въ іюнѣ 1717 года, ганноверскій резидентъ Веберъ доносилъ изъ С.-Петербурга своему двору: «съ тѣхъ поръ, какъ были получены болѣе подробныя извѣстія о царевичѣ, его пребываніи въ Инсбрукѣ (sic) и о томъ, что онъ навлекъ на себя гнѣвъ его царскаго величества, вельможи здѣшняго двора начинаютъ разсуждать свободнѣе объ этомъ секретѣ, не считая царевича способнымъ наслѣдовать престолъ. Есть и такіе люди, которые въ народѣ и особливо между солдатчиною распускаютъ слухъ о томъ, будто царевичъ родился плодомъ прелюбодѣянія. И русское духовенство, которое пока высоко цѣнило царевича, нынѣ отчасти склоняется противъ него; опасаются, что царевичъ, отправившійся въ Германію искать помощи у императора и у другихъ католическихъ державъ, возьметъ на себя обязательство ввести со временемъ въ Россіи католическую вѣру... По случаю празднества дня рожденія царя вовсе не пить за здоровье царевича, а только за здоровье Петра Петровича. Приверженцы Швеціи рады всему этому, ожидая скораго разстройства

[1]) Устряловъ, VI, 136.

въ Россіи и вслѣдствіе того возвращенія всѣхъ утраченныхъ Швеціей земель» и пр. [1]). Подтверждая такіе слухи, французскій дипломатическій агентъ, де-Лави, замѣчаетъ въ своемъ донесеніи, отъ 10-го іюня 1717 года: «полагаю, что всѣ эти обвиненія придуманы партіей царя и молодого Петра Петровича, во главѣ коей находится князь Меншиковъ» [2]).

На западѣ, какъ кажется, въ это время не знали, какой опасности подвергался царевичъ, возвращаясь въ Россію. Въ газетахъ печатались разныя извѣстія о его путешествіи, о почестяхъ, оказанныхъ ему въ Римѣ, о слухѣ предстоящаго будто бы брака царевича съ его двоюродною сестрою, герцогинею Курляндскою [3]) и пр. О политическомъ значеніи всего этого Плейеръ писалъ императору слѣдующее: «между тѣмъ, какъ при дворѣ радуются возвращенію царевича, его приверженцы крайне сожалѣютъ о немъ, полагая, что онъ будетъ заключенъ въ монастырь. Духовенство, помѣщики, народъ—всѣ преданы царевичу и были очень рады, узнавъ, что онъ нашелъ убѣжище во владѣніяхъ императора». Еще ранѣе Плейеръ писалъ, что многіе съ видимымъ участіемъ справлялись у него о здоровьѣ и мѣстопребываніи Алексѣя, что разносятся разные слухи о возмущеніи русскаго войска въ Мекленбургѣ, о покушеніи на жизнь царя, о намѣреніи недовольныхъ освободить изъ монастыря царицу Евдокію и возвести на престолъ Алексѣя [4]). Теперь же Плейеръ доносилъ по случаю возвращенія царевича въ Россію: «увидѣвъ его, простые люди кланялись ему въ землю и говорили: благослови, Господи, будущаго государя нашего!» [5]).

Нѣтъ сомнѣнія, что со стороны Алексѣя государству грозила страшная опасность. За нѣсколько лѣтъ до катастрофы царевича, Джонъ Перри писалъ: «въ случаѣ преждевременной кончины царя, все созданное имъ съ большимъ трудомъ рушилось бы непремѣнно. Нравъ царевича совершенно противоположенъ нраву царя; онъ склоненъ къ суевѣрію и ханжеству, и не трудно будетъ уговорить его къ возстановленію всего прежняго и къ уничт-

---

[1]) См. донесенія Вебера въ изд. Германа «Peter d. Gr. u. d. Zarewitsch Alexei». Leipzig, 1881 г., стр. 95—96.

[2]) Сб. Ист. О., XXXIX, 225.

[3]) См. выписки изъ голландскихъ газетъ у Погодина-Есипова въ «Чтеніяхъ», 1861 г., III, 208.

[4]) Устряловъ, VI, 371, Петръ, узнавъ чрезъ Алексѣя объ этихъ донесеніяхъ Плейера, требовалъ удаленія послѣдняго, и онъ долженъ былъ выѣхать изъ Россіи; см. статью Гассельбладта въ журналѣ «Russische Revue», VIII.

[5]) Устряловъ, VI, 142.

*

тоженію всего того. что было начато отцомъ» и т. д. [1]). Де-Лави писалъ, весною 1717 года: «Крюйсъ сообщилъ мнѣ, что, если Богъ отзоветъ царя изъ здѣшняго міра, то можно опасаться, что его преемникъ, вмѣстѣ съ дворянствомъ, покинетъ этотъ городъ, чтобы возвратиться въ Москву, и что Петербургъ опустѣетъ, и что, если не будутъ слѣдовать предначертаніямъ нынѣ царствующаго государя, то дѣла примутъ совершенно иной оборотъ и придутъ въ прежнее состояніе» [2]). Въ апрѣлѣ 1717 года, де-Лави писалъ: «духовенство, дворянство и купечество много роптали по поводу отсутствія царевича; меня даже увѣряли, что знатнѣйшія лица снабдили его деньгами и обѣщали служить его интересамъ» [3]) и пр. Упоминая о намѣреніи царя назначить своего второго сына преемникомъ, де-Лави замѣчаетъ: «едва ли кто захочетъ участвовать въ выполненіи послѣдней воли царя и поддержать великаго князя Петра Петровича противъ наслѣдника-цесаревича, который, имѣя значительную партію въ предѣлахъ имперіи, будетъ, конечно, поддержанъ своимъ зятемъ, императоромъ, о чемъ можно заключить по настоящему его образу дѣйствій» [4]).

Иностранные дипломаты, де-Лави, Плейеръ, Веберъ, де-Би и др., въ это время постоянно говорятъ о страшныхъ опасностяхъ, окружавшихъ царя на каждомъ шагу, о существующемъ намѣреніи убить его, о политическихъ заговорахъ и т. д. Поэтому, де-Лави находитъ, между прочимъ, чрезвычайную строгость царя совершенно цѣлесообразною и необходимою. Онъ пишетъ въ началѣ 1718 года: «царь долженъ быть весьма доволенъ успѣхомъ своего министра, г. Толстого, ибо, если бы онъ не привезъ бѣглеца—этому государю предстояла бы большая опасность. Отсутствіе наслѣдника возбуждало надежды недовольныхъ и дало имъ смѣлость составить заговоръ противъ своего монарха (это 29-й заговоръ, открытый со времени его вступленія на престолъ). Къ счастію, о немъ узнали во время» и пр. [5]).

Также и ганноверскій резидентъ, Веберъ, постоянно говоритъ о «заговорѣ» и о покушеніяхъ на жизнь Петра. Онъ пишетъ, между прочимъ: «пріѣздъ царевича изъ Италіи въ Россію подалъ многимъ мысль, что вспыхнетъ мятежъ». Изъ замѣчаній Вебера видно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за этими

---

[1]) Перри; нѣм. изд. 418—419.
[2]) Сб. Ист. О., XXXIV, 118.
[3]) Тамъ-же, XXXIV, 182.
[4]) Тамъ-же, XXXIV, 290.
[5]) Тамъ-же, XXXIV, 314.

событіями. Датскому резиденту, Вестфалю, было вмѣнено въ обязанность отъ его правительства обращать особенное вниманіе на все относящееся къ царевичу и при случаѣ заступиться за него. Впрочемъ, и Веберъ, равно какъ и де-Лави, сочувствуетъ скорѣе Петру, нежели Алексѣю, сожалѣя о томъ, что всѣ старанія царя такъ мало находятъ поддержки въ народѣ и что у царя почти вовсе нѣтъ сотрудниковъ, на которыхъ онъ могъ бы вполнѣ положиться. Веберъ ожидалъ страшнаго кризиса. Онъ пишетъ: «въ этомъ государствѣ когда нибудь все кончится ужасною катастрофою: вздохи многихъ милліоновъ душъ противъ царя подымаются къ небесамъ; тлѣющая искра повсемѣстнаго озлобленія нуждается лишь въ томъ, чтобы раздулъ ее вѣтеръ и чтобы нашелся предводитель» [1]).

Въ сущности, заговора не было вовсе, настоящей политической партіи не существовало. Но число недовольныхъ было громадно, и многіе сочувствовали царевичу. Никакого открытаго мятежа не произошло. Всѣ какъ бы въ оцѣпенѣніи ожидали исхода этого печальнаго дѣла.

Далеко не всѣ были рады пріѣзду царевича. Въ особенности друзья его были крайне озабочены, ожидая страшнаго розыска. Иванъ Нарышкинъ говорилъ: «Іуда, Петръ Толстой, обманулъ царевича, выманилъ» и пр. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій говорилъ князю Богдану Гагарину: «слышалъ ты, что дуракъ-царевичъ сюда ѣдетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на Афросиньѣ? Жолвъ ему, а не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно». Кикинъ говорилъ: «царевичъ ѣдетъ: отъ отца ему быть въ бѣдѣ; а другіе напрасно будутъ страдать» и пр. [2]).

Въ 1698 году, послѣ своего путешествія за границу, Петръ возвратился грознымъ судьею надъ стрѣльцами. Страшный розыскъ, пытки и казни тогда представляли собою противоположность съ занятіями Петра на западѣ. Теперь, въ 1718 году, повторилось то же самое явленіе. Послѣ долгаго пребыванія на западѣ, въ Германіи, въ Голландіи, въ Парижѣ, царь опять долженъ былъ трудиться въ качествѣ судьи, присутствовать при пыткахъ и казняхъ, для доставленія побѣды началу преобразованія. Россія, со временъ послѣднихъ кризисовъ такого рода, превратилась въ первоклассную державу, сдѣлалась членомъ системы евро-

[1]) Herrmann, 112, 119.
[2]) Соловьевъ, XVII, 200.

пейскихъ государствъ; многое было сдѣлано уже и для внутренней реформы. Петръ справился со многими противниками: тѣ элементы, которые царь называлъ «сѣменемъ Милославскаго», были побѣждены, придавлены; не было болѣе стрѣльцовъ; Софья скончалась въ монастырѣ; астраханскій и булавинскій бунты не имѣли успѣха; казаки, раскольники должны были покориться волѣ преобразователя. Оставалось покончить съ царевичемъ Алексѣемъ.

Какъ по случаю стрѣлецкаго розыска въ 1698 году, такъ и въ дѣлѣ царевича Алексѣя, царь употреблялъ всѣ возможныя средства для открытія настоящихъ виновниковъ броженія, вожаковъ готовившагося враждебнаго дѣйствія. Это стараніе царя придало всему слѣдствію весьма широкіе размѣры. Алексѣй, какъ личность, не могъ быть столько опаснымъ. Спрашивалось, кто дѣйствовалъ на него? кто дѣлалъ ему внушенія? были ли у него приверженцы? существовало ли что либо похожее на политическую партію?

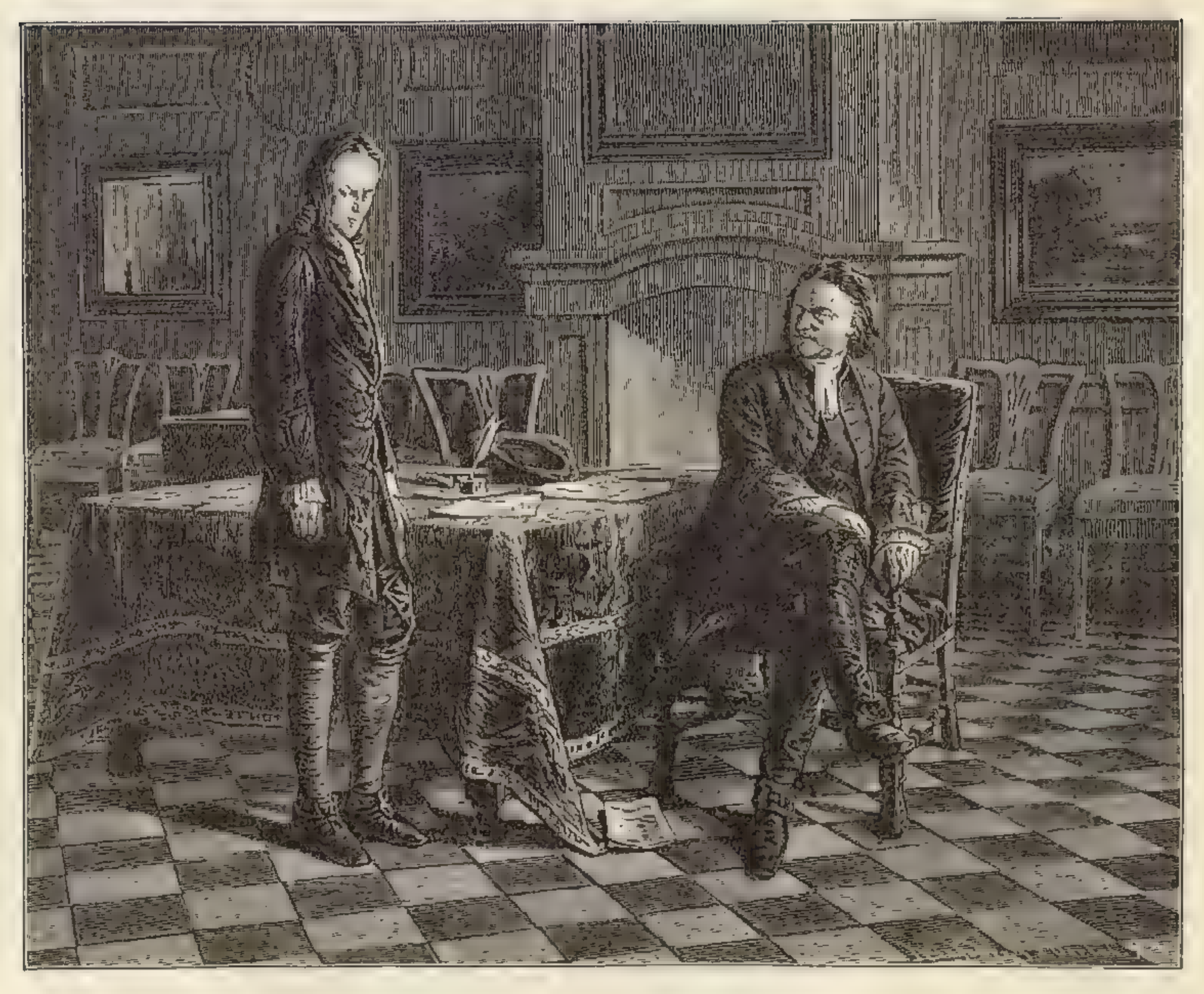
Прежде всего нужно было лишить царевича права престолонаслѣдія.

Въ кружкахъ иностранцевъ разсказывали, что Петръ еще до отправленія за границу, т. е. въ самомъ началѣ 1716 года, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу царевича Петра Петровича. Такъ пишутъ де-Лави и Веберъ. Однако, такого завѣщанія вовсе не существовало. Не раньше, какъ послѣ возвращенія царевича Алексѣя изъ-за границы, Петръ Петровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола.

Алексѣй прибылъ въ Москву 31-го января. 3-го февраля, въ Кремлѣ, собрались духовенство и свѣтскіе вельможи, явился царь и ввели царевича безъ шпаги. Отецъ обратился къ нему съ выговорами; Алексѣй бросился на колѣни, призналъ себя во всемъ виновнымъ и просилъ помилованія. Отецъ обѣщалъ ему милость при двухъ условіяхъ: если откажется отъ наслѣдства и откроетъ всѣхъ, кто присовѣтовалъ ему бѣгство.

Въ тотъ же самый день былъ обнародованъ царскій манифестъ, въ которомъ изложены вины Алексѣя и объявленъ наслѣдникомъ престола царевичъ Петръ Петровичъ.

На другой день, царевичу были предложены письменные пункты о сообщникахъ. Тутъ было сказано: «все, что къ сему дѣлу касается, хотя что здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; а ежели что укроешь и потомъ явно будетъ, на меня не пѣняй; понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ».



Петръ I и царевичъ Алексѣй.

Картина профессора Ге. Гравюра Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ.

Царевичъ показалъ о своихъ бесѣдахъ съ Кикинымъ, Вяземскимъ, царевною Марьею Алексѣевною, княземъ Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ и пр., кое-о-чемъ онъ и умолчалъ. Начались допросы всѣхъ этихъ лицъ. Царь при этомъ игралъ роль инквизитора, самъ составлялъ допросные пункты, входилъ во всѣ частности дѣла, обращалъ вниманіе на всѣ когда-то мимоходомъ или случайно сдѣланныя подсудимыми замѣчанія. Однако, всѣ старанія не повели къ открытію какого либо заговора, какой либо организованной политической партіи. Преступленія сообщниковъ Алексѣя заключались не столько въ какихъ либо дѣйствіяхъ, сколько въ неосторожныхъ словахъ, въ выраженіи ненависти къ царю, неудовольствія, ожесточенія;—обнаружилось то, что было извѣстно и прежде, т. е. сильная, но въ сущности пассивная оппозиція противъ Петра и его системы. Ужаснѣйшія пытки не имѣли другого результата, какъ сознаніе, что тотъ или другой надѣялся на скорую кончину царя, на воцареніе Алексѣя послѣ Петра, на неопредѣленную будущность.

Между подсудимыми находилась и мать царевича Алексѣя, бывшая царица Евдокія, инокиня «Елена». Оказалось, что люди, бывшіе въ сношеніяхъ съ нею, также говорили о царѣ въ тонѣ порицанія, хулы, что она въ Суздальскомъ монастырѣ не всегда носила монашеское платье, что епископъ Досиѳей на службѣ поминалъ ее царицею Евдокіею, что въ 1709 и 1710 годахъ она находилась въ любовной связи съ маіоромъ Глѣбовымъ. И въ этихъ кружкахъ вѣрили въ скорую кончину Петра, надѣялись на будущность; Досиѳей находилъ бракъ Петра съ Екатериной незаконнымъ и т. п.

Характеристическій эпизодъ случился при низверженіи Досиѳея съ епископской каѳедры въ присутствіи всѣхъ архіереевъ и превращеніи его въ «разстригу Демида». При всемъ духовенствѣ онъ сказалъ на соборѣ: «только я одинъ въ семъ дѣлѣ попался. Посмотрите, и у всѣхъ что̀ на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ; а на имя не скажу» [1]).

Царица Евдокія была заключена въ Старо-Ладожскій дѣвичій монастырь; царевна Марья Алексѣевна прожила нѣсколько лѣтъ въ заключеніи въ Шлюссельбургѣ. 15-го и 17-го марта 1718 года, совершились казни нѣкоторыхъ важнѣйшихъ преступниковъ. Глѣбовъ былъ посаженъ на колъ; Досиѳей и Кикинъ были колесованы и пр. Между несчастными жертвами былъ и никѣмъ неоговоренный подъячій артиллерійскаго приказа, Ларіонъ Доку-

[1]) Устряловъ, VI, 213.

кинъ. Его вина заключалась въ жалобахъ на нѣкоторыя мѣры Петра и въ формальномъ протестѣ противъ объявленія царевича Петра наслѣдникомъ престола. Вмѣсто того, чтобы присягнуть царевичу Петру, онъ написалъ на присяжномъ листѣ, что считаетъ отстраненіе царевича Алексѣя отъ престолонаслѣдія несправедливымъ, и заключилъ свой претестъ слѣдующими словами: «хотя за то и царскій гнѣвъ на мя пройзліется, буди въ томъ воля Господа Бога моего, Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ, рабъ Христовъ, Иларіонъ Докукинъ, страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь». Этотъ присяжный листъ онъ самъ передалъ царю, 2-го марта. Послѣ тройного розыска, онъ былъ колесованъ [1]).

Таковы были «сообщники» Алексѣя. Даже и Докукина, погибшаго мученически, заявившаго открыто о своемъ протестѣ, едва ли можно назвать заговорщикомъ. Его дѣйствіе въ сущности заключается въ отсутствіи дѣйствія; онъ играетъ роль страдальца, а не политическаго дѣятеля. Петръ наказывалъ не столько преступныя дѣйствія, сколько оппозиціонныя воззрѣнія, злостныя рѣчи, преступныя мечты.

Послѣ казней въ Москвѣ, Петръ спѣшилъ въ Петербургъ [2]). Туда же долженъ былъ отправиться и царевичъ Алексѣй, о которомъ въ кружкахъ дипломатовъ въ это время ходили разные слухи. Плейеръ доносилъ объ общей молвѣ, что царевичъ помѣшался въ умѣ и «пилъ безмѣрно» [3]). «Всѣ его поступки показываютъ», пишетъ де-Лави, «что у него мозгъ не въ порядкѣ» [4]).

Все еще продолжались слухи объ ужасной опасности, грозившей государству. Веберъ писалъ въ это время: «еслибы заговоръ состоялся, то всѣ здѣшніе иностранцы поставлены были бы въ отчаянное положеніе и безъ исключенія сдѣлались бы жертвами озлобленія черни». Въ другомъ донесеніи его сказано: «я не хочу быть судьею—правъ или не правъ царь, устраняя царевича отъ престолонаслѣдія и проклиная его. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что духовенство, дворянство и чернь обожаютъ царевича, и каждый понимаетъ, что завѣщаніе царя послѣ его кончины не будетъ исполнено» и пр. [5]).

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 212.

[2]) Подробности о пыткѣ и казни Глѣбова см. у Германа, «Gesch d. russ. Staats.» IV, 326. О казняхъ въ Москвѣ вообще см. донесеніе Плейера въ соч. Устрялова, VI, 224. Особенная брошюра: «Ausführliche Beschreibung der. sc. Execution», «Gedruckt in dem Monat August 1718» и пр.

[3]) Устряловъ, VI, 227.

[4]) Сб. И. О. XXXIV, 336.

[5]) Herrmann, «Peter d. gr. u. d. Zarewitsch Alexei», 123.

Между тѣмъ, какъ многіе сообщники Алексѣя, а также прибывшая въ Россію Евфросинья, содержались подъ арестомъ въ Петропавловской крѣпости, онъ самъ пока оставался свободнымъ, но не являлся при дворѣ. Только однажды онъ побывалъ у царицы Екатерины и просилъ ее склонить царя къ соглашенію на его бракъ съ Евфросиньею. Какъ видно, его и въ это время не покидала надежды, что все это для него самого кончится благополучно.

Царевичъ Петръ Петровичъ.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Петръ самъ между тѣмъ допрашивалъ Евфросинью, которая, впрочемъ, не была подвергнута пыткѣ, а также и несчастныхъ и совершенно невинныхъ слугъ царевича, бывшихъ съ нимъ за границею. Тутъ узнали о многихъ неосторожныхъ рѣчахъ Алексѣя, такъ что эти показанія любовницы и слугъ царевича служили важнымъ дополненіемъ къ тому, что было сообщено имъ самимъ. Такъ, напр., прежнее показаніе царевича, будто имперскій чиновникъ Кейль принуждалъ его писать въ С.-Эльмо письма къ сенаторамъ и архіереямъ, оказалось ложнымъ. Евфросинья показала, что царевичъ при этомъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ. Далѣе чрезъ любовницу царевича Петръ узналъ подробнѣе о томъ, какъ

Алексѣй радовался, при полученіи извѣстій о болѣзни царя и Петра Петровича, какъ онъ надѣялся на содѣйствіе разныхъ вельможъ и архіереевъ и пр. [1]).

Во всемъ этомъ не много было новаго. Все это въ сущности не могло измѣнить тѣхъ понятій о царевичѣ, которыя Петръ могъ составить себѣ по прежде сдѣлавшимся ему извѣстными даннымъ. Однако, Петръ обратилъ все таки большое вниманіе на показанія Евфросиньи, изъ которыхъ онъ узналъ и о намѣреніи Алексѣя послѣ воцаренія сидѣть спокойно дома, отказаться отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, уничтожить флотъ, распустить большую часть войска и пр. Болѣе чѣмъ когда либо до этого царю становилось яснымъ, что нужно устранить царевича во что бы то ни стало.

Стараясь узнавать все болѣе и болѣе подробно о мечтахъ и надеждахъ Алексѣя и его сообщниковъ, царь въ сущности не столько былъ судьею, сколько политическимъ дѣятелемъ, человѣкомъ партіи. Онъ нуждался не столько въ приговорѣ, произнесенномъ надъ уличеннымъ въ преступленіи подсудимымъ, сколько въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью уничтоженія опаснаго противника. Нельзя было сомнѣваться въ исходѣ такой борьбы; напрасно Алексѣй надѣялся на кончину Петра въ ближайшемъ будущемъ. Смерть грозила ему самому гораздо раньше.

При дальнѣйшихъ допросахъ царевича и лицъ, его окружавшихъ, оказалось, что онъ прежде старался умолчать о многомъ; теперь же онъ долженъ былъ сознаться въ справедливости показаній Евфросиньи. Онъ назвалъ тѣхъ лицъ, на сочувствіе и содѣйствіе которыхъ разсчитывалъ, въ случаѣ возвращенія въ Россію послѣ кончины отца. Наконецъ, онъ сознался царю: «ежели бы бунтовщики меня когда-бъ нибудь (хотя-бъ и при живомъ тебѣ) позвали, то-бъ я поѣхалъ» [2]).

Изъ всего этого видно, что преступленія Алексѣя заключались не столько въ какихъ либо дѣйствіяхъ, сколько въ намѣреніи дѣйствовать когда то, при извѣстныхъ условіяхъ, въ разныхъ предположеніяхъ и разсчетахъ. Поэтому Петръ въ сущности не могъ опредѣлить вину царевича нѣсколько точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ объявленіи народу, въ маѣ 1718 года. Тутъ сказано: «по всему тому можно видѣть, что онъ хотѣлъ получить наслѣдство по волѣ своей чрезъ чужестранную помощь, или чрезъ бунтовщиковъ силою, и при животѣ отца своего» [3]).

---

[1]) Устряловъ, VI, 237 см. также донесеніе Де-Би у Соловьева, XVII, 402.

[2]) Тамъ-же, VI, 237—257.

[3]) Тамъ-же, VI, 260.

Показанія царевича заставили Петра предать его суду духовенства и вельможъ. Обращаясь къ высшимъ сановникамъ съ требованіемъ произнести приговоръ надъ Алексѣемъ, царь замѣтилъ: «прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вѣршили, чему достойно, не флатируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянусь самимъ Богомъ» и пр.

Тѣмъ временемъ Алексѣя заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ былъ и застѣнокъ. Приближалась развязка.

Послѣ того, какъ духовенство объявило, что дѣло о царевичѣ принадлежитъ суду гражданскому, а не духовному, министры, сенаторы, военные и гражданскіе чины допрашивали царевича еще разъ, въ сенатѣ, 18-го іюля. Ничего новаго не обнаружилось. Въ то же время, происходилъ розыскъ надъ нѣкоторыми, содержавшимися также въ Петропавловской крѣпости клевретами царевича; то были: Яковъ Игнатьевъ, Абрамъ Лопухинъ, Иванъ Аѳанасьевъ, Дубровскій; ихъ казнили не раньше, какъ въ декабрѣ 1718 года.

19-го іюня, Алексѣй въ крѣпости былъ подвергнутъ пыткѣ: дано ему было 25 ударовъ кнутомъ; онъ показалъ, что, бесѣдуя съ Яковомъ Игнатьевымъ, говорилъ ему: «я желаю отцу своему смерти».

22-го іюня, явился къ царевичу Толстой еще съ нѣсколькими вопросами, на которые онъ отвѣчалъ краткою автобіографическою запискою, гдѣ были изложены причины его нравственной порчи и говорилось о вредномъ вліяніи нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ его въ дѣтствѣ и молодости. Въ концѣ записки было упомянуто о надеждѣ на помощь императора Карла VI: «ежелибъ до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны Россійской, то-бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а именно: ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ россійскихъ въ помощь себѣ противъ какого нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, то-бъ я все по волѣ учинилъ» и пр. [1]).

Трудно сказать, писано ли это показаніе Алексѣемъ по собственному убѣжденію, или по внушенію Толстого. Костомаровъ замѣчаетъ: «по тону этого показанія видно, что оно писано съ голоса, требовавшаго, чтобъ писали именно такъ, какъ было написано... Языкъ показанія совсѣмъ не обычный языкъ царевича, слишкомъ извѣстный по его письмамъ: и языкъ, и складъ рѣчи—Петра» [2]). Мы

[1]) Устряловъ, VI, 276.

[2]) «Др. и Нов. Россія», I, 148.

*

не думаемъ, чтобы можно было обвинить царя въ составленіи заранѣе для сына этой записки, или въ чрезмѣрномъ давленіи, произведенномъ при этомъ случаѣ на Алексѣя Толстымъ. Къ тому же, такое нравственное давленіе едва ли могло имѣть особенное значеніе въ то время, когда царевича и до этого допроса 22-го іюня и послѣ него подвергали страшнымъ истязаніямъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что даже при самомъ сильномъ обвиненіи, относящемся къ связи съ Карломъ VI, часто повторяемое слово «ежели-бы» лишаетъ всѣ эти показанія главнаго значенія.

24-го іюня, былъ второй розыскъ надъ царевичемъ: дано ему 15 ударовъ. Онъ показалъ, между прочимъ, что писалъ письмо къ кіевскому митрополиту, «чтобъ тѣмъ привесть къ возмущенію тамошній народъ».

Въ тотъ же день верховный судъ, назначенный для сужденія царевича и состоявшій изъ 127 человѣкъ, приговорилъ его къ смерти; главная вина его, по приговору, заключалась въ томъ, что онъ «намѣренъ былъ овладѣть престоломъ чрезъ бунтовщиковъ, чрезъ чужестранную цесарскую помощь и иноземныя войска, съ разорѣніемъ всего государства, при животѣ государя, отца своего» [1]).

Въ записной книгѣ С.-Петербургской гварнизонной канцеляріи сказано: «26-го іюля, по полуночи въ 8 часу, начали собираться въ гварнизонъ его величество, свѣтлѣйшій князь и пр. и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались. Того же числа, пополудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ, въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился».

Устряловъ не сомнѣвается въ томъ, что «застѣнокъ» утромъ и кончина царевича вечеромъ находились въ самой тѣсной связи между собою. Мы считаемъ возможнымъ, что утромъ 26-го іюля пытали не царевича, уже приговореннаго къ смертной казни, а другихъ лицъ, не отрицая справедливости предположенія Устрялова вообще, что Алексѣй умеръ вслѣдствіе пытки.

Разсказывали, что царевича пытали еще до перевода его въ крѣпость [2]). Нѣтъ ли малѣйшаго сомнѣнія, что его пытали 18-го и 24-го іюня, что ему было дано при этомъ случаѣ 40 ударовъ. Въ этомъ можетъ заключаться достаточная причина его смерти.

Петръ въ рескриптахъ къ заграничнымъ министрамъ своимъ велѣлъ описать кончину сына слѣдующимъ образомъ: «Богъ пре-

---

[1]) Устряловъ, VI, 270—279.

[2]) См. статью Есипова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861, № 21.

сѣкъ сына нашего, Алексѣя, животъ по приключившейся ему жестокой болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи».

Было множество разныхъ слуховъ о кончинѣ царевича [1]). Въ народѣ разсказывали, что Петръ собственноручно убилъ сына. Многія лица были казнены за неосторожныя рѣчи такого содержанія, другіе за то, что не считали царевича Петра Петровича, сына «шведки», законнымъ наслѣдникомъ престола [2]).

До настоящаго времени нѣтъ вполнѣ достовѣрнаго извѣстія о томъ, какимъ образомъ умеръ царевичъ. Допуская возможность, что его казнили, мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ умеръ вслѣдствіе истязаній.

При страшной опасности, грозившей въ то время всякому бесѣдовавшему о подробностяхъ кончины Алексѣя, нельзя удивляться тому, что тѣ лица, которыя могли знать и узнали достовѣрно объ этомъ фактѣ, молчали, и что ихъ молчаніе лишаетъ насъ пока возможности проникнуть въ тайну кончины царевича [3]).

Алексѣя не стало. «Духъ» Петра «могъ быть спокоенъ».

Однако, скоро не стало и другого наслѣдника престола. Царевичъ Петръ Петровичъ скончался въ 1719 году.

Зато впослѣдствіи происходили разные случаи появленія призрака Алексѣя. Являлись самозванцы.

Въ 1723 году, въ Вологодской провинціи явился самозванецъ, нищій Алексѣй Родіоновъ, польскаго происхожденія; онъ назвался Алексѣемъ, и оказался сумасшедшимъ [4]).

Въ 1725 году, въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Почепѣ, какой-то солдатъ выдавалъ себя за царевича Алексѣя. Его казнили [5]). Та же

---

[1]) См., напр., донесеніе Плейера у Устрялова, V, 541—45. Busching, «Magazin», IX, предисловіе; Долгорукова, «Mémoires» I, 10. Донесеніе де-Би у Устрялова, VI, 549—569; донесеніе Лефорта у Германа, IV, 330. Дѣльныя замѣчанія у Устрялова, VI, 291—292 и 619. Любопытныя, но странныя подробности въ сочиненіи «A select collection» of singular and enteresting histories», London 1774, переводъ съ французскаго, и пр.

[2]) Соловьевъ, XVII, 226, «Русскій Вѣстникъ», XXX, 115—126. Случай съ корольскомъ у Погодина въ «Чтеніяхъ» 1861 III, 135 и 143 и пр.

[3]) Стараніе голландскаго резидента, де-Би, и австрійскаго, Плейера, раскрыть эту тайну дорого обошлось этимъ дипломатамъ; де-Би былъ арестованъ, Плейеръ долженъ былъ оставить Россію. Странные слухи о широкихъ планахъ царевича въ рукописи, находящейся въ Готѣ, у Германа, IV, 328. Въ Англіи, напротивъ, говорили, что парламентъ никогда не осудилъ-бы Алексѣя. Voltaire, «Pierre le Grand», Paris, 1803, II, 115.

[4]) Соловьевъ, XVII, 228.

[5]) См. статью Лашкевича, въ Чтеніяхъ моск. общ. 1860, I, 141—146.

участь постигла другого такого же самозванца, явившагося въ этомъ же году и оказавшагося крестьяниномъ изъ Сибири [1]).

Въ 1732 году, въ казацкой станицѣ на Бузулукѣ, нѣкто Труженикъ, нищій, началъ разыгрывать роль претендента, царевича Алексѣя. Его и значительное число людей, повѣрившихъ ему, казнили [2]).

Въ 1738 году, въ одномъ селѣ близь Кіева очутился нѣкто Миницкій, изъ рабочихъ, назвавшійся Алексѣемъ. Народъ массами приставалъ къ нему; сельскій священникъ поддерживалъ его, признавъ его настоящимъ царевичемъ. Было арестовано большое число лицъ. Миницкій и священникъ были посажены на колъ; приверженцы Миницкаго казнены разными способами, четвертованіемъ, колесованіемъ и пр. [3]).

Такимъ образомъ, еще впродолженіе двухъ десятилѣтій послѣ катастрофы царевича Алексѣя, тѣнь его не переставала безпокоить государство. Побѣда, одержанная Петромъ надъ недостойнымъ наслѣдникомъ престола, была дорого куплена. Народъ, для пользы котораго царь устранилъ своего ненавистнаго противника, и впослѣдствіи ставилъ высоко память о представителѣ реакціи противъ преобразованій Петра.

Не трудно видѣть, какъ тѣсно были связаны между собою всѣ разсмотрѣнныя нами въ послѣднихъ главахъ явленія: общее негодованіе на царя по случаю нововведеній вообще, стрѣлецкій, астраханскій, булавинскій бунты, мрачный эпизодъ съ царевичемъ Алексѣемъ. Во всемъ этомъ проявлялась борьба стараго съ новымъ, реакціи противъ прогресса, застоя противъ началъ общечеловѣческаго развитія. Побѣда царя была полною, совершенною.

Такимъ же безусловнымъ побѣдителемъ онъ остался и въ области внѣшней политики.

[1]) Schmidt-Phiseldeck, «Material zu der russ. Gesch». 1777, I, 284.
[2]) См. ст. Есипова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 года, XLVII, 393—412.
[3]) Соловьевъ. XX, 416—418.

2007051382